

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Москва 2006

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ
Выпуск VIII

Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного

Москва 2006

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р
С 48

Рецензенты: Е.Ю.Николенко, доцент кафедры русского языка Российского химико-технологического университета им. Д.И.Менделеева
Л.В.Ершова, доцент кафедры РКИ филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Редакционная коллегия: Е.Л.Бархударова докт.филол.наук, профессор
О. К. Грекова канд. филол. наук, доцент
Л. В. Красильникова канд. филол. наук доцент
Е. В. Моргунова
Ф.И.Панков канд.филол.наук, доцент
Т. Г. Рошкетаева
О.М.Сергеева канд.филол.наук
О. В. Чагина канд.филол.наук, доцент

Ответственный редактор: О. В. Чагина, канд.филол.наук, доцент

Редколлегия благодарит Е.И. Черниогло за помощь в подготовке сборника в печать.

С 48 СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Вып. VIII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.

ISBN 5-211-05302-8

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р

ISBN 5-211-05302-8

© Авторы статей, 2006
© Филологический факультет МГУ
им. М. В. Ломоносова, 2006

Теория языка в аспекте преподавания РКИ

Ф.И. Панков

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ РУССКИХ НАРЕЧИЙ. СТАТЬЯ 2. «ЧЛЕНОПРЕДЛОЖЕНЧЕСКИЙ РАНГ» АДВЕРБИАЛЬНЫХ СЛОВОФОРМ

Данная публикация – вторая из цикла статей, посвящённых проблеме синтаксических позиций русских наречий. Первая статья была опубликована в VII выпуске сборника «Слово. Грамматика. Речь» в 2005 году¹. В ней помещено введение в тему, представлена синтаксически значимая функционально-коммуникативная система русских наречий, рассмотрены функциональные типы и позиции адвербиальных синтаксем. Продолжим тему.

Напомним, что понятие «позиция», введённое в русистику Т. П. Ломтевым [Ломтев 1958], используется сейчас как грамматический термин в трёх основных значениях², передающих различные аспекты функционирования словоформ как в устной, так и в письменной речи. Во-первых, это место синтаксемы в семантической (и, соответственно, в формальной) структуре предложения или вне её, а в структуре предложения – место словоформы относительно другой, с которой она связана смысловыми отношениями. Во-вторых, это синтаксическая функция словоформы в предложении, её «членопредложенческий ранг» в формальной структуре предложения. В-третьих, это место словоформы в коммуникативной структуре высказывания с учётом его актуального членения. По М. В. Всеволодовой, «позиция» в первом значении – это позиция-1, «позиция» во втором значении – это позиция-2. Аналогично будем считать «позицию» в третьем значении позицией-3. Первая статья была посвящена позиции-1. Вторая, настоящая статья – позиции-2, а позицию-3 планируется проанализировать в следующем выпуске сборника «Слово. Грамматика. Речь».

Хотя синтаксические функции наречия нередко сводят к позиции второстепенного члена предложения, а именно обстоятельства и определения³, на самом деле его синтаксические функции гораздо богаче:

¹ Панков Ф.И. Синтаксические позиции русских наречий. Статья 1. Позиции адвербиальных синтаксем // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 3–22.

² Мы говорим только о позиции в синтаксисе, т. е. о позициях словоформ, но не о позициях языковых единиц более низкого уровня: звуков, фонем, морфем. Ср. понятия позиции в фонологии, морфемике, морфологии, морфологии [Лингвистический словарь 1964: 158; Панов 1999 и др.].

³ См., например, дефиницию наречия академика В. В. Виноградова «Наречия – это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельного отношения. Наречия морфологически соотносительны с име-

наречие как словоформа способно выполнять в составе предложения все синтаксические функции – как второстепенных, так и главных членов предложения, а также не быть членом предложения вовсе. В данном контексте термины «функция члена предложения» и «позиция члена предложения» будем употреблять как синонимы.

Начнём с позиции наречия как второстепенного члена предложения.

1. Наречие в позиции второстепенного члена предложения.

Адвербиальная словоформа как второстепенный член предложения способна выполнять синтаксические функции обстоятельства, определения, режы – дополнения.

1) Наречие в функции обстоятельства.

Позиция обстоятельства является для наречия прототипической. Адвербиальная словоформа регулярно выступает в функции обстоятельства образа действия, меры и степени, времени, места, причины, цели. Здесь возможны как беспредложные, так и предложные типы употреблений. Приведём примеры:

а) наречие в функции обстоятельства образа действия:

– беспредложное употребление: Спортсмен бежал к финишу легко и непринужденно; Жители столицы! Власти беззащитно попирают ваши права; Владимир сухо отвечал / И после во весь путь молчал (Пушкин);

– предложное употребление: Экзамены сданы на отлично;

б) наречие в функции обстоятельства меры и степени (наречия величины признака):

– беспредложное употребление: Сегодня довольно тепло; У нас очень низкие цены; Очень страшная сказка; Давай сделаем немного по-другому;

– предложное употребление: пока не отмечено;

в) наречие в функции обстоятельства времени:

– беспредложное употребление: Никогда, никогда не женись, мой друг (Л. Толстой); Долго не поступали сведения из счётной части (Б. Пастернак); День тянулся бесконечно (В. Каверин); Праздничный заказ обещали доставить завтра (журнал «Экспресс», 2004, № 12);

– предложное употребление: До завтра не успеть; Давай отложим все вопросы на завтра; Придётся перенести дела на потом; Отложим это на попозже; На сегодня у нас запланировано несколько мероприятий; На когда ты купил билеты? – На двадцатое декабря;

нами существительными, прилагательными, глаголами, местоимениями и именами числительными [Виноградов 1972: 273] (разрядка моя – Ф.П.). Однако справедливости ради следует сказать, что «Русская грамматика» 1980 года отмечает также, что «наречия свободно употребляются в функции сказуемого» и «определяют предложение в целом» [Русская грамматика 1980, I: 703].

¹ Напомним, что если источник цитаты не указан, то это примеры из Интернета (поисковая система Яндекс).

г) наречие в функции обстоятельства места:

– наречие в функции обстоятельства места – собственно локатива (*где*):

- беспредложное употребление: Слева находится храм Христа Спасителя; Здесь и отдохнём;

- предложное употребление: пока не отмечено;

– наречие в функции обстоятельства места – директива (директив-старт *откуда*, директив-финиш *куда*):

- беспредложное употребление: Посмотрите налево (директив – старт); Вдруг слева выезжает грузовик (директив – финиш);

- предложное употребление: Уходящие в никуда; Метро уходит в завтра¹;

д) наречие в функции обстоятельства причины:

– беспредложное употребление: Американец спьяну угнал самолёт; Я сослепу смайлик перепутал; Поехал сослепу – попался сдуру; Извини, лякнул сдуру не подумав;

– предложное употребление: пока не отмечено;

е) наречие в функции обстоятельства цели:

– беспредложное употребление: Нарочно не придумаешь; Я уверен: Олег это сделал нарочно; Назло не поеду – пусть ждёт; По улицам слона водили, – // Как видно, напоказ (Крылов);

– предложное употребление: пока не отмечено.

2) Наречие в функции определения.

Наречие может употребляться также в функции определения – либо несогласованного, либо в составе распространённого согласованного определения. Предложный тип употребления здесь не отмечен. Приведём примеры:

а) наречие в функции несогласованного определения:

– собственно наречие в функции несогласованного определения: Я взял кофе по-турецки; Олег был в шапке набекрень; – Где вы обычно обедаете? – В кафе напротив; Бухгалтерский учёт канцелярку

¹ Два замечания. 1. Здесь, конечно, мы имеем дело с метафорическим употреблением темпорального наречия (темпоратива) *завтра* в значении директива. 2. Иногда удивляют утверждения некоторых современных справочных изданий: «Наречия, образованные от наречий, пишутся слитно. Например: *послезавтра, задаром, донельзя, навсегда, откуда, назавтра, наутро, поутру*. Исключения: *до завтра, под утро, на сегодня, на потом*» [Полный справочник по орфографии и пунктуации. Под ред. О. Л. Соболовой. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999: 157]. Мы убеждены, что *под утро* – никак не наречие, а существительное с предлогом, как и *под вечер*. Кроме того, вряд ли наречия *наутро* и *поутру* можно считать образованными от наречий, так как *утро* – существительное, а наречие с предлогом, скажем *отложить на завтра*, пишется все-таки раздельно. Впрочем, далее идет примечание, не менее странное, чем правило: «Наречия *назавтра, наутро, поутру* нужно отличать от сочетаний существительных с предлогом *на завтра, на утро, по утрам*» [Там же: 158]. Думается, во-первых, что *на завтра* – это не существительное с предлогом, а наречие с предлогом, и, во-вторых, что обилие неточностей не украшает лингвистический справочник.

и цибекрень; Старомодная, угловатая чёлка цибекрень; Москва сегод-дня; Яйцо всмятку; Утка по-пекински; Долги по-пекински; Чтение вслух; Разговор начистоту;

– наречие как метаслово в функции приложения: Спек-такль «Близко» пройдёт на сцене ДК;

б) наречие как часть согласованного распространённого опре-деления:

– наречие в составе причастного оборота: «Телекритика» обратилась за комментариями к журналистам, близко знающим Ми-хаила;

– наречие в составе другого распространённого определе-ния (определятельного оборота): Андрей, очень весёлый в предвкушении хороших новостей, был в этот вечер особенно разговорчив.

3) Наречие в функции дополнения.

Наречие может употребляться также в функции дополнения – как прямого, так и косвенного. В качестве косвенного дополнения наречие способно употребляться как без предлога, так и с предлогом. Приведём примеры:

а) субстантивированное наречие в функции прямого допол-нения (по определению только беспредложное употребление, обычно – о школьной, университетской и др. отметке): Самое сложное – полу-чить отлично от пожарной инспекции; Военкомат получил «удовле-творительно»; Другой студент, который пошёл за мной, получил удовлетворительно, а за ним девочка схлопотала хорошо¹;

б) субстантивированное наречие в функции косвенного до-полнения:

– беспредложное употребление: Мы все интересуемся зав-тра Москвы (Радио «Маяк-24», 13.10.04); Ожидать ли «светлого зав-тра» здесь, в нынешнем состоянии мира? (Фома, 2004, № 4); Надо при-знать, что мечта о «светлом завтра» выросла именно на христиан-ской почве (Фома, 2004, № 4); в том числе парцелированное: Делаем мы не что иное, как наше будущее. Наше «завтра» (Фома, 2004, № 4);

– предложное употребление: Илья Муромец заццицал нашу страну гораздо лучше, чем все ядерные ракеты вместе взятые, и его все боялись, в отличие от теперь; Передать мне больно можно лю-бым вечером, кроме завтра; Осталось надеяться только на авось; в том числе наречие как метаслово: Велика роль антитезы между «ве-чер» и «ныче».

2. Наречие в позиции главного члена предложения.

¹ Два замечания. 1. В подобных случаях субстантивироваться может не только наречие, но и числительное. Субстантивируясь, числительное получает признак среднего рода. На-пример: аккуратно вывел жирное «пять»; получил заслуженное «четыре»; учиться на круглое пять [Русская грамматика 1980, I: 576]. 2. Семантика наречия хорошо оказывает влияние на порядок словформ в предложении и его интонационное оформление. Ср.: Девочка схлопотала хорошо¹ (= Девочка получила четвёрку) – Девочка хорошо схлопо-та¹ла (= Девочка получила по заслугам, как следует, т. е. её отругали или побили).

Синтаксический потенциал наречия не ограничивается позицией второстепенного члена предложения. Как главный член предложения наречие способно употребляться как в качестве сказуемого, так и в качестве подлежащего.

1) Наречие в функции сказуемого.

В функции сказуемого наречие употребляется либо в качестве именной части составного именного сказуемого двусоставного предложения, либо в качестве главного члена бесподлежащего (т. н. односоставного безличного предложения). Приведём примеры:

а) наречие в качестве именной части составного именного сказуемого двусоставного предложения: *Ольга замужем; Дружба дружбой, а табачок врозь; Любовь любовью, а денежки врозь; Поездки за границу – ежемесячно;*

б) наречие в качестве главного члена бесподлежащего предложения: *Получить «хорошо» на экзамене было обидно; И чем больше я живу в стране, где мне не надо ежеминутно думать о преступности, мне труднее – психологически – даже временно находиться в США; Совершенно очевидно, что это задание невыполнимо; На море просто здорово!¹.*

2) Наречие в функции подлежащего.

Наречие в функции подлежащего выступает либо как субстантивированная словоформа в составе двусоставного или т. н. односоставного (номинативного) предложения, либо в качестве метаслова. Приведём примеры:

а) субстантивированное наречие в функции подлежащего двусоставного предложения: *Праздничный заказ обещали доставить завтра. Но завтра и по сей день не настало* (журнал «Экспресс», 2004, № 12); *Если наступит завтра* (название кинофильма); *Завтра не наступит никогда;*

б) субстантивированное наречие в функции главного члена номинативного (назывного) предложения: *Светлое завтра* (название статьи в журнале); *«Горько!» по-вселенски* (название главы в книге);

в) наречие как метаслово в функции подлежащего: *Слишком – самое верное слово для оценки этой завораживающей и раздражающей картины; «Близко» – последняя работа театра, премьеры которой состоялась в октябре 2003 года.*

3. Наречие в функции (позиции) не члена предложения.

Наречие не является членом предложения, если употребляется как вводное слово². Возможны различные значения наречий в функции вводных слов. Приведём примеры.

¹ Общность синтаксической функции главного члена (сказуемого) у предикативных наречий (предикативов) не является достаточным основанием для выделения категории состояния как отдельного от наречий категориального класса слов. Подробнее об этом см. в [Всеволодова 2000: 30-32].

² Возможность употребления словоформ в качестве вводных слов мы рассматриваем не как их морфологическую (частеречную) характеристику, а как одну из синтаксических

1) Наречие в качестве показателя персуазивности:

а) уверенности субъекта речи: *Мы, конечно, за мирное урегулирование конфликта; Иван Иванович, бесспорно, очень умный человек;*

б) неуверенности субъекта речи: *Вероятно, отец скоро придёт; Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко (Горький); Похоже, женская половина человечества понемногу теряет свой романтический флёр.*

2) Наречие в качестве показателя авторизации: *Когда, потвоему, придёт отец? А? Как по-вашему? По-нашему – смышлён (Грибоедов).*

3) Наречия, выражающие ослабленное подчёркивание или выступающие в качестве вставок: *Я, собственно, ничем не болен (Версеев); Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор не могу понять, что, собственно, вам от меня нужно (Чехов).*

4) Наречия, выражающие подтверждение факта: *Действительно, в понедельник я не пошёл на работу.*

5) Наречие в качестве метатекстового оператора:

а) при выражении временной соотнесённости, порядка изложения информации, перечисления: *Мне хотелось бы вас заставить рассказать что-нибудь: во-первых, потому, что слушать менее утомительно, во-вторых, нельзя проговориться, в-третьих, можно узнать чужую тайну, в-четвертых, потому, что такие умные люди, как вы, больше любят слушателей, чем рассказчиков (Лермонтов); Жара заставила нас, наконец, войти в рошу (Тургенев);*

б) при введении иллюстрации: *Правда, Николай знает больше сотни латинских названий, умеет собрать скелет, иногда приготовить препарат, рассмешить студентов какой-нибудь длинной, ученой цитатой, но, например, незамысловатая теория кровообращения для него и теперь так же темна, как двадцать лет назад (Чехов); Так, одна и та же типовая ситуация, одна и та же денотативная структура могут быть выражены в предложениях с разным типовым значением (Всеволодова);*

в) при выражении присоединения, добавления, дифференциации информации: *Далее, оптимальная классификация должна содержать в себе сепаратную категорию местоимения... (Лудников); День рыбацкий короткий, и потом¹ это связано с профессией; Потом, есть предсказания «технического» плана, когда мы исходим из того, что небоскреб и самолет при определенных обстоятельствах могут пересечься;*

функций (позиций) в предложении. Вводность – это конструктивно обусловленная позиция вне предикативной основы предложения, которую могут занимать слова разных частей речи или сочетания слов, включая предикативные. Подробнее об этом см. в [Панков 2003].

¹ Возможно, в данном случае и в следующем примере *потом* выступает в функции не наречия, а частицы.

г) при выражении уступки: *Ялта, как, впрочем, и весь Крым, нуждается в массивованных инвестициях.*

Обобщим сказанное в виде таблицы (см. таблицу 1).

Таблица 1
Синтаксические функции русских наречий (позиция-2)

Синтаксическая функция наречия		Примеры	
Член предложения	Главный	Подлежащее	<i><u>Завтра</u> не наступит никогда</i>
		Сказуемое	<i>Ольга <u>замужем</u></i>
	Второстепенный	Обстоятельство	<i>Американец <u>спьяну</u> узнал самолёт</i>
		Определение	<i>Бухгалтерский учёт <u>наизнанку</u> и <u>набекрень</u></i>
Дополнение		<i>Мы все интересуемся <u>завтра</u> Москвы</i>	
Не член предложения	Вводное слово	<i>Я, <u>собственно</u>, ничем не болен</i>	

Таким образом, наречие как словоформа способно выполнять в составе предложения все синтаксические функции – как главных, так и второстепенных членов предложения, а также не быть членом предложения вовсе. Следовательно, наречие является полифункциональным словом с точки зрения способности выполнять в предложении различные синтаксические функции (позиция-2).

Изучение синтаксических функций наречия позволяет конкретизировать его дефиницию: наречия – самостоятельный грамматический категориальный класс слов, объединяющий неизменяемые (т. е. несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые) слова, в основном («самостоятельным») употреблении способные примыкать к глаголам, наречиям, именам прилагательным, существительным, числительным, местоимениям, компаративам, выступать в синтаксической функции как второстепенных, так и главных членов предложения и – во вторичном употреблении – в функции вводного слова. Наречия передают семантическое значение не процессуального признака действия, предмета или другого не процессуального признака, а также состояния субъекта.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М., 1972. (1-е изд. – 1947).

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.

Лингвистический словарь Пражской школы. – М., 1964.

Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М., 1958. С. 17–21.

Панков Ф.И. Ещё раз о грамматике и семантике модальных слов (фрагмент лингводидактической модели русской морфологии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. С. 59–74.

Панков Ф.И. Синтаксические позиции русских наречий. Статья 1. Позиции адвербиальных синтаксем // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2005. С. 3–22.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999.

Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. – М., 1980.

**ИДЕЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И
ОПЕРАТОР ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ.
ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «ЦЕПОЧКА ДЕЙСТВИЙ»**

Типы изменения состояния и языковые средства их выражения.

Трудности в изучении вида русского глагола (шире – семантики глагольного слова, ещё шире – предложенческой семантики с тем или иным аспектуальным компонентом) для носителей китайского языка, как и для носителей других языков Востока, во многом связаны с наличием у русскоговорящих ориентиров, непривычных для инофонов. Если носители русского языка видят аспектуальную семантику предложения многослойной, в которой, по крайней мере, есть авансцена и фон, то носитель китайского языка в основном ориентируется на понятия изменение, направление и результат. В китайском языке глагол и прилагательное образуют категорию предикатива. Оба они могут быть бессвязочным сказуемым, и уже к нему присоединяются служебные морфемы с видо-временным значением. В составе глагольного сказуемого непосредственно после корня стоят модификаторы – знаменательные или служебные элементы, обозначающие в основном направление или результат. Они лишены ударения и тона.

Таким образом, «устройство» аналога русской глагольной формы здесь принципиально иное. Это усугубляется ещё и тем, что в одном и том же фрагменте реальности русско- и китайскоговорящий усматривает разные доминанты. Так, русское предложение *На дерево села птица* сообщает читателю об агенте, совершившем действие, а в китайском переводе оно сообщит уже об изменении в наблюдаемой говорящим картине: *Shu shang luo`le yi` zhī niǎo = На дереве появилась (теперь есть) птица¹.*

В китайском языке значения состояния и изменения состояния тесно связаны. Иногда один и тот же корень обозначает и состояние, и предшествующее изменение состояния. Например, *zuo`* может значить *сидеть* и *сесть*, *tǎng* – *лежать* и *лечь*. Но есть и такие глаголы, у которых значение изменения состояния является первичным: *t'ing* – *остановиться*, *duǒ* – *спрятаться*, *luo* – *сесть (о птице)*.

В китайском языке существует группа так называемых операторов, слов, функции которых не сопоставимы с какой бы то ни было грамматической категорией. Среди них оператор введения в рассмотрение *yì* ге, оператор переключения состояния *le*, оператор дискретного измене-

¹ Факты заимствованы из работ С.Е.Яхонтова, напр.см.: Типология результативных конструкций 1983: 5-41; 67-80.

ния *le*, оператор мгновенности *zhe*, оператор переключения действия в состояние *zhe* (Тань 2002: 563-565). Для оператора переключения состояния *le* выделены две основные функции в зависимости от синтаксической позиции в предложении: 1) после глагола и прилагательного оно означает завершение действия или изменения; 2) в конце фразы или перед паузой внутри предложения оно означает изменение, появление новой ситуации (Там же: 386)

В русском языке идея изменения прежде не соотносилась ни с аспектуальными смыслами, ни с «околоаспектуальными», как например результат и цель. Но действительно ли она безразлична для формирования аспектуального значения русского предложения? В русском языке семантика изменения многообразна, изменения могут касаться самых различных сторон картины мира: света (освещённости), цвета, времени (включая время года), параметрических характеристик, физического состояния предмета, душевно-эмоционального состояния, качества, количества, функций и т.д. В настоящей работе мы рассмотрим основные типы изменений и средства их выражения в современном русском языке. В большинстве случаев идея изменения заключена непосредственно в глагольной форме, но не только в ней.

Есть группа предельных глаголов, обозначающих переход из одного состояния в другое, притом, что ни одно из этих состояний прямо не называется:

- сесть (стоял → сидит);
- упасть (стоял, висел... → лежит, стоит);
- забыть (помнил → не помнит);
- созреть (было незрелым → стало зрелым);
- сломаться (было целым → стало нецелым).

Эти глаголы обозначают действие, находящееся между двумя состояниями и приведшее к последнему из них.

Есть также группа каузативов, вызывающих те же изменения:

- усадить: сделать так, чтобы тот, кто стоял, сидел;
- повалить: сделать так, чтобы то, что стояло (например, дерево), лежало;
- сломать: сделать так, чтобы то, что было целым, стало нецелым.

Есть группа глаголов, обозначающих целенаправленные действия, которые не могут продолжаться после достижения цели, но приводят к новому состоянию объекта:

- вылечить пациента (был больным → стал здоровым);
- покрасить стену (была некрашеной → стала окрашенной);
- отредактировать статью (не была отредактирована → теперь отредактирована).

Эти глаголы также называют действия, находящиеся между двумя состояниями.

Есть группа глаголов, непосредственно обозначающих «вторичное»

положение в пространстве, явившееся результатом действия:

Чемодан стоит в углу (потому что его туда поставили);

Вдоль дорожки растут ирисы (потому что их там посадили);

На окне висят новые шторы (потому что их туда повесили).

В этих случаях глагол обозначает состояние / местоположение и входит в трёхкомпонентную схему не в качестве второго компонента, как в предыдущих случаях, а в качестве третьего (т.е. результата): *Чемодан был в другом месте. – Его поставили в угол. – Теперь он стоит в углу.* Под результативом мы, вслед за В.П. Недялковым и Е.С. Яхонтовым, понимаем форму, обозначающую состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие (Типология результативных конструкций 1983: 39).

Рассмотрим наиболее частотные изменения и средства их выражения: свет (стемнело, наступила полная темнота, вечерело, смерклось, забрезжил рассвет); время суток, года (наступил вечер, пришла весна, неожиданно в ноябре нагрязнула зима); цвет (она побледнела от волнения, лицо его покраснело от гнева, промокшая древесина почернела от воды, фотография обесцветилась от времени); параметры: а) увеличения / уменьшения (доходы увеличились / возросли / повысились / уменьшились / упали / понизились / сократились; курс рубля вырос / упал; уровень воды поднялся / опустился; рисунок на ткани становится крупнее / мельче; за поворотом река расширилась / сузилась; русло реки углубляется / мелеет / углубилось / обмелело; противоречия углубились / стёрлись; нефть дорожает / дешевеет); б) интенсивности (мороз усилился / ослабел; кризис обострился / пошёл на спад); в) скорости (развитие ускорило / замедлилось); г) сложности (задача усложнилась / упростилась); физическое или иное состояние, форма (русло реки пересохло от жары; бельё намокло / вымокло / высохло; они повеселели / взбодрились; он загрустил / упал духом / отчаялся; к старости она совсем иссохла; рамы рассохлись / разбухли; цветы увяли / ожили; курс валюты укрепился / колеблется / ослаб; от страшной новости она помертвела; земля потрескалась, краска на крыше облупилась, окна обиндевели, хлеб заплесневел, молоко прокисло, лопата заржавела, фанера покоробилась, трава распрямилась, пирожки в духовке округлились, тесто затвердело, кот растянулся у двери); качество предмета (импортируемые компьютеры стали лучше; качество текстиля ухудшилось / достигает мировых стандартов; показатели занятости населения ухудшились; выпускаемые комбинатом ткани улучшились / выиграли в качестве); количество (выпуск продукции удвоился; снегоочистителей выпущено на десять тысяч больше); функции (бывшие механики переучились на операторов компьютерного управления; 200 рабочих получили профессию техников).

Целочка действий vs. изменение состояния.

Представляется, что значение изменения состояния в русском языке

может быть аспектуально релевантным. Во многих учебниках РКИ разных поколений фигурирует так называемая «цепочка действий», или последовательность действий, обозначаемая обычно глагольными формами прошедшего времени совершенного вида. Цепочка действий актуальна для всех функциональных стилей русского языка, включая язык художественной литературы, где, по мнению текстологов, она является залогом нарративного продвижения. Так или иначе, это значение связывается везде только с одним семантическим типом предиката – действием. На наш взгляд, та же функция присуща и другому семантическому типу предиката, состоянию, в параметре его изменения (не обязательно начала, возникновения), но не стабильности.

В традиционной цепочке форм совершенного вида приемлемы разные типы номинации действия.

(I) Я не знала о том, что поэма пишется. Он неожиданно **прочёл** мне её на ходу, на улице – всю; я **рассердилась**, что опять про любовь, тогда Володя **вырвал** рукопись из кармана, **разорвал** в клочья и **пустил** по Жуковской улице по ветру (Л.Ю.Брик)

В цепочке представлено действие *прочёл всю поэму* (начало и конец совокупно), *рассердилась* (начало действия), *вырвал, разорвал, пустил* (мгновенные, завершённые, результативные действия).

(II) На доклад Маяковского о футуризме **собралось** человек 30, все **расселись**. Оратор стал в позу и заговорил слишком громко, так что все **улыбнулись**. Он **выкрикнул** ещё несколько фраз, **прервал** свою речь, **чуть не заплакал** и **ушёл** из комнаты. Сгоряча он не рассчитал, что говорить для друзей – это не агитировать на площади. Его **утешали**, **поили** чаем. (Л.Ю.Брик).

Последовательность включает формы *собралось, расселись, стал, улыбнулись, выкрикнул* (завершённые действия), *заговорил* и *чуть не заплакал* (начало действия), *прервал* (конец действия), *ушёл, рассчитал* (конец, завершённые) и *утешали, поили* (общезначительное значение).

На данных примерах мы видим, что практически любое обозначение действия – через его начало, конец, завершённость, результативность, когда начало и конец действия предстают совокупно, мгновенность, однократность, общий факт и прочее – достаточно для называния его в цепочке. Следующая номинация другого действия есть следующий кадр нарративной фотоплёнки

В учебниках РКИ, включающих тему «Вид русского глагола», цепочка действий представлена чаще как некоторая данность, хотя практика преподавания говорит о том, что это понятие подлежит дальнейшей дифференциации. Рассмотрим три наиболее типичных варианта цепочки действий. Одни и те же действия в пределах цепочки представляют ситуацию в новом ракурсе: а) не осложнённая иными коннотациями последовательность; б) цепочка действий перфектного значения; в) цепочка действий с элементами значения статива-результатива (ста-

тив мы понимаем как статичный предикат, обозначающий состояние или качество).

(III) а) Ваня открыл рот, доктор надел на лоб зеркальце и стал постукивать по зубам какой-то палочкой. б) Ваня уселся поудобнее, открыл было рот, ...но ничего не сказал. в) Ваня зажмурился от яркого света лампы, которая зажглась прямо надо лбом и открыл рот. Доктор приступил к своим обязанностям. «Зуб не болят?» – спросил он спустя несколько минут. Но рот у Вани был открыт и ответить на вопрос ему не удалось. Он только покачал головой.

(IV) а) Ваня просидел в парикмахерском кресле около часу; его побрили, постригли и побрызгали одеколоном. б) Его уже побрили, постригли, он готов идти. в) Его уже побрили, постригли, т.е. он прекрасно выглядит.

В примерах (III) и (IV) мы наблюдали нарративное продвижение, осуществляемое благодаря предикатам действия, выраженным главным образом формами прошедшего времени совершенного вида. Но, на наш взгляд, дело здесь не столько в специфике данного семантического типа предиката, сколько в наличии идеи смены, изменения, более или менее явно выраженных. Если это верно, то последовательность в функции нарративного продвижения может быть обозначена и при ином семантическом типе предиката – предикате состояния. Рассмотрим микротексты с предикатами, реализующими семантику состояния.

(V) Мне показалось смешным, что у меня и впрямь, как предположила Аня, начала кружиться голова. Но не от успеха. Голова становилась всё тяжелей и туманней, уже с трудом улавливался смысл вопросов. А потом перемякнуло резко, как уже бывало раньше. Я перестал понимать слова. Я слышал речь, и даже с особой ясностью, будтослух вдруг обострился (как небо яснее перед грозой или как, помнится, в юности, много выпив, вдруг на несколько секунд становился необычно, нереально трезвым, видя, слыша и соображая фантастически ярко). И я уже ничего не понимал. Самое умное было прекратить конференцию из-за спазма сосудов докладчика. (А.Слаповский)

Фрагмент этот построен на описании состояний, выраженных формами: *улавливался, не понимал, слышал*. В тексте присутствует бессубъектное действие *перемякнуло*. При этом наличествует ряд изменений состояния, обозначенных формами: *становилось лучше, показалось смешным, начала кружиться, становилась тяжелее и туманней, перестал понимать, обострился, становился трезвым*.

(VI) Я несколько недель лежал в полубеспамятстве; когда сознание возвращалось, видел потолок и облака за окном. Доктора считали, что я иду на поправку, мне же ни поправляться не хотелось, ни умирать. (А.Слаповский).

Фрагмент включает пять названий состояний (*лежал, возвращалось, видел, иду на поправку, не хотелось*) и одно название действия

(считали). Изменение состояния выражается синтаксически, сложным предложением с придаточным условия и отношениями импликации (т.е. *если... то всегда*), с общим значением повторяемости состояния. Сочетание *сознание возвращалось* мы понимаем не как обозначение действия, а как обозначение состояния, т.е. *пациент снова был в сознании*.

(VII) Я лежал и лежал. И однажды утром почувствовал вдруг – нет, не жажду жизни, не бурную радость бытия и прочие эффектные реакции выздоравливающего организма, которые очень любят изображать, например, в кино, а всего лишь, что поддохнуть сегодня я уже не хочу. (А.Слаповский).

В отрывке описаны три естественных состояния (*лежать, чувствовать, хотеть*) и одно изменение состояния (*почувствовал*) с лексическим показателем внезапности, *вдруг*. Динамика создаётся также за счёт относительных временных ориентиров (*однажды утром, сегодня*).

(VIII) Это было возвращение. И чем лучше мне становилось, тем точнее я знал, что жить буду теперь весело, яростно, бессовестно и легко, трудясь при этом во все лопатки. (А.Слаповский).

Процесс изменения качества состояния, выраженный формой несовершенного вида в прошедшем времени, с компаративом (*чем лучше становилось*) находится в отношениях пропорционального соответствия с другим, параллельным процессом изменения состояния, выраженного подобным же образом (*тем точнее знал*).

Состояния в параметре стабильности, в отличие от действий, лишены динамики, они «длятся, стоят». Лишь изменение состояния динамично.

Последовательно названные в предложении действия vs. цепочка действий

Значение цепочки действий в учебниках РКИ представлено, как правило, в двух своих разновидностях: обозначение последовательности неповторяющихся действий и обозначение момента возникновения состояния или начала действия. В обоих случаях авторами предписывается использование глаголов прошедшего времени совершенного вида (Напр.: Незнакомец подошёл к скамейке и сел. Прохожий поскользнулся на льду и упал. или Брат попытался всё объяснить, но вспомнил что-то смешное и рассмеялся). Надо сказать, что информанты-носители языка не всегда могут разграничить эти два типа и чаще всего не дают однозначного ответа на вопрос о том, какой аспект действия актуализируется говорящим в каждом конкретном случае: начало, окончание, завершённость/результативность или что-то иное.

Носители некоторых восточных языков, в частности, китайского, в философии которого присутствует постулат целостности, тяготеют к употреблению в прошедшем времени форм совершенного вида в ущерб несовершенному. Это происходит ещё и потому, что они слишком расширительно понимают границы явления «цепочка действий», ошибочно

относя к нему любые последовательные номинации действия в прошлом, например: *Мальчик, которого разбудили, *встал (вместо: встал) медленно и неохотно: он долго лежал в постели с открытыми глазами, нехотя разыскивал одежду, чистил зубы, играя со щёткой. Он добился успеха: читатели *полюбили (вместо: любили) его, его романы #вышли (вместо: выходили) большими тиражами.* Другими словами, инофоны искусственно «выстраивают» цепочку действий, вовлекая в неё главным образом глагольные номинации разнообразных придаточных предложений и всевозможных оборотов, чаще всего сравнительного.

Итак, следует обратить внимание учащихся на то, что русская цепочка действий предполагает предикативную позицию глагольных форм, как правило, в сложносочинённом предложении (в понимании В.В. Виноградова и В.А. Белашалковой) или в ряду однородных сказуемых (в иных трактовках). Внимание в подобных ситуациях следует переключить с формы предложения (соположен ряд глагольных форм) на его смысл (необходимость назвать ряд действий, состояний, реально следовавших друг за другом во времени). Это позволяет отграничить в предложении цепочку действий от глагольных номинаций, выполняющих иные функции. Так, в предложении *Мы, гимназисты, когда вышли из гимназии, тотчас растеряли друг друга, хотя и клялись не делать этого (Паустовский).* Первые две глагольные формы обозначают последовательность действий, а третья передаёт значение действия как общего факта. Несмотря на то, что это действие по сути являлось первым из названных в предложении, но оно представлено вне цепочки, как противоречащее основание для последующих действий.

Глаголы казаться/ показаться и оказываться/оказаться как лексические средства выражения идеи изменения

Эти глаголы обладают значением изменения в обоих видовых формах, и ему всегда сопутствуют дополнительные аспектуальные акценты.

Почерк вначале казался мне незнакомым. - Это впечатление некоторое время оставалось в сознании.

Почерк вначале показался мне незнакомым. - Это было первое мгновенное впечатление, оно быстро сменилось противоположным.

В первый день вам будет казаться/ покажется, что физиотерапия не действует, но на второй-третий день вы почувствуете результат. - Первое впечатление, стойкое или нет, сменится иным.

Часто оказывалось, что он был прав в своих предположениях. Часто оказывается, что он прав в своих предположениях. Оказалось, что он был прав в своих предположениях. Окажется, что он был прав в своих предположениях. - Использование форм глагола имеет в суппозиции наличие иного мнения/впечатления.

Идея изменения состояния может быть выражена по-разному:

1) через фазовые глаголы (начала кружиться голова, перестал видеть),

2) через изменение меры качества, с участием форм компаратива (обострился, делается лучше, становилась тяжелей и туманней),

3) через лексическую семантику глагольной формы (показалось, оказалось),

4) посредством таксисных средств.

Таким образом, нарративное продвижение в тексте связано не столько с цепочкой действий, сколько с цепочкой изменений. И изменения эти могут касаться как действий, так и состояний. Так что идея изменения (в частности, состояния) аспектуально релевантна не только в китайском, но и в русском языке.

Литература

Типология результативных конструкций Л., 1983.

Тань Аошуан Проблемы скрытой грамматики китайского языка. М., 2002.

ВИДЫ ГЛАГОЛА (ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИХ В РЕЧИ)
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Напомним содержательные оппозиции высказываний, обусловленные выбором того или другого вида при обозначении действия, которые были рассмотрены в первых двух статьях.

Несовершенный вид

1. Констатация факта

– Вы *переводили* эту статью? Она вам знакома?

– Вы уже *завтракали*? А то выпейте с нами кофе.

(= для сообщения актуально то, что действие имело место)

2. Отрицательные высказывания

Таких задач я никогда не решал.

(= действие не имело места)

Первую задачу я решил, а вторую еще не решал. (= субъект ещё не приступал к действию)

Этих задач я не решал, они не имеют отношения к той теме, которой я сейчас занимаюсь. (= субъект не делал этого и не собирался делать)

Не знаю, справлюсь ли я с заданием. Я уже сто лет не решал никаких задач. (= действие долгое время не имело места)

3. Действие, представленное в его течении

– Почему у тебя на столе столько книг? – А я *готовился* к занятиям. Он *с увлечением читал* какой-то роман.

4. Одновременность или последовательность событий

Он *стоял* у схемы метро и *искал* на ней станцию «Университет».

Совершенный вид

Результативность действия

– Я уже *перевел* статью. Словарь мне пока больше не нужен.

– Мы уже *позавтракали*, со стола можно убирать.

– Вы *позавтракали*? А то мы не скоро сможем пообедать.

(= сообщается о завершенности и результативности реализованного действия или действия, которое, с точки зрения говорящего, желательно, должно было произойти)

Я ещё не решил задачу, надо еще подумать. (= субъект приступил к действию, но пока еще не достиг его результата)

Он не подготовился к занятиям, просидел весь вечер у телевизора. (= субъект не сделал того, что собирался, должен был сделать)

Он *нашел* на схеме эту станцию и *посмотрел*, как к ней ехать.

Он *спустился* на платформу и *стал ждать* поезда.

5. Вопрос о том *кто* выполнял или выполнил действие

Кто убирал книги со стола? Не видели случайно мою тетрадь?

Для говорящего актуальна информация не о самом названном действии, а о чём-либо, произошедшем на фоне этого действия.

Кто убрал книги со стола? Зачем? Они еще нужны.

Актуальна информация о результате действия, и говорящий положительно или отрицательно оценивает её.

6. Сообщение о сохранении или аннулированности результата действия в момент речи

*Моя сестра живет в Петербурге. Весной она **приезжала** ко мне на несколько дней.* (= она была у меня, но сейчас её здесь уже нет, она уехала)

*Ко мне **приехали** сестра. Завтра мы вместе с ней пойдём в театр.* (= она сейчас у меня)

7. Указание на то, когда произошло действие: близко к моменту речи (непосредственно перед ним) или несколько раньше (за какое-то время до того)

Различие дополнительных смыслов, включаемых в высказывание при выборе того или другого вида для обозначения действия, может обусловить наличие еще одной содержательной оппозиции некоторых сообщений.

Прочитайте следующие диалоги.

1. – Что это ты смеешься?

– Таня *рассказала*, как её брат первый раз выступал на сцене.

– О, мне она об этом тоже *рассказывала*. И в самом деле ужасно смешно.

2. – Я *объяснил* ему, как к нам ехать. Он теперь легко нас найдёт.

– Так я ему это уже *объяснял*. Он что? Не понял или не запомнил?

3. – Мы вчера отлично *поужинали* в ресторане «Дары моря». Ты знаешь этот ресторан?

– Знаю, мы там *ужинали*. Действительно, отличный ресторан!

При использовании и несовершенного и совершенного вида глагола, речь идёт о действии, результат которого не аннулируется (адресат *рассказа, объяснения* располагает полученной информацией, не аннулируется и результат действия, названного в третьем диалоге и т.п.).

В подобном случае дополнительный смысл сводится к указанию на то, как воспринимается говорящим соотношение времени реализации

действия с моментом речи. Используя *совершенный вид* глагола, он сообщает, что действие произошло совсем недавно, только что; используя *несовершенный вид* – что оно произошло в несколько более отдаленном прошлом.

У п р а ж н е н и я

1. Прочитайте диалоги. Скажите, в каком случае речь идёт о действии, которое говорящий воспринимает как произошедшее непосредственно перед моментом речи, только что, и в каком – как имевшее место гораздо раньше, за какое-то время до настоящего момента.

1. – Посмотри, с какой горы я *спустился* на лыжах! Даже сейчас немножко страшно. – Я *спускался* с этой горы. Поэтому твои ощущения мне понятны. 2. – Саша *пригласила* меня на свой концерт. – Да? Меня она тоже *приглашала*. 3. – Попробуй, какой пирог я *испекла* по рецепту кулинарной телепередачи. – Спасибо. Я сама уже *некла* такой пирог по этому рецепту. и т.п.

2. Дополните диалоги. Сообщите, что вы чётко помните, что названное действие имело в прошлом место.

О б р а з е ц: – Вы не сдали свое домашнее задание. – Как не сдала? Я точно помню, что я его *сдавала*.

1. – Ты забыла купить соль. – Ничего подобного. Я отлично помню, что я её ... 2. Очень плохо, что ты не предупредила, что вечером задержишься. – Как не предупредила? Прекрасно помню, что ... 3. Почему ты не выключил свет, когда уходил из дома? – Как это не выключил? Я точно помню, что ... его. и т.п.

3. Дополните диалоги. Покажите, как давно по отношению к моменту речи произошло действие. Используйте нужный вид глагола, данного в скобках.

О б р а з е ц: (*покупать / купить*) а. – У тебя есть план города? – Есть. Вот я *купил*. б. – У тебя есть план города? – Вообще-то должен быть, я *покупал*.

1. (*давать / дать*) а. – Ты знаешь, где он живет? – Знаю. Он ... мне свой адрес. б. – Ты знаешь, где он живет? – Весьма приблизительно. Он ... мне свой адрес, но я нечетко его помню. 2. (*говорить / сказать*) – Антон знает, что лекция по истории будет завтра. – Конечно, знает. Я ему ... б. – Антон знает, что лекция по истории будет завтра. – Надеюсь, что не забыл. Я ... ему об этом. 3. (*записывать / записать*) а. – У тебя есть телефон библиотеки? – Должен быть. Помню, что я его ... б. – А как называется та статья, которую нам советовали обязательно прочитать? – Это могу сказать точно. Вот, смотри, я ... и т.п.

8. Дополнительные смыслы, включаемые в высказывание при употреблении несовершенного и совершенного вида глаголов *любить, нравиться, казаться*

Характеризуя отношение субъекта ситуации к кому- или чему-либо, мы используем глагол в форме настоящего времени, и проблем здесь не возникает.

Я люблю этот дом, этот сад. Мне нравится бывать здесь. Мне очень нравятся живущие здесь люди. Я люблю беседовать с ними на разные темы. Мне нравится их благожелательное отношение к людям. Они любят, когда я приезжаю к ним. и т.п.

В форме прошедшего времени основное значение сообщения осложняется дополнительными смыслами.

Сравните:

1. Мне *нравился* этот человек. Интересно, каким он стал теперь.
2. Мне *понравился* этот человек. Я хотел бы познакомиться с ним поближе.
3. Странно! Мне *нравился* этот человек.
4. Он очень *любил* бывать в этом доме. Интересно, он по-прежнему здесь частый гость?
5. Он *полюбил* эти места и каждый свой отпуск проводит здесь.
6. Удивляюсь! Этот фильм *казался* мне забавным, остроумным.
7. Фильм *показался* мне скучным-прескучным. Не ходи ты на него.

Форма *несовершенного вида* констатирует, что в прошлом имело место названное отношение. И очень часто для сообщения актуальна только эта информация. Однако использование несовершенного вида позволяет выразить еще и следующее: показать, что говорящему неясно, сохранилось ли в данный момент бывшее ранее отношение (1, 4), или что оно в корне изменилось (3, 6). Конкретизирует суть дополнительного смысла контекст.

Совершенный вид глагола указывает на возникновение отношения и на то, что оно сохраняется и в момент речи (2, 5, 7).

Обратите внимание на форму глагола *нравиться / понравиться* в форме прошедшего времени. Если речь идёт о лице, предмете, глагол согласуется в роде с именем, если речь идет о действии, ситуации в целом, глагол используется в форме среднего рода:

Ему *нравился / понравился* наш парк.

Ему *нравились / нравились* эта маленькая деревенька.

Ему *нравились* / *понравились* здешние места.

Ему *нравилось* / *понравилось* отдыхать здесь.

Ему *нравилось* / *понравилось*, что наш дом утопает в зелени.

У п р а ж н е н и я

1. Скажите, какое впечатление на вас что-либо произвело (понравилось или не понравилось).

1. Ну, как спектакль? Стоит его посмотреть? 2. А как играл исполнитель главной роли? 3. А какое впечатление на тебя произвел сам театр? и т.п.

2. Ответьте на вопросы, используя глаголы *нравиться* / *понравиться*, *любить* / *полюбить*. Вы знаете, как человек относился к чему-либо раньше, но, как он относится к этому сейчас, вы не знаете.

О б р а з е ц: – Почему вы купили ей в подарок эти конфеты? – Насколько я помню, она *любила* такие конфеты.

1. – Вы думаете, что Ане понравятся эти духи? – Не уверена, но ...

2. – Ты уверена, что Виктор будет читать этот роман? – Думаю, что будет, ...

3. – Вы хотите подарить вашему другу этот галстук? – Да, раньше ...

4. Где бы нам поужинать? Может, пойти в какой-нибудь небольшой ресторан? Шура, например, ... бывать в таких рестораничках. и т.п.

3. Сообщите, что у человека изменилось отношение к чему-либо.

О б р а з е ц: – Вы больше не читаете таких романов? – Нет, раньше *они мне нравились*, а теперь *с о в с е м не нравятся*.

1. Вы не любите такую музыку? 2. Вы больше не играете в гольф?

3. По-моему, вы как-то изменились к этому человеку? 4. Он жил в центре города, а теперь, как мне говорили, хотел бы переехать в какой-либо более тихий район. и т.п.

4. Ответьте на вопросы и покажите, что возникшее в прошлом отношение сохранилось до сих пор (используя глагол *нравиться* / *понравиться*).

О б р а з е ц: – Вы поехали бы отдыхать в это место еще раз? – Да, *мне там очень понравилось*.

1. Вы с удовольствием вспоминаете этот музей? 2. Этот человек произвел на вас хорошее впечатление? 3. Вам эта повесть кажется заслуживающей внимания? и т.п.

5. Употребите нужный вид глагола, данного в скобках.

а. (*нравиться* / *понравиться*, *любить* / *полюбить*) 1. В детстве я очень ... сказки. 2. Особенно мне ... сказки Пушкина. Сказка о рыбаке и рыбке мне так ... , что я выучил её наизусть. 3. Позднее я ... многие стихи поэта. и т.п.

б. (*казаться* / *показаться*) 1. Раньше этот сад ... мне таким огромным. 2. Сейчас же он ... мне не таким большим. 3. Издали ... , что дом стоит прямо на берегу реки. и т.п.

Обратите внимание: при указании на момент возникновения отношения – *сразу, как только, с первой же минуты, с первого же момента* и т.п. – само отношение обозначается **совершенным** видом глагола:

Он сразу мне *понравился / не понравился*.

С первой же нашей встречи он мне очень *понравился / не понравился*.

Как только я увидел этот дом, он мне *понравился*.

Дом сразу же *показался* мне очень уютным.

При указании на ошибочность первого впечатления, его кратковременность и замену на противоположное (знаком чего служит наречие *сначала*) возможны оба вида:

Сначала он мне *нравился / понравился*, а потом ...

Сначала жизнь в городе *казалась / показалась* мне скучноватой.

б. Употребите вместо точек нужный вид данного в скобках глагола.

О б р а з е ц: (*нравиться / понравиться*) – О! У тебя новые чашки. Какие красивые! – Да, мне они тоже *сразу понравились*.

а. (*казаться / показаться*) 1. Сначала книга ... мне скучной, но я *вчитался в неё* и со страницы 20 она мне такой уже не ... 2. День *промелькнул, как одна минута*. Он ... мне таким, потому что у меня было *полно* интересных дел. 3. В первый момент, когда я поднял чемодан, он не ... мне тяжёлым, но к концу пути мне уже ... , что он набит камнями. и т.п.

б. (*нравиться / понравиться*) 1. Раньше мне ... подобные телепередачи. 2. Сначала мне не ... ведущий эту телепередачу. 3. А этот актер мне ... сразу. и т.п.

9. Дополнительные смыслы, включаемые в высказывание при употреблении несовершенного и совершенного вида глаголов *видеть / увидеть, слышать / услышать*

Сравните следующие высказывания. Скажите, при употреблении какого вида глагола в сообщении есть указание на начало восприятия.

Я *видел*, что журнал валяется на полу, но мне было некогда его поднять. Я *увидел*, что журнал валяется на полу, и подумал, что надо бы его поднять.

Я *видела*, что Саша идет к нашей аудитории. Саша *увидел* меня и махнул мне рукой.

Я *слышал* телефонный звонок, но не было сил открыть глаза и подойти к телефону. Я *услышал* телефонный звонок и снял трубку.

Мы знали, что вы приехали, мы *слышали*, как подъехала ваша машина. Мы *услышали* шум подъехавшей машины и вышли на балкон посмотреть, кто приехал.

Как вы видите, **несовершенный вид** глагола только констатирует, что названное действие имело место. **Совершенный же вид** указывает

на момент возникновения восприятия, когда нечто в происходящем привлекает внимание субъекта.

У п р а ж н е н и я

1. Ответьте на вопросы и укажите, имело действие место или не имело.

Об р а з е ц: Вы видели сегодня Николая? – *Николая? Видел. / Нет, не видел.*

1. Ты видела? Выпал снег! 2. Ты слышал последние наши новости? 3. Не могу найти свою тетрадь. Ты ее не видела? и т.п.

2. Ответьте на вопросы. Подтвердите, что вы увидели или услышали что-либо именно в этот момент.

Об р а з е ц: – Когда вы увидели это объявление? Как только вошли сюда? – *Да, я его увидел, как только вошёл сюда.*

1. Когда ты увидела эту записку? Когда подошла к столу? 2. – Когда ты услышал звонок телефона, когда открыл дверь в комнату? 3. – Когда вы увидели Антона? Когда он выходил из машины? и т.п.

3. Ответьте на реплику, используя глаголы *видеть / увидеть, слышать / услышать*.

Об р а з е ц: – Тебе там письмо. – *Да, спасибо, я видел.*

1. – Ты знаешь? Приезжает Нина. – Да, ... 2. – Как Виктор катается на коньках! – ... 3. – В сегодняшней газете статья о нашем профессоре! – Да, ... 4. – Говорят, что на будущей неделе опять будет жара. – Да, ... и т.п.

4. Ответьте на вопросы. Подтвердите высказанное предположение.

1. Вы видели эти фотографии? 2. Вы их увидели сегодня в первый раз? 3. Вы видели, что часы стоят? 4. Вы увидели, что часы стоят, когда взяли их в руки? 5. Ты слышал, что нас приглашают провести несколько дней в Петербурге? 6. Ты услышал об этом только сегодня? и т.п.

5. Дополните диалоги, используя глаголы *видеть / увидеть, слышать / услышать*.

Об р а з е ц: – Почему вы подошли к телефону? – *Я услышал телефонный звонок.*

1. Почему вы проснулись? 2. Почему вы остановились у витрины книжного магазина? 3. Почему, взглянув на часы, вы ускорили шаги? 4. Вы знаете, о чем они говорили? 5. Там Саша принес тебе какие-то книги. Они на столе. 6. Почему вы обернулись? 7. По телевизору сказали, что сегодня будет гроза.

6. Употребите вместо точек в нужном виде глаголы *видеть / увидеть, слышать / услышать*.

1. Эта книга уже вышла из печати? – Да, я уже ... её. 2. Я вошёл в магазин и сразу ... на прилавке эту книгу. 3. Вы знаете, приехал Дима. – Да, я ... 4. А будильник уже звонил! – Да, я ... 5. Я ... шум подъехавшей машины и выглянул в окно. и т.п.

10. Конкретность видения ситуации

Одной из особенностей семантики глаголов *совершенного вида* является то, что они отражают очень конкретное видение описываемой ситуации. Говорящий как бы непосредственно в данный момент является её очевидцем. Подобное восприятие ситуации может быть «поддержано» контекстом. Однако и без соответствующего описания ситуации употребление совершенного вида служит показателем того, что говорящий достаточно подробно видит обстоятельства реализации действия.

Прочитайте следующие высказывания.

– Юра знает, что самолёт вылетает в 9.30? – Знает. Я *говорил* ему об этом. Я *сказал* ему об этом, когда отдавал ему билет.

– Ты знаешь, на каких автобусах можно доехать до аэропорта? – Да, я сразу же *записал* их номера вот в эту записную книжку. – А время их отправления? – Это я тоже *записывал*. Правда, я немного торопился и записал расписание лишь первых трёх автобусов.

Используя глаголы *несовершенного вида*, говорящий лишь констатирует наличие факта. Для него при этом неактуальна информация об обстоятельствах реализации действия. Но достаточно часто после сообщения о том, что действие имело место, следует «уточнение», как именно, в каких обстоятельствах оно произошло, и для его обозначения используется уже *совершенный вид* глагола.

У п р а ж н е н и я

1. Используя нужный вид глагола, данного в скобках, сначала покажите, что сообщение касается лишь того, что действие имело место, а затем – что говорящий конкретизирует обстоятельства реализации действия.

О б р а з е ц: (*звонить / позвонить*) – От Шуры есть какие-нибудь новости? – Да он *звонил* нам. Он *позвонил* нам прямо из университета сразу же как сдал свой последний экзамен.

1. (*узнавать / узнать*) – Когда нам надо быть в аэропорту? Когда прибывает рейс, которым летит Мелисса? – В 10. Надеюсь, что данные точные. Я ... об этом по телефону в справочной аэропорта, причём даже перезванивала им. 2. (*показывать / показать*) – Какой великолепный географический атлас подарили Алексею! – Да, он мне его Он ... мне его, когда я вчера вечером зашёл к нему, мы долго его рассматривали. 3. (*рассказывать / рассказать*) – У этого музея интереснейшая история! – Да. Таня ... нам его историю. Она ... нам об этом как раз по дороге в этот музей, мы были там. и т.п.

2. Употребите нужный вид глагола, данного в скобках. Или только констатируйте факт действия, или представьте действие в определённых обстоятельствах его реализации. Обратите внимание, что в ряде случаев могут быть употреблены оба вида, но каждый из них вносит в высказывание свой дополнительный смысл. Укажите такие случаи.

1. (*сажать / посадить*) – В дальней части сада мы ... десять вишневых деревьев. – А другие ягоды вы ... ? – ... 2. (*поливать / полить*) – А цветы ты сегодня ...? – Разумеется, ... Я ... их как только увидел, что земля совсем сухая. 3. (*брать / взять*) – Что это ты с зонтом в руках? – Да так, ... на всякий случай. и т.п.

11. Действие, предстоявшее в прошлом

Сравните следующие высказывания.

В субботу он уезжал, и потому в пятницу дел у него было сверх головы. В субботу он уехал, и без него стало ужасно скучно.

Наш поезд уходил в 9, и нам по-прежнему было ехать на вокзал. Поезд ушел. Провожаящие стали расходиться.

Как вы видите, в сообщениях, где действие обозначено несовершенным видом глагола, речь идёт о событии, которое еще только должно произойти. Для того момента, в котором видит ситуацию говорящий, это действие еще только предстоит.

У п р а ж н е н и я

1. Прочитайте данные высказывания. В такой структуре предложения говорящий может сообщить и сообщает о ещё только предстоящем действии. Передайте содержание сообщений, заменив глагол оборотом *должен был / была / были + инфинитив*.

О б р а з е ц: В июле я уезжал из Москвы, а май и июнь решил провести здесь. – *В июле я должен был уехать из Москвы, а май и июнь решил провести здесь.*

1. На гастроли в Москву приезжал театр из Новосибирска. 2. Гастроли открывались через неделю. 3. Театралы ждали встречи с театром, который показывал свои новые и, как говорили, интересные работы. и т.п.

2. Передайте содержание высказывания, заменив выделенный оборот глаголом *несовершенного вида*.

О б р а з е ц: Через день-два должна была приехать бабушка, и в доме все готовились к её приезду. – *Через день-два приезжала бабушка, и в доме все готовились к её приезду.*

1. В июне мы должны были сдавать выпускные экзамены и сейчас усиленно готовились к этим экзаменам. 2. На предстоящей юбилейной конференции должен был выступать сам А. Все с нетерпением ждали его выступления. 3. Вечером мне предстояло ехать на вокзал, встречать Антона и Катю, и я спешно заканчивал все необходимые дела. 4. Летом им предстояло отправиться в интереснейшую экспедицию, и они с увлечением изучали документы, связанные с этим путешествием. и т.п.

12. Многократно совершенное действие

Сопоставьте те ситуации, которые обозначены предложениями «а» и «б».

а. Я перечитывала этот Я несколько раз перечитала записку,

роман несколько раз.
Вчера я два раза *переплы-
вал* реку: один раз утром, а
другой раз днём.

но так не поняла, от кого она.
Чтобы показать, какой он пловец, он
переплыл реку два раза подряд, не от-
дыхая.

В предложениях «а» отражены ситуации, в которых однотипные повторяющиеся действия отделены друг от друга временным интервалом, между первым, вторым и т.д. проходит какое-то время. Как вы видите, в этом случае действия обозначены *несовершенным видом* глагола.

В предложениях «б» речь идёт о действиях, между которыми нет временного интервала, они совершаются *как бы в один приём*. В этом случае многократные действия обозначаются *совершенным видом* глагола.

У п р а ж н е н и я

1. Подтвердите высказанное предположение. Обратите внимание на то, что действие в данном случае обозначено *совершенным видом* глагола. О какой ситуации здесь идёт речь?

О б р а з е ц: Почему вы несколько раз подряд *позвонили* в дверь? Вам не открывали? – *Да, я позвонил в дверь несколько раз подряд, потому что мне не открывали.*

1. Почему профессор несколько раз подчеркнул на доске одну формулу? Это очень важная формула? 2. Почему вы дважды повторили ему свою просьбу? Вы боялись, что он забудет о ней? 3. Почему вы два раза обошли вокруг памятника? Чтобы получше рассмотреть его? и т.п.

2. Продолжите диалоги. Сообщите, когда именно имело место названное действие. Обратите внимание на то, что действие в данном случае обозначено *несовершенным видом* глагола. О какой ситуации здесь идёт речь?

О б р а з е ц: Вы *перечитывали* эту книгу? – *Да, перечитывал дважды: в прошлом году и в этом.*

1. Вы несколько раз звонили Алёше? – Да, ... 2. Вы сегодня, кажется, раза три слушали «Новости». – Да, ... 3. Она много раз прослушивала сегодня этот CD? – Да, ... и т.п.

3. Дополните высказывания. Используя нужный вид данного в скобках глагола, покажите, *был ли интервал во времени* между названными многократными действиями.

1. (*проверять / проверить*) а. Прежде чем сдать работу, я два раза ... её. б. Мои часы идут правильно, я сегодня ... их несколько раз.
2. (*слушать / прослушать*) а. Я ... текст, записанный на магнитофон, целых три раза и стал отвечать на вопросы к этому тексту. б. Эту оперу я ... много раз. 3. (*читать / прочитать*) а. Это слово встретилось мне впервые, я несколько раз ... его, чтобы запомнить. б. Это очень хороший рассказ, я ... его раз пять. и т.п.

[продолжение следует]

СЕМАНТИКА ДЕОНТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке наблюдается тенденция использования в рекламных текстах таких высказываний, как: а) *Товар сертифицирован; Напитки сертифицированы; Сигареты сертифицированы; Вклады застрахованы;* б) *Протестирован Институтом аллергологии и клинической иммунологии; Рекомендован ГУ НИИ питания Российской академии медицинских наук* и др., которые сопровождают описание какого-либо товара или услуги и являются составной частью рекламного текста. Подобного рода высказывания включены в рекламный информационный блок, но, тем не менее, являются обособленными от основного рекламного текста высказываниями. Они могут быть отделены позиционно от основного рекламного блока, могут быть набраны другим шрифтом или могут быть заключены в рамку, что способствует акцентированию внимания реципиента на графически или позиционно выделяемом высказывании. Данные высказывания, отделенные от основного рекламного текста или графически выделенные, можно рассматривать как «текст в тексте» [Лотман 1981], т.к. генерирование смысла этих высказываний происходит за счет переключения речемыслительных процессов адресата с информации рекламного блока на высказывание, имеющее другую понятийную базу, которая определяет его семантику.

Следует отметить, что прагматическая установка рекламного текста выражается в том, что адресант должен не только информировать адресата, но и воздействовать на его социокультурные, поведенческие стереотипы с целью привлечения его внимания к рекламируемому товару и выработки у адресата понимания необходимости приобретения данного товара, что, в конечном счете, и является стратегией адресанта. При рассмотрении рекламного текста как иллокутивного акта [Остин 1986] надо принимать во внимание, что все элементы структуры текста направлены на достижение прагматического эффекта, а это сказывается как на выборе графических и изобразительных средств, оформляющих и зрительно организующих пространство рекламного текста, так и на выборе лексических, синтаксических и стилистических средств, используемых в высказываниях, которые обладают «определенной (конвенциональной) силой» [Остин 1986: 93].

Включение высказываний типа *Товар сертифицирован* в структуру рекламы связано с усложнением прагматической установки современного рекламного текста, которая заключается не только в информировании, воздействии и вовлечении в действие, предложенное рекламой (например, покупка товара), но и в оценке рекламируемой продукции с позиций норм и правил, определяющих рекламу какого-либо товара.

Значение высказываний типа *Товар сертифицирован* невозможно рассматривать вне анализа логико-семантических связей структурной организации рекламного текста, предлагающего какой-либо товар или услугу. Структура современного рекламного текста может состоять из информационного блока, в который сначала вводится негативная информация об обсуждаемом предмете, а затем дается позитивная информация о товаре, который может или поможет устранить причины отрицательного состояния кого-либо или чего-либо, представленного в негативном информационном блоке рекламы. Негативная информация может и отсутствовать. В таких случаях рекламный текст начинается с позитивного блока информации, ключевым словом которого является название рекламируемого товара. В рекламный текст обычно включены высказывания типа *Товар сертифицирован*, которые в структуре текста выполняют резюмирующую функцию.

Высказывания *Товар сертифицирован*; *Вклады застрахованы* строятся по схеме N_1 -Part₁кратк. В «Русской грамматике» (1980) семантика данной схемы определяется как «отношение между субъектом и его предикативным признаком – состоянием как результатом действия» [Русская грамматика 1980: 298]. Рассмотрим семантику данных высказываний на примере анализа высказывания *Товар сертифицирован*. Включение в структуру рекламного текста высказывания *Товар сертифицирован* подтверждает сертификацию товара на предмет соответствия, предъявляемого к данному товару. Предикат *сертифицирован* указывает на содержание нормы, т.е. на сертификацию. Высказывание *Товар сертифицирован* означает, что, во-первых, продукция входит в перечень товаров, подлежащих обязательной сертификации, во-вторых, рекламируемый товар прошел сертификацию и, в-третьих, товар получил сертификат соответствия, который является необходимым условием для рекламы продукции, подлежащей обязательной сертификации. Ввод в структуру рекламного текста данного высказывания подтверждает то, что производитель товара и участники сертификации вступают в правовые отношения, определяемые соответствующими законами, которые регламентируют права, обязанности и ответственность участников сертификации. В нормативно-правовые отношения вступают следующие субъекты (С) действий: 1) С₁ – производитель товара, 2) С₂ – испытательные лаборатории (центры), которые осуществляют испытание продукции и выдают протоколы испытаний для целей сертификации, 3) С₃ – государственные органы стандартизации, осуществляющие государственный контроль и надзор за соблюдением правил обязательной сертификации, 4) С₄ – рекламодатель [Защита прав потребителей 2002]. Семантический компонент анализируемого высказывания *товар* совмещает в себе значение как субъекта, так и объекта действия, которое производят вербально не выраженные субъекты действий, являющиеся участниками правовых отношений. В случае несоответствия действий вышеперечисленных субъектов (С₁, С₂, С₃, С₄) нормативно-правовому регулированию отношений наступает применение санкций. Таким обра-

зом, высказывание *Товар сертифицирован* является деонтическим (нормативным) высказыванием. Анализом деонтических высказываний занимаются не только лингвисты, но и логики. Деонтические высказывания с точки зрения логики не только устанавливают какую-либо норму поведения человека или социума, но и выражают нормативный статус практических действий при помощи следующих понятий: «обязательно», «разрешено», «запрещено», «(нормативно) безразлично». Деонтические высказывания являются особым видом оценочных высказываний, т.к. «нормы представляют собой частный случай *оценок*: это социально апробированные и социально закрепленные оценки» [Горский, Ивин, Никифоров 1991: 124]. В высказываниях *Товар сертифицирован; Вклады застрахованы* предикаты выражают деонтическую (нормативную) оценку субъекта.

Понятие оценочности в русистике рассматривается как «выражение положительного/отрицательного отношения к событиям, их элементам или аспектам осуществления» [Шмелева 1984: 92]. Средства выражения оценки в русском языке разнообразны и традиционно к ним относят: 1) словообразовательные аффиксы (префиксы, суффиксы); 2) степени сравнения прилагательных; 3) построения с модальными частицами; 4) построения с междометиями; 5) построения с вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями; 6) средства словопорядка; 7) интонационные средства и др. При помощи анализа данных средств выражения оценки определяется положительное или отрицательное значение словообразовательных, лексических, синтаксических и интонационных средств, используемых в высказывании.

Оценка рассматривалась в русистике в основном с точки зрения выражения положительного или отрицательного отношения к оцениваемому объекту, т.е. с точки зрения аксиологической (оценочной) модальности. Но экстралингвистические факторы вносят изменения в условия функционирования современного русского языка, поэтому необходимо учитывать то, что частным случаем аксиологической модальности является деонтическая модальность, или нормативная модальность. Взгляд на действительность с точки зрения системы норм, формирующей эту действительность, предопределил включение в структуру современных рекламных текстов деонтических высказываний, выражающих нормативное отношение действий человека, социума как субъектов права. Рассмотрение норм как частного случая оценки позволяет проанализировать семантику деонтических высказываний, используемых в рекламных текстах.

Таким образом, высказывания типа *Товар сертифицирован* в структуре рекламного текста являются деонтическими высказываниями, определяющими нормативный статус действий и квалифицирующими практические действия человека с точки зрения определенной системы норм. Семантическим ядром анализируемых высказываний является предикат, выраженный краткой формой страдательного причастия, а значение данных высказываний можно определить как

«отношение между субъектом и его предикативным признаком – состоянием как результатом действия, определяемого нормативно-правовыми отношениями субъектов, дистантно обуславливающих функционирование предикативного признака». В структуре рекламных текстов деонтические высказывания являются особым видом оценочных высказываний, связанных с механизмом реализации нормативности действий субъектов, которые участвуют в процессе функционирования рекламного текста.

Традиционно в русистике к средствам выражения деонтической модальности относят модальные предикаты долженствования (*должен, нужно, обязан* и др.). Исследования в области семантики деонтических высказываний строятся в основном на описании концепта 'долг' в семантическом поле долженствования [Булыгина, Шмелев 1991], но при этом не учитывается, к какому стилю речи относятся произведения, в структуру которых включены высказывания, включающие модальные предикаты долженствования. В данной статье представлены некоторые наблюдения над семантикой, стилистическими функциями модальных предикатов долженствования, включенных в структуру контекста публицистического произведения. При определении семантики и стилистических функций модальных предикатов долженствования в структуре публицистического произведения необходимо учитывать парадигматику текста и системность языка как отражение философско-социальных приоритетов носителей языка. Материалом для анализа послужили путевые очерки о зарубежных странах, опубликованные в 90-ые годы XX века в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь». В путевых очерках 90-х годов отражены трансформационные процессы переходного периода. Публицисты описывают нравственные, моральные и этические принципы, на которых строится то или иное общество, уделяют внимание изображению быта, нравов, обычаев и традиций различных народов, сопоставляют их с советско-российскими реалиями. В советских путевых очерках оценка фактов, явлений базировалась на выражении положительного или отрицательного отношения к описываемой стране (в текстовой структуре публицистического произведения при описании стран социалистического лагеря выражалась положительная оценка изображаемой действительности, а при описании капиталистических стран – отрицательная оценка). В путевых очерках 90-х годов оценка фактов, событий производится с точки зрения права и этики, а не с точки зрения идеологии.

Семантическое ядро контекстов, в которых описываются обычаи и традиции различных народов, нормативные правила, принятые в социальной системе зарубежной страны, составляют модальные предикаты долженствования *должен, нужно, надо, обязан, разрешено* и др., которые являются средствами выражения деонтической модальности.

Семантика модального предиката *должен* неразрывно связана с семантикой всего высказывания, определяющего нормативно-правовую систему описываемого общества. Например: 1) «Зарубежные вьетнам-

цы, желающие «сделать игру» (в казино. – Т. Р.), должны при входе предъявлять паспорта [Архимандрит Августин (Никитин) «Красные и зеленые в империи Хо Ши Мина»]; 2) «Определены «три нельзя» (в Китае особенно любят нумеровать цели, решения и т. д.): <...> 2) любое назначение на высокий партийный или чиновничий пост должно пользоваться поддержкой на местах; 3) такое назначение должно быть коллективно поддержано местным партколлективом. Иными словами, партия должна остаться правящим классом, но честным, самоотверженным, подающим пример правильной жизни» [Е. Солженицын «От горсти риса – до сотовой связи. По китайским впечатлениям»]. Нормативные правила, лежащие в основе социального устройства описываемого общества, выражены при помощи использования в высказывании модального предиката *должен*, причем выполнение изложенных нормативных правил является обязательным для всех членов описываемого социума, но долженствующий характер модального предиката *должен* не направлен на субъекта речи (автора произведения) и на адресата (читателя).

В отдельных случаях в деонтическом высказывании может использоваться модальный предикат *обязан*, который выступает в синонимичном значении модальному предикату *должен*. Например: «*Живут они в городе, но остаются людьми сельского хозяйства – тут у них земля, они сдают ее в аренду, обязаны по закону сдавать, а за сданную землю владелец не только получает половину урожая, но и берет на себя половину издержек, платит земельный налог, тратится на мелиорацию*» [А. Стреляный «Две корки каравая (в американской глубинке)»]. В данном высказывании модальный предикат *обязан* выражает норму, отрицание которой представляется невозможным, что подтверждается семантизацией лексических единиц постпредикативной части высказывания (*обязаны по закону сдавать*).

Модальный предикат *должен* может быть использован в высказываниях, описывающих обычаи и традиции, которые сложились в обществе. Например: «*Любые встречи или гости (в Англии. – Т. Р.) должны оговариваться заранее, даже когда речь идет о хороших знакомых*» [А. Анненкова «Впервые в Европе. Пристрастные впечатления»]. В данном высказывании долженствующий характер модального предиката *должен* не является средством выражения действия, обусловленного нормативно-правовой базой социума, а используется в качестве средства выражения долженствующего характера описываемого обычая. Данные формы действий могут проявляться только в определенных обстоятельствах, и субъект социума вправе выполнять их или не выполнять. Невыполнение обычаев не преследуется введением каких-либо правовых санкций, а может вызвать лишь порицание со стороны членов социума. Долженствующий характер модального предиката *должен*, используемого при описании моральных норм, направлен на субъектов описываемого социума и на субъекта речи, т.к. он на определенный период времени становится членом данного социума и, контактируя с ним,

должен принимать во внимание обычаи и традиции другого народа, если субъект речи хочет, чтобы его действия не были восприняты как алогичные, вызывающие осуждение в обществе, в котором он находится. Долженствующий характер модального предиката *должен*, который используется в высказывании, содержащем описание моральных норм, не направлен на адресата публицистического произведения.

Стилистической особенностью анализируемых высказываний является то, что в них модальный предикат *должен* может использоваться в речевой структуре путевого очерка в качестве средства создания иронии. Например: «*Длятся они (встречи юношей и девушек в Риме. – Т. Р.) обычно не более пяти минут, но на это время два актера полностью перекрывают движение по тротуару, ибо радость встречи столь велика, что влюбленные не в состоянии сразу же соединиться в трепетном поцелуе, а должны несколько раз отскочить друг от друга, чтоб, как бы не веря своему счастью, еще и еще раз получше взглянуть в свою любовь, ахнуть и еще и еще раз произнести свое томное «чао!» – еще бы, ведь они не виделись со вчерашнего вечера!*» [В. Дос «Будни Вечного города»]. Автор путевого очерка включает в структуру высказывания модальный предикат *должен*, но в данном случае модальный предикат *должен* долженствования, являясь средством выражения нормативности действий членов социума, используется автором для выражения ироничного отношения к описываемой привычке итальянцев. Семантика лексических единиц данного высказывания (*несколько раз отскочить друг от друга, ахнуть, томное «чао!»*) способствует созданию комичности ситуации и снимает значение категоричности, присущее данному модальному предикату *должен*.

В описательных контекстах, в которых отражены как нормативные правила, так и обычаи народов, содержатся высказывания, включающие в свою структуру модальные предикаты *нужно, надо*. Специфика семантики деонтических высказываний с модальным предикатом *нужно* заключается в том, что в них выражается и предписание и описание норм, правил, принятых в описываемом социуме. Например: «*Для того чтобы попасть на железнодорожный перрон, нужно предъявить контролеру билет именно на тот поезд, который подан для посадки*» [Архимандрит Августин (Никитин) «Красные и зеленые в империи Хо Ши Мина»]. Использование в структуре высказывания модального предиката *нужно* в сочетании с инфинитивом направлено на актуализацию действия, заключенного в семантике инфинитива *предъявить*, т.к. данное действие предписывается семантическому субъекту высказывания для выполнения описываемого нормативного правила. Описательное и предписательное значения деонтических высказываний, содержащих модальный предикат *нужно*, тесно переплетены, и разграничение этих значений не представляется возможным.

Деонтические высказывания, содержащие в своей структуре модальные предикаты *долженствования* *нужно, надо*, могут быть использованы в качестве резюмирующего высказывания в структуре описа-

тельного контекста. Например: «*Это был случай посмотреть, что такое богадельня в американской глубинке. Это санаторий среди сосен на шестьдесят человек, ухаживают за этими шестью десятками стариков почти полсотни человек, молодые женщины, многие с высшим образованием. Для заметного места в таком заведении – наподобие воспитательницы надо специально учиться» [А. Стреляный «Две корки каравая (в американской глубинке)»]. Высказывания с модальными предикатами *нужно*, *надо* используются для логического выделения этих высказываний в структуре описательного контекста, что позволяет данным модальным предикатам долженствования выполнять акцентирующую функцию, которая направлена на усиление внимания адресата на высказывании с целью ознакомления с нормативностью данных правил для членов описываемого социума.*

Деонтические высказывания могут содержать модальный предикат *разрешено*. Семантика модального предиката *разрешено* выражает разрешение какого-либо действия, которое не противоречит нормативной системе общества. В речевой структуре анализируемых произведений высказывания с предикатом *разрешено* могут включать в свою структуру оценочную лексику и средства выражения субъективно-модальных значений, которые придают деонтическим высказываниям с данным модальным предикатом эмоциональность и выразительность, что совершенно не характерно для высказываний с модальным предикатом *разрешено*, используемых в речевых произведениях официально-делового стиля.

Рассмотрим стилевые характеристики высказываний с модальным предикатом *разрешено*, включенных в контексты путевого очерка Архимандрита Августина (Никитина) «Репортаж из 37-го года...». В приводимых ниже высказываниях отражена тема пребывания иностранцев в Мьянме (Бирме), т.к. знание правил передвижения иностранцев по этой стране имеет принципиальное значение для автора очерка: 1) «*Через день получаю в агентстве билет на самолет и паспорт с бирманской визой: иностранцам разрешено находиться в стране до четырех недель*»; 2) «*Впрочем, трех недель вполне достаточно, дабы объехать те немногие места, что разрешено посещать иностранцам*»; 3) «*У стойки регистрации встречаю несколько знакомых лиц, ведь всем нам было разрешено «колыхаться» по одному и тому же замкнутому маршруту, с небольшими вариациями*». Первое высказывание, содержащее формулировку нормативного правила (разрешение пребывания иностранцев в зарубежной стране и срок действия этого разрешения), отличается точностью и лаконичностью, присущей речевым жанрам официально-делового стиля. В структуру второго высказывания включено вводное слово *впрочем*, являющееся средством выражения субъективной модальности и выражающее отношение автора к описываемой норме. Использование в высказывании устаревшего союза *дабы* на фоне нейтральной лексики рассматриваемого высказывания служит средством выражения иронии, показывающей отношение автора к описываемой

мой норме. В третье высказывание включена модальная частица *ведь*, относящаяся к средствам выражения субъективной модальности. В высказывание включены оценочные лексические единицы (*«колыхаться» по одному и тому же замкнутому маршруту*). Данные высказывания, объединенные одной темой, содержат не только модальный предикат *разрешено*, но и лексические, синтаксические средства выражения субъективного отношения к излагаемым нормативным правилам, что совершенно не приемлемо для речевых жанров официально-делового стиля, содержащих высказывания с модальным предикатом *разрешено*.

Анализ семантики деонтических высказываний и стилистических функций модальных предикатов долженствования в структуре художественно-публицистического текста позволяет констатировать, что использование модальных предикатов долженствования *должен, обязан, нужно, надо, разрешено* в речевых произведениях публицистического стиля способствует логической актуализации данных высказываний в структуре описательного контекста. В отдельных случаях деонтические высказывания могут выполнять композиционно-выделительную функцию в структуре контекста, а также и экспрессивную функцию, направленную на выражение ироничного отношения автора к излагаемым нормативным правилам.

Таким образом, семантику деонтических высказываний, используемых в структуре современных публицистических текстов, определяют не только отношения между субъектом и его предикативным признаком, но и семантика контекста, в котором функционируют высказывания, содержащие модальные предикаты долженствования, а также жанровые характеристики публицистического произведения и текстовая модальность, которая показывает оценочное отношение субъекта речи к предъявляемой адресату информации. В рекламном тексте семантику деонтических высказываний можно определить как отношение между субъектом и предикативным признаком, дистантно связанным с субъектами действий, обуславливающих функционирование данного предикативного признака в высказывании. В художественно-публицистическом тексте в деонтических высказываниях выражены отношения между субъектом и предикативным признаком, не направленным на адресата, а направленным на субъекта описываемого социума и в отдельных случаях на субъекта речи, т.к. он на ограниченный период времени становится членом описываемого социума и на него распространяется ряд норм права и моральных норм, лежащих в основе социального устройства зарубежной страны.

Литература

- Лотман Ю.М. Текст в тексте// Текст в тексте. Труды по знаковым системам. XIV. – Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 567. Тарту, 1981.
Остин Дж. Л. Слово как действие// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.
Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

- Защита прав потребителей/ Под. ред. Т.А. Стяжкиной. М., 2002.
- Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике/ Под. ред. Д.П. Горского. М., 1991.
- Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности// Актуальные проблемы русского синтаксиса (Публикации лаборатории «Русский язык и русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ)/ Под. ред. К.В. Горшковой и Е.В. Клобукова. Вып. 1. М., 1984.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Концепт долга в поле долженствования// Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Архимандрит Августин (Никитин). Красные и зеленые в империи Хо Ши Мина// Новый мир. 1997. №7.
- Солженицын Е. От горсти риса – до сотовой связи. По китайским впечатлениям// Новый мир. 1996. №12.
- Стреляный А. Две корки каравая (в американской глубинке)// Знамя. 1990. №11, №12.
- Анненкова А. Впервые в Европе. Пристрастные впечатления// Новый мир. 1995. №7.
- Дос В. Будни Вечного города// Знамя. 1994. №12.
- Архимандрит Августин (Никитин). Репортаж из 37-го года...// Новый мир. 1995. №11.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ЕДИНИЦ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Языковые единства в каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле:
сходства и различия в семантике

В состав языковых единств в *каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле* входят неопределенные местоимения или синонимичные им прилагательные (*определенный, известный*) и лексема *смысл*. Все они используются в том случае, когда одна ситуация или объект Q называется именем другой ситуации или объекта Р на основании наличия у Q и Р некоторого общего признака *n*. Рассмотрим примеры:

(1) *Все люди в каком-то смысле дикари. Иногда все мы совершаем жестокие, необдуманные поступки.*

(2) – *Ну да, - сказал я. - В чем-то я с ним, безусловно, согласен. Будучи тоже в некотором смысле человеком отживших понятий, я думаю иногда, что на самом деле человек рожден не только для того, чтобы перевыполнять производственные задания, потреблять первичный продукт и сдавать вторичный, но ему также присуща тяга к чему-то такому совершенно бесполезному, как, например, любовь, красота, вдохновение...* (В.Войнович).

В (1) говорящий дает современным людям (Q) номинацию «дикари» (Р) на основании наличия у них общего признака – склонности совершать жестокие, необдуманные поступки (*n*). В (2) говорящий, в принципе, не относит себя к категории «человек отживших понятий» (Р), однако указывает на то, что в чем-то он сходен с таким человеком.

При этом важным моментом является то, что признак *n*, общий для Q и Р, незначителен, носит периферийный характер. М.Я.Гловинская выделяет для фразем в *каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле* такую функцию, как указание на «второстепенные и немногочисленные черты сходства двух ситуаций» [Гловинская 416].

Например, в (1), используя языковое единство в *каком-то смысле*, говорящий подчеркивает, что сходство между людьми и дикарями невелико и объединяющий их признак является периферийным (в принципе, понятия *люди* и *дикари* совсем не близки).

Языковые единства в *каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле* имплицитно указывают, что в языке есть категория слов, которые могут иметь много различных *смыслов*. Как пишет И.М.Кобозева, к данной категории относится «абстрактная лексика типа *помощь, реформа, самостоятельность, альтернатива, пророчество, ошибка* и т.п.» [Кобозева 315]. Причем под *смыслом* пони-

мается не множество словарных толкований лексемы, а некоторое конкретное множество свойств денотата. Действительно, некоторая номинация «Р», избранная говорящим, может быть понята в одном из нескольких возможных «дополнительных», «периферийных» смыслов (неосновные свойства), но может быть понята и в основном смысле (основные свойства), и в этом случае велика опасность неадекватного понимания номинации.

Например, если бы высказывание (1) не содержало пометы *в каком-то смысле*, то оно, понятое буквально, выглядело бы как явное преувеличение (ср.: *в полном смысле слова, в буквальном смысле слова, в строгом смысле слова*). Здесь же говорящий объясняет, что считает, что люди лишь напоминают дикарей по одному признаку (причем периферийному), по одному из аспектов своего поведения. Строя высказывание по модели *Q в каком-то смысле/в некотором смысле/в определенном смысле/в известном смысле Р* (Q и Р – члены разных категорий), говорящий «не позволяет» адресату воспринять его высказывание буквально, ведь Q заведомо не идентично Р и номинация «Р» может быть использована только как непрямая.

То, что языковое выражение может быть понято в нескольких смыслах, можно проиллюстрировать на примере из братьев Стругацких:

(3) *Кандид свернул направо и пошел по улице. Старец, пугаясь в траве, некоторое время плелся следом, бормотал: «Если нельзя, то всегда в каком-нибудь смысле нельзя, в том или ином. Например, нельзя без старости или без собрания, а со старостью или с собранием, наоборот, можно, но опять же не в любом смысле...»* (А. и Б. Стругацкие).

Автор высказывания объясняет, что *нельзя* можно трактовать и понимать по-разному, если не поясняется, что конкретно имеется в виду в данном случае.

Рассмотрим еще один пример:

(4) *У первой когорты было и то оправдание своей «муравьиности», что КПСС предперестроечного и перестроечного образца не была в каком-то смысле уже (и еще!) политической организацией* (Завтра).

В данном случае возможно множество пониманий, интерпретаций понятия *политическая партия* в связи с многоаспектностью самого понятия (это понятие можно «развернуть» в зависимости от взгляда на него: *политическая партия* – это и *n*, и *y*, и *z*, где *n*, *y*, *z* – признаки или варианты интерпретации).

Понятия *политическая организация* и *дикари* допускают много возможных интерпретаций. Неслучайно совершенно нормальными и логичными представляются вопросы: *В каком смысле дикари?* или *Какие конкретно признаки политической партии Вы имеете в виду?* И.М. Кобозева приводит пример, демонстрирующий, что невозможно задать подобного рода вопросы, если речь идет о понятии точном и однозначном. Ср.: *Университет получил орден Дружбы народов. - *В каком смысле?* [Кобозева 315].

Итак, фраземы в каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле обладают следующими чертами:

1. Они используются в том случае, когда одна ситуация или объект Q называется именем другой ситуации или объекта P на основании наличия у Q и P некоторого общего признака n.

2. Данный признак незначителен, носит периферийный характер.

3. Они используются только в сочетании с лексикой, допускающей большое количество интерпретаций.

Прежде чем перейти к описанию семантики каждого из рассматриваемых языковых единств в отдельности, предложим общее толкование для всех четырех единиц: Q в каком-то смысле / в некотором смысле / в определенном смысле / в известном смысле P = 'говорящий знает/считает, что Q проявляет признак n; говорящий считает, что P – ситуация, которая стабильно проявляет признак n; признак n является периферийным; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что n проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «P»; говорящий подчеркивает, что номинация «P» допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у P.

Итак, рассмотрим каждую из фразем в отдельности.

В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ

Прежде всего, в каком-то смысле, как и остальные языковые единства с лексемой *смысл*, сближает две ситуации – Q и P – на основании наличия у них общего признака n, который, впрочем, имеет периферийный характер.

Специфика в каком-то смысле заключается в том, что данная фраза представляет нетривиальный взгляд говорящего на определенную ситуацию или объект: действительно, до говорящего никто не обращал внимания на наличие черт сходства у людей и дикарей (см. (1)) и не предполагал, что к КПСС можно отнестись не как к политической партии (см. (4)).

Предложим толкование: X в каком-то смысле P = 'говорящий знает/считает, что Q проявляет признак n; говорящий считает, что P – ситуация, которая стабильно проявляет признак n; признак n является периферийным; говорящий понимает, что сближение Q и P является неожиданным с точки зрения представлений носителей языка о норме; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что n проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «P»; говорящий подчеркивает, что номинация «P» допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у P'.

Применим предложенное нами толкование для (1): говорящий считает, что люди проявляют признак n: совершают жестокие, необдуманные поступки; говорящий считает, что дикари постоянно совершают такие поступки; данный признак является периферийным; говорящий

понимает, что сближение людей и дикарей является неожиданным с точки зрения представлений носителей языка о норме; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что люди совершают жестокие, необдуманные поступки; поэтому говорящий называет людей дикарями; говорящий подчеркивает, что данная номинация допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у Р.

В данном случае можно говорить о проявлении говорящим некоторой «смелости»: он сближает два понятия, несовместимых априори, находит общий признак у принципиально различных явлений. Таким образом, говорящий представляет нетривиальный взгляд на данные явления.

Обратимся к другим примерам с фраземой в каком-то смысле:

(5) *Иисус, похоже, имел в виду детей, то есть в каком-то смысле нас с вами* (Московский комсомолец).

Здесь говорящий утверждает, что мы обладаем определенными чертами, которыми обладают дети. Или к нам подходит одна из интерпретаций понятия *дети*: наивные, несмышленные, неопытные существа.

(6) *Все мы в каком-то смысле пещерные люди – ничего страшнее призрака или вурдалака представить себе не можем. А между тем нарушение принципа причинности – гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений* (А. и Б.Стругацкие. Пример из [Кобозева]).

Пример (6) демонстрирует идею о том, что степень сходства между нами и пещерными людьми невелика: аспект, по которому мы схожи с пещерными людьми, имеет периферийный характер – это наивность в представлении о том, что страшно. Однако здесь признак и конкретизирован – мы, как и пещерные люди, *ничего страшнее призрака или вурдалака представить себе не можем*.

(7) *Каждый новый успех Зона объявлялся каким-то не таким, в каком-то смысле провалом* (Е.Шварц. Пример из [Гловинская]).

В данном случае говорящий выражает не просто нестандартный взгляд на ситуацию, а, скорее, прямо противоположный принятому, поскольку успех в чем-то воспринимается как провал (*успех и провал* – антонимы). Действительно, как нечто может быть успехом и одновременно провалом?

Аналогичная ситуация наблюдается и в (4) – говорящий оспаривает то, что КПСС является политической организацией (антонимы: *политическая организация - неполитическая организация*), и в 5 – говорящий считает, что взрослые люди в чем-то проявляют себя как дети (антонимы: *взрослые люди – дети*), и в (6) – говорящий замечает в современных людях черты пещерных людей (антонимы: *современные люди – пещерные люди*).

Итак, языковое единство в каком-то смысле может использоваться в том случае, когда имеет место неожиданное совмещение априори несовместимых понятий, когда имеется несоответствие взгляда говорящего традиционным представлениям носителей языка о норме. Именно с этим связано то обстоятельство, что в контекстах с *в ка-*

ком-то смысле автор высказывания нередко сближает антонимичные понятия.

В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ

Семантической доминантой в некотором смысле является собственно указание на периферийный характер признака *n*. Используя фразу в некотором смысле, говорящий подчеркивает, что можно говорить лишь об умеренном сходстве Q и P. См. в качестве примера (2):

(2) – Ну да, - сказал я. – В чем-то я с ним, безусловно, согласен. Будучи тоже в некотором смысле человеком отживших понятий, я думаю иногда, что на самом деле человек рожден не только для того, чтобы перевыполнять производственные задания, потреблять первичный продукт и сдавать вторичный, но ему также присуща тяга к чему-то такому совершенно бесполезному, как, например, любовь, красота, вдохновение... (В.Войнович).

В данном примере делается акцент на незначительности сходства Q и P: говорящий, в принципе, не склонен относить себя к категории «человек отживших понятий», однако определенное сходство с представителями данной категории у него все же имеется.

Предложим толкование: *X* в некотором смысле *P* = 'говорящий знает/считает, что Q проявляет признак *n*; говорящий считает, что *P* – ситуация, которая стабильно проявляет признак *n*; признак *n* является периферийным; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что *n* проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «P»; говорящий подчеркивает, что номинация «P» допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у P'.

Рассмотрим другие примеры с языковым единством в некотором смысле:

(8) – Старик, - торжественно сказал Зильберович, - поверь моему вкусу, это настоящий гений.

Причем сказал это таким тоном, по которому нетрудно было понять, что хотя я тоже в некотором смысле вроде бы гений, но все же, может быть, не совсем настоящий (В.Войнович).

Здесь говорящий использует номинацию *гений*, которая не является вполне однозначной. Говорящий считает, что у него есть черты гения; при этом сходство между говорящим и гением ограничено. Применим предложенное выше толкование для данного случая: говорящий считает, что проявляет один из признаков гения; данный признак является периферийным; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что он (говорящий) проявляет данный признак; поэтому говорящий называет себя *гением*; говорящий подчеркивает, что номинация «P» допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у P.

(9) – Я имею в виду, что некоторые люди вашей профессии обладают сильно развитым воображением и при помощи воображения могут проникнуть куда угодно, даже в Швейцарский банк. Это правда или нет?

– *В некотором смысле, конечно, правда, - согласился я. Проникнуть в банк с помощью воображения можно, а вот унести оттуда то, что лежит, это почему-то не получается* (В. Войнович).

Ответная реплика иронична благодаря эффектному использованию фраземы *в некотором смысле*. Говорящий подразумевает: вы правы, но лишь отчасти, только если не выходить за рамки воображаемого. Проникновение в банк возможно, но только если это ненастоящее проникновение. Действительно, собеседник говорящего нашел у понятия *проникновение в банк* интересный смысл, своеобразную интерпретацию – *воображаемое проникновение в банк*. Говорящий замечает это и обыгрывает: «Я не вправе спорить, воображаемое проникновение в банк – тоже проникновение». Иными словами, говорящий считает, что воображаемое проникновение в банк совпадает с реальным проникновением в банк в одном из аспектов – *и*; на этом основании он называет воображаемое проникновение в банк тоже *проникновением*; при этом аспект сходства носит ограниченный, периферийный характер.

(10) *И это даже будет очень хорошо-с в некотором смысле, - совершенно оживился Петр Степанович. – Извините, я давеча не закончил. Я именно о покровительстве* (Ф. Достоевский).

По использованию говорящим лексемы *даже* мы можем сделать вывод, что слушающий не уверен / не считает, что *это будет хорошо*. Однако говорящий предполагает, и даже настаивает, что если взглянуть на ситуацию с другой стороны, то можно обнаружить в ней и положительные моменты.

Контекстными синонимами *в некотором смысле* являются лексемы *отчасти* и *частично* (ср., например: *Это в некотором смысле / отчасти правда*).

Стоит отметить, однако, что не во всех контекстах языковое единство *в некотором смысле* соответствует нашему толкованию. В частности, Ф.М. Достоевский широко использовал его не как синоним *отчасти*, а, скорее, как средство, помогающее смягчить номинацию «Р», или передать колебания говорящего при выборе номинации, или показать чувство неловкости, которое испытывает говорящий, произнося нечто резкое, противоречащее договору с адресатом или могущее вызвать недовольство последнего.

(11) *Кириллов надел скюртку.*

– *Да, тоже для здоровья, - пробормотал он сухо, - садитесь.*

– *Я на минуту. А впрочем сяду. Здоровье здоровьем, но я пришел вспомнить об уговоре. Приближается «в некотором смысле» наш срок-с, - заключил он с неловким вывертом* (Ф. Достоевский).

В данном случае эта единица помогает передать неловкость, замешательство говорящего (*с неловким вывертом*).

(12) *–Извольте видеть-с: если б я не был так уверен, то уж, разумеется, при моей опытности, не рискнул бы так прямо вас обвинить, ибо за подобное, прямое и гласное, но ложное или даже только оши-*

бочное обвинение я, в некотором смысле, сам отвечаю. Я это знаю-с (Ф. Достоевский).

(13) – Позвольте спросить, - вдруг встала Соня, - вы ей что изволили говорить вчера о возможности пенсионера? Потому, она еще вчера говорила мне, что вы взялись ей пенсионер выхлопотать. Правда это-с?

– Отнюдь нет-с, и даже в некотором смысле нелепость. Я только намекнул о временном вспоможении <...> (Ф. Достоевский).

Как мы видим из контекстов, во всех трех примерах ((11)-(13)), где в некотором смысле не указывает на сходство двух явлений, объектов, ситуаций в одном из аспектов, в одной из интерпретаций, а выполняет иную функцию, говорящий произносит слова, могущие расстроить, разочаровать собеседника, обмануть его ожидания, заставить врасплох, напомнить о чем-либо неприятном. Во всех этих случаях информация, сопровождаемая в некотором смысле, является неожиданной и носит негативный характер. По-видимому, только такие контексты допускают в некотором смысле в рассматриваемой нами функции. Использование в каком-то смысле здесь невозможно.

Итак, семантическим акцентом фраземы в некотором смысле является периферийный характер, незначительность признака *и*, на основании которого говорящий использует некоторую номинацию для ситуации или объекта.

В ОПРЕДЕЛЕННОМ СМЫСЛЕ

Фразема в определенном смысле, выводы о значении которой мы можем сделать исходя из ее внутренней формы, указывает на то, что самому говорящему понятно, какое именно свойство является общим для ситуаций Q и P. Говорящий имеет возможность назвать, эксплицировать свойство *и*. Таким образом, речь идет об определенном, конкретном признаке, известном говорящему. Ему понятно, в каком именно смысле Q соответствует P.

Предложим толкование: X в определенном смысле P = 'говорящий знает/считает, что Q проявляет признак *и*; говорящий считает, что P – ситуация, которая стабильно проявляет признак *и*; признак *и* является периферийным; говорящему известно, каков признак *и* и он имеет возможность его эксплицировать; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что *и* проявлен в Q; поэтому говорящий называет Q именем «P»; говорящий подчеркивает, что номинация «P» допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у P'.

Рассмотрим пример:

(14) Просто удивительно, что с этой подлой стеклотарой ничего не случилось за столько лет! Сколько сервизов и любимых ваз переколотили. Тут явно была какая-то мистика, ибо бочонок являлся вещью в определенном смысле исторической и сыграл в судьбе Олега Трудовича забываемо гнусную роль. А случилось вот что (Ю. Поляков).

Говорящий показывает, что он знает такое свойство бочонка *n*, которое позволяет назвать его *вещью исторической*. Говорящий выражает свое намерение посвятить адресата в то, что уже известно ему самому. Мы знаем, что для говорящего очевидно, в каком именно смысле бочонки являлись *вещью исторической*.

Использование фраземы *в определенном смысле*, в отличие от *в каком-то смысле* и *в некотором смысле*, не вполне корректно в диалогическом контексте в ситуации, когда говорящий, с оговоркой, соглашается, что *Q* может быть названо именем «*P*» (когда говорящий соглашается со слушающим, уточняя при этом, что *Q* и *P* сближает лишь периферийный признак). Ср.:

A) - Все люди – дикари.

- *В каком-то смысле да / В каком-то смысле это так.*

B) - Все люди – дикари.

- *В некотором смысле да / В некотором смысле это так.*

B) - Все люди – дикари.

- ? *В определенном смысле да /? В определенном смысле*

это так.

В каком-то смысле в ответной реплике говорящего показывает, что говорящий относится к позиции слушающего как к расходящейся с общепринятыми представлениями о норме и, соответственно, лишь отчасти согласен с ней (*Q* сближается с *P* лишь по периферийному свойству). На отношение говорящего к свойству *n* как периферийному указывает и *в некотором смысле*. Напротив, *в определенном смысле* подразумевает продолжение одним человеком начатой им же мысли, экспликацию признака *n*, пояснение высказанной позиции, поэтому в реплике-реакции эта единица не вполне уместна.

В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ

Языковое выражение *в известном смысле* является показателем того, что, с точки зрения говорящего, любой человек и, в частности, адресат согласится (согласился бы) с идеей о наличии у *Q* и *P* общего признака *n*.

(15) *В известном смысле любовь – это болезнь. Человек страдает, становится слабым и беспомощным.*

В данном случае говорящий полагает, что любой согласится с тем, что любовь и болезнь действительно имеют нечто общее.

Дадим толкование: *X* *в известном смысле P* = 'говорящий знает/считает, что *Q* проявляет признак *n*; говорящий считает, что *P* – ситуация, которая стабильно проявляет признак *n*; говорящий считает, что адресат понимает или должен понять, какой именно признак имеется в виду; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что *n* проявлен в *Q*; поэтому говорящий называет *Q* именем «*P*»; говорящий подчеркивает, что номинация «*P*» допускает столько потенциальных интерпретаций, сколько свойств есть у *P*'.

Используя в известном смысле, говорящий подразумевает: 'адресат должен понимать, почему Q названо именем «Р»'.

Рассмотрим примеры:

(15) *Такое соглашение в известном смысле – шаг назад, так как союз отказывается от такой цивилизованной формы финансирования подобных расходов, как федеральный налог* (Н.Петраков. Пример из [Кобозева]).

Для данного примера может быть предложена следующая интерпретация: говорящий считает, что соглашение по определенному признаку *n* является шагом назад; говорящий полагает, что адресат понимает, почему данное соглашение можно назвать *шагом назад*; говорящий хочет, чтобы адресат знал, что соглашение обладает признаком *n*; поэтому говорящий называет соглашение *шагом назад*.

(16) *Все время этот Тузик, что за елки-палки? Свет на нем клином сошелся, что ли? То есть, в известном смысле, сошелся... Кефироман, бабник отвратительный, резинщик... впрочем, все шоферы резинчики... нет, это надо прекратить: кефир, шахматшки в рабочее время* (А. и Б.Стругацкие).

Говорящий осознает, равно как и все остальные, благодаря чему так популярен X. В данном случае говорящий разъясняет сам себе, почему для всех окружающих на X-е свет клином сошелся: не потому что X идеален во всем, а потому, что он обладает именно этим, перечисленным говорящим, набором признаков.

В известном смысле, как и в определенном смысле, тоже не вполне уместно в ответной реплике говорящего в диалогическом контексте:

- Все люди – дикари.

- ? В известном смысле да / ? В известном смысле это так.

Это, по видимому, связано с тем, что в известном смысле предполагает продолжение мысли одним и тем же лицом, поскольку говорящий сам указывает на свойство *n*, объединяющее Q и P, которое считает известным или очевидным.

Таким образом, мы выяснили, в чем состоит специфика каждого из рассмотренных языковых единств. Обозначим еще раз семантическую доминанту каждого из них.

В каком-то смысле используется в случае, если имеет место неожиданное совмещение априори несовместимых понятий, несоответствие взгляда говорящего на ситуацию или объект общепринятым представлениям о данной ситуации или объекте.

В некотором смысле указывает на периферийный характер, незначительность свойства *n*, на основании которого говорящий использует имя одного понятия для другого понятия.

В определенном смысле подчеркивает известность свойства *n*, на основании которого говорящий использует имя одного понятия для другого понятия, говорящему и возможность эксплицировать данное свойство.

В известном смысле говорит об уверенности говорящего в том, что свойство *n*, на основании которого используется название одного понятия для другого понятия, либо уже известно адресату, либо адресат должен согласиться с идеей о наличии у Q и P общего свойства *n*.

Семантические интерпретации значений *в каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле* позволяют объяснить особенности сочетаемости данных лексем. Здесь выделяются два случая: «контексты семантической дифференциации» (возможность употребления различных единиц при изменении смысла) и «контексты противопоставления» (взаимозамена невозможна). Рассмотрим эти случаи.

Контекстом семантической дифференциации является, например, (17):

(17) *Я бы даже сказал, что высшие руководители в некотором смысле еще бесправнее рядовых советских граждан. Они не только обязаны неукоснительно соблюдать все правила и ритуалы, принятые в их среде, не только живут в постоянном страхе друг перед другом, но и от самих привилегий отказаться не могут* (Войнович. Пример из [Лубенская]).

В данном контексте могло бы быть использовано и *в каком-то смысле, и в определенном смысле, и в известном смысле*: то, какую единицу избирает говорящий, зависит от отношения самого говорящего к выражаемой им идее. *В некотором смысле* указывает только на то, что признак *n* является периферийным (в принципе, в основном, жизнь руководителей все же не хуже, чем жизнь простых граждан). *В каком-то смысле* будет свидетельствовать о том, что говорящий считает свое утверждение Q неожиданным, *в определенном смысле* – что говорящему известно, почему высшие руководители бесправнее рядовых советских граждан, а *в известном смысле* – что говорящий полагает, что это известно адресату.

Контекстом семантической дифференциации является также (14):

(14) *Просто удивительно, что с этой подлой стеклотарой ничего не случилось за столько лет! Сколько сервизов и любимых ваз переколотили. Тут явно была какая-то мистика, ибо бочонок являлся вещью в определенном смысле исторической и сыграл в судьбе Олега Трудовича незабываемо гнусную роль. А случилось вот что* (Ю.Поляков).

Посмотрим, как сместились бы семантические акценты, если бы в данном контексте были использованы другие единицы. *Бочонок в каком-то смысле являлся вещью исторической* значит, что никто до говорящего не относился к бочонку как к исторической вещи, а *Бочонок в некотором смысле являлся вещью исторической* указывает на периферийный характер признака *n*, на основании которого бочонку дается номинация «вещь историческая».

Рассмотрим теперь контексты протвopоставления, которые можно разделить на несколько групп.

ГРУППА А: возможно употребление *в каком-то смысле*, невозможно – *в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле*

К этой группе относятся примеры, в которых сближаются антонимичные, априори несовместимые понятия. Только *в каком-то смысле* способно поддержать данный семантический компонент, введение в контексты такого типа остальных единств с лексемой *смысл* невозможно.

(1) *Все люди в каком-то смысле/*в некотором смысле, *в определенном смысле, *в известном смысле* дикари.

(5) *Иисус, похожее, имел в виду детей, то есть в каком-то смысле/*в некотором смысле, *в определенном смысле, *в известном смысле* нас с вами.

(6) *Все мы в каком-то смысле/ *в некотором смысле, *в известном смысле* пещерные люди – ничего страшнее призрака или вурдалака представить себе не можем. А между тем нарушение принципа причинности – гораздо более страшная вещь, чем целые стада привидений.

(7) *Каждый новый успех* Зона объявлялся *каким-то не таким, в каком-то смысле/*в некотором смысле, *в определенном смысле, *в известном смысле* провалом

В (1) несовместимыми являются понятия *современные люди* и *дикари* (противопоставленные друг другу в нашем сознании), в (5) – *взрослые люди* и *дети*, в (6) – *современные люди* и *пещерные люди*, в (7) – *успех* и *провал*.

ГРУППА Б: возможно употребление *в некотором смысле, в определенном смысле, в известном смысле*, невозможно – *в каком-то смысле*

Здесь имеет место обратная ситуация: контекст вступает в противоречие с основным компонентом семантики *в каком-то смысле* (сближение априори несовместимых понятий).

(15) *В известном смысле* любовь – это болезнь. Человек страдает, становится слабым и беспомощным.

ГРУППА В: возможно употребление *в каком-то смысле, в некотором смысле, в определенном смысле*, невозможно – *в известном смысле*

(8) – *Старик*, - торжественно сказал Зильберович, - *поверь моему вкусу, это настоящий гений*.

Причем *сказал* это таким тоном, по которому нетрудно было понять, что хотя я тоже *в некотором смысле/ *в известном смысле* вроде бы гений, но все же, может быть, не совсем настоящий.

Объясним невозможность использования в данном контексте *в известном смысле*: говорящий даже сам не уверен в верности избранной

им номинации (*вроде бы*), следовательно, известность признака и слушающему сомнительна.

Заметим, что в известном смысле хорошо сочетается с такими контекстами, как (14).

(14) *Просто удивительно, что с этой подлой стеклотарой ничего не случилось за столько лет! Сколько сервизов и любимых ваз переколотили. Тут явно была какая-то мистика, ибо бочонок являлся вещью в определенном смысле! в известном смысле исторической и сыграл в судьбе Олега Трудовича незабываемо гнусную роль. А случилось вот что.*

ГРУППА Г: возможно употребление в некотором смысле, невозможно – в каком-то смысле, в определенном смысле, в известном смысле

Здесь речь идет о том употреблении в некотором смысле, которое стоит особняком. В частности, это случаи, когда эта единица выполняет прагматическую функцию, помогая смягчить номинацию «Р»:

(11) *Кириллов надел стуртук.*

– Да, тоже для здоровья, - пробормотал он сухо, - садитесь.

– Я на минуту. А впрочем сяду. Здоровье здоровьем, но я пришел

вспомнить об уговоре. Приближается «в некотором смысле»/ *в каком-то смысле, *в определенном смысле, *в известном смысле наш срок-с, - заключил он с неловким вывертом.

(12) –*Извольте видеть-с: если б я не был так уверен, то уж, разумеется, при моей опытности, не рискнул бы так прямо вас обвинить, ибо за подобное, прямое и гласное, но ложное или даже только ошибочное обвинение я, в некотором смысле / *в каком-то смысле, *в определенном смысле, *в известном смысле, сам отвечаю. Я это знаю-с.*

(13) – *Позвольте спросить, - вдруг встала Соня, - вы ей что изволили говорить вчера о возможности пенсионера? Потому, она еще вчера говорила мне, что вы взяли ей пенсион выхлопотать. Правда это-с?*

– *Отнюдь нет-с, и даже в некотором смысле! *в каком-то смысле, *в определенном смысле, *в известном смысле нелепость. Я только намекнул о временном вспоможении <...>.*

Литература

Гловинская М.Я. Фактически 2, по существу, по сути, практически 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. М., 2003.

Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М., 2000.

Лубенская С. Русско-английский словарь идиом. New-York, 1995.

СРЕДСТВА И ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Иностранцы студенты с первых дней изучения русского языка сталкиваются с его стилистическим разнообразием. Находясь в России, они не только общаются со своими коллегами, но и участвуют в научной жизни (пишут курсовые и дипломные работы, выступают с докладами на конференциях), читают художественную литературу и современные периодические издания, смотрят телевизионные передачи.

Определенные представления о современных языковых процессах и о состоянии речевой культуры могут дать средства массовой информации, которые наиболее быстро реагируют на происходящие в обществе изменения.

Речевой основой языка средств массовой информации является публицистический стиль, одна из особенностей которого – совмещение информативной и воздействующей функций. Через сообщение определенной (заранее обработанной и актуальной именно сейчас) информации происходит весьма тонко спланированное манипулирование поведением большой аудитории. На наших глазах язык СМИ приобретает новые черты, активно взаимодействует с другими функциональными стилями, «превращаясь в мощную информационную систему» [Григорьева 2003: 179-180].

Языковые особенности современных средств массовой информации весьма разнородны. Часто в пределах одной статьи читатели сталкиваются с сочетанием противоположных по своей сути явлений: например, устойчивых, клишированных выражений (*национальное самосознание; торговая операция; вступить в полемику; этническая преступность* и т.д.) и оценочных эпитетов, прямых обращений к аудитории (*чистенько сработал; базарная ксенофобия и базарный антисемитизм; питерская элита; вы, возможно догадываетесь, о чем пойдет речь* и т.д.). Экспрессивность авторским материалам придает использование «деформированных» идиом (*кровавая дама; вмешательство в уличную жизнь; труба вопроса; вичная молодость; Миша долгопалый* и т.д.) и специальных стилистических средств и фигур речи – гипербол, литот, образных сравнений, метафор, метонимий, паронимической аттракции, инсказаний, эвфемизмов (*Москва участвует в строительных комплексах; федеральный центр; обладатель Кремля* и т.д.). Любимым приемом многих современных журналистов является использование аллюзий и цитат: *Остата понесло; Хватит нам ждать милости от природы* и т.д. Разговорная и сленговая лексика причудливо сочетается в печатных и звучащих материалах с книжной и даже старославянской: *были под его «крышей», этническая чистка, занималась «бытовухой», хватать так*

называемых «черных» и храм искусства, дары Мельпомены, паче любой гордости. На газетной полосе «осваиваются» заимствования (*фермер; рекрутинговое агентство; консалтинг; инаугурация; саммит* и т.д.), активно создаются новые слова по продуктивным словообразовательным типам и моделям (*чеченолюбы; басаевофилы; псевдопрямая трансляция; суперфильм* и т.д.), а также нестандартными способами, например, путем гибридизации (*VIРшите бюллетенчик; ГАИ все синим пламенем; убиРАЙ или ад* и т.д.)¹. Средства массовой информации неуклонно следуют речевой моде: *сексуальный, виртуальный, креативный, имидж, нафос* и некоторые другие слова стали в последнее время очень популярны именно с их подачи. Эта «пестрота» языковых средств и создает это во многом уникальное явление – язык современных средств массовой информации.

В последнее десятилетие в русский язык пришло много новых слов, которые стали активно осмысляться и оцениваться говорящими. Это явление в лингвистике получило название метаязыкового комментирования: *так называемый электорат; «бороться» – не совсем подходящее слово; в хорошем смысле этого слова; красиво говоря; как в народе говорят; не побоюсь этого слова* и т.д. Современные средства массовой информации изобилуют примерами языковой рефлексии, и причина этого – не только стремление автора сделать свое высказывание как можно более понятным и выразительным, но и посредством него воздействовать на окружающих. Успешность подобного воздействия определяется тем, насколько внимательно и точно говорящий способен оценить ситуацию, знания других участников беседы о предмете разговора и их психологические особенности.

Активность рефлексивных процессов обусловлена и жанровой принадлежностью печатного или звучащего материала. Например, в случае телевизионного ток-шоу мы имеем дело с неподготовленными, спонтанными высказываниями, в которых вероятность появления метаязыковых комментариев значительно выше, чем в новостных передачах. Кроме того, выступления известных политиков, артистов, деятелей науки и культуры в ток-шоу являются примерами повседневной устной речи и отражают сложные процессы формирования узуса, так как «словоупотребление в телепередачах зачастую еще воспринимается в качестве авторитетной нормы» [Васильев 2003: 27-28]. Это обстоятельство делает их интересными для исследования.

В текстах современных средств массовой информации используют вербальные и невербальные метаязыковые средства: к первым относятся вводные слова и словосочетания, отдельно оформленные предложения, ко вторым – интонационное оформление высказывания, знаки пунктуации, шрифт. Они создают связность текста, выделяют в нем

¹ Этот вопрос рассматривается, в частности, в [Микоян 2003: 201-205]; [Григорьева 2003: 177-179].

важные, с точки зрения говорящего, фрагменты. Как отмечает В.Д. Девкин, метакоммуникативные высказывания «касаются «техники» ведения беседы: способа выражения мыслей, формы изложения, отношения собеседника к избираемому оформлению речи, т.е. внешних моментов участия в общении, «обслуживания» бесперебойности и надежности «канала связи» [Девкин 2001: 86].

Можно выделить следующие функции рефлексивов в современных публицистических текстах:

1. Комментирование стилистически маркированных и недавно пришедших в язык слов. Оно помогает избежать двусмысленности и возможного непонимания. В качестве примера приведем диалог В. Канониной, директора салона красоты, и С. Зверева, популярного стилиста:

– В.К.: Там <в кафе «Молодежное»> был генеральный директор...

– С.З.: Сексуальный очень...

– В.К.: Он высокий, красивый. Я «сексуальный» слово не понимаю. Что это «сексуальный»?

– С.З.: Да, я тоже не понимаю, но модно сейчас так [«Большая стирка», ОРТ, 11.02.2004]. В ходе диалога собеседники обнаруживают свое неприятие ставшего весьма популярным слова *сексуальный* (ср. примеры словосочетаний с этим словом в прессе: *сексуальные меньшинства; гороскоп сексуальной совместимости; сексуальная контрреволюция* и т.д.). Тем не менее, один из них (С. Зверев) все-таки считает возможным его употребление, ссылаясь на современный узус (*модно сейчас так*).

Иногда автор высказывания заранее предвидит возможные вопросы или пытается парировать потенциальные возражения или комментарии. В этом случае он моделирует диалог в своей речи, выступая одновременно в двух коммуникативных ролях: задает вопрос и сам на него отвечает. Это является своеобразным риторическим приемом. Пример из выступления кинорежиссера А. Кончаловского: *Что такое гражданское общество? – Гражданское общество и независимые суды, простите меня, это прежде всего, когда человек становится гражданином. Что такое гражданин? – Знает свои обязанности, не права, а обязанности* [«Свобода слова», НТВ, 27.02.2004]

2. Соотнесение высказывания с литературной нормой. Употребление незнакомых, малоупотребительных и стилистически маркированных слов, которые могут быть неправильно или неоднозначно истолкованы, требует их пояснения участниками беседы. Приведем в качестве примера диалог телеведущего В. Познера и председателя Российского Христианско-Демократического движения В. Аксютнича:

– В.А.: Современные «правые» <...> население называют уничтожительно «электоратом» <...>.

– В.П.: «Электорат» – это абсолютно научное слово, это имеются в виду те люди, которые могут выбирать. Скажем, старше восемнадцати лет. Остальные электоратом не являются. «Народ» – слово другое. Не надо играть словами. Это вещь как есть [«Свобода слова»,

НТВ, 12.02.2004]. Участники диалога по-разному оценивают слово *электорат*. В. Аксютин, ссылаясь на современный узус (*современные «правые»*), считает, что употребление этого слова может оскорбить чье-либо достоинство (*называют уничижительно «электоратом»*). В. Познер, напротив, считает его научным термином. Для пояснения своей точки зрения телеведущий дает определение слову *электорат* (*это имеются в виду те люди, которые могут выбирать. Скажем, старше восемнадцати лет*), а затем отграничивает его от слова *народ* (*«Народ» – слово другое*). Интересно сопоставить предложенное толкование с данным в словаре: *Электорат* – «круг избирателей, голосующих за какую-либо политическую партию, какого-либо кандидата на парламентских, президентских, муниципальных выборах» [ТС СРЯ 2001].

3. Соблюдение необходимых параметров речи (тематической однородности, ясности изложения, громкости, четкости артикуляции). Рефлективы маркируют малейшие отступления собеседников от основной темы разговора, нарушения логики изложения, а также «неблагоприятные условия» восприятия чужой речи (например, когда кто-то говорит очень тихо или, наоборот, слишком громко, недостаточно четко артикулирует звуки). Пример из выступления М. Дейча, обозревателя газеты «Московский комсомолец»: *Когда речь шла об убитой девочке, <...> сквозило в Вашем голосе, ну, мягко говоря, пренебрежение к человеческой жизни. <...> Вот эта снисходительность, простите меня за нелицеприятные слова, граничит где-то с хамством* [«К барьеру!», НТВ, 12.02.2004].

4. Управление ходом беседы. При помощи метаязыкового комментария участники коммуникации регулируют ведение диалога: они попеременно захватывают инициативу, прерывают друг друга, подбирают слова и вводят их в свое выступление, контролируют их восприятие другими, высказывают замечания о речевых умениях и способностях собеседника, уместности темы и условиях протекания разговора. Например, в диалоге В. Соловьева, ведущего программы «К барьеру», и В. Платонова, председателя Московской городской думы, можно наблюдать то, как первый захватывает инициативу и отстаивает свою точку зрения:

– В.С.: *Я начинаю думать, что нам все время врут. Врут, что московское правительство участвует, не так скажем, что Москва, Москва участвует в строительных комплексах: там, Волгодонск, что Москва хочет принять участие в юношеских играх. <...> Москва! Мне нравится эта формулировка – такая невнятная – «Москва!»*

– В.П.: *Чем же она невнятная?*

– В.С.: *Объясню. Потому, что когда спрашиваешь: «Кто должен дать денег?», тебе говорят: «Не мы», а когда спрашиваешь: «Кто виноват?», говорят: «Федеральный центр», а когда спрашиваешь, что сделал хорошее – «Москва!» <...> Вот такое общее, широкое понятие.*

– В.П.: *Это не широко, это узко. А если широко, то это городские власти и москвичи, которые избрали городские власти* [«К барьеру!», НТВ, 19.02.2004]. Диалог интересен тем, что в нем происходит уточнение смысла высказывания и сопоставление позиций (точек зрения) коммуникантов. Так, В. Соловьев при помощи вставной конструкции *не так скажем* переключает наше внимание на поиск наиболее точных слов для выражения своей идеи: словосочетание *московское правительство*, с его точки зрения, менее «удачно» в данном контексте, чем слово *Москва* (в метонимическом употреблении). Тем не менее, и оно не удовлетворяет говорящего (*мне нравится эта формулировка – такая невнятная*): В. Соловьев неоднократно использует глагол *нравится* и оценочные прилагательные (*невнятная формулировка*). Второй участник словесной дуэли (В. Платонов) говорит о том, что это слово можно понимать по-разному, и объясняет более широкое (с его точки зрения) понимание: *А если широко, то это городские власти и москвичи, которые избрали городские власти*.

В некоторых ситуациях автор высказывания, собираясь употребить стилистически маркированное или оценочное слово, предваряет его различными типами ремарок: *мягко / строго /откровенно/ по правде говоря, выражаясь простым языком, как говорят в народе, так скажем / сказать, так называемый* и под. Таким образом, он несколько сглаживает «острые углы» собственного высказывания, предупреждая возможное непонимание или негативную реакцию других участников диалога. Вот пример из выступления А. Мохова, актера МХТ им. Чехова: *Мы были под его <О. Табакова>, так скажем, крышей, как сейчас принято говорить <...> и я пришел к нему, не побоюсь этого слова, как к отцу, посоветоваться и получить благословение* [«Большая стирка», ОРТ, 18.02.2004]. Слово *крыша*, пришедшее в повседневную речь из блатного жаргона, комментируется с точки зрения современного словоупотребления: *крыша* – «то, что охраняет, защищает от опасности; прикрытие (обычно в криминальном мире)» [ТС СРЯ 2001]. Так как это слово имеет ряд коннотаций, его употребление в большинстве случаев маркируется при помощи кавычек (например, в печатных СМИ), ссылок на современный узус (*как сейчас принято говорить*) или на корпоративный язык (*выражаясь языком политиков; как принято говорить у спортсменов / в спортивной среде; как говорят журналисты*).

Речь спортивных комментаторов насыщена стилистически сниженной лексикой и профессионализмами, а потому чрезвычайно богата рефлексивными высказываниями: *Как говорят спортсмены, <Бьёрн Отто> «облизал», что называется, планку – так чистенько сработал* [О. Богословская, Репортаж с Кубка Европы по легкой атлетике, Спорт, 14.02.2004].

Для корректного «вмешательства» в ход чужого высказывания также используются метакоммуникативные средства: *Я не хотел бы вступить в полемику с выступающими. <...> Я считаю, что оно <ре-*

шение президента об отставке правительства» сделано, как англичане говорят, *untimely* – не вовремя, его надо было делать раньше. <...> Я не очень согласен со словом «увольнение» – это уход в отставку [В. Геращенко, «Свобода слова», НТВ, 24.02.2004]. Перед нами фрагмент, насыщенный оценочными комментариями. В. Геращенко при помощи вводного предложения *как англичане говорят* ссылается на корпоративный язык (ср. *как говорят современные школьники; по выражению известного писателя; выражаясь языком желтой прессы; пользуясь терминологией моряков* и т.п.). Эта ссылка подкрепляется как словом *untimely*, так и его русским эквивалентом *увольнение*. Затем оцениваются и сравниваются два близких по значению слова (в словарях они чаще всего толкуются друг через друга), и, таким образом, мотивируется замена. Разница между лексическими единицами заключается в том, что первое содержит сему «вынужденное действие». Существительное *отставка* также может передавать этот смысл, но только при уточнении прилагательными *добровольная / вынужденная*. Весьма неожиданна реакция ведущего программы «Свобода слова» С. Шустера на высказывание В. Геращенко:

– С.Ш.: *Вы сказали по-английски «untimely», а все английские газеты написали «sex». «Путин sex Касьянов». Как это перевести?*

– В.Г.: *Какой «sex»? Я понимаю. Уволил, да* [«Свобода слова», НТВ, 24.02.2004]. Употребление иностранных слов не только не вносит ясности в обсуждение, но создает помехи в коммуникации, затрудняет взаимопонимание.

Одним из обязательных условий успешности речевого акта является контролирование понимания сказанного аудиторией. Достичь поставленной коммуникативной цели без наблюдения за реакцией слушающих значительно труднее, а порой это и вовсе оказывается невозможным: *И при реставрации прежней, допутинской системы, которая называется олигархией (все мы это прекрасно понимаем, да, никакая не демократия), – этот период очень быстро превратится в следующий период, так сказать, условно говоря, левый, когда к власти придет партия мести. <...> Страна попала в ситуацию катастрофы: так называемые демократы, <...> крысы, червяки и все, что появляется на трупе, в это время набежало* [М. Леонтьев, «Свобода слова», НТВ, 27.02.04]. В этом примере мы сталкиваемся с ситуацией, в которой при определенном развитии событий толкование слов может привести к открытому конфликту. Для речи М. Леонтьева, ведущего программы «Однако», особенно характерно обилие неологизмов, метафор, оценочных эпитетов. Метаязыковым комментированием в его высказывании отмечены слова, которые активно употребляются по отношению к современной политической жизни: в рамках одного предложения сталкиваются два антонима: *олигархия* – «политическое и экономическое господство наиболее влиятельных представителей крупного монополизированного капитала» [ТС СРЯ 2001]; *демократия* – «государственный строй и организация всей жизни общества, основанные на при-

знании народа источником власти и всеобщего равноправия в сочетании с широким кругом политических и гражданских прав и свобод» [ТС СРЯ 2001: 207]. Рассуждая о будущем российской политики, М. Леонтьев предсказывает наступление *левого периода*. В словаре *левый* определяется как 1) «радикальный, ориентированный на общественные и политические демократические преобразования»; 2) «придерживающийся социалистических или коммунистических взглядов и революционных методов социальных преобразований» [ТС СРЯ 2001]. Этот новый политический период отмечен, с точки зрения журналиста, тем, что *к власти придет партия мести*. Здесь используется авторский неологизм, построенный по аналогии с существующим в языке сочетанием *партия власти*. Все эти слова сопровождаются метапоказателями: *так сказать, условно говоря, так называемые*. К их числу можно отнести и вводное предложение *все мы это прекрасно понимаем, да, никакая не демократия*: оно также придает слову, к которому относится, смысл «не соответствующий действительному положению дел, мнимый». В первой части этого предложения (*все мы это прекрасно понимаем*) М. Леонтьев подчеркивает, что это не только его мнение.

Метаязыковые комментарии помогают оценить, скорректировать не только свое высказывание, но и принадлежащее другому лицу: *<Террористы> стараются убить как можно больше, извините за выражение, простых людей с тем, чтобы как можно больше оскорбить национальное самосознание людей. <...> Если говорить о чистке, то не об этнической чистке, и хватать всех так называемых «черных», – я терпеть не могу это слово, – но, тем не менее, я имею в виду чистку этнической преступности* [Д. Рогозин, «Свобода слова», НТВ, 06.02.2004]. В данном примере известный политик, председатель партии «Родина», неоднократно выражает свое отношение к слову *черные*. Это существительное в современном русском языке используется для обозначения выходцев с Кавказа; его эвфемизмом в текстах СМИ до недавнего времени выступало словосочетание *лица кавказской национальности*. Д. Рогозин прямо заявляет о своем негативном отношении к употребляемому слову: *терпеть не могу это слово*. То, что выбор сделан не в пользу нейтральной конструкции из литературного языка (*я не люблю это слово*), а в пользу разговорной, имеющей значение «очень не любить, совершенно не выносить кого / что-либо», еще сильнее привлекает внимание к обсуждаемому слову.

Коннотации, присущие слову, которое политик намерен употребить в своей речи, вынуждают его прибегать к формуле: *Извините за выражение*. И.Т. Вепрева так описывает эту ситуацию: «Предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель нормативного литературного языка испытывает культурно-речевой дискомфорт. Ему приходится виниться. Говорящий делает попытку изгладить нравственную вину, совершаемую в слове. Выбор грубого (по оценке производителя речи) слова (выражения) в ситуации предполагаемого нормой эмоционально-экспрессивного нейтрального варианта сопровождается формулами из-

винения» [Ведрева: www.gusexpert.ru]. Вводные предложения этого типа (*извините / простите / прошу прощения за это выражение / слово*) одинаково часто употребляются и в постпозиции, и в препозиции к слову (или более крупному фрагменту текста), которое по каким-то причинам кажется адресанту несоответствующим ситуации. Устойчивое словосочетание *так называемый* является показателем того, что следующее за ним слово, во-первых, «по своему значению не отвечает называемому им предмету, понятию, явлению» [МАС-2 1984], и, во-вторых, не одобряется говорящим. Д. Рогозин уточняет значение слова *чистка* при помощи словосочетания *этническая преступность*. Он комментирует слова, сравнительно недавно вошедшие в речевой обиход (характеризуется в словаре как «новое политическое»): *чистка* в современном языке означает «освобождение от вредных, ненужных, чуждых элементов путем отделения здорового от негодного» [ТС РЯ 1996]. Это слово весьма частотно в текстах СМИ; наряду с ним употребляется его производное – *зачистка*, имеющее то же значение. Прилагательное *этнический* также является «модным» в наши дни (ср. примеры многочисленных словосочетаний с этим словом в прессе: *этнический конфликт; этническая идентичность и толерантность; кризис этнического самоопределения; этническая дискриминация; этнический фактор в федерализации России* и т.п.).

В телевизионных ток-шоу участники бурных дискуссий не только обмениваются своими мыслями, но и высказывают друг другу различные замечания: о речевых способностях и настроении собеседника, об уместности темы и условиях протекания разговора. Чтобы достичь взаимопонимания, им порою приходится проявлять чудеса ораторского искусства. Однако часто кто-то из гостей в студии забывает о культуре общения и ведет себя нетактично. Проиллюстрируем это на примере диалога депутатов Госдумы В. Рыжкова и Л. Нарусовой:

– В.Р.: *Я согласен, Ваша позиция сегодня – это просто, ну, необычайно мужественная, необычайно, я бы сказал так, героическая, потому что действительно, в нашей стране поддерживать президента – это шаг огромного мужества. <...> Я употребляю, может быть, жесткие слова, но, может быть, я говорю, а Вы из людей это <пешек и быдло> делаете.*

– Л.Н.: *Вы же пользуетесь терминологией, Вы знаете, уличных популистов, там «Голосуй-не голосуй, все равно получишь...». А, аплодисменты. И Вы довольны. <...> Я себе это право, и я думаю, что ни у кого не поднимется язык сказать, что я это право не выстрадала [«К барьеру!», НТВ, 26.02.2004]. Интересно сравнить коммуникативные стратегии и тактики участников разговора. Рассмотрим речевое поведение В. Рыжкова. Вводной конструкцией *я бы сказал так* депутат дает понять, что следующая за ней оценка принадлежит исключительно ему, то есть является субъективной. Показательно, что эта конструкция занимает позицию между двумя прилагательными: *мужественный* – «обладающий мужеством, выражающий мужество» (*мужество* – «храбрость,*

присутствие духа в опасности») и *героический* – «выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженно совершающий подвиги» [ТС РЯ 1994]. В итоге из двух лексических единиц выбирается вторая, так как она находится выше на оценочной шкале. В. Рыжков предполагает, что его слова способны причинить некоторый дискомфорт другому участнику диалога (и, возможно, телезрителям), а потому он оценивает их как *жесткие*, т.е. «суровые, грубоватые, резкие». Л. Нарусова, напротив, открыто выражает собственные чувства, употребляет достаточно экспрессивное выражение (*Вы же пользуетесь терминологией, Вы знаете, уличных популистов*) и не стремится его «смягчить» какими бы то ни было речевыми формулами. Слово *популист*, зафиксированное в современных словарях, обозначает сторонника, последователя популизма – политической тактики «уступок, необоснованных обещаний с целью манипуляции общественным мнением, голосами избирателей и т.п.» [ТС СРЯ 2001]. Оно уже само по себе является «конфликтотенной» лексемой, способствующей возникновению (или еще большему нагнетанию) коммуникативного напряжения. Прилагательное *уличный* только добавляет этой реплике воинственности и вполне может привести к коммуникативной неудаче или даже провалу. Фраза *Ни у кого не поднимется язык сказать* (правильно – *язык не повернется сказать*) является контаминацией с другим устойчивым выражением – *рука не поднимется сделать*, которое имеет значение «решиться сказать что-либо неприличное, злое, клеветническое и т.п.» [ФС РЛЯ 1995]. Употребление подобной идиомы, имеющей в словаре помету «разговорное, экспрессивное», также говорит об общем «боевом» настрое участника диалога. Интересно, что Л. Нарусова сначала предпринимает своеобразную «словесную атаку» (*терминология уличных популистов*), а затем пытается повлиять на ответную реплику (несколько «смягчить удар» при помощи деформированного фразеологизма).

Помимо описанных типов рефлексивов можно также выделить класс слов, формально сходных с ними, но семантически опустошенных, выполняющих функцию паузы в потоке речи: *так сказать, как говорится, что называется*. Нередко их употребление становится неоправданным, и они превращаются в слова-паразиты, без которых говорящий просто не мыслит своей речи. Они организуют паузу, во время которой нередко происходит подбор наиболее точного слова из синонимического ряда. В этом случае пауза выполняет метаязыковую функцию.

Таким образом, языковая рефлексия – яркая особенность языка современных средств массовой информации. Небывалая популярность метакоммуникативных высказываний во многом обусловлена активизацией языковых процессов: заимствования, разрушения языковых норм и развития слов максимально родового значения (гиперонимов), изменяющих сложную синонимическую систему литературного языка.

Языковая рефлексия является неотъемлемой чертой русской языковой личности. Подобный тип языкового поведения приоткрывает

завесу над духовным миром человека, его способностью к осмыслению собственного опыта, знаний о себе.

Литература

- Васильев А.Д. «Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления». – М., 2003.
- Григорьева О.Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. Ч. 1. – М., 2003.
- Девкин В.Д. О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. 2001. №1.
- Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.
- Микоян А.С. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. Ч. 1. – М., 2003.
- Шапошников В.Н. «Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении». – М., 1998.

Словари

- МАС-2 – Словарь русского языка. В 4-х тт. – М., 1981-1984.
- ТС РЯ 1994 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
- ТС РЯ 1996 – Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1996.
- ТС СРЯ 2001 – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г.Н. Складчиковой. – М., 2001.
- ФС РЛЯ 1995 – Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2-х тт. Сост. А.И. Федоров. – Новосибирск, 1995.

Электронные источники

Вепрева И.Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ) // www.gusexpert.ru

Источники

ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ: «БОЛЬШАЯ СТИРКА» (ОРТ), «К БАРЬЕРУ!» (НТВ), «СВОБОДА СЛОВА» (НТВ), РЕПОРТАЖИ С КУБКА ЕВРОПЫ ПО ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ («СПОРТ»).

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Г.А.Громова

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСВОЕНИЯ РУССКОЙ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ ФРАНКОГОВОРЯЩИМИ УЧАЩИМИСЯ

Как известно, не существует двух идентичных фонетических систем. Так или иначе они отличаются друг от друга, и эта разница при изучении языка иностранцами определяет возникновение акцента. Необходимую предпосылку сознательного изучения иностранного языка составляют учет фактов родного языка и их сопоставление с фактами изучаемого. Как пишет А.А. Реформатский, «произносительные трудности какого-либо чужого языка нельзя мыслить абстрактно и абсолютно, они всегда дифференциально-сопоставительны и касаются соотношения двух языков» [Реформатский 1959:155]. Поэтому в целях совершенствования методики обучения франкоговорящих учащихся русской фонетике необходимо четкое представление о сходствах и различиях консонантных систем в русском и французском языках. Эти сходства и различия могут проявляться в составе фонем, в системных отношениях и функционировании звуковых единиц, в области артикуляции отдельных звуков и – шире – в артикуляционной базе двух языков.

Состав согласных фонем в русском и французском языках

При сравнении состава согласных фонем в русском и французском языках становится очевидным консонантный характер первого и неконсонантный характер второго языка. В современном русском языке максимальный набор согласных фонем, который выделяется исследователями, составляет 37 единиц (если включать мягкие заднеязычные и [ж':]). Во французском языке исследователи в основном выделяют либо 20 [Щерба 1953], либо 21 фонему [Гордина 1973]. Спору ведутся о статусе /ɲ/ - по мнению некоторых лингвистов это новая фонема, которая пришла во французский язык в результате освоения иноязычной лексики, заимствованной из английского языка [Рапанович 1980].

Указанное количественное соотношение согласных фонем в русском и французском языках обуславливает трудности в изучении франкоговорящими учащимися системы русского консонантизма. Механизм восприятия иноязычной речи таков, что на все разнообразие слышимых звуков как бы «накладывается» фонемная «сетка» родного языка [Гордина 1973:23]. Таким образом, первая трудность состоит в том, что среди русских 37 фонем на начальном этапе франкоговорящие «услышат» не более 21, а на самом деле меньше, так как и во французском языке есть фонемы, которых нет в русском.

В русском языке согласные фонемы противопоставляются по четырем дифференциальным признакам: место образования, способ образо-

вания, глухость-звонкость и твердость-мягкость. Во французском – только три дифференциальных признака: место образования, способ образования и глухость-звонкость. Для наглядности представим согласные русского и французского языков в таблице. Жирным шрифтом выделены французские согласные. В скобках – спорные единицы. В настоящей работе принята точка зрения, согласно которой [ж'] не выделяется в качестве отдельной фонемы, так как в речи большинства носителей русского языка данная звуковая единица отсутствует, а на ее месте произносится твердый долгий [ж]: *дро(ж)и*, *е(ж)у*. Мягкие заднеязычные включены в состав согласных фонем русского языка. При этом следует иметь в виду, что по пассивному органу артикуляции они являются в отличие от твердых не задненебными, а средненебными. Это объединяет их с французскими [k], [g], которые также определяются как средненебные.

Таблица 1

Способ артикуляции		Место артикуляции							
		Губно-		Пер.-язычные		Ср.-яз.	Задне-язычные		
		губные	зубные	зубные	Пер.-небные	Сред.-небн.	Сред.-небн.	Задне-небн	
Щелевые	Средние	w ц'	ф в ф' в' f y	с з с' з' s z	ш ж ш': (ж') ʃ ʒ	j j	x'	x	у в у л.
	Боковые			л л'	l				
Смычные	Взрывные	п б п' б' p b		т д т' д'	t d		к' г' k g	к г	
	Слитные			ц	ч'				
	Носовые	м н м'		н н'	п	л		(ŋ)	
	Дрожащие				р р'				

¹ Данные фонемы различаются задним /w/ и передним /ц/ положением тела языка. Поэтому их также называют соответственно «губно-губная веларизованная» и «губно-губная палатализованная».

Из таблицы видно, что французский консонантизм имеет следующие сходные с русским черты.

1. Разделение согласных по месту образования на губные, передне-средне- и заднеязычные.
2. Разделение согласных по способу образования на смычные и шелевые. Среди шелевых как в русском, так и во французском языках выделяются срединные и боковые. К смычным в обоих языках относятся взрывные и носовые.
3. Характеристика согласных по участию голоса: и в том, и в другом языке одним из дифференциальных признаков согласных фонем является глухость-звонкость, причем главным артикуляционным параметром в противопоставлении глухих и звонких согласных является наличие / отсутствия вибрации голосовых связок.

Первая и вторая черты русского и французского консонантизма имеют универсальный характер, тогда как последняя составляет типологическое своеобразие как русского, так и французского консонантизма.

Несмотря на наличие многих сходных черт французский консонантизм сильно отличается от русского. Назовем наиболее важные отличия.

1. Французские согласные в отличие от русских не противопоставлены по твердости – мягкости.
2. Во французском языке нет слитных, или аффрикат /ш/, /ч'/.
3. Дрожащие представлены во французском языке лишь как варианты шелевой фонемы /r/ [Рапанович 1980:26].
4. Во французском языке отсутствуют заднеязычные шелевые /x/, /x'/'.
5. Во французском языке нет долгих шипящих, подобных русской /ш':/. Следует указать, что наличие аффрикат (слитных) и дрожащих, а также большое количество шелевых в разных локальных рядах определяет типологическое своеобразие русского консонантизма. Наличие же долгой мягкой шипящей /ш': /, скорее всего, составляет специфическую черту системы русских согласных.
6. По месту образования во французском языке выделяется увулярная фонема /r/, которой нет в русском языке.
7. Во французском консонантизме имеется множество сонорных, которые не имеют соответствия в русском: губно-губные шелевые /w/, /ц/, носовые среднеязычная /ɲ/ и заднеязычная /ŋ/. На этом участке фонологический объем французского языка шире фонологического объема русских согласных.

Ввиду различий в фонемном составе русского и французского языков франкоговорящие учащиеся отождествляют неизвестные им фонемы русского языка с имеющимися в их родном языке. Здесь действует одна из тенденций, отмеченных А.А. Реформатским – «подгонка разного чужого под одно свое, когда меньший фонемный репертуар своего языка накладывается на больший фонемный материал чужого языка» [Реформатский 1959:147].

Так, заднеязычные фрикативные могут отождествляться ими с французской фонемой /k/ и произноситься соответственно как [k] в акценте (ср. транслитерацию русского слова «колхоз» - *kolkhoze*, где русский [x] передается буквенным сочетанием «kh», или слова, заимствованные из греческого, - *écho* 'эхо', где сочетание «ch» произносится как [k])¹. Другой вариант акцентного произношения - опущение, «проглатывание» [x]. Таким образом, русское слово *хорошо* может ошибочно произноситься французами с [k] *[k]орошо или с отсутствием первого согласного *[-]орошо.

Долгая мягкая шипящая /ш': / в русской речи французов будет воспроизводиться как [ʃ], то есть без долготы и палатализации (*шей - щей* произносятся одинаково). Вместо [ц] во всех позициях француз произносит сочетание [ts] (*tsar - царь*), вместо [ч] - сочетание [tʃ] (*ciao - [tʃ]iao 'чао', tchèque - [tʃ]èque 'чек'*). На примере заимствованных слов, включающих аффрикаты (*царь* - из русского, *ciao* - из испанского и многих других) видно, что язык «подгоняет», перерабатывает незнакомые звуковые единицы в наиболее близкие по звучанию, но «свои». Звуковые сочетания [ts] и [tʃ] вообще не свойственны французскому языку и встречаются, главным образом, в заимствованных словах. Таким же образом при изучении русского языка, франкоговорящие в своей речи искажают произношение аффрикат [ч], [ц], возникает акцентное произношение *[tʃ]ай вместо [ч']ай - с твердым [tʃ], *[ts]ена вместо [ц]ена - с утрированием шелевого элемента, который в произношении француза к тому же обычно полумягкий или мягкий перед гласным переднего ряда.

Важное системное отличие русского консонантизма от французского заключается в наличии категории твердости-мягкости, которая считается центральной. В системе французского консонантизма находим только одну употребляющуюся в ограниченном количестве слов «мягкую» согласную фонему - /ʎ/, которая определяется как палатальная фонема, поскольку поднятие средней части спинки языка к твердому небу - основная, а не дополнительная артикуляция [ʎ]. В большинстве современных научных работ отмечается, что эта звуковая единица находится на грани исчезновения.

В русском языке, напротив, подавляющее большинство шумных и сонорных фонем составляют пары по твердости - мягкости:

п - п' ф - ф' м - м' т - т' с - с' л - л' к - к' х - х'
б - б' в - в' н - н' д - д' з - з' р - р' г - г' ш - ш':²

¹ Примеров на реализацию /x'/ не приводится, однако очевидно, что сказанное о /x/ относится и к ее мягкой паре.

² Данные фонемы отличаются еще и признаком долготы, которая не имеет фонологического значения в русском языке. В теоретических описаниях русского консонантизма их противопоставление и статус оспиваются по-разному. В лингводидактических целях целесообразно давать их учащимся в общей системе противопоставления по твердости-мягкости, так как для иностранцев, в первую очередь, важна простота изложения материала. Подробнее об этом см., например, [Виноградов 1971:44].

Вне классификации остаются непарные твердые /ж/, /ц/ и непарные мягкие /ч'/ и /й/.

Француз, изучающий русский язык, соотносит свое /m/ с русскими /м, м'/, свое /l/ — с русскими /л, л'/, свое /p/ — с русскими /п, п'/ и т.д. На этом участке фонологической системы фонемный объем русского языка, безусловно, превосходит французский. Практически в каждую согласную фонему родного языка в данном случае «вписываются» две фонемы изучаемого. При произношении русских мягких согласных, все позиции у французов вызывают трудности, а именно:

- а) перед гласным: {п'}ил, [б']ил, [м']ял, [т']е[б']я;
- б) в абсолютном конце слова: ко[н'], уда[р'], эде[с'];
- с) перед согласными: по[л']ка, ре[з']ба, су[д']ба.

Среди этих позиций, в первую очередь, обращают на себя внимание те, в которых неправильное произношение часто приводит к омофонии во французском акценте. Это позиции перед гласными и в абсолютном конце слова, а также почти все позиции для /л/-/л'/: 1)пыл-пил; мал-мял; 2)удар-ударь; 3)полка-полька. Над указанными позициями следует работать в первую очередь. Однако положения перед согласными, в которых неправильное произношение французами твердых и мягких согласных обычно не вызывает омофонии, но часто приводит к разрушению смысла, также важны. К числу таких позиций относятся: а) позиции переднеязычных перед губными (*[т]ма); б) позиции /н/ — /н'/ перед твердыми зубными (*шо[н]ский); в) позиции зубных перед мягкими губными (*во[с]ми) и ряд других.

Вследствие того, что во французском консонантизме отсутствует дифференциальный признак «твердость-мягкость», все французские согласные относительно этого признака нейтральны. Поэтому при обучении франкоговорящих учащихся русскому консонантизму необходимо отрабатывать произношение не только мягких, но и твердых согласных. Особенно важными для противопоставления твердых и мягких согласных являются позиции перед [ы] и [э], а также позиции конца слова после [и], [е], где носители французского языка закономерно дают полумягкий вариант согласного, часто воспринимающийся русскими как мягкий: *пробле[ми], *он позвони[т].

На данном участке русской фонологической системы в речи французов фиксируется устойчивый акцент. Однако закономерно, что с усвоением мягкой /н'/ в разных сочетаниях возникнут проблемы иного рода, чем с другими мягкими согласными, поскольку в системе родного языка имеется мягкая носовая фонема, хотя и входящая в иные противопоставления, чем в русском языке.

Если в целом система русского консонантизма более богата по своему составу, чем французская, то на некоторых участках, как уже говорилось выше, отмечается противоположная ситуация. В первую очередь это участки, связанные с иным соотношением вокализма и консонантизма во французском языке. Речь идет о сонорных /г-п/ и полугласных /w/, /y/. Здесь действует вторая тенденция, отмеченная

А. А. Реформатским: «...вторая тенденция вызвана обратным соотношением, когда фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы [Реформатский 1959:148]. Большая расчлененность на этом участке фонологической системы французского языка может проявиться в выделении несущественных нефонологических признаков.

Функционирование согласных фонем в русском и французском языках

В качестве причин появления иностранного акцента в русской речи необходимо назвать такой важный фактор, как различия в функционировании фонем в родном и изучаемом языках. Под функционированием понимается реализация фонем в звуках в определенных позиционных условиях. Процессы, относящиеся к функционированию фонем, обычно протекают бессознательно для носителя языка. По этой причине закономерности функционирования фонем в изучаемом языке трудно воспринимаются учащимися, а позиционные закономерности родного языка при наличии соответствующих условий переносятся на изучаемый.

Во французском языке есть целый ряд закономерностей функционирования согласных фонем, полностью не совпадающих с русскими, но похожих на закономерности русского консонантизма. Между тем «самое опасное при изучении языков – это найти «похожее» и принять его за «то же» [Реформатский, 1959:145]. Частично сходные черты в функционировании могут приводить к возникновению устойчивого акцента, но могут быть также использованы для «положительного переноса».

В русском и во французском языках имеется регрессивная ассимиляция по глухости-звонкости: ср. рус. *а[дг]ада́ть, ска[ск]а, [ф]переме[ш]ку, моско[ф]ский, со[п]ставный, [ф]скрик*; фр. *anecdote* [anegdɔt] 'анекдот', *médecin* [mɛtɛs] 'врач', *second* [zɛ̃s] 'второй', *esbroufe* – [ɛzbruf] 'нахально'. Однако в русском языке эта особенность функционирования охватывает все парные по глухости-звонкости согласные и характеризует позиции не только внутри слов, но и на стыках слов, в том числе знаменательных слов внутри синтагмы: *на[ж] дом, ика[в] заперт*. Во французском языке подобная ассимиляция наблюдается, главным образом, внутри слова¹ и охватывает не все сочетания шумных согласных. Как и в русском, во французском языке согласные не озвончаются перед сонорными, но в отличие от русского языка во французском имеет место ассимиляция по звонкости перед щелевым губно-зубным: *svelte* [z]velte 'стройный'. Графическое «s» в данном случае соответствует фонеме /s/. Кроме того, во французском языке мы часто имеем дело не с полным уподоблением одного сегмента другому по всем параметрам, реализующим признак «глухость/звонкость», а

¹ В разговорной быстрой речи во французском языке возможна ассимиляция на границе слов: *ta[ʒ] vert, го[р] русс*, но она рассматривается как факультативная.

лишь с фонетическими коартикуляционными процессами, которые регулируются моторной программой высказывания.

Случаи бесспорной мены по глухости/звонкости во французском языке, в основном, ограничиваются позициями, которые представлены в названных выше примерах. Кроме того, уподобление по глухости-звонкости имеет место в словах с приставками *sub-*, *ob-*, *ab-*, заимствованных из латинского: *su*[p]contient 'подсознательный', *o*[p]server 'наблюдать', *a*[p]sent 'отсутствующий' [Гордина 1973:128]. Можно назвать и некоторые другие случаи ассимиляции по глухости-звонкости внутри слов. В остальном уподобление идет, как отмечают исследователи, по линии глухости/звонкости, а напряженность согласного не меняется. Так или иначе в фонетической интерференции отражаются как особенности позиционной реализации фонем родного языка (озвончение шумных перед [v], в частности, провоцирует яркую черту акцента: **o*[z]ветитель, **o*[z]ваивается, **o*[d]ветил и др.), так и специфические черты функционирования звуковых единиц в изучаемом языке, которые не воспринимаются учащимися.

Самыми сложными для франкоговорящих оказываются позиции стыка слов: в этих случаях они «следуют» за графемой (**na*{l} дом, *{к} дому, **o*{t} жары). Отклонения в произношении наблюдаются и в других позициях. Так, в числе трудных можно назвать сочетания, где в результате ассимиляции рядом оказываются гоморганные согласные (*[s]{ади), а также сочетания шумных с аффрикатами (**de*{v}чонка). В то же время некоторые сочетания могут быть использованы как опорные при обучении франкоговорящих русскому произношению (ср. *second* [zg]ond и *сгонять* [зг]онять, *e*{zb}rouffe и [зб]росить, *su*{pc}onscience и *o*{пк}атать).

Достаточно часто фонетическая интерференция в русской речи французов возникает вследствие сильных различий в функционировании согласных в родном и изучаемом языках. В русском языке существует целый ряд позиционных закономерностей, не имеющих соответствия во французском. Среди них, в первую очередь, следует назвать оглушение парных шумных звонких согласных в абсолютном конце слова: *но*{ж}и – *но*{ш}, *пло*{д}ы – *пло*{т}. Оглушение шумных на конце слов во французском языке не допускается. Соответственно на данном участке у франкоговорящих возникает устойчивый акцент, подкрепляемый системой родного языка и русской графикой: они произносят **но*{з}, **пло*{д}.

Еще одна особенность функционирования русских согласных – наличие ассимиляций по месту и способу образования в консонантных сочетаниях переднеязычных согласных. Поскольку в родном языке учащихся таких ассимиляций нет, данная особенность функционирования русских согласных ими воспринимается нелегко. В ходе обучения русскому произношению ошибки французов, как правило, сводятся к тому, что учащиеся «следуют» за графемой. Так, например, на месте сочетаний /сш/, /зш/, /сж/, /зж/ вместо долгих [ш:] и [ж:], которые долж-

ны звучать здесь в соответствии с нормой русского литературного языка, в акценте встречается произношение: *не[s]ий, *ви[zʒ]ать. Сочетания СЧ, ЗЧ также представляют серьезную трудность для франкоговорящих. Например, вместо произношения не[ш']астный встречается акцентное произношение *не[s]частный. Та же тенденция, даже в еще большей степени, наблюдается в произношении указанных сочетаний на стыках служебных и знаменательных слов: *[s] человеком вместо [ш'] человеком и т.п. Взрывные согласные перед шелевыми того же места образования, как известно, в русском языке заменяются аффрикатами: о[ц]сыпать, о[ц] солнца, о[дж] жары, о[ч] шума, [ч']щетно. Для франкоговорящих учащихся особенно трудными оказываются данные сочетания на границе слов. В этом случае, как и в предыдущих, получаем акцентное произношение, например: *о[t] солнца, *о[t] жары, *о[t] шума.

На среднем и продвинутом этапах обучения в реализации сочетаний СШ, ЗШ, СЖ, ЗЖ и других могут проявляться иные черты акцента. На месте этих сочетаний учащиеся могут произносить не долгие, а краткие шипящие, причем полумягкие. Подобное произношение возможно не только внутри слова, но и на стыках слов (с шубой – *[ʃ]убой, без жены – *бе[ʒ]ены).

Можно назвать и некоторые другие позиционные изменения в русском языке, на которые нужно обратить внимание в ходе обучения французов русскому произношению. К их числу относится ассимиляция по твердости-мягкости (главным образом, зубных перед зубными). Здесь в акценте обычно произносятся твердые или полумягкие звуки: *в ма[s]се, *мо[s]тик, *ве[z]де вместо нормативного в ма[s']се, мо[s']тик, ве[z']де.

Консонантный характер русского языка обуславливает зависимость артикуляции гласного от предшествующего или последующего согласного: например, в *Италию* – в[ы]талию, из *Индии* – из[ы]ндии. В данных примерах твердый согласный предлога определяет звучание последующего гласного [Касаткин 2003:130]. Во французском языке, как отмечалось выше, наоборот, вокализм сильнее, что обуславливает системную зависимость артикуляции согласного звука от гласного [Рапанович 1980:30]. Данная закономерность функционирования звуковых единиц переносится франкоговорящими на русский язык, провоцируя ошибочное произношение, особенно на стыках слов. Поэтому перед [и] в вышеназванных примерах согласный в акценте становится полумягким: *[v] *Италию*, *и[z] *Индии*.

В ряде случаев провоцировать акцентные черты в русской речи французов могут особенности французской графики. Французские сонорные [m], [n] не произносятся в позиции после гласной на конце слова или перед последующей нетождественной согласной, например: *langue* [lɑ̃g] 'язык', *lampe* [lɑ̃p] 'лампа', *son* [sɔ̃] 'звук' – в этих позициях сочетания букв *am, an, om, on, em, en, im, in, um, un* обозначают носовые гласные. Соответственно на месте русских сочетаний «глас-

ный+носовой согласный» перед последующим согласным или группой согласных французы произносят носовые гласные: *Андреевич* * \tilde{a} дреевич, *Англия* * \tilde{a} глия.

Следует указать и то, что закономерности функционирования французских согласных определяют изменения гласных в акценте. Поскольку французские звонкие согласные на конце слова не оглушаются, данная особенность консонантной системы проявляется во французском акценте в виде реализации звонких фонем в звонких вариантах на конце слов. Названное отклонение в некоторых случаях, а именно перед согласными [з], [ж], [в], сопровождается удлинением предшествующего гласного: *зак[a:]з, *гар[a:]ж, *ул[о:]в.

Некоторые закономерности функционирования фонем в рассматриваемых языках полностью совпадают. Например, как русские, так и французские сонорные согласные могут оглушаться на конце слов после шумных согласных. Во французском сказанное касается согласных /t/, /l/, /m^h/: *spect*[t]e, *peup*[l]e, *organis*[m]e. В русском – сонорных /p/-/p'/-/л/-/л'/-/м/-/м'/-/н/-/н'/: *смот*[p], *вих*[p'], *смыс*[л], *воп*[л']; *рим*[м], *пес*[н']. В этих же позициях сонорные могут вокализироваться: ср. рус. *рим*[М] и фр. *asth*[m]. Таким образом, в данном случае может иметь место положительный перенос закономерностей функционирования фонем в родном языке на изучаемый.

Артикуляция звуков в русском и французском языках

Безусловно, усвоение фонологической системы – очень важная задача, стоящая перед изучающим иностранный язык. Но не менее важны новые артикуляционные навыки, которые учащемуся приходится приобретать, преодолевая артикуляционные навыки родного языка. На этом участке также проявляется интерференция и возникает акцент.

Артикуляционная база французского языка отличается от русской гораздо большей напряженностью артикуляционного аппарата. Это так называемое «*tension musculaire*»², вызывающее при произнесении согласных впечатление четкости и определенности [Léon 1964:51]. М.В. Гордина также указывает, что «для французского произношения в связи с большей общей напряженностью артикуляции характерно сильное сжатие тела языка в горизонтальном направлении, так что задняя часть спинки его занимает почти вертикальное положение и далеко отстоит от задней стенки фаринкса» [Гордина 1973:51]. При произнесении переднеязычных согласных, у франкоговорящих язык чаще принимает аликаральное положение, а у русских – дорсальное. В целом в русском языке отмечается значительное преобладание дорсальных зубных арти-

¹ Сонорный [н] на конце слова после шумных согласных не встречается.

² La tension musculaire est constante dans l'articulation française. Bien que sans cesse maintenu à un niveau élevé, elle est sans saccade, sans augmentation ou diminution brusque. C'est un contrôle rigoureux de tous les muscles, sans jamais la moindre contraction visible à l'extérieur, mais avec une mimique articulatoire très tipique, qui utilise beaucoup les mouvements des lèvres [Léon 1964:48].

куляций над апикально-альвеолярными [Князев, Пожарицкая 2005:144], что не характерно для французского языка.

Губы во французском языке артикулируют очень энергично, что соответствует общей напряженности артикуляторного аппарата. Не существует выраженных переходов и «полутонов» в рекурсии согласного и экскурсии гласного или наоборот, как в русском: [м^ат^т], [т^{от}]. Французская артикуляция однородна на всем протяжении звука, поэтому учащимся довольно сложно перестроиться при произношении, в частности, русских мягких [т^с], [д^с], имеющих свистящий призвук.

В целом артикуляция французских согласных предполагает нейтральное положение артикуляционного аппарата, которое для французского языка соответствует произнесению звука [œ], более короткий его вариант - [ə]. Иными словами, маленький призвук [ə] часто сопровождает звучание французских согласных, эта тенденция особенно сильно проявляется в замедленной речи при энергичной артикуляции конечных губных согласных [p], [b], [f], [v], [m] [Léon 1964:52]. В то же время, как известно, в русском языке все твердые согласные «окрашены» на [ы], а все мягкие – на [и].

В рамках фонетического слова в русском языке, как указывается во многих фонетических учебниках, возможны сочетания контрастных артикуляций, например передних и задних, твердых и мягких, глухих и звонких, шелевых и смычных, что также представляет большую трудность для франкоговорящих (ср. *математика, ткань, нитка, цистерна, марля, злословить, физика, к хижине* и т.д.).

Проблемы в произношении русских звуков, имеющих в родном языке учающихся артикуляционно близкие соответствия

Шипящие русские согласные [ш], [ж] отличаются от соответствующих французских большей «твердостью», т.е. большей отодвинутостью назад. Русские шипящие какуминальные, а французские – апикальные. При произношении французских шипящих губы заметно артикулируют, слегка выдвигаясь вперед. Второй фокус артикуляции, образуемый поднятием задней части спинки языка в русском языке, по сравнению с французским, больше отодвинут назад. То же можно сказать о французских заднеязычных [k], [g], фокус артикуляции которых расположен ближе к средней части неба. Вследствие этого соответствующие русские звуки заменяются более мягкими на слух звуками. Это происходит в любом положении, но особенно ощутимо в позиции конца слова после [и], [е]: *учени[к'], *хоче[ш'].

Французские [f], [v], на первый взгляд, схожи с соответствующими русскими, но на самом деле щель при артикуляции русских [ф], [в] расположена чуть глубже, чем у французских звуков. При образовании французских [f], [v] нижняя губа как бы «прикусывается». Воздух сразу идет вдоль наружной поверхности нижней губы, тогда как в русском языке воздух производит трение, проходя между внутренней стороной нижней губы и наружной поверхностью верхних резцов. Поэтому в ак-

центном произношении русские губно-зубные шумные получаются у франкоговорящих более четкими и напряженными.

Русские [т-т'], [д-д'], [н-н'] и французские [t-d-n] переднеязычные зубные. Отличие в артикуляции данных звуков в том, что несмотря на возможность как апикального, так и дорсального положения кончика языка при произношении [т-д-н] и [t-d-n] (получающиеся варианты практически неразличимы на слух [Гордина 1973:73]) французские звуки тяготеют к апикальному варианту, следуя общей тенденции французской артикуляционной базы, в то время как русские [т-д-н] чаще обозначаются как дорсальные¹.

Проблемы в произношении русских звуков, не имеющих в родном языке учающихся артикуляционно близких соответствий

Среди наиболее сложных в артикуляционном плане русских звуков для французов следует назвать [x], [x'], [л], [л'], [р], [р']. Русские шелевые заднеязычные [x], [x'], несомненно, представляют трудность для французов, так как во французском языке нет ни шелевых заднеязычных, ни даже ларингальных звуков типа английского [h]. Иными словами, русские [x], [x'] совершенно чужды французам. Трудности в артикуляции [x], кроме того, могут быть обусловлены позицией абсолютно-го конца слова после передних гласных. В этой позиции твердый [x] заменяется в акценте на мягкий/полумягкий [x'], подобно тому как твердый [к] меняется на мягкий [к'] (примеры см. выше). При этом двойная трудность (шелевой характер заднеязычного и позиция после передних гласных в абсолютном конце слова) обуславливает особенно частые отклонения в произношении. Даже на продвинутом этапе обучения франкоговорящие произносят полумягкий вариант заднеязычного шелевого в данной позиции: *многи[x'].

Русский [л] латеральный веляризованный. При артикуляции этого звука кончик языка находится у верхних зубов, а корень языка оттянут назад. Отличие французского [l] состоит в том, что он не веляризованный и при его образовании «кончик языка осуществляет смычку с альвеолами» [Гордина 1973:78], а не прижимается прямо к передним зубам, как в русском языке. Итак, основная сложность артикуляции данного звука для французов – подъем задней части языка к мягкому небу и прогибание его средней части, то есть так называемая «форма ложки».

Русский [л'] может быть и дорсальным, и апикальным без существенного акустического отличия. Этот звук акустически ближе французскому [l], но на слух воспринимается как более «мягкий» за счет того, что площадь смыкания языка с твердым небом у [л'] значительно больше, чем у [l]. В первом случае язык «распластан», во втором – наблюдается точечное касание.

¹ О возможности апикально-дорсального произношения [т-д-н] см., например, Зубкова Л.Г. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. М., 1974. С. 48.

Звуки [p], [p'] также представляют определенную сложность для франкоговорящих, если в их родном диалекте [r] не является переднеязычным шелевым, так называемым [r] roulé. В остальных случаях французский [r] увулярный шелевой с большим или меньшим числом колебаний увулы. В парижском произношении, например, [r] увулярный «произносится без всяких вибраций и является шелевым, но сонантным звуком...» [Щерба 1953:76]. Как показывает практика, русские [p], [p'] сложны для франкоговорящих во всех позициях, однако в разной степени. Наибольшую сложность они представляют в позиции между гласными в слове, содержащем в предшествующих слогах заднеязычные согласные (**сахa[r]a*); здесь акцент сохраняется на среднем и даже продвинутом этапах обучения. По всей видимости, наличие предшествующего заднеязычного провоцирует появление увулярного [r] в акценте.

Говоря об артикуляционных трудностях русского языка для французов, необходимо назвать русские сочетания [пм], [бм], [тн], [дн] и соответствующие мягкие, в произношении которых, по мнению М.В. Панова и других исследователей, большую роль играет увулярный «щелчок». В отличие от обычных взрывных, здесь воздух выходит через нос после резкого отрыва небной занавески от задней стенки носоглотки. Французский консонантизм имеет соответствующие сочетания согласных только с [n]: [tn]ez, e[tn]ique, но их артикуляция иная: первый, шумный элемент данного сочетания произносится в результате разрыва переднеязычной смычки, небная занавеска не участвует в произнесении. В итоге в русских сочетаниях возможно заметное акцентное искажение – отсутствие увулярного щелчка и соответственно слитности в произношении двух языков. Подобное может быть объяснено тем, что французские согласные отличаются более четкой и однородной артикуляцией на всем протяжении звучания.

Особое внимание при обучении франкоговорящих учащихся русскому консонантизму следует обращать на постановку мягких согласных. В этом может помочь опора на родной язык, в котором существуют некоторые позиции перед гласной переднего ряда [i] или перед согласным [j], где согласные несколько смягчаются в соответствии с правилами коартикуляции ([ti], [di], [pj], [bj]). Это смягчение является слабым, и французские полумягкие в этом случае не могут быть сопоставлены с русскими палатализованными. Однако следует подчеркнуть, что варианты французских губных и [l] в сочетании с [j] по степени подъема спинки языка к твердому небу, как отмечает М.В. Гордина, «совершенно совпадают с русскими» [Гордина 1973:85]. Следовательно, в данном случае открываются возможности для положительного переноса.

Подводя итоги, можно сказать, что правильная и успешная постановка русских звуков и преодоление акцента, возникающего во франкоговорящей аудитории, возможны только при постоянном соотнесении фонетических систем родного и изучаемого языков, когда учащиеся могут отталкиваться от «своего» и приобретать автоматизированные

навыки в области русского произношения, двигаясь «от сознательного к бессознательному». Как было показано выше, консонантные системы русского и французского языков имеют определенные сходства и различия в составе фонем, в их функционировании и в артикуляции отдельных звуков. Практика обучения фонетике в группах определенной национальности (в данном случае – французов) во многом зависит от умения преподавателя «вывести» учащегося из привычных ему ассоциаций в артикулировании звуков родного языка. Сопоставляя факты родного и изучаемого языков, можно выработать оптимальную программу занятий, увеличив время, отведенное на тренировку наиболее трудных звуковых единиц, и сократив изучение явлений, совпадающих с явлениями родного языка, где появляются возможности для использования положительного переноса.

Литература

- Виноградов В.А. Консонантизм и вокализм русского языка: Практическая фонология. М., 1971.
- Гордина М.В. Фонетика французского языка. Л., 1973.
- Касаткин Л.Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.
- Князев С.В. Пожарицкая С.К. Русская фонетика. М., 2005.
- Рапанович А.Н. Фонетика французского языка. М., 1980.
- Реформатский А.А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. - №2. С. 145–156.
- Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1953
- Léon P. Léon M. Introduction à la phonétique corrective. Paris, 1964.

ОБ ОТБОРЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРЕВОДНОГО ФИЛЬМА

Одной из особенностей нашего времени является то, что любой зарубежный фильм одновременно выпускается множеством конкурирующих студий на различных носителях и в различных аналоговых и цифровых форматах и, как правило, бытует в двух или более переводах. В связи с этим особенно актуальным становится вопрос о том, каким именно образом русские звучащие переводы соотносятся друг с другом и с оригиналом¹. Различное использование средств звучащего языка автоматически придает любому переводу статус интерпретации. Сравнение переводов одного и того же фильма, помимо выявления особенностей каждой из имеющихся версий, может дать нам дополнительное представление о возможностях русских языковых средств. (При анализе фильмов под переводом мы подразумеваем сам текст и его актерскую интерпретацию как единое целое).

Довольно легко заметить, что серьезные и значимые расхождения переводов на номинативном уровне не предоставляют поля для перспективного лингвистического анализа, так как чаще всего сводятся к ошибке переводчика. В то же время средствами коммуникативного уровня языка² создаются различные, подчас диаметрально противоположные трактовки одного и того же образа, – и это при том, что персонаж сыгран актером и существует не подверженный изменениям видеоряд [Коростелёва 2004]. За всеми такого рода явлениями стоит не злая или добрая воля переводчика, но принципиально интерпретационный характер средств коммуникативного уровня русского языка. Более того, от версии к версии могут изменяться жанровые характеристики переводного фильма. Примером двух трактовок, фактически относящих одну и ту же кинокартину к разным жанрам, могут послужить два русских перевода фильма

¹ Хотелось бы оставить в стороне такие любопытные явления новейшего времени, как т. наз. «альтернативный перевод» *Гоблина*, т.е. юмористические звуковые дорожки к популярным фильмам, подложенные под существующий видеоряд и более чем волюно трактующие события фильма (трилогия «Властелин колец», «Матрица» / «Шматрица», «Ночной дозор» / «Ночной базар» и др.), равно как и переводы, сделанные всерьез, но настолько низкокачественные, что по отходу от смысла оригинала они тесно сближаются с «переводом *Гоблина*». Все эти явления интересны, однако, тем, что показывают, насколько скромную роль играет в действительности видеоряд.

² Определение понятий номинативного и коммуникативного уровней языка, а также описание коммуникативного уровня как системы, актуальное для данной работы, можно найти в монографии М.Г. Безяевой «Семантика коммуникативного уровня звучащего языка» [Безяева 2002]. При анализе интонационных средств мы основываемся также на интонационной транскрипции, разработанной Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982].

“Багдадский вор” (“The Thief of Bagdad”, 1940) – перевод, в котором фильм, в частности, демонстрируется в наши дни по телевидению (к сожалению, анонимный; сделан в 1946 или 1947 годах, восстановлен в 1950-е), с одной стороны, и работа студии “DVD Магия” (2002) – с другой. В обоих случаях это многоголосовое закадровое чтение.

Актеры, работавшие над старым переводом, очевидным образом имели в виду создание фильма-сказки и придерживались всех связанных с этим условностей, в то время как в новейшем переводе дублеры не меняли привычной им манеры речи, сложившейся при работе над современными фильмами, и не сочли нужным стилистически противопоставлять фильм 1940 года текущей продукции. Результатом этих двух творческих решений стали две версии фильма под одним и тем же названием, которые, будучи поставлены рядом, поражают воображение количеством принципиальных различий в трактовке при общем видеоряде. Разберем последовательно несколько эпизодов с участием визиря Джафара (Конрад Вайдт) как наиболее выразительного персонажа, которые помогут нам понять, как выбор языковых средств при переводе может послужить причиной столь разного суммарного эффекта.

Своеобразной “визитной карточкой” двух сравниваемых версий может служить перевод фразы, появляющейся на экране в виде титров (соответственно, оба русских актера были поставлены перед необходимостью ее озвучить): “On the morrow, Jafar, the usurper, arrived to visit the sultan of Basra”. Это выглядит следующим образом:

Старый перевод:

- ↑ ^бЗавтра / ^бДжафар, / занявший престол, / ^бприбывает / с визитом / к сул-
^бтану Бафры // (фанфары)

Новый перевод:

- На следующий ^бдень / узурпатор... ^бДжафар / ^бприбыл с визитом к сул-
^бтану Басры // (фанфары)

Различия на этом небольшом отрезке достаточно показательны: фактически они уже содержат заявку на две принципиально несходные интерпретации материала и предрекают многие особенности, с которыми мы столкнемся в дальнейшем. Создатели старого перевода заставляют языковые средства работать на формирование жанра сказки; они придают реплике говорящего фонетические характеристики речи глашатая (высокий фонетический регистр, ритмизация, подчеркнутое удлинение гласных при ИК-б, медленный темп) с тем, чтобы интонация актера и имеющаяся на оригинальной звуковой дорожке запись фанфар поддерживали друг друга, взаимно усиливая эффект. С помощью сочетания

этих средств зрителям внушается важность вводимой информации. Интонационное оформление, равно как и средства номинативного уровня обеспечивают впечатление непосредственного присутствия слушающего при совершающемся событии. Это решение естественно сочетается с концепцией перевода, призванного представить сказочную историю в старинной манере.

Авторы нового перевода, вероятно, воспитанные уже в другой традиции, выстраивают совершенно иной ассоциативный ряд: их прочтение находится ближе всего к стандартной манере речи диктора при кратком перечислении главных политических событий дня в начале телевизионного выпуска новостей. Используемая говорящим ИК-6³ привлекает внимание к информации, которая будет введена, подготавливает развернутый рассказ о заявленном событии. Единственным маркером древности этого псевдоисторического события оказывается ИК-6 на имени “Джафар”; в остальном высказывание выдержано в стиле телерепортажа. Степень вовлеченности самого слушающего в происходящее минимальна, такая трактовка предполагает отстраненное восприятие. Средства номинативного уровня подстраиваются под общую концепцию перевода: в речи глашатая Джафар никак не может быть назван узурпатором, поэтому эта объективная истина подменена обтекаемой формулировкой – “занявший престол”; в речи же современного комментатора определение “узурпатор” не звучит диссонансом: с телеэкрана можно услышать и более жесткие характеристики политических деятелей.

Созданию жанра сказки в старом переводе служит, в частности, и не восходящая к оригиналу передача многих высказываний стихотворным размером в начальных эпизодах картины. Сравним два перевода финального высказывания Джафара в беседе с астрологом:

Старый перевод:

Астролог Но повелитель^{3²} // Они любят друг друга //
Джафар Ты называешь любовью лепет³ двух детей в саду? //
Любви еще ей надо научиться // И я ей растолкую, что к
чему //

Новый перевод:

Астролог Но она любит^⁴ слепого² //
Джафар По-твоему, детский лепет¹ в саду – это любовь³? // Она
еще не знает, что такое любовь // Я стану ее учителем //

Появление в старой версии стихотворных строк на месте спонтанных диалогических реплик уводит беседу от бытового диалога и законо-

мерно создает эффект сказочного пространства. В новом переводе единственная реплика, переданная стихотворным размером, – это слова, с которыми Ахмет/Ахмад в начале фильма просит милостыню, что не выглядит резкой условностью, т.к. можно предположить, что просьба слепца о милостыне – это многократно обкатанные, заученные, ежедневно повторяемые слова, и не удивительно, если они подверглись некоему особому оформлению.

Сравним старый и новый переводы диалога в сцене на башне, откуда Ахмет/Ахмад (в то время еще – правитель Багдада) и великий визирь Джафар наблюдают очередную казнь.

В новом переводе речевая ситуация предполагает наличие только двух участников – говорящего и слушающего (как в обычном бытовом диалоге), тогда как в старом переводе дублеры придерживаются такой театральной манеры игры, при которой речевая ситуация включает в себя трех участников – говорящего, слушающего и зрителя. Работа ряда языковых средств рассчитана именно на зрителя. Большинство реплик в старой версии перевода произносятся в декламационной манере.

Сцена на башне, старый перевод:

- Ахмет 2 \ 6 2
Еще одна казнь // За что / он умер? //
- Джафар 2⁶ \ 1²
Он много размышлял, мой повелитель //
- Ахмет 6 \ 1²
А разве это преступление – / размышлять? //
- Джафар 5 \ 6
В данном случае – в недозволенной форме //
- Ахмет 2
Но ведь нельзя держаться лишь на страхе //
- Джафар 5 \ 5 \ 5
Люди пороны // В глазах у них ненависть, / ложь на ус-
\ 5 \ 2
тах, // а в сердце – предательство // Однажды ты поймешь,
великий царь, / что люди уважают лишь три вещи на
земле: // кнут, / что сечет, // ярмо, / что давит, / и меч, что
\ 6³ \ 3 \ 6³
рубит // Силой этих трех начал / ты можешь завоевать
2⁶
мир //
- Ахмет 3
А я хочу завоевать мир? //
- Джафар 2
Чего же ты хочешь, мой повелитель? //
- Ахмет 2
Попробовать сделать их счастливыми //
- Джафар 5 \ 2 \ 5
Счастливыми // Да это глупцы и мошенники // Твой дед
2 \ 6
отлично это знал // Если хочешь сам убедиться, / (убы-

¹ *стрение темпа*) поступи как он // Как наступит ⁶ темнота,
² / выйди из дворца, / ² пройди по улицам, / ² смеяйся с
 толпой, / ^у загляни в их дома, / ² слушай, / ² наблюдай, / за-
^{2\} поминай // ⁶ Великий / ^{h2} царь //

В старом переводе весь пафос финального монолога Джафара заключается в том, что ему необходимо любым способом удалить Ахмета из дворца, что в конечном счете позволит ему устранить его и завладеть тронном. Все используемые им речевые средства преследуют эту цель. ИК-2, в соответствии со своим инвариантным значением, маркирует здесь единственно возможный вариант развития событий. Будучи повторенной в речи Джафара семь раз, она порождает эффект гипнотизирующей речи; за этим звучанием стоит настойчивое давление на собеседника, внушение ему идеи о том, что предлагаемый говорящим вариант на самом деле является единственно возможным. Упорно повторяющаяся ИК-2 с размещением центров на императиве – беспронгрышный способ внушить слушающему мысль: ‘ты должен уйти, иди, выйди из дворца, – избери только этот вариант, и никакой другой’.

Ритмизация речи (“⁵Люди [\]пороны // В ⁵глазах у них [\]ненависть, / ⁵ложь на [\]устах, // а в ⁵сердце – [\]предательство”), ИК-5 и медленный темп создают одновременно впечатление властности говорящего, с одной стороны, и театральности происходящего – с другой. Если человек может себе позволить говорить, роняя по слову в минуту и при этом подчеркивая с помощью ИК-5 важность *каждого* своего слова, следовательно, он по каким-то причинам уверен, что собеседник его не перебьет и дослушает до конца. Почему? Либо потому, что он уверен в своей гипнотической или иной власти над ним, либо потому, что это театр и собеседник вступает в беседу тогда, когда ему будет положено по роли. Кроме того, высказывание, произнесенное на сплошных ИК-5, не только не воспринимается как спонтанное, но и заведомо принадлежит высокому регистру общения. Из всего этого проистекает несколько интересных следствий. Во-первых, зритель вынужден задуматься о причинах безграничной властности Джафара при его формально подчиненном положении (на этом этапе мы еще не знаем, что он могущественный волшебник); во-вторых, сохранение расстояния между актером и ролью, в сочетании с монологом, имеющим в виду неблагоприятную цель, приводит к тому, что зритель начинает подозревать Джафара в коварстве и лицемерии. В самом деле, изображая откровенное давление на собеседника, воздействие на него с помощью “запрещенных приемов”, актер еще и умудряется отмежеваться от лица, которое все это делает. (Лингвистические причины этого лежат на поверхности: речь в декламационном исполнении, целиком мар-

кированная высоким регистром, едва ли может быть спонтанной; вероятно, она заранее подготовлена, а следовательно – это роль). Это равносильно тому, как если бы исполнитель, отделившись от персонажа, стоял рядом с ним и предлагал полюбоваться, до чего тот коварен. Монолог, совпадающий с данным по номинативному содержанию, но произнесенный искренне, при полном перевоплощении актера в персонажа, должен был бы обмануть всех, в том числе и зрителя, уведя его в сторону от истинных намерений Джафара (забегая вперед, скажем, что именно это реализовано в новой версии перевода); в этом же случае остается обманутым Ахмет, но не зритель. В бытовой ситуации необыкновенная настойчивость великого визиря, убыстрение темпа его речи в то время как он советует Ахмету неузнанным покинуть ночью дворец, должны были бы насторожить Ахмета; однако этого не происходит, – законы обычного диалога на пространстве театральных подмостков не действуют.

В новой версии эпизод выглядит иначе: бытование роли отдельно от актера этому переводу не свойственно (игре дублера, говорящего за кадром, сопутствует полное перевоплощение), Джафар лишен явных демонических черт, и цель его монолога внешне иная. На номинативном уровне мы наблюдаем стилистические расхождения между старым и новым вариантом (как раз такие, каких можно было бы ожидать: “порочны” – “злы”, “на устах” – “на губах”), однако основное впечатление от речей Джафара формируется все же звучанием.

Сцена на башне, новый перевод:

- Ахмад ² [<] ²
Еще одна казнь // За что его лишили жизни? //
- Джафар ^{3²} / мой повелитель //
- Ахмад ⁶ ³
Разве рассуждать – / это преступление? //
- Джафар ⁴ ³
Для подданного / это совершенно непростительно // ¹
- Ахмад ² ^{3²}
Нельзя править людьми, / держа их в страхе //
- Джафар ² ⁶ ⁶ ⁶
Люди злы, / их взор таит ненависть, / на их губах ложь, / в
сердцах измена // Придет время, / и вы поймете, великий
царь, / что люди уважают лишь три вещи: // ⁶ ⁴
плоть, / которая
хлещет, // ⁴ ² ¹
ярмо, / которое давит, / и меч, / который разит //
- Ахмад ^{2³} ^{1²} ^{1³}
Власть и страх – / вот что поможет вам завоевать весь мир //
- Ахмад ⁶
Нужно ли мне завоевать весь мир? //

¹ Этот перевод точно соответствует оригиналу (“In a subject it’s quite unpardonable”), в то время как переводчиками старой версии в этом месте была допущена ошибка.

Джафар Тогда что вам ² нужно, / мой повелитель? ² //
 Ахмад Что если попытаться сделать их счастливыми? ² //
 Джафар Счастливыми ^{<1} // Они глупцы ⁸ и негодяи ² // Ваш дед ⁶ / в этом
 однажды убедился ² // Последуйте ⁴ / его примеру ³ // Как-нибудь
 ночью, ⁶ / под покровом тьмы, ⁶ / покиньте дворец ³ / и побро-
 дите ³ среди народа // Загляните к ним ² в дома, / послушайте,
 что они говорят, ² / понаблюдайте ⁶ / и запоминайте ² //

Использование ИК-4 (⁴ “плеть, / которая хлещет, // ⁴ ярмо, / которое да-
 вит...”) привносит официальность, дистанцию, т.е. при том, что Джафар,
 по сути, втолковывает собеседнику очевидные, с его точки зрения, вещи,
 собеседник все же выше его рангом, и Джафар маркирует официальность
 и дистанцированность, чтобы соблюсти этикет. Однако, когда Ахмад
 высказывает наивную, с точки зрения Джафара, мысль о том, что следует
 попытаться дать народу счастье, тон великого визира меняется. Если в
 старом переводе Джафару важнее всего удалить Ахмета из дворца, то в
 новом ничего подобного заметить по его поведению нельзя. Назначение
 его финального монолога в другом: дать понять собеседнику, что их точ-
 ки зрения на проблему отношения к народу радикально различны. Льви-
 ной долей этого смысла мы обязаны звучанию. Когда Джафар просто
 повторяет за Ахмадом слово “счастливыми” – с сужением и удлинением
 ударного гласного при ИК-1 (в старом переводе для этого использована
 ИК-5, передающая скорее раздумье Джафара над последними словами
 собеседника), в этом уже звучит великолепное презрение к наивности
 юношеских представлений Ахмада. Инвариантное значение удлинения
 гласного в данном случае реализуется как ‘твои слова, твоя позиция не
 производят на меня впечатления’, отсюда – презрение на уровне целеус-
 тановки. Дав собеседнику понять, что их точки зрения на этот вопрос
 сильно расходятся, Джафар продолжает свою речь, используя структуры
 бытового обоснования и совершенно разговорное бытовое предложение
 на ИК-3 (“покиньте дворец ³ / и побродите ³ среди народа”). Удлинение
 гласного (при ИК-2) вновь возникает в структуре совета, формируя до-
 полнительный оттенок презрения, на этот раз не только к Ахмаду, но и к
 столь любимому им народу: “Послушайте, что они говорят” (² ‘если ты
 услышишь, что они говорят, это произведет сильное впечатление на тебя
 и серьезно пошатнет твои позиции’). Вообще, в новой версии презрение
 Джафара к людям, переданное на уровне звучания (удлинение гласных,
 сжатая глотка, понижение фонетического регистра), сопутствует его ре-
 чам на протяжении всего фильма.

При такой интерпретации эпизода коварство Джафара спрятано глубоко, и подобно тому, как сам Ахмад узнает истинную цену его советам, только уже будучи брошен в тюрьму, так и зритель не должен разглядеть за поведением Джафара в этой сцене ничего, кроме того, что великий визирь занят политической дискуссией, наставлением неопытного правителя.

Таким образом, уже здесь становится понятна основная тенденция нового перевода: любые предлагаемые оригиналом ситуации (часто абсолютно сказочные) последовательно обрабатывать в плане выражения так, как если бы на месте персонажей были обычные современные нам люди, подходящие к сиюминутной задаче, выдвигаемой оригиналом, с теми средствами, которые обычно использует для этого современный диалог. Особенно контрастным становится расхождение старой и новой версий там, где Джафар из старой версии обнаруживает свои магические способности.

Сравним начало диалога между Джафаром и дочерью султана в сцене на корабле.

Сцена на корабле, старый перевод:

Джафар \ 4
 Рад видеть //

Принцесса h>3
 Джафар //

Джафар 2 1 6 1 / / 6
 Да, Джафар // Всегда / Джафар // Я оберегал тебя с тех пор, /
 как ты покинула дворец // Когда ты ехала наобум / и заблудилась в пустыне, / кто направлял тебя? // Когда тебя продавали на невольничьем рынке, / кто купил тебя? // Все тот же Джафар // Это в моем доме / за тобой нежно ухаживали, / а ты спала // и видела сладкие сны любви // Именно... я / разбудил тебя-а //

Принцесса 1 3² 2⁶
 Нет // Это сделал Ахмет // Мне сказали, здесь доктор, // который сможет вернуть ему зрение //

Джафар (расхохотавшись) 5 1
 Я и есть тот доктор //

Сцена на корабле, новый перевод:

Джафар 5 \
 Добро пожаловать //

Принцесса h2
 Джафар //

тате чего мы получаем настойчивое убеждение, однако без inferнального элемента.

Интересно, что ни в одной из русских версий не заметно волнение и влюбленность Джафара, столь очевидные в английском оригинале. Интонационное оформление реплики Джафара "It was I who woke you" ("Это я разбудил тебя") в оригинале дает третью трактовку, не попавшую ни в одну из рассматриваемых нами русских версий. Используемая актером интонация незавершенности в сочетании с невербальными средствами (привстав, он пристально смотрит на собеседницу) образует следующий смысл: Джафар напряженно ждет, возразит ему принцесса или нет. Он таким образом прощупывает почву, проверяет, помнит ли она, кто разбудил ее на самом деле. За его оборванной репликой просматривается осторожная надежда на то, что принцесса не помнит правды; если, по счастью, это так, ей можно внушить все что угодно. Порусски аналогичное значение могло бы передаваться высказыванием: "Именно я / разбудил тебя".

В старом переводе Джафар прибегает к магии чаще, чем это абсолютно необходимо по сюжету: он может проявить себя как волшебник в ходе обычного диалога, что полностью оправдано изначальной установкой на создание волшебной сказки. В новом он действует, как современный человек в различных ситуациях общения, и, если только текущий эпизод прямо не требует от него произнесения заклинания (как в сценах с ослеплением Ахмада и превращением Абу в собаку, вызыванием бури на море и др.), он будет применять разные стратегии диалога, но ему и в голову не придет решать свои проблемы при помощи магического воздействия на собеседника.

Обратимся к эпизоду визита Джафара к султану Басры, заслуживающему наиболее детального анализа. Напомним содержание эпизода: едва захватив трон в Багдаде, Джафар является к султану Басры с дружественным визитом. Султан с гордостью показывает ему свою коллекцию механических игрушек. Джафар предлагает ему волшебного механического коня, который может летать, а взамен просит руки его дочери. Султану не хочется отдавать Джафару дочь, но, будучи не в силах отказаться от чудесного коня, он соглашается.

Самое общее впечатление от работы русских дублеров следующее: в старой версии перевода Джафар с начала и до конца очень жестко ведет свою линию, давит на собеседника, заколдовывает его, завораживает, обволакивает и железной рукой подводит султана к единственно возможному исходу, ни на минуту не ослабляя хватки. С трудом можно представить себе вариант развития событий, при котором султан мог бы отказать ему. В новой версии исход переговоров с уверенностью предсказать нельзя. Джафар добивается своего так, как это делал бы вполне современный человек, умный и тонкий политик, лишенный, однако, ка-

ких бы то ни было следов колдовских способностей. Он ведет эту непростую для себя беседу с соблюдением всех норм этикета, с осторожностью гостя, положение которого пока непрочно, с подыскиванием логических аргументов в пользу своей просьбы, и до последней минуты у зрителя сохраняется впечатление, что султан может поступить по своему усмотрению.

В старом варианте, учитывающем сказочное могущество, почти всемогущие Джафара, с самого начала очевидно, что Джафар смотрит на султана как на мелкое временное препятствие, устранить которое не составит никакого труда. Он уже сейчас ощущает себя хозяином в этом дворце (ощущение это со временем воплотится в реальность). В новом переводе Джафар стремится произвести на султана должное впечатление, в то время как для Джафара из старой версии такая постановка вопроса просто немыслима. Разберем последовательно, какими средствами создаются эти две взаимоисключающие трактовки.

Арабский антураж в фильме условен, и, тем не менее, забота создателей фильма об элементах “аутентичности” видна, например, в том, что в сцене визита Джафара к султану с помощью жестов и поз условно маркируется принадлежность героев к арабскому миру (ритуальное приветствие – при входе на террасу Джафар прикладывает правую руку ко лбу, потом к сердцу, потом опускает ее, одновременно делая легкий поклон всем корпусом; расстояние между собеседниками при разговоре значительно меньше положенного по европейским нормам, тактильный контакт чаще).

Султан Басры на уровне мимики и жестов (равно как и на вербальном уровне) заявлен как человек инфантильный, капризный, взбалмошный и в то же время простодушный. Что касается жестового поведения волшебника Джафара, то он с самого начала ведет себя весьма примечательно: на протяжении всего эпизода с его лица почти не сходит улыбка, при этом его левая рука почти не покидает эфеса сабли, а правая – рукояти кинжала, и в сочетании это, вероятно, должно характеризовать его как человека опасного и коварного. Однако в русифицированных версиях эта характеристика – неотъемлемая принадлежность видеоряда, – различным образом преломляется за счет звучания. Так, в старом переводе, где неуязвимость Джафара и отсутствие у него достойных противников ясно заявлены на вербальном уровне, его рука, демонстративно лежащая на оружии, воспринимается скорее как ненавязчивая манифестация силы и уверенности в себе. В новом же переводе более естественно трактовать невербальный ряд следующим образом: лишь недавно узурпировав трон в Багдаде и еще не утвердившись в своем новом положении, Джафар ожидает возможных козней врагов, вздрагивает от каждого шороха и именно из соображений осторожности не отнимает руки от оружия, маскируя свое внутреннее напряжение улыбкой.

В самом начале сцены заслуживает внимания то, как создателям русских версий удалось разными средствами передать одно и то же значение:

Дворец султана в Басре, старый перевод:

Султан Ты знаешь, / ведь у меня самая большая в мире коллекция этих... / механических ²штучек // А это – / самая чудесная из них // Она... (манит пальцем) / она показывает время // ²Смотри, как работает // Разве не чудо? //

Джафар Надеюсь, эта опасная вещь не попадет в руки простолюдинов? //

Дворец султана в Басре, новый перевод:

Султан У меня самая большая коллекция / механических устройств // А это / самое замечательное из них // Оно показывает время // Волшебство / правда? // По-трясающе //

Джафар Я надеюсь, что это опасное устройство никогда не попадет в руки / ↓ людей //

В старом переводе Джафар выражает свое презрение к нижестоящим, попросту называя их простолюдинами. В новой версии дублеры избегают использовать такую высокую лексику, как “простолюдины” или, например, “чернь”, однако успешно передают значение глубоко укоренившегося презрения Джафара к людям фонетическими средствами (понижение фонетического регистра, удлинение гласного, сжатая глотка).

Различие в позициях двух Джафаров отчасти заметно в сцене небольшой размовки, когда султан готов уже обидеться на гостя, не проявившего должного восхищения его коллекцией:

Старый перевод:

Джафар Ваша коллекция великолепна (султан кивает с улыбкой) и содержит почти все // (Улыбка сползает с лица султана)

Султан “Почти все”? // Да будет тебе известно, / что моя коллекция / самое полное собрание //

Джафар (объясняющий жест левой руки, повернутой раскрытой ладонью вверх) ²Пожалуйста, / поймите меня ²правильно // (Султан делает правой рукой жест прерывания контакта) Я ⁴отлично знаю, / что почти нет уже ⁶чуда, / способного затмить столь блистательные образцы, / но все же / такое ⁶чудо ^{2³}есть //

Султан ⁶Механическая игрушка, / которая лучше любой из ³этих? //

Джафар (с улыбкой) Зная ваш ⁶интерес к таким вещам, / я ⁶прихватил ее с со-бой // (левой рукой синхронно дублирует слова "ваш" и "с собой") ^{1²}

Новый перевод:

Джафар ²Ваша коллекция действительно изумительна // (Султан кивает с улыбкой) Ее можно назвать почти ^{3²}полной // (Улыбка сползает с лица султана)

Султан ^{3/1}Почти? // ²Знайте же, / что более ³полной коллекции / ⁷свет... не ^{1¹}видывал //

Джафар (объясняющий жест левой руки, повернутой раскрытой ладонью вверх) Я ⁴боюсь... (Султан делает правой рукой жест прерывания контакта) (убыстрение темпа) вы ^{2⁶}неправильно ³меня ⁴поняли // Я прекрасно понимаю, / что невозможно ^{3²}сыскать ⁴чуда, / которое бы ²добавило ^{2⁶}блеска ^{3²}этому зрелищу // Но такое ⁴чудо ⁴существует // ²Уверю вас //

Султан ⁴Механическая игрушка, / ⁴лучшая ⁴любой из ⁴моих? //

Джафар (с улыбкой) Зная ваш ³интерес к таким вещам, / я ^{>2}взял ее с со-бой // (левой рукой синхронно дублирует слова "ваш" и "взял")

Реплики Джафара, – как первая, оскорбившая султана, так и вторая, призванная успокоить обиженного собеседника, – в старом переводе оставляют впечатление точно рассчитанных фраз; все идет по плану Джафара, он уверен в себе; он намерен как можно более эффектно подвести султана к теме волшебного коня и не только не смущается реакцией султана, но напротив, – с удовольствием предвкушает то впечатление, кото-

рое сейчас произведет его сюрприз. Использованная им ИК-2 (“...и содержит почти все²”) со значением ‘только этот вариант, и никакой другой’ ясно дает понять, что его реплика была не случайна: он сказал то, что хотел сказать. Когда султан обиделся и наступает момент для извинения, Джафар и это извинение проводит на ИК-2: “Пожалуйста, / пойдите меня правильно²”, снова настаивая на одном варианте и не оставляя собеседнику выбора. Человек, избирающий для извинения ИК-2, несомненно, маркирует более высокую степень своего владения ситуацией и свое более высокое иерархическое положение по сравнению с собеседником.

Джафар в новой версии спохватывается, понимая, что необдуманно выразился, и спешит загладить неловкость. На уровне звучания мы находим здесь ИК-3² (“...ее можно назвать почти полной³”), что вводит параметр ориентированности говорящего на позицию слушающего и повышает вежливость высказывания (ср.: “...и содержит почти все²”). Следовательно, Джафар льстил султану, хваля его коллекцию, и, в отличие от старой версии, вовсе не собирался акцентировать его внимание на слове “почти”. Он немедленно приносит извинения, причем, в отличие от старого перевода, это крайне вежливое, даже подобострастное извинение: “Я боюсь... (убыстрение темпа) вы неправильно меня поняли” (где конструкция “я боюсь” служит средством вежливости, ИК-3 подчеркивает абсолютную ориентированность на позицию слушающего, а убыстрение темпа – желание побыстрее разрешить это досадное недоразумение). Такое осторожное и регламентированное этикетом поведение Джафара внушает зрителю мысль о том, что он каким-то образом все же зависит от воли и решений султана, – и в момент его сватовства к дочери султана это аккумулированное впечатление срабатывает: зрители в уверенности, что именно решение султана сейчас определит исход сватовства. В старой версии, напротив, ближе к финалу сцены уже нет сомнений, что султан никоим образом не может выскользнуть из-под гипнотизирующей воли Джафара.

Степень свободы султана в обращении с Джафаром и его отношение к гостю в целом иллюстрируются первой его реакцией на требование Джафара отдать за него принцессу: как и следовало ожидать, в разных переводах эта реакция различна.

(Механический конь с султаном на спине взлетает. Полетав над городом, султан возвращается).

Старый перевод:

- Султан Восхитительно // Я уже не человек, а птица // Царь птиц // Царь // (Садится. Придворные хотят забрать у него голову механической лошади, но он ее удерживает) Нет // Она мне нравится // (Машет в сторону Джафара правой рукой с растопыренными пальцами) Она нужна мне // (раскрывает обе ладони навстречу Джафару) Все что хочешь бери //
- Джафар (подходит, не снимая левой руки с эфеса сабли, и с улыбкой наклоняется к султану) Она ваша // А в обмен / я прошу только одно //
- Султан (делает широкий жест правой рукой, придерживая левой голову лошади) Все что пожелаешь //
- Джафар (садится рядом с султаном и приближает свое лицо к его лицу. Весь последующий разговор происходит с очень близкого расстояния) Вашу дочь //
- Султан Моя дочь? // (отворачивается от Джафара, откладывает голову механической лошади) Постой, постой // (Начинает было барабанить пальцами по лошади, но сразу же перестает) Так неожиданно // (придерживая рукой лошадь) Зачем она тебе? //
- Джафар Хочу основать династию //

Новый перевод:

- Султан Изумительно / Я больше не человек, / я птица // (Садится. Придворные хотят забрать у него голову механического коня, но он ее удерживает) Нет // Нет // (Машет в сторону Джафара правой рукой с растопыренными пальцами) Он должен быть моим во что бы то ни стало // (раскрывает обе ладони навстречу Джафару) Просите все / что хотите //
- Джафар (подходит, не снимая левой руки с эфеса сабли, и с улыбкой наклоняется к султану) Конь ваш // Взамен я прошу лишь одно //

- Султан (делает широкий жест правой рукой, придерживая левой голову коня) Все что угодно //
- Джафар (садится рядом с султаном и приближает свое лицо к его лицу. Весь последующий разговор происходит с очень близкого расстояния) Вашу дочь //
- Султан Мою дочь // (отворачивается от Джафара, откладывает голову механического коня) Боже // Боже // (начинает было барабанить пальцами по коню, но сразу же перестает) Однако, как все неправо // (придерживая рукой коня) Зачем вам / моя дочь? //
- Джафар Чтобы основать династию //

В старом переводе султан, узнав о требовании Джафара, удивлен, но не исключено, что и польщен. Говоря: “Так неожиданно”, султан маркирует с помощью модальной реализации ИК-3 нарушение нормы развития ситуации, но это не означает, что он непременно воспринимает такой вариант развития событий как негативный. Инвариантное значение ИК-6 в недоуменном вопросе: “Зачем она тебе?” разворачивается сразу в двух плоскостях: говорящий предполагает, что собеседник обладает некой информацией, ему недоступной; вместе с тем говорящий не исключает и того, что эта информация может быть скрыта и от самого слушающего, что собеседнику самому могут быть не вполне ясны его цели. Иными словами, Джафору, возможно, самому не мешает задуматься: а точно ли ему нужна принцесса? Весь этот комплекс значений органично сочетается с возможностью того, что султан вовсе не против брака Джафара с его дочерью; при желании можно даже предположить, что султан просто не может поверить в собственное счастье, слыша, что Джафар снизошел до его дочери, – звучание не противоречит и этому. Мы понимаем, что в действительности это не так, только уже из дальнейшего, когда султан пытается колить, с тем чтобы все-таки не отдать свою дочь за Джафара. Из этого следует одно: в старом переводе султан больше боится оскорбить Джафара и навлечь на себя его гнев, чем султан из новой версии.

В новом переводе, благодаря использованию конструкций: “Боже // Боже // Однако, как все неправо”, не остается никаких сомнений в том, что султан неприятно поражен. Затем следует вопрос с оттенком недоумения: “Зачем вам / моя дочь?”, который характеризует султана как че-

ловека несколько бестолкового. ИК-6 с центром на вопросительном слове указывает на наличие абсолютно неизвестной говорящему информации ('я не могу даже предположить, зачем бы это она могла тебе понадобиться'), что в контексте сватовства претендует скорее на комический эффект.

После того, как Джафар удовлетворяет любопытство султана, объясняя свои планы в отношении его дочери (в обоих русских переводах при этом теряется небольшой оттенок смысла, присутствующий в оригинале, – "I have to found a dynasty", – где в словах Джафара есть намек на вынужденность его действий, на независящие от его желания обстоятельства: 'Я должен основать династию'), беседа после 50-ти секунд интенсивного обмена репликами завершается согласием султана на брак.

Старый перевод:

Султан Но подожди, подожди // Да, / это мне понятно // Основать династию – / дело приятное // Э-э... я сам... много раз это пробовал, / и вот те ↑на – / ↑ дочь // (Джафар слушает его с улыбкой, левая рука на эфесе сабли) Войстину дитя печали // (Джафар с улыбкой качает головой) Даже ее глаза / словно... поссорились между собой / (показывает на пальцах "нестыковку") и ненавидят друг друга //

Джафар Ее глаза словно (закрывает глаза) звезды... на небе, / а брови – / полумесяц (открывает глаза) // А твою стройно как... //

Султан А ты откуда это знаешь? //

Джафар Я видел ее //

Султан Не может быть //

Джафар Да //

Султан Где? //

Джафар (сузив глаза) В моем кристалле // (поднимает брови)

Султан (отворачивается от Джафара и барабанит пальцами по коленям) К чергу твой кристалл // К чергу / всё / кристаллы // Э-э... Всегда я ненавидел это все // (оборачивается к Джафору) А ты / волшебник? //

Джафар (с улыбкой) Кое-что ↓ умею //
 Султан (отшатнувшись от него, барабанит пальцами по коленям) Ну,
 хватит // Я знаю лишь, (обнимает правой рукой голову механической лошади) что... эта лошадь мне нужна // (кладет левую руку Джафару на плечо) Ладно уж, / бери мою донь //

Новый перевод:

Султан Ну да, / ну да // Прекрасно понимаю // Основать династию – / это восхитительно // Я и сам не раз пытался это сделать // И что же? // У меня дочь // (Джафар слушает его с улыбкой, левая рука на эфесе сабли) Плод матери... ↑ несчастий // (Джафар с улыбкой качает головой) Кажется, судьба ополчилась... (показывает на пальцах “нестыковку”) / на меня //

Джафар Глаза ее как... (закрывает глаза) у вавилонянки // Брови подобны луне в Рамадан // (открывает глаза) Тело стройное как тростинка //

Султан Откуда вам известно? //

Джафар Я видел ее //

Султан Нет //

Джафар Видел //

Султан Где? //

Джафар (сузив глаза) В моем кристалле // (поднимает брови)

Султан (отворачивается от Джафара и барабанит пальцами по коленям) Будь он проклят // Да будут прокляты / все кристаллы //
 Никогда не любил такие вещи // (оборачивается к Джафару)
 Вы волшебник? //

Джафар (с улыбкой) Кое в чем я преуспел //

Султан (отшатнувшись от него, барабанит пальцами по коленям) Ни слова больше // Так или иначе, / (обнимает правой рукой голову механического коня) конь должен остаться у меня //

(кладет левую руку Джафару на плечо) Мне ничего не оста¹ется, / как ⁶отдать вам свою дочь //

В новом переводе этой сцены допущена одна ошибка на номинативном уровне, которая не остается изолированной ошибкой, но бросает ответ на весь эпизод, заставляя переосмыслить не только последующие, но отчасти и предшествующие реплики. Как правило, грубая ошибка переводчика при переводе фильма повисает в воздухе и просто оставляет зрителя в недоумении, так как при сложившихся характеристиках и взаимоотношениях персонажей ей уже нельзя подобрать удовлетворительной интерпретации. Здесь же перед нами редкий пример того, как неправильно переведенная реплика вписывается в контекст совершенно естественно, порождая целый ряд ложных интерпретаций других, правильно переведенных высказываний в пределах эпизода.

В оригинале султан говорит, что его дочь наделена несчастной внешностью: глаза у нее косят, – надеясь, что эта информация заставит Джафара передумать и отказаться от его намерений относительно принцессы (все эти годы султан тщательно скрывал дочь от любопытных глаз и пребывает в уверенности, что ее не видел ни один мужчина в мире). Однако Джафар видел принцессу в волшебном кристалле и мгновенно разоблачает уловку султана. Он говорит о принцессе с использованием поэтических метафор, сводящихся к общему значению ‘Она прекрасна’. Султан изумляется, когда и где Джафар мог видеть принцессу, но, так или иначе, ему приходится смириться с тем, что хитрость не удалась. В новой версии перевода султан никак не характеризует внешность принцессы, он просто говорит: “И что же? // У меня ^{2³}дочь // (...) Кажется, судьба ⁶ополчилась... / на меня ^{1⁶}”. Из этого следует, что султан расстроен тем, что у него именно дочь, а не сын. По этой причине переосмыляется синхронизированный с последними словами жест султана. В действительности он показывает на пальцах “нестыковку” (‘ее глаза никак не могут сойтись вместе’), но, совпадая со словами: “Кажется, судьба ополчилась на меня”, этот жест уже воспринимается как наглядное изображение его противостояния судьбе. Вслед за этим Джафар пускает в ход свои поэтические метафоры (“Глаза ⁵ее как... у вавилонянки // Брови ⁵подобны луне в Рамадан”), воспринимающиеся как стандартное восхваление красавицы (возможно, даже и незнакомой). В данной ситуации это может быть понято двояким образом: он либо возражает султану из вежливости (‘красавица-дочь – это тоже неплохо, даже если у вас нет сыновей’), либо просто возвращает таким образом собеседника в интересующее его русло – к теме сватовства (в то время как в оригинальном тексте – и в старом переводе – за этим высказыванием Джафара стоит разобла-

чение лжи султана). Поскольку в его речах нет ни одного указания на конкретные особенности внешности принцессы (вроде цвета глаз, роста или особых примет), то следующий за этим беспокойный вопрос султана: “Откуда вам известно?”²¹ характеризует султана как человека крайне недалекого. В старом переводе на этом месте выстраивался коммуникативный блок из утверждения, возражения и вопроса (‘Она некрасива’ – ‘Нет, она прекрасна’ – ‘Откуда вы это знаете?’), – и вопрос султана был закономерен. Здесь же собеседник, говоря о красоте его дочери, всего лишь произнес несколько абстрактных поэтических формул; они могли быть почерпнуты из поэтов или же порождены спонтанно здесь и сейчас, – в любом случае вопрос об источнике этого знания бессмыслен, так как отсутствует проблема “утечки засекреченной информации”. Этот промах султана и ранее выраженное им недоумение по поводу того, зачем вообще гостю могла понадобиться его дочь, складываясь вместе, дают картину редкостной непонятливости правителя Басры. То, что в этой ситуации Джафар терпеливо отвечает на все вопросы будущего тестя, никак не проявляя своего раздражения и не давая этим вопросам никакой оценки, в глазах зрителей может свидетельствовать или о его железных нервах, или о некоторой его зависимости от воли султана.

Ответ Джафара на последний вопрос султана (о том, не волшебник ли он) также самым знаменательным образом демонстрирует расхождение старой и новой версий. В старой версии Джафар, на номинативном уровне подавая тот факт, что он волшебник, как проходной и не представляющий интереса (“Кое-что ↓ умею”¹), одновременно с помощью понижения регистра формирует угрозу, чем сразу кладет конец всяким колебаниям султана. В то же время Джафар из новой версии, позиции которого в этом разговоре, как мы уже подметили, более шатки, пользуется этим вопросом султана как возможностью подбросить на чашу весов еще один логический аргумент в свою пользу, и удлинение тона на центре ИК-1 в его высказывании (“Кое в чем я преуспел”²⁶) как раз говорит о его стремлении произвести впечатление на собеседника.

Итак, при одинаковом исходе беседы зритель остается с разным впечатлением от течения этих переговоров: в старом переводе кажется, что Джафар на протяжении всей сцены держал султана под очень жестким давлением, так что у султана не было особого выбора; в новом переводе султан независим в своих решениях, более того – невероятно капризен, бестолков и рассеян, так что просто даже в силу этих качеств он может вдруг взбрыкнуть и отказать Джафору; единственное, что может делать (и делает) Джафар во время беседы, – это, во-первых, вежливо возвращать султана к интересующей его теме, когда тот отвлекается, а во-вторых, выдвигать обычные логические аргументы в пользу своей просьбы, в надежде, что сумма их в конце концов и даст желаемый эф-

фekt. Последняя модель поведения в общих чертах совпадает с моделью поведения современного носителя русской культуры в аналогичной ситуации. В первой же модели Джафар наделен чертами сказочного демонического злодея.

Таким образом, на примере проанализированных фрагментов мы видим, что в старом переводе “Багдадского вора” средствами русского языка (и в первую очередь – средствами звучания) формируется жанр детской волшебной сказки, в новом – политического боевика с элементами фантастики. Любопытно, что ни та, ни другая трактовка не совпадает с трактовкой оригинала, так как в оригинале это сказка скорее сродни сказкам Шекспира, она носит подзаголовок “арабская фантазия” и адресована в большей степени взрослой, чем детской аудитории.

Литература

Безяева М.В. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Брызгунова Е.А. Русская грамматика. §§ 1-2, 15-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629-2640, 3189-3194. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Коростелёва 2004 — *Коростелёва А.А.* О роли коммуникативных средств в формировании двух образов одного персонажа// Слово. Грамматика. Речь. М., 2004.

Крейдлини Г.Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ ЗВУЧАЩЕГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МОНОЛОГА В ОФИЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕНИЯ

В основе анализа звучащего эмоционального монолога лежит понятие *коммуникативного уровня языка*¹. В отличие от номинативного уровня, который вводит некую информацию о действительности, в задачи коммуникативного уровня входит отражение соотношения позиций говорящего, слушающего и осознаваемой и оцениваемой ими ситуации. Средства коммуникативного уровня могут фиксировать воздействие говорящего на слушающего или ситуацию либо отражать воздействие ситуации и слушающего на говорящего.

Система средств коммуникативного уровня неразрывно связана с системой его значений, которая включает значения целеустановки, значения конструкций, реализующих данную целеустановку, значения коммуникативных средств, формирующих данную конструкцию. Каждая из конструкций представляет собой языковую единицу коммуникативного уровня, которая обладает особенностью коммуникативного значения, различным типом соотношения дифференциальных средств разных уровней языка, а также спецификой сфер и регистров общения.

Конструкция формируется коммуникативными средствами, инвариантами и алгоритмом развертывания. При реализации в конструкции определенного набора тех или иных инвариантных параметров какого-либо средства ряд из них может иметь антонимическое развертывание, в то время как сами параметры и их реализации могут относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации, быть распределенными между позициями слушающего, говорящего либо ситуацией. Конкретное наличие той или иной реализации определяется типом целеустановки и взаимодействием с соседними структурами.

Коммуникативный уровень языка формируется двумя группами средств: с одной стороны, специальными средствами формирования коммуникативных целеустановок и соответствующих им конструкций, с другой стороны, такими средствами, первичной функцией которых является формирование номинативного содержания.

Средства коммуникативного уровня языка по-разному реализуются в диалоге и в монологе. Непосредственной формой существования коммуникативного уровня является диалог, где средства представляют собой самостоятельные коммуникативные структуры. В монологе же средства обычно являются «вкраплениями» в номинативное содержа-

¹ Здесь и далее мы опираемся на исследование М.Г. Безяевой «Семантика коммуникативного уровня звучащего языка» – М., 2002.

ние, поскольку основной задачей говорящего в монологической речи является выражение информации о действительности.

Вместе с тем в монологе находит отражение воздействие говорящего на слушающего, а также воздействие ситуации, говорящего и слушающего на говорящего, что позволяет говорить о функционировании коммуникативного уровня языка.

Одним из условий актуализации средств коммуникативного уровня языка оказывается эмоциональность монолога.

Эмоция исследовалась в разных аспектах. Понятие эмоции и проблема классификации эмоций изучается в психологии [Изард 1980, Леонтьев 2001, Рубинштейн 1946 и другие]. В лингвистике встает вопрос о разграничении эмоций и чувств [Вежицкая 1996]. Чувства естественны и неосознаваемы. Эмоции же связаны с рацией, с логическим осмыслением. В языке находят выражение эмоции. Они и являются объектом лингвистических исследований. При этом основное внимание уделяется проблеме описания эмоций, которой посвящены в том числе работы Анны Вежицкой, а также исследования Волгоградской школы эмоций под руководством В.И. Шаховского. Исследователи фиксируют языковые средства, которые используются для передачи эмоций.

Далее возникает вопрос о семантическом значении этих средств. Проблема описания эмоций сменяется проблемой их выражения. Е.А. Брызгунова впервые обращает внимание на возможность построения коммуникативных рядов (например, удивления). Она указывает на роль лексико-синтаксических и интонационно-звуковых средств в формировании эмоционального содержания речи, которое, как отмечает исследователь, в наиболее ярких своих проявлениях тяготеет к двум основным типам: эмоциональным состояниям и эмоциональным реакциям. Эмоциональное состояние говорящего может быть нейтральным, активным и пассивным. В том случае, если эмоциональное состояние охватывает большой речевой отрезок, появляются 'ведущие' интонации, создающие окраску речи [Брызгунова 1984].

Языковое выражение эмоций не только манифестирует наличие того или иного эмоционального состояния говорящего, но имеет целью обращение к самому себе как к адресату, что способствует возможности пережить то или иное событие, либо направлено на поиск того или иного участия со стороны собеседника, что также имеет цель воздействия [Безьева 2002]. Мысль о том, что эмоция – это всегда воздействие действительности на говорящего, возникает еще у В.В. Виноградова [Виноградов 1972]. Мы же говорим о выражении эмоций в связи с семантикой средств коммуникативного уровня языка. Эмоция является целеустановкой. Любое языковое выражение эмоции семантически обосновано.

Эмоциональное состояние говорящего во многом определяет сфера общения: официальная или неофициальная. Русская официальность связана с параметром дистанционированности. Наличие дистанции предпо-

лагает нейтральность, незэмоциональность, акцентуацию информативного содержания. Говорящий апеллирует, главным образом, не к эмоциональной, а к логической сфере. Его задачей является аргументация своей точки зрения. Поэтому номинативный уровень оказывается доминирующим. Однако и официальная сфера общения не свободна от эмоций.

Возможности проявления эмоций в официальной сфере общения покажем на примере двух контрастных по значению монологов в жанре лекции: *монолога Ильи Семеновича из кинофильма «Доживем до понедельника» в исполнении Вячеслава Тихонова и монолога Шулейкина из кинофильма «Полосатый рейс» в исполнении Евгения Леонова.* Эстетическая нагруженность монологов из фильмов способствует выявлению семантической основы проявления эмоций.

Жанр лекции предполагает выступление оратора перед «мотивированной аудиторией» [Конурбаев 2003], то есть людьми, которые готовы к восприятию того или иного сообщения говорящего. В монологе В.Тихонова, который играет роль учителя, слушающими оказываются его ученики и героиня. Е.Леонов, который играет роль мнимого укротителя тигров, читает лекцию морякам.

Жанр лекции предполагает монологическую форму. Действительно, в фильме «Доживем до понедельника» возникает классический монолог. В.Тихонов выстраивает свою речь в соответствии с задаваемой им программой. Он 'блокирует' позицию слушающих, не позволяя им влиять на ход развития текста. В «Полосатом рейсе» монолог вынужденный. Герой Е.Леонова не имеет своей программы развития текста, он ориентируется на позицию слушающих, ждет их реакции.

Обратимся к анализу коммуникативных средств в монологе Вячеслава Тихонова, где на первый план выступает *воздействие говорящего на слушающих.*

Илья Семенович рассказывает своим ученикам о лейтенанте Шмидте. Образ Шмидта, русского интеллигента, близок герою. Учитель восхищается им и стремится передать свое состояние восхищения слушающим. Их необъективная оценка, и шире – узость взглядов, однозначность и ограниченность суждений современного общества, вызывают иронию Ильи Семеновича с оттенками возмущения и презрения. Таким образом, в монологе возникает контраст нормы человека и нормы общества.

Задача героя – переубедить своих учеников. Монолог произносится при внутреннем учете позиции слушающих как на рациональном, так и на эмоциональном уровне. Возникает внутренняя диалогичность [Бахтин 1979].

Монолог имеет широкую направленность. Свою позицию герою важно донести и до зрителя. Проблемы, которые затрагивает учитель,

важны для общества в целом. Его лекция выходит за пределы традиционного школьного урока. В речи возникает высокий пафос. Монолог произносится в активном эмоциональном состоянии:

Илья Семенович: Бедный Шмидт! / Если бы он мог предвидеть этот посмертный строгий выговор. /

1 3
- Это же не я выдумал. / Что, не так?

2' 6 6 6
- То и дело слышу: / Жорес не учел, / Герцен не сумел, / Толстой недопоял. / Словно бы историей арудовала компания двоешников. / Кто может возразить, добавить?

1²
- В учебнике о нем всего пятнадцать строчек.

2
- О нем в возрасте люди читают и другие книжки.

3 1 1
- Другие / пожалуйста. / Вот, например, «Золотой теленок». / Там Остап

2 1 3
Бендер и его кунаки / работали ... лейтенанта Шмидта. / Рассказать?

1 2 - 2
- В другой раз. // Ну, кто все-таки добавит? // Пятнадцать строчек. / От большинства людей остается только тире между двумя датами. //

6 - -
Что же это был за человек, | лейтенант Шмидт Петр Петрович. / Русский интеллигент, / умница, / храбрый офицер, / профессиональный моряк, / артистическая натура. / Он пел, / превосходно играл на виолончели, / рисовал. / А как он говорил! / Но главный его талант / — это дар / ощущать чужое страдание более остро, чем свое. / Именно тот дар рождает бунтарей и поэтов. //

6 1 2
А знаете, однажды / он познакомился в поезде с женщиной, / сорок минут говорил с ней / и влюбился без памяти, / навеки. / То ли в нее, / то ли в образ, / который сам себе выду-

мал, / но | ²красиво ¹влюбился. / ¹Сорок минут, / а потом были только ¹письма, / ¹сотни пи-
сем. / ²Читайте их, / они опубликованы, / и вы тогда не посмеете с высокомерной скукой
рассуждать об ошибках и иллюзиях этого человека.

³
- Но ошибки-то все-таки были?

²
- Ты сядь пока. // ⁶Петр Петрович Шмидт / был противник ²кровопротития. / Как Иван
¹Карамазов у Достоевского, / он отвергал всеобщую гармонию, / если в основание ее по-
²ложен хоть один замученный ребенок. / ²Всё не верил, / не хотел ²верить, / что язык пуле-
²метов и картечей ¹единственно возможный язык переговоров с царем. / ¹Бескровная гар-
³мония. / ¹Наивно? / - Да. / ¹Ошибочно? / - Да. / ¹Но я приглашаю Батищеву и всех вас / не
¹рубить с плеча, / а почувствовать ²высокую ²себястимость ¹этих ошибок. //

²
Послушай, Костя, / вот началось ¹восстание, / и не к Шмидту, а к тебе, / ²живущему 60
¹лет назад, / ¹приходят ¹революционные моряки с крейсера «Очаков» / и говорят: / вы
²нужны флоту и революции, / а ты ¹знаешь, / что бунт ¹обречен. / Ваш ¹единственный
⁶крейсер без брони, / без артиллерии, / со скоростью ⁶восемь узлов в час / не выстоит. /
²Как тебе быть? / ²Оставить ²моряков ²одних ²под ²пушками ²адмирала Чухнина / или ²идти и
²возглавить ²мятеж / и ⁶стоять ²на ²мостику ²под ²огнем / и ²наверняка ²погибнуть.

²
- Без всяких шансов на успех. / ²Какой ²смысл?

²
- Не лезь ты со своим смыслом.

² ² ² ² ²
- Техасова! / Тихо, тихо, тихо. / ²Итак, / был ²задан ²вопрос: / какой ²смысл ²в ²поступке
²Шмидта и его гибели?

²
- Ну ясно какой.

- Без таких людей революции бы не было.

2

2

- Он сам объяснил это в своем последнем слове на военном суде. / Так объяснил, / что
2 2 1
даже его конвоиры / отста вили свои винтовки в стороны. / Потом их за это судили. /

1

Пятна дцать строчек. //

Герой В.Тихонова – профессиональный лектор, талантливый оратор, страстный защитник своих идей. Учитель последовательно и четко излагает свою точку зрения. Он аргументирует свою позицию, апеллируя в первую очередь к логической сфере. Это подчеркивается подчинением главных смысловых центров интонационным, а также четкостью синтагматического членения.

Структурированность монолога проявляется в последовательном раскрытии образа лейтенанта Шмидта. Сначала учитель говорит о его общественной значимости, далее о личных отношениях и затем о его взглядах. Эти три поворотных момента вводятся соответственно следующими фразами:

6
Что же это был за человек, | лейтенант Шмидт Петр Петрович. /

6 1
А знаете, однажды / он познакомился в поезде с женщиной /
6 2
Петр Петрович Шмидт / был противник кровопролития. /

На коммуникативном уровне, как мы видим, новые повороты в раскрытии образа Шмидта маркируются ИК-6. Инвариантные коммуникативные параметры ИК-6 заключаются в привлечении внимания к названной / неназванной информации, которая известна / не известна говорящему или слушающему (данные параметры раскрываются по алгоритму развертывания, давая большое количество реализаций). В данном случае ИК-6 актуализирует смысл 'я знаю, вы не знаете', то есть фиксирует внимание слушающих на неизвестной им, но существенной информации, которую вводит говорящий.

При раскрытии образа Шмидта ведущей эмоцией является эмоция восхищения. Она активно проявляется при перечислении качеств лейтенанта Шмидта:

1² 2 6
Русский интеллигент, / умница, / храбрый офицер, / профессиональный
2 5 6²
моряк, / артистическая натура. / Он пел, / превосходно играл на вио-

2 1 5 2
 лончели, / рисовал. / А как он говорил! / Но главный его талант / – это
 2 2
 дар / ощущать чужое страдание более остро, чем свое. / Именно
 2
 этот дар рождает бунтарей и поэтов. //

На коммуникативном уровне активное эмоциональное состояние восхищения передается следующими средствами:

• **Постепенное усиление интенсивности звучания.**

Громче всего произнесена последняя фраза, в которой называется самое важное, с точки зрения героя, качество Шмидта. Значимость этого качества подчеркивается также лексически (*но главный его талант, именно этот дар*). В.Тихонов акцентирует на нем внимание потому, что именно этот дар интеллигента и отличает Шмидта. Актер дает возможность зрителю провести аналогию между его героем, учителем, и лейтенантом Шмидтом – русскими интеллигентами, героями своего времени, которые несут в себе и стремятся передать людям высокие идеалы.

• **Мена интонационных конструкций.**

Употребление оценочных структур с разными типами ИК при перечислении делает речь героя яркой и выразительной. ИК-2 (с инвариантным параметром противопоставления одного варианта ряду других вариантов) выделяет данный признак из ряда других, подчеркивая его неординарность. ИК-6 привлекает внимание слушающих к неизвестной им информации. ИК-5 показывает высокую степень оценки говорящим данного признака.

Эмоция восхищения может быть охарактеризована как активная и положительная, однако ее проявление в монологе В.Тихонова ‘дозировано’ и не преобладает над рацией.

Наряду с восхищением возникает ирония с оттенками возмущения и презрения:

2
 Бедный Шмидт! / Если бы он мог предвидеть этот посмерт-
 2'
 ный строгий выговор. /

2' 6 6
 То и дело слышу: / Жорес не учел, / Герцен не сумел, / Толстой
 6 2
 недопонял. / словно бы историей орудовала компания двоешников. /

2
 О нем в возрасте люди читают и другие книжки. /

2
 Пятнадцать строчек. / От большинства людей остается
 2
 только тире между двумя датами. //

Интимный регистр возникает там, где герой рассказывает об отношении Шмидта с женщиной. Сниженный регистр учитель также использует в диалоге с учениками и при обращении к ним, за счет этого его речь становится более доступной.

➤ **Повторы.**

В.Тихонов использует повторы-уточнения, которые делают речь героя более убедительной и выразительной:

1 1
письма, / сотни писем.
2 2

не верил, / не хотел верить

Кроме того, дважды повторяется фраза *Пятнадцать строчек* (в учебнике о Шмидте всего пятнадцать строчек). В ней звучит оттенок презрения к нормам общества. Этой фразой В.Тихонов начинает и заканчивает монолог, что еще раз подчеркивает его продуманность и структурированность.

➤ **Удлинение гласных интонационного центра (на ИК-1, ИК-2 и ИК-6).**

Герой тем самым акцентирует ту или иную синтагму и смысл, который актуализирует ИК. Дополнительный коммуникативный смысл передает структура

2
Так объяснил /

Так с удлинением гласного при взаимодействии с ИК-2 вводит параметр нарушения нормы развития ситуации и передает высокую степень проявления признака. В.Тихонов таким образом характеризует действие, которое произвели слова Шмидта на тех, кто присутствовал на военном суде.

➤ **Диалогизация.**

Под диалогизацией мы понимаем вербально выраженную апелляцию к слушающим, а также разыгрывание диалога внутри монолога. Герой В.Тихонова учитывает позицию слушающих, тем самым создавая уже упомянутую нами внутреннюю диалогичность.

- *Что же это был за человек, | лейтенант Шмидт
Петр Петрович. /*

Конструкции с местоименными вопросительными словами, включающими частицы *же* и *это*, передают значение 'должно иметь место, но не имеет', актуализируя две оппозиции: 'должное - недолжное', 'имеющее место - не имеющее место'. Косвенный вопрос со структурой *что же это*, являясь вступлением к рассказу, при взаимосвязи с ИК-6 реализует значение 'вы должны это знать, но пока не знаете'.

- *А знаете, однажды / он познакомился в поезде с женщиной /*

Структура *а знаете* (*а* реализует параметр введения слушающего в новую ситуацию) придает общению доверительный характер – речь пойдет о личных отношениях Шмидта.

- *Читайте их, / они опубликованы, / и вы тогда не посмеете с высокомерной скукой рассуждать об ошибках и иллюзиях этого человека. /*

Императив *читайте* при взаимодействии с ИК-2 каузирует действие, которое, с точки зрения говорящего, приведет к желаемому изменению позиции слушающих. *И вы тогда не посмеете* маркирует высокий регистр общения. Говорящий эксплицирует недожную иметь место позицию слушающих. В этой фразе возникает прямое волеизъявление. Учитель убеждает своих учеников в том, что нельзя судить о человеке и о его поступках, прочитав лишь пятнадцать строчек учебника.

- *Наивно? / – Да. / Ошибочно? / – Да. / Но я приглашаю Батищева и всех вас / не рубить с плеча, / а почувствовать высокую себестоимость этих ошибок. //*

ИК-3 маркирует ориентированность говорящего на позицию слушающих. Герой ставит себя на место слушателя, предполагая его вопросы. Он оценивает ситуацию с позиции своего оппонента, для того чтобы далее возразить ему. Структура с *приглашаю* типична для высокого официального регистра общения и маркирует предложение принять позицию говорящего. ИК-2 противопоставляет данный вариант, должный иметь место, другому варианту как несостоятельному.

- *Послушай, Костя, / вот началось восстание /*

Илья Семенович предлагает одному из учеников поставить себя на место Шмидта. Обращение *послушай, Костя* переводит общение в бытовой регистр и вводит коммуникативный параметр каузации нового осмысления ситуации слушающим. Привлечение слушающего как потенциального участника описываемой ситуации заставляет сопоставить свою позицию с оцениваемой ситуацией.

Итак, в монологе В.Тихонова мы видим внутреннюю и внешнюю диалогизацию. Несмотря на частую апелляцию к слушающим (в том числе в начале и в конце лекции) герой не позволяет им влиять на ход развития монолога. Так, ориентированный на позицию учителя вопрос с ИК-3 *Но ошибки-то все-таки были?* игнорируется героем. Вежливо

останавливая ученика (*Ты сядь пока*), Илья Семенович продолжает свою мысль. Такое 'блокирование' позиции слушающих обусловлено, с одной стороны, тем, что монолог сыгран как рожденный спонтанно, а с другой стороны, несоответствием вопроса тому пафосу, который герой стремится передать.

Те способы воздействия, которые использует актер, в первую очередь структуры высокого регистра общения, характерны для жанра публичной речи. Действительно, монолог В.Тихонова обращен не только к ученикам, но и к зрителю. Кроме того, он выходит за пределы школьного урока истории и приобретает общественную значимость и актуальность. Поэтому публицистический характер монолога вполне оправдан.

В контексте фильма монолог учителя про лейтенанта Шмидта имеет принципиальное значение для раскрытия образа Ильи Семеновича. В.Тихонов играет русского интеллигента, героя своего времени. И лейтенант Шмидт в сознании говорящего также является типичным героем своего времени. Поэтому непонимание всей значимости поступка Шмидта и неверная оценка его роли в истории учеником, который выражает позицию общества, так затрагивают учителя и провоцируют эмоциональный монолог.

Герой В.Тихонова защищает свои идеи и высокие идеалы. В передаче этих идеалов молодому поколению Илья Семенович видит высокое призвание учителя. Поэтому он убежденно доказывает ученикам свою позицию. Присутствие в классе героини, молодой учительницы, к которой герой не равнодушен, еще более вдохновляет его. В.Тихонов стремится донести эти идеалы и до зрителя, внушить ему уважение к своему герою.

Итак, монолог Вячеслава Тихонова отражает воздействие говорящего на слушающих. Однако в том же жанре лекции возможен и другой тип монолога, который отражает *воздействие ситуации на говорящего*. Таков монолог Шулейкина из кинофильма «Полосатый рейс» в исполнении **Евгения Леонова**.

Шулейкин, буфетчик, попадает на корабль под видом укротителя тигров. Его заставляют рассказать морякам о своей мнимой профессии. Буфетчик вынужден читать лекцию о том, о чем он не имеет ни малейшего представления. Он, таким образом, оказывается 'жертвой обстоятельств'. Актер передает эмоциональное состояние неуверенности, растерянности, вызванное небенефактивным отклонением от нормы развития ситуации и осознанием своей некомпетентности.

Задача актера в этом монологе – подчеркнуть несоответствие его героя, буфетчика, взятой на себя роли укротителя тигров. Это несоответствие, а также несоответствие представлений слушающих (моряков) и зрителя о позиции говорящего создает комический эффект. Средства

зуются в речи для того, чтобы 'потянуть время', обдумать ответ. Они маркируют невладевание информацией, неготовность, растерянность:

так сказать

это да так сказать

так сказать, оно вот, ну это, так сказать

Каждый из компонентов структуры несет определенную коммуникативную нагрузку. *Так* и инфинитив *сказать* актуализируют параметр несоответствия предполагаемой слушающим нормы поведения говорящего; *это* – параметр недолжного, имеющего место; *да* – параметр неадекватности позиции говорящего реальной ситуации; *вот* – параметр нереализованности варианта, соответствующего целям слушающих; *ну* – параметр несоответствия ожидаемому. Все указанные средства связаны с несоответствием позиции говорящего ситуации и позиции слушающих.

➤ **Оговорки:**

2

I²

мышь – это мелкий | хищник, / а я работаю по крупному рогатому, /

1

I²

то есть нет / э-э этому хищнику, то есть тиграм этому. /

Оговорки направлены на создание комического эффекта. Поэтому Е.Леонов вводит ряд комических форм. Понимая неадекватность своих слов, Шулейкин стремится исправиться, вводит другие варианты. Э-э, хезитационные паузы, подбор слов актуализируют параметр необходимости следовать норме. *Этому* маркирует тот вариант, который в действительности имеет место.

➤ **Рассогласования.**

Грамматическое рассогласования мы наблюдали в предыдущем примере:

I²

то есть тиграм этому. /

В следующем примере видим рассогласование семантическое:

2

1

Тигр он ведь хищный, / просто очень хищный образ всей своей жизни... /

Рассогласования становятся у Е.Леонова выразительным комическим средством для передачи эмоционального состояния растерянности и замешательства.

➤ **Структуры повтора вопросов при ответе:**

I²

I²

Мышь... / Мышь

3

Храбрость?

3

Питается?

Герой таким образом 'тянет время', актер маркирует неготовность ответить на вопрос, невладение информацией. ИК-3 в двух последних структурах повторения вопроса при ответе актуализирует параметр ориентированности говорящего на позицию слушающих.

➤ **Повторение слов в пределах одной фразы.**

Тем самым герой создает эффект сбивчивой речи: не зная, что сказать, говорящий несколько раз эксплицирует одну и ту же мысль.

2

I^2

душно здесь ей богу, вот я и... / душно очень. //

Чтобы оправдать себя перед слушающими, герой находит бытовую причину. Структура *вот я и...* показывает, что предполагаемый говорящим и ожидаемый слушающими вариант развития ситуации не реализован в силу указанного отклонения ситуации от нормы. Герой опирается на позицию слушающих и стремится вести себя в соответствии с предполагаемой ими нормой поведения в данной ситуации. Однако, пытаясь исправить ситуацию, он еще больше от нее отклоняется. Это и вызывает комический эффект.

I

[Щ]ас я отве чу, [ц]ас. /

Повтор указывает на обдумывание варианта ответа, адекватного ситуации и позиции слушающих.

I^2

I^2

I^2

как говорят в народе, / не по-научному, / сбой. // Сбой, товарищи. /

После поиска (который маркируют 'пустые структуры') подходящего варианта такой вариант найден. Поэтому герой повторяет слово *сбой*, маркируя бóльшую степень уверенности.

I^2

2

2

У-укрощены / Вот хотите верить, товарищи, / хотите не т, / укроще-

I

ны | лично | мною. //

Как и в предыдущем примере, второе *укрощены* маркирует бóльшую степень уверенности.

2

I

Тигр он ведь хищный, / просто очень хищный образ всей своей жизни... /

Шулейкин сообщает хорошо известную всем информацию: *ведь* апеллирует к единству знаний говорящего и слушающих. Используется повтор-уточнение. Усиление признака (*просто очень хищный*) нарушает семантическую норму и создает комический эффект.

Сравним: в монологе Тихонова повторы-уточнения *письма, сотни писем* или *не верил, не хотел верить* делают речь более убедительной и выразительной. Одно и то же средство в одном случае маркирует владение, в другом - невладение говорящим номинативным содержанием.

Итак, все перечисленные средства передают эмоциональное состояние растерянности, неуверенности в себе. Понимая, что ситуация резко отклоняется от нормы, Шулейкин стремится изменить ее. Он пытается восстановить норму, опираясь на известные, привычные ему вещи. Такая опора на привычное придает герою уверенности. Вместе с тем 'зацепки', которые использует герой, еще более усугубляют ситуацию: пытаясь следовать норме, Шулейкин еще больше от нее отклоняется. Герой постоянно разоблачает себя, что вызывает еще больший комический эффект. Перечислим эти 'зацепки':

1) Повтор обращения *товарищи* при взаимодействии с ИК-2. Используя привычный способ обращения, герой привлекает внимание слушающих к своей позиции, но при этом не выражает ничего заслуживающего их внимания. Торжественное обращение с ИК-5 *дорогие товарищи моряки!* вызывает смех потому, что оказывается совершенно неадекватным ситуации: актер завывает регистр общения. Высокий регистр общения в монологе Е.Леонова передает комизм, в монологе В.Тихонова, напротив, – высокий пафос.

2) Употребление профессиональных терминов: *грудинка, огузок, окорок, конина, говядина, рыбий жир, продукты*. Шулейкин – буфетчик. Использование этих терминов при описании тигра (из чего он состоит и чем питается) абсолютно неадекватно и поэтому комично.

3) Рисунок, который является выразительным визуальным средством (о строении тигра Шулейкин рассказывает по нарисованному им тигру, который более напоминает корову).

Слушатели очень заинтересованы в рассказе мнимого укротителя, поэтому они всячески поддерживают его и задают вопросы. В отличие от героя В.Тихонова, который 'блокирует' позицию слушающих, герой Е.Леонова отвечает на эти вопросы, поскольку не готов к самостоятельной инициации высказывания. Его лекция остается монологической по форме, по сути же близка к диалогу. Если Илья Семенович, безусловно, учитывая позицию слушающих (ока спровоцировала монолог), подчиняет ее своей позиции, своей программе развития монолога, то Шулейкин, не имея такой программы, подчиняется позиции слушающих.

При этом по контрасту с монологом В.Тихонова монолог Е.Леонова практически не диалогизируется. Помимо обращения *товарищи*, которое направлено на создание комического эффекта, при описании строения тигра Леонов использует структуру *видно* при взаимодействии с ИК-3, которая реализует параметр ориентированности на слушающих.

Как мы видим, Е.Леонов нагнетает коммуникативные средства при отсутствии номинативного содержания. Однако, несмотря на все средства, которые использует актер, маркируя несоответствие героя требованиям ситуации, моряки продолжают считать Шулейкина укротите-

лем. В этом состоит условность ситуации, ориентированность на создание комического эффекта.

Итак, рассмотренные нами эмоциональные монологи Тихонова и Леонова можно противопоставить по следующим признакам, соответственно:

1. Пафос / комизм.
2. Воздействие говорящего на слушающего / воздействие ситуации на говорящего.
3. Восхищение и ирония с оттенками возмущения и презрения / растерянность, неуверенность и саморазоблачение.
4. Контраст нормы героя и нормы общества / отклонение ситуации от нормы.
5. Владение / невладение информацией номинативного уровня.

Коммуникативные средства, которые были проанализированы и которые представляются нам наиболее типичными для данных монологов, сведем в таблицу. Семантические инвариантные параметры перечисленных средств и их коммуникативные возможности были раскрыты при анализе монологов.

Коммуникативные средства и способы воздействия	Монолог Ильи Семеновича в исполнении В.Тихонова	Монолог Шулейкина в исполнении Е.Леонова
Фонетические средства	ИК-6: 'я знаю, вы не знаете'; значение типичности, известности	Преобладание ИК-1, склонной к двум: нейтральный ввод информации с маркированием невладе-ния ею
	ИК-2: выделение информации	Паузы: отражение воздействия ситуации на говорящего
	Мена ИК: ИК-1, 2, 5, 6: функция убеждения	
	Усиление интенсивности звучания: отражение воздействия говорящего на слушающих	

	Удлинение гласных: отражение воздействия говорящего на слу- шающих	
Лексические средст- ва	Высокая лексика: пере- дача высокого содержа- ния	Употребление про- фессиональных тер- минов: опора на при- вычное
	Оценочные структуры: передача высокого со- держания	'Пустые формулы': отражение воздейст- вия ситуации на го- ворящего
Грамматические сред- ства	Логическая последова- тельность, четкость синтагматического чле- нения, синтаксическая правильность	Рассогласования: отражение воздейст- вия ситуации на го- ворящего
		Оговорки: отражение воздействия ситуации на говорящего
Синтаксические сред- ства	Повторы-уточнения: функция убеждения	Повторы: эффект сбивчивой речи
Приемы диалогиза- ции	Привлечение внимания: глаголы восприятия	
	Каузация действий	
Вопросы: предпола- гающие / не предпола- гающие ответ: функция убеждения		
Регистровые пара- метры	Мена регистров обще- ния: функция убежде- ния	Завышение регистра общения: создание комического эффекта

Итак, если монолог В.Тихонова имеет своей целью эмоциональное воздействие говорящего на слушающих и произнесен в активном эмоциональном состоянии, то монолог Е.Леонова отражает эмоциональное воздействие ситуации на говорящего и произнесен скорее в пассивном эмоциональном состоянии. Соответственно, если в первом рассмотренном нами монологе основную коммуникативную нагрузку, как мы увидели, несут фонетические средства и приемы диалогизации, то во втором – лексические и грамматические средства.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. – М., 2002.
- Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия звучащей речи. – М., 1984.
- Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972.
- Изард К.Е. Эмоции человека. Пер. с англ. – М., 1980.
- Конурбаев М.Э. Филологическое обеспечение связи с общественностью: основы PR-деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. – М., 2003.
- Леонтьев В.О. Классификация эмоций. – Одесса, 2001.
- Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы. // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. трудов / ВГПУ. – Волгоград, 2004.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946.
- Эмотивный код языка и его реализация. Коллективная монография под ред. В.И. Шаховского. – Волгоград, 2003.

КОНТАКТОПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ РЕПЛИКИ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ФОРМЕ НА –О (ед.ч. ср.р.)

В лингвистической литературе давно признаны необходимыми элементами речевого общения фатические контактоподдерживающие реплики (часто называемые сигналами слушающего) – небольшие по объему реплики-реакции на сообщение, не вносящие существенного содержательного (номинативного) вклада в коммуникацию, но подтверждающие принятие и понимание высказывания собеседника и позволяющие последнему ощущать успешность своего речевого поведения. Разновидностью контактоподдерживающих реплик можно считать конструкции, выражающие оценку информации, содержащейся в высказывании-стимуле, как бенефактивной или небенефактивной для субъекта обсуждаемой ситуации (часто это один из коммуникантов). В настоящей статье изложены наблюдения за употреблением в контактоподдерживающей функции некоторых конструкций, эксплицирующих общую положительную оценку содержания предшествующего сообщения посредством оценочных прилагательных в форме ед.ч. ср.р. (*Хорошо, Прекрасно, Замечательно* и т.п.).

Как показывает материал, такие конструкции можно разделить на три группы по тому, как они маркируют положение говорящего по отношению к обсуждаемой ситуации и соответственно каким образом реализуют контактоподдерживающую целеустановку.

Одни используются в ответ на информацию, которая так или иначе касается интересов говорящего, влияет на его жизнь и последующие действия. Другими словами, говорящий маркирует свою позицию «внутри» обсуждаемой ситуации, представляет себя как ее участника. Произнося эти конструкции в ответ на сообщение, говорящий дает понять собеседнику, что он понял и принял информацию и учтет ее в своих действиях¹. Это такие конструкции, как *Хорошо, Отлично, Прекрасно, Чудесно, Замечательно, Великоллетно*.

Другие конструкции, напротив, фиксируют позицию говорящего «вне» обсуждаемой ситуации, которую он наблюдает и оценивает со стороны. Информация не имеет большего влияния на его жизнь и поступки, не затрагивает его жизненных интересов, не слишком важна для него (или, по крайней мере, он пытается так это представить). Такое употребление свойственно конструкциям *Грандиозно, Прелестно, Мило, Славно* и нек. др.

¹ Впрочем, иногда данный параметр разворачивается по позиции слушающего: обсуждаемая ситуация отразится на его дальнейшей жизни; в таком случае имеет место своеобразная эмпатия - говорящий как бы ставит себя на место собеседника.

Конструкции третьей группы не охарактеризованы по параметру «вовлеченность»/отстраненность и могут употребляться и когда информация касается интересов говорящего, и когда она просто нова и интересна, и когда она касается интересов собеседника или 3 лица. В последнем случае они выражают сопереживание, сочувствие в положительных оценках и эмоциях собеседнику или 3 лицу. Это конструкции *Здорово, Классно, Круто* и т.п.

Конструкции внутри каждой группы имеют и другие общие коммуникативные параметры, сближающие их, и различные, противопоставляющие их друг другу. Покажем это на примере конструкций первой группы.

Конструкции, маркирующие участие говорящего в ситуации и учет информации в его дальнейших поступках, характеризуются (в большей или меньшей степени) также следующими общими параметрами.

Во-первых, это параметр более высокого уровня владения ситуацией у говорящего, чем у собеседника – большей компетентности в том, как распорядиться обсуждаемой информацией. Часто это проявляется как иерархические отношения между говорящим и слушающим, но совсем не обязательно в официальной сфере общения: старший по социальному или ситуативному (или иному) статусу принимает "доклад", "отчет", ответ младшего, слабее владеющего ситуацией и менее компетентного или правомочного в том, как этой информацией распорядиться. Именно этот параметр делает невозможным буквальный перевод английской реплики *Good* в следующем диалоге между приехавшим в страну дипломатом и принимающей стороной:

- (1) - *Вы тут среди друзей.*
- *Я в этом уверен, - мягко сказал Минтон.*
- *Среди христиан.*
- *Очень рад.* (в оригинале - *Good.*)
- *Антикоммунистов.*
- *Очень рад.* (в оригинале - *Good.*)

[К.Воннегут. Колыбель для кошки, перевод Р.Райт-Ковалевой]

Если *Good* перевести здесь как *Хорошо*, отношения, устанавливаемые между говорящими, станут другими – более жесткими, начальственно-покровительственными со стороны дипломата Минтона и, следовательно, совершенно не соответствующими этикетной ситуации, образу персонажа и, в частности, комментарию "мягко" к предыдущей реплике. Очевидно, английское слово *good* не осложнено данным параметром.

Во-вторых, конструкции *Хорошо, Отлично, Прекрасно, Чудесно, Замечательно, Великолепно* (а также *Славно*) в позиции реакции на сообщение и при взаимодействии с ИК-2, подчеркивающей

реализованность данного варианта¹, имеют оттенок подытоживания, что делает их пригодными не только для поддержания контакта, но и для подготовки к смене ролей активного и пассивного говорящих, к смене темы или даже к размыканию контакта.

1. Конструкция *Хорошо* очень часто выступает в роли реплики-реакции на сообщение. Основная целеустановка ее в такой позиции – фатическая сигнализация о том, что информация принята. Значение же положительной оценки, хотя это и номинативное значение ключевой лексемы, у данной конструкции факультативно и легко вытесняется – происходит фатическая десемантизация. Остается отличающий ее от других конструкций этой группы параметр реализованности обсуждаемого варианта ситуации, которую говорящий как таковую принимает (или временно допускает), занося в свой «информационный фонд».

Обратимся к примерам.

(2) - *Дмитрий Владимирович, он - шофер, - не без гордости сказала Люба.*

- *Да ну? Хорошо. Прямо сейчас могу за руль посадить. Права есть?*

{В.Шукшин. Калина красная}

Социальная иерархия: колхозница - председатель, будущий начальник третьего лица, о котором идет речь; принятие информации и ее оценка как бенефактивной для всех троих участников общения; говорящий начинает действовать исходя из нее (делает предложение).

(3) - *Мне он первому должен.*

- *Нет. Первому он должен мне.*

Минуту они глядели друг на друга.

- *Хорошо, - сказал неизвестный. - Завтра встретимся и обсудим.*

{В.Пелевин. Generation 'P'}

Хотя говорящие равны по статусу, произносящий последнюю реплику демонстрирует большее владение ситуацией, беря на себя инициативу по выходу из нее; он учел информацию и в целом поведение собеседника и действует соответственно этому; значение оценки самой ситуации, ее бенефактивности (или небенефактивности) здесь отсутствует.

Конструкция *Хорошо* легко присоединяет начальную частицу *Ну*, которая, реализуя свой инвариантный параметр ожидаемого ([Безяева 2002:145]), создает эффект вынужденности такой реакции, мотивируя ее соответствием ожиданиям слушающего: 'я отвечаю так потому, что

¹ Мы пользуемся классификацией интонационных конструкций, разработанной Е.А.Брызгуновой [Брызгунова 1980], и системой коммуникативных параметров, выявленных у них, а также у других средств коммуникативного уровня, М.Г.Безяевой [Безяева 2002].

ты этого ждешь (хотя я, возможно, ждал иного)'. Так, при реакции на просьбу конструкция *Ну хорошо* выражает вынужденное, неохотное согласие. "Вынужденность" реакции на сообщение - контактоподдерживающей реплики принятия информации - может проявляться как безразличие:

(4) - Ты хоть во что-нибудь веришь? - спросил он.

- Нет, - сказал Татарский.

- Ну хорошо, - сказал Азадовский и снова заглянул в бумаги, на этот раз в какую-то разграфленную анкету. - Так... Политические взгляды - что там у нас? [Там же]

Почти как в примере (2), это разговор нанимающегося на работу и будущего начальника, который принял информацию к сведению и переходит к следующему вопросу. Значение собственно оценки отсутствует. Оттенок безразличия здесь связан с тем, что, как показывает дальнейшее поведение говорящего, он задает вопросы не потому, что ответы важны для него, а как бы выполняя некий обязательной ритуал. (Заметим в скобках, что контрастно формальное, поверхностное обсуждение глубоко интимных и жизненно важных для русского человека философских вопросов - характерная черта пелевинского стиля).

Конструкции *Хорошо*² и *Ну хорошо*² со свойственным им оттенком подытоживания, активно работают в ситуациях типа экзамена (когда говорящий знает ответ на заданный вопрос)¹ и в ситуациях типа допроса (когда говорящий задает много вопросов, чтобы получить полное представление о ситуации), не обязательно выражая собственно положительную оценку ответа, а лишь маркируя принятие, понимание, усвоение говорящим данного отрезка информации, фиксацию высказывания собеседника как реализованного, состоявшегося, завершенного и уместного и подготавливая переход к обсуждению нового вопроса или завершению коммуникации.

(5) (Полозова подробно расспрашивает о покупаемом ею имении, что сравнивается с экзаменом или с допросом)

¹ А.Н.Баранов и Г.Е.Крейдлин отмечают, что после ответа на так называемый "экзаменационный вопрос" необходима еще реплика, "выражающая отношение к ответу адресата", и в качестве примера приводит именно *Хорошо*; обязательность такой реплики, по их мнению, является структурной особенностью, "формальным отличием" минимального диалога с "экзаменационным вопросом" от обычного [Баранов, Крейдлин 1992]. Как нам представляется, то или иное (как минимум паралингвистическое) подтверждение понимания и принятия информации структурно необходимо для нормального течения коммуникации после ответа на любой вопрос, а не только "экзаменационный". Но, действительно, в этой ситуации конструкции со словом *хорошо* особенно частотны.

- Ну, хорошо! - решила наконец Марья Николаевна. - Ваше имя я теперь знаю... не хуже вас. Какую же цену вы положите за душу?

[И.С.Тургенев. Вешние воды]

2. Конструкции с *хорошо* и интенсификатором *очень* не обязательно выражают более высокую степень положительной оценки ситуации или соответствующих эмоций (радости, удовлетворения) говорящего. Введение *очень* в контактоподдерживающую реплику делает ее более весомой, значимой, нагруженной дополнительными коммуникативными оттенками, намекает на некий подтекст.

(6) (в химчистке) - Что у вас?

¹
- Костюм.

³
- Костюм?

⁴
- Костюм.

⁴
- Очень хорошо. [х/ф "Москва слезам не верит"]

Героиня, принимая заказ (и информацию о нем) от клиента (а клиент в советской системе обслуживания обычно обладал более низким статусом), в то же время кокетничает с ним, придавая простым коротким репликам не соответствующую их содержанию значительность.

(7) - Я бы хотел прийти с Романом.

²
- А! Ну очень хорошо. Зоя ведь тоже пойдет.

[х/ф "Три плюс два"]

Особая нагруженность реплики, ее подтекст состоит в том, что ею косвенно признается факт, о котором не говорится прямо, - что герои уже составляют две любовные пары.

Другие конструкции этой группы: *Отлично*, *Прекрасно*, *Чудесно*, *Замечательно*, *Великолепно* - имеют важное семантическое отличие от *Хорошо*: они маркируют не столько объективную реализованность обсуждаемой ситуации, сколько впечатление, произведенное ею на говорящего. Они обычно не теряют в позиции реакции на сообщение своего номинативного значения оценки - положительного впечатления, произведенного информацией на говорящего: употребляя такие конструкции, говорящий обычно выражает если не радость, то по крайней мере удовлетворение от того, что информация совпадает с его желаниями или ожиданиями. Зато они (за исключением *Чудесно*) способны использоваться иронически - со значением отрицательной оценки, в качестве реакции на плохую новость: *Я разбил вазу.* -

Отлично! Прекрасно! Замечательно! Великолечно. В отличие от *Хорошо*²⁷, они не используются при реакции на просьбу, но активно используются при реакции на предложение, где выражение произведенного положительного впечатления более уместно, причем значение положительной оценки реализуется как удовольствие, охота, энтузиазм, сопровождающие согласие (*Поехали в лес! – Прекрасно! Отлично! Замечательно! Великолечно! Чудесно*), а также на близкую к нему целеустановку сообщения говорящего о своих намерениях, где реакция совмещает целеустановку согласия с фатической целеустановкой сигнализации о приеме информации (*Я схожу в магазин. – Прекрасно* и т.п.).

3. Конструкция *Отлично* выделяются среди других оценочных конструкций принятия информации своей динамичностью, т.е. направленностью на действие. Она выражает оценку информации как максимально соответствующей целям говорящего, благоприятной для действий, которые он (реже слушающий) намерен (может теперь) совершить. Типичное эмоциональное наполнение этой конструкции - удовлетворение и энтузиазм, как готовность к действию или как поддержка собеседника. Поэтому человек, часто использующий ее, производит впечатление энергичного, решительного, предпочитающего словам - дела, лидера. Если обсуждаемая ситуация сложилась в результате действий собеседника, конструкция *Отлично* осложняется оттенком похвалы, одобрения:

- (8) - Ну, Шурик? Как напарник?
 - Перевоспитывается.
²³
 - Отлично! А почему шепотом? [х/ф "Напарник"]

Конструкция совмещает значения соответствия ситуации целям говорящего, связанного с этим удовлетворения и энтузиазма, которые говорящий готов разделить с собеседником (оттенок, вносимый ИК, близкой к ИК-3), одобрения и поддержки скромного и притом подчиненного собеседника.

- (9) - ... Направляю свою трубку в сторону нашего дома - и готово! - вижу тебя во весь рост.
 Папа сказал:
 - Отлично! Эффект Шницель-Птуцера!
 [В. Драгунский. Подзорная труба]

В последнем примере говорящий поддерживает собеседницу, стремящуюся произвести впечатление на третье лицо – ребенка, который и является адресатом: истинная цель реплики с *отлично* – помочь собеседнице, усилить коммуникативный эффект ее

высказываний, имитируя оценку, похвалу и в сущности выполняя контактоподдерживающую функцию.

(10) - *А с вами что? Почему хромаете?*

- *Нога болит, товарищ старшина.*

- *Отлично! Будете на кухне чистить картошку сидя.*

[анекдот]

Комический эффект основан на неуместности положительной оценки небенефактивной для слушающего информации – она явно требует фатической реакции сочувствия, а не проявления удовлетворения и энтузиазма; в то же время данная конструкция маркирует здесь соответствие принятой информации целям говорящего и готовность использовать ее в дальнейших действиях - раздате нарядов.

4. Конструкция *Прекрасно* выражает более высокую, чем *Отлично*, степень положительной оценки, что видно из следующего примера - отрывка из стихотворения Саши Черного:

(11) *...Все ушли - и я один.*

И отлично! И прекрасно!

Очень ясно:

Я храбрее всех мужчин!

– где имеет место градация синонимичных конструкций полемической (вопреки общему мнению) положительной оценки введенной информации.

Представляется, что в позиции реакции на сообщение такие конструкции, сохраняя связь с первым ("эстетическим") значением ключевого слова, выражают оценку полученной информации как соответствующей представлениям говорящего о гармоничном (правильном, идеальном, совершенном) устройстве мира: «Параметр иерархии», или большего влвдения ситуацией у говорящего, в этой конструкции, как показывает материал, присутствует, но в значительно более смягченном виде, чем в двух рассмотренных выше. Именно это затрудняет замену в репликах-реакциях на сообщение конструкции *Прекрасно* на *Отлично* или *Хорошо*.

(12) - *Мой сын хотел бы записаться к вам в хор.*

- *Прекрасно!* - воскликнул Виктор Макарович, точно я был знаменитым певцом и он давно уже ждал моего появления.

[А.Алексин. Позавчера и послезавтра]

Здесь рассматриваемая реплика (выполняя в диалоге именно контактоподдерживающую функцию поощрения речи собеседника) становится средством характеристики персонажа - немолодого, интеллигентного человека, преподавателя, страстно любящего свою работу и детей и всегда верящего в лучшее в них.

(13) (*Лев*) - *А у меня нет друзей.*

(Собачка) - Я! Я буду с вами дружить.

(Лев) - Ну что ж, ¹прекрасно ^{2,3}сно. Теперь я буду не один.
[м/ф "Чебурашка"]

Здесь реплика-стимул собачки реализует целеустановку предложения через выражение намерения говорящего, а реплика-реакция льва – охотного согласия через фатическое принятие информации и оценку ее как делающей его мир более близким к совершенному (к идеалу) (частицы, в соответствии со своими инвариантными параметрами¹, тоже подчеркивают хоть и неожиданным образом (ну), но приведение ситуации к норме (что), должной, но ранее не реализовавшейся (же)). В этом примере нет четко выраженной иерархии собеседников, но очевидно, что реплика *Ну что ж, прекрасно* может принадлежать только большому, солидному льву, но никак не маленькой собачке – так своеобразно реализован здесь этот параметр.

5. Конструкция *Чудесно* (и ее разговорные варианты *Чудно*, *Чудненько*) употребляется очень редко и скорее может быть свойственна интеллигентным людям старшего возраста. Она может появиться в диалоге, когда речь идет об обстоятельствах, бенефактивных для говорящего, который с радостью принимает их, но сам не собирается переходить к активным действиям, предоставляя их собеседнику. Данная конструкция выражает оценку информации как всецело соответствующей желаниям, мечтам говорящего ('лучше и быть не может') и связанные с этим радость, удовлетворение. «Параметр иерархии» здесь также ослаблен и проявляется лишь в большей осведомленности говорящего о бенефактивных последствиях обсуждаемой ситуации. В позиции реакции на сообщение данная конструкция, как и другие подобные ей, совмещает оценочно-эмоциональное значение с фатической функцией сигнала о приеме информации:

(14) -Вы холостой? - тревожно спросил Агапенов.

- Холостой... - сказал я, вытучив глаза на Агапенова.

Радость выразилась на лице Агапенова.

- Чудесно! Вы познакомитесь, и ведите вы его к себе ночевать!

[М.А.Булгаков. Театральный роман]

(15) - Уж мне и самому захотелось уехать.

- Правда? Вот и чудненько!³ Чудненько!² Чудненько!^{1,2}

[х/ф "Принцесса на горошине"]

5. Конструкция *Замечательно* выражает более сдержанную оценку, чем три предыдущие, обладает более низким максимально

¹ См. [Безьева 2002:145, 432, 154].

возможным эмоциональным градусом (хотя достаточно высоко оценивает бенефактивность ситуации) и близка к конструкции *Отлично* некоторой "прагматичностью" оценки: информация оценивается положительно постольку, поскольку она соответствует целям и интересам говорящего (реже слушающего). Однако в ней нет той динамичности - направленности на действие, которая характерна для *Отлично*, и это - «созерцательность», пассивность восприятия ситуации - сближает ее уже с конструкцией *Чудесно*. Значение *Замечательно* как реплики-реакции на сообщение (а также на предложение) можно раскрыть как 'мне это подходит', 'меня это устраивает'; в этой позиции она в той или иной степени содержит и фатический компонент - сигнализирует о принятии информации и подчеркивает коммуникативную успешность, удачность предшествующего высказывания:

(16) (*Холмс.*) - *А больше он ничего не сказал?*

(*Осведомитель.*) - *Он назвал свою фамилию.*

- ¹ *Замечательно!* ⁵ *Ватсон, готовы еще полсоверена. Как его фамилия?*

- *Шерлок Холмс.*

[х/ф "Собака Баскервилей"]

Эта конструкция типична для реакции на сообщение о намерениях собеседника, которые так или иначе связаны с жизнью говорящего, - он выражает ею, что понял и что они вполне соответствуют его интересам (- *Мы приедем к вам часа в два.* - *Замечательно!*).

В следующем примере данное значение обыгрывается, что формирует целеустановку язвительного выпада (но отнюдь не безразличия, так как все же сохраняется идея соответствия услышанного интересам говорящего):

(17) - *Ну и что ты теперь собираешься делать?*

- *Дорог на свете много. Для меня годится любая.*

- *Ну вот и хорошо! Очень хорошо! Просто замечательно!*

Плакать не буду!

[х/ф "Старая, старая сказка"]

Этот пример интересен еще и тем, что в нем, как и в примере (14), имеет место градация синонимических конструкций: он показывает, что оценка, выражаемая конструкцией со словом *замечательно*, сильнее (и это подчеркивается частицей *просто*, противопоставляющей данную оценку предыдущим), чем конструкции с *хорошо* и даже с *очень хорошо*.

7. Конструкция *Великолепно* выражает настолько полное соответствие информации предположениям (желаниям, надеждам) говорящего, что оно даже превосходит его ожидания; маркирует немедленный, энергичный учет информации в своих выводах и поступках. Эта конструкция нередко употребляется иронически,

выражая уже отрицательную оценку, но сохраняя общее значение 'это соответствует моим представлениям, но превосходит их'. Слово *великолепно* и конструкциям с ним свойственна стилистическая приподнятость и оттенок нарочитой экспрессивности, стремления говорящего выделиться, привлечь внимание к себе и своим словам.

- (18) - *Вера Ивановна, садитесь [чай пить].*
- *Погодите, я белье повешу, тогда приду.*
- *Великолепно. Я не буду тушить керосинку.*

[М.Булгаков. Псалом]

Герой рассказа - интеллигентный, утонченный человек, научивший маленького ребенка сложному стихотворению, разговаривает с женщиной, которая ему нравится; все это и обуславливает выбор конструкции, функция которой здесь - сигнализация о приеме информации, о ее более чем полном соответствии желаниям говорящего и о том, что говорящий учтет ее в своих поступках (что раскрывается в продолжении реплики), а также самопрезентация героя.

- (19) - *(перед дверью) А здесь что?*
- *Здесь репетиция нашего оркестра.*
- *Великолепно! (Заходит.)* [х/ф "Карнавальная ночь"]

Преувеличенно энергичное принятие информации, действие с ее учетом.

Данная конструкция встречается в устах персонажей Достоевского (изломанных, любящих "пофорсить"), которые с ее помощью оценивают предыдущее высказывание не столько как содержащее бенефактивную для говорящего или слушающего информацию, сколько как характеризующее произносящего его собеседника - характеризующее его таким, каким его и видел говорящий, но в наивысшей, крайней степени, причем не обязательно положительно:

- (20) - ... *Вы и в самом деле не такой, как все: вы вот теперь не постыдились же признаться в дурном и даже смешном. ... Будьте же не такой, как все; хотя бы только вы один оставались не такой, а все-таки будьте не такой.*
- *Великолепно! Я в вас не ошибся. Вы способны утешить. О, как я стремился к вам, Карамазов, как давно уже ищу встречи с вами!*
[Братья Карамазовы]

(21) - *К чему мне заставлять вас прыгать с Шлангенберга? - сказала она сухо и как-то особенно обидно. - Это совершенно для меня бесполезно.*

- *Великолепно!* - *вскричал я, - вы нарочно сказали это великолепное "бесполезно", чтобы меня придавить. Я вас насквозь вижу.*
[Игрок]

Первый пример - положительная оценка слушающего, второй - отрицательная; курсивом выделены нами указания на то, что услышанное соответствует прежним представлениям говорящего о слушающем.

Итак, рассмотренные конструкции в позиции реакции на сообщение выполняют контактоподдерживающую функцию сигнализации о приеме сообщения собеседника и, следовательно, его успешности, совмещая эту целеустановку с целеустановкой выражения положительной оценки, а иногда и теряя последнюю. Их объединяют коммуникативный параметр «вовлеченности» говорящего в обсуждаемую ситуацию, которая оказывает влияние на его дальнейшую жизнь и поступки; параметр большего владения ситуацией у говорящего, чем у собеседника; оттенок подытоживания. Это противопоставляет их другим конструкциям положительной оценки, способным использоваться в контактоподдерживающей функции. Между собой же они различаются следующими параметрами:

1) Конструкция *Хорошо* противопоставлена всем остальным как маркирующая объективную реализованность обсуждаемой ситуации в противоположность личному впечатлению как основанию для оценки.

2) Оценка содержания предшествующего высказывания может быть связана с полным соответствием его целям и желаниям говорящего или собеседника (*Отлично, Замечательно*); его желаниям и мечтам (*Чудесно*); с неполным, точнее, превосходящим соответствием представлениям, предположениям, желаниям говорящего (*Великолепно*); с соответствием норме как идеалу (*Прекрасно*).

3) Одни конструкции маркируют активное, энергичное, динамичное отношение говорящего к информации, его готовность действовать с учетом ее (*Отлично, Великолепно*), другие выражают пассивное принятие ситуации такой, какой она сложилась без участия говорящего (*Чудесно, Замечательно*).

4) По-разному и у разных конструкций в разной степени может проявляться «параметр иерархии» - коммуникативного неравенства собеседников (ср. с одной стороны *Хорошо, Отлично* и с другой - *Прекрасно, Чудесно*).

5) Конструкции различаются также степенью выражаемой положительной оценки (*Хорошо* «слабее», чем *Отлично*, а *Отлично* - чем *Прекрасно*) и максимально возможным эмоциональным градусом (так, *Замечательно* имеет низкий эмоциональный потенциал по сравнению с *Отлично* или *Прекрасно*).

6) Аффективность некоторых конструкций (введение интенсификатора *очень* в конструкцию *Хорошо*, стилистическая и собственно оценочная завышенность слова *великолепно*) приводит к эффекту наигранности, манерности, особой нагруженности реплики, намека на подтекст.

7) Различна степень употребительности и стилистической маркированности конструкций: если *Хорошо* нейтральна и широко распространена, то, например, *Чудесно* мало употребительна и свойственна скорее интеллигентным людям старшего возраста.

Разведение такого рода конструкций, выполняющих в диалоге очень важную функцию организации коммуникативного взаимодействия и на первый взгляд близко синонимичных, различение их смысловых и регистровых оттенков-параметров и в результате уместное использование их, безусловно, является одним из проявлений языковой компетентности говорящего, и в том числе иностранца, изучающего РКИ.

Литература

- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалоге// Вопросы языкознания. 1992. № 2.
- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
- Брызгунова Е.А. Интонация. Основные понятия// Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

ИНТОНАЦИОННАЯ СИНОНИМИЯ РЕПЛИК-РЕАКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

Функциональная нагрузка интонационных средств неоднородна. Значения, выражаемые с помощью интонации, неравноценны. Некоторые из них несовместимы в одном контексте и ведут к изменению или разрушению содержания: вопрос – ответ, вопрос – оценка. В других же случаях интонационные средства, например разные типы ИК, передают различия в пределах общего значения. Иными словами, интонационные средства участвуют в выражении различий как совместимых, так и несовместимых в одном контексте.

При выражении различий, *совместимых в одном контексте*, возможно синонимическое уплотнение интонационных средств. Интонационная синонимия наблюдается в условиях ослабления смысловозначительных возможностей интонации. Синонимичными могут быть употребления различных типов ИК, вариантов синтагматического членения и др. [Русская грамматика. АН СССР, 1980].

В статье исследуются возможности интонационной синонимии на примере вторых реплик диалогических единств. В лингвистической литературе отмечается важность изучения вторых реплик диалогических единств. Именно во вторых репликах адресат «волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или перейти в наступление, выполнить просьбу или отказаться...» [Арутюнова 1999: 661]. Во вторых репликах «сложилась семантика согласия, возражения, допущения, уличения, опровержения, оправдания, отказа» [там же]. Во вторых репликах наиболее разнообразно представлены эмоциональные реакции говорящего. Именно во вторых репликах диалогических единств наблюдается богатая интонационная синонимия при передаче различных смысловых и эмоционально-стилистических оттенков.

В качестве примера в статье предлагается анализ диалогических единств, первые реплики которых содержат волеизъявление, долженствование, предпочтение какого-либо действия другому. Вторые реплики имеют семантический инвариант подтверждения, соответствия («я это и делаю»), который может осложняться разными смысловыми и эмоционально-стилистическими оттенками, связанными с тем, что первый говорящий не замечает или ему неочевидно совпадение предлагаемого и реального. Это значение выражается в русском языке разными лексико-синтаксическими структурами и интонационными средствами, которые образуют *синонимический ряд средств* затрагивающих проблему синтаксической синонимии, подчеркивается важность учета средств разных уровней языка. Так, В.Г. Гак [Гак 1998: 77] говорит о лексико-синтаксической синонимии, которая «основывается на том, что многие

отношения могут выражаться лексически, однозначными словами, что позволяет провести более глубокую реорганизацию синтаксического строя предложения». В монографии под ред. Г.А. Золотовой обращается внимание на то, что «в живом языке синтаксическая синонимия вступает во взаимодействие с синонимией лексической» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1999: 189]. В звучащей речи лексико-синтаксическая синонимия *взаимодействует* с интонационной синонимией.

Итак, приведем синонимический ряд реплик.

– Садись занима²ться!

синонимичные реплики-реакции

– Я занима^{2/4/6}юсь. =

= Я и занима^{1/2/4}юсь. =

= Я же занима^{2/3}юсь! = Я² же / занима³юсь! =

= Именно э³то / я и де^{1/2/4}лаю. =

= А я разве не занима^{3/4}юсь? =

= А я^{2/4} что ли / не занима^{3/4}юсь? =

= А я^{2/4} что делаю? =

= А кто² не занимается? = А кто² /не занима²ется-то? и др.

Остановимся на анализе интонационных средств. Как видно из примера, реплики произносятся с разными типами ИК. Интонационная синонимия передает разные смысловые и эмоционально-стилистические оттенки. Ведущими оттенками эмоционального содержания в этих диалогических единствах являются *недовольство, обида, удивление*.

При этом роль интонационных средств различна. С одной стороны, интонационные средства могут вносить определенный эмоциональный оттенок. Ср.:

Я и занима¹юсь. – Я и занима⁴юсь! (ИК-4 вносит оттенок вызова, недовольства).

С другой стороны, интонационные средства могут усилить или ослабить оттенок, выраженный лексико-синтаксическими средствами. Ср.: А я² разве / смею³сь? – А я² разве / смею⁶сь? (ИК-6 усиливает оттенок удивления, выраженный частицей *разве*).

Как видно из приведенного синонимического ряда реплик, синонимичными являются разные типы ИК (ИК-1, ИК-2, ИК-4, ИК-6), варианты синтагматического членения (*Я же рабо²таю – Я² же / рабо³таю*).

Для передачи смысловых и эмоциональных оттенков говорящие используют *нейтральные реализации ИК*. На данном участке диалогической речи частотны реализации ИК-2, которая выражает усиление значения подтверждения, значение «именно это я и делаю». Например:

1. – Подожд²ть надо!

– Так мы и жд²ем! (разг. коллег)

2. – Ну и де²лай сама, / раз тебе не нра¹вится.

– Вот я и де²лаю! (семейный разг.)

ИК-2 становится ведущей интонацией в структурах с инвертированным порядком слов, то есть акцентирование происходит как на синтаксическом, так и на интонационном уровнях.

1. – *Хва²тит ныть!*
– *Не но²ю я!* (семейный разг.)
2. – *Клади²! Не жа²дничай!*
– *Да кладу² я!* (разг. студентов)

В последнем примере появляется оттенок некоторого раздражения.

Одним из лексико-синтаксических средств выражения эмоционально-смысловых оттенков на этом участке диалогической речи является повтор сказуемого. При этом очень важна интонационная структура повторов. Если лексико-синтаксическая структура включает частицу *да*, то при взаимодействии с интонацией возникает эмоциональный оттенок недовольства, который словесно может быть выражен так: «отстань».

Например:

1. – *Тебе надо занима¹ться!*
– *Да занима²юсь я, / занима²юсь!* (семейный разг.)
2. – *Ты майонез-то в салат / не клади²!*
– *Да не кладу² я, не кладу²!* Ты же зна³ешь, что мне его самб³й нельзя. (семейный разг.)

Другой оттенок значения возникает при произнесении повтора слитно, без паузы, в составе одной синтагмы с ИК-1, обычно в убыстренном темпе. Этот оттенок значения может быть передан словами «не волнуйтесь, не беспокойтесь». Обычно в таких репликах-реакциях субъект опускается:

1. – *Де²вочки! Рабо²тайте!*
– *Работаем, рабо¹таем.* («не беспокойтесь»; разг. зав кафедрой и лаборантов)
2. – *Не рви¹те гриб, пожалуйста. Я хочу посмотре¹ть.*
– *Не рву, не рву.* (разговор знакомых)
3. – *Подожди²те меня, пожалуйста.*
– *Ждём, ждём!* («не волнуйся», разг. коллег)

Известно, что нейтральная реализация ИК-4 в определенном лексико-синтаксическом окружении передает оттенок вызова. В исследуемых диалогах типичны реакции, произносимые с ИК-4 для выражения компонента *недовольства*. При этом с помощью большей или меньшей выраженности ИК-4 оттенок недовольства усиливается или ослабляется. Например:

1. – *Да ты не бо²йся!*
– *А я и не бою⁴сь!* (разг. студентов)
2. – *Улыба⁴ться надо, / а не ворча¹ть!*
– *Я и улыба⁴юсь!* (семейный разг.)
3. – *Ты не пережива²й!*
– *А я не пережива⁴ю! С че²го ты взял?* (разг. студентов)

Аналогично в конструкциях типа *А я / не работаю?* произношение одной из синтагм с ИК-4 усилит оттенок недовольства и увеличит экспрессивность реакции. В нашем материале больше примеров, в которых ИК-4 встречается в первой синтагме.

1. – *Думать надо, когда что-то делаешь!*
– *А я⁴ что / не ду³маю, что ли?* (семейный разг.)
2. – *Ты там ма¹му поддерживай, не дава²й пада³ть духом!*
– *А я⁴ что / не подде³рживаю?* (разг. коллег)
3. – *Хватит бездельничать! Садись заниматься!*
– *А я⁴ что ли / не занима⁴юсь?* (семейный разг.)

В некоторых случаях отмечается произношение реплик-реакций с ИК-6, которая вносит оттенок удивления. Для передачи оттенка удивления, часто в сочетании с оттенком недовольства, используется нейтральная реализация ИК-3.

1. – *Хватит бездельничать!*
– *А я и не безде⁶льничаю! Я рабо²таю!* (семейный разг.)
2. – *Что² ты слоняешься без дела?! Нужно рабо²тать.*
– *Я же рабо³таю! Я ду²маю!* (семейный разг.)

Итак, сравним:

Я и рабо¹таю – значение подтверждения, нейтральное эмоциональное состояние.

Я и рабо²таю! – усиление значения подтверждения, активное эмоциональное состояние.

Я и рабо⁴таю – оттенок недовольства.

Я и рабо⁶таю – оттенок удивления.

Я же рабо²таю! – усиление значения подтверждения.

Я же рабо³таю! – оттенок удивления.

Компоненты эмоционального состояния передавались говорящими разными *эмоциональными реализациями*. Любая эмоциональная реализация, как известно, имеет какую-то особенность в своём строении. Анализ материала показал, что наиболее частотными на этом участке были эмоциональные реализации ИК-2: ИК-2 с усилением словесного ударения и удлинением гласного центра, ИК-2 с высоким началом нисходящего тона, ИК-2 двувершинная, которая отличается от нейтральной повышением тона на гласном предцентре, которое держится до гласного центра, где тон понижается. Говорящие широко использовали эмоциональные реализации ИК-1, ИК-4 с волнообразным движением тона в предцентровой части.

Наблюдались особенности *тембровых характеристик*: придыхательность, увеличение длительности ударных гласных, ослабление редукции безударных гласных, усиление консонантных характеристик слова, разная величина диапазона тона на гласном центра, наблюдались также регистровые различия. При этом для передачи эмоционального содержания говорящие используют, как правило, не одну, а несколько артикуляционных характеристик. Так, усиление оттенка удивления от-

мечалось при следующих артикуляционных характеристиках: придыхательность в предцентре, растянутость гласных, сжатие гортани. Усиление оттенка *обиды* наблюдалось при понижении регистра, выпяченности губ, малой степени раствора речевой полости, некоторой отодвинутости гласных назад. Следует также отметить, что реплики-реакции с оттенком удивления часто произносятся с широким диапазоном движения тона на гласном центра, в то время как для реплик-реакций с оттенком обиды характерно произнесение с узким диапазоном движения тона на гласном центра.

Часть материала была предложена информантам для прочтения. Приведем наиболее яркие примеры.

Оттенки *раздражения, недовольства* в сочетании с оттенком обиды. Степень выраженности оттенков варьируется.

Говорящий 1. (Преподаватель филологического факультета. Женский голос.)

Именно э́то / я и де́лаю – в этом высказывании эмоциональный оттенок создается произношением как ИК-3, так и ИК-2 с более закрытыми и напряженными гласным центра («это», «делаю») и более напряженным звуком [д] в слове «делаю». Можно говорить об «эффекте поджатых губ». Вторая синтагма произносится с усилением словесного ударения на гласном центра.

Следует обратить внимание на то, что усиление консонантных характеристик часто наблюдается в эмоциональных реализациях ИК-2 с усилением словесного ударения на гласном центра.

А я и не смею́сь! – произносится с эмоциональной реализацией ИК-4 с явнообразным движением тона на предцентре.

Говорящий 2. (Актер. Мужской голос.)

А я разве не занима́юсь? – послоговое произношение реплики, похожее на «скандирование», более открытый гласный центра. Оттенок недовольства усиливается.

А я́ что делаю? – усиление консонанта [j], усиление последних слогов в постцентре, меньшая степень редукции. Сильная степень недовольства.

Да я и та́к уже работаю – ярко выраженное ИК-4 со значительным понижением тона на гласном центра.

Усиление оттенка *обиды*:

Говорящий 1. (Преподаватель. Женский голос)

Я и не безде́льничаю. Я рабо́таю. – переходный тип ИК-1, склонный к ИК-2. Реплика произносится в нижнем регистре. Выпяченность губ; произношение, о котором говорят «бубнит».

А я и не открыва́ю. Но мне нужно вы́йти – произнесение характеризуется меньшей открытостью ротовой полости. Реплики произносятся в нижнем регистре.

Говорящий 2. (Актер. Мужской голос.)

А я⁴ что делаю? – выпяченность губ, нижний регистр, гласные чуть отодвинуты назад.

А я не е³м что ли? Я и е²м! – произносится аналогично. Губы выпячены, регистр понижен, узкий диапазон движения тона.

Усиление оттенка удивления:

Говорящий 1. (Преподаватель. Женский голос)

Я же рабо³таю! Я ду²маю – предцентр произносится на низком уровне, центр ИК-3 по сравнению с предцентром на высоком уровне. Во втором предложении наблюдается растянутость гласного центра и плавное понижение тона в ИК-2. Произнесение сопровождается придыханием.

А я и не смею²сь – волнообразное движение тона в предцентре, высокое начало и увеличение длительности гласного центра. Сужение гортани при произнесении предцентра. Произнесение сопровождается придыханием.

Именно это я и де²лаю – двувершинная ИК-2 (с повышением тона на вершине – слове «это»). Наблюдается удлинение гласного центра и плавное понижение тона.

Говорящий 2. (Актриса театра)

А я и не открыва²ю. Но мне нужно вы²йти – первое высказывание произносится с ИК-1 с волнообразным движением тона в предцентре и удлинением гласного центра, произнесение сопровождается придыханием.

А я не е³м что ли? Я и е²м! – ИК-3 с нисходяще-восходяще-нисходящим движением тона. Наблюдается придыхательность, снижение громкости, сужение гортани. Второе высказывание произносится с ИК-2 с высоким началом.

Говорящий 3. (Актёр театра)

А я и не открыва²ю! Но мне нужно вы²йти! – Первое высказывание произносится с ИК-2 с волнообразным движением тона в предцентре, высоким началом нисходящего тона и удлинением гласного центра, широким диапазоном движения тона на гласном центре.

Итак, анализ материала показывает, что на данном участке диалогической речи широко представлена синонимия интонационных средств, которая реализуется во взаимодействии с лексико-синтаксической синонимией. Для выражения эмоционально-смысловых оттенков говорящий использует нейтральные реализации ИК, эмоциональные реализации ИК, варианты синтагматического членения. Всё это определяет многообразие звучащей диалогической речи.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
Русская грамматика АН СССР, 1980. Т.1, гл. «Интонация».

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА СРЕДСТВ КОММУНИКАТИВНОГО УРОВНЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале образов, созданных О. Ефремовым,
О. Табаковым и А. Калягиным)¹

Проблема *эстетического* понимается нами как роль языковых средств в создании художественных образов и систем персонажей произведения.

Объектом изучения работы является *коммуникативный уровень языка*², в задачи которого входит отражение соотношения позиции говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Коммуникативный уровень представлен и в монологической, и в диалогической речи, и в письменной, и в устной форме, но звучащий диалог – это естественная форма его существования. Диалогическое произведение, изначально предназначенное для звучащей реализации, является лучшим материалом для анализа *индивидуальных интерпретаций*.

Мы рассматриваем индивидуальные интерпретации художественных произведений, выполненные актерами: *Олегом Ефремовым, Олегом Табаковым и Александром Калягиным*, каждый из которых в своих ролях создает самые разные языковые личности, множит языковые мини-системы образов. Нас интересует описание языковой личности актера через его творческую стратегию использования языка.

Актер не создает нового текста (как писатель в письменном или рядовой носитель языка в бытовом общении), он является лишь *истором* его *интерпретации*. Основной принцип такой интерпретации заключается в том, что *номинативный уровень текста* (который предназначен для передачи информации о действительности, преломленной в сознании говорящего) сохраняется неизменным; т.к. на нем выстраивается развитие сюжета, а *коммуникативный уровень*, “сетка” которого

¹ В данной статье кратко подводятся итоги работы автора над исследованием обширного материала, представленного в звучащих образах выбранных актеров. Подробнее см. канд.дисс. “Эстетическая функция средств коммуникативного уровня русского языка (на примере образов, созданных О.Ефремовым, О.Табаковым и А.Калягиным)” М., 2006.

² Безлева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. См. также другие работы этого автора.

уже задана в письменном тексте основе, варьируется, как варьируется возможное соотношение в произведении позиций говорящего, слушающего и ситуации.

Мы ставили перед собой следующие цели исследования:

- во-первых, выявить средства коммуникативного уровня и тактики их использования, позволяющие одному актеру создавать самые разные образы, а также в пределах одного образа разносторонне характеризовать героя и, если необходимо, отражать эволюцию характера, складывать отношения персонажей произведения;
- во-вторых, на основе повторяющихся в речи одного актера приемов использования коммуникативных средств и в результате сравнения его методов с методами других актеров сделать вывод о языковой стратегии каждого мастера перевоплощения; (мы сравнили особенности методов работы актеров с письменным текстом основой¹, приемы работы в ансамбле на примере фатических контактоподдерживающих реплик и предпочитаемые способы выражения негативных эмоций²).

Материал нашего исследования - речь художественных произведений разных жанров: мы анализируем *звуковые дорожки* экранизаций классических романов и кинофильмы по современным пьесам, комедии, драмы, фильмы-спектакли, аудио-записи детских мультфильмов и сказок; всего – около 40 часов звучания. Звучащие тексты сопоставляются с письменными *текстами сценариев или литературных основ*.

Речь, звучащая в качественном кинофильме, – это *плод осмысленного сотрудничества* актера с автором текста и режиссером, результат многоступенчатого осознанного или бессознательного отбора языковых средств. Своеобразие каждой роли заключается в неповторимом сочетании следования актера ремаркам автора текста или спора с ними, учета режиссерских установок или их обхода, воплощения актером собственной стратегии или сдерживания личностных проявлений в целях соответствия логике образа.

¹ Великоборцева-Чалова О.В. Эстетическая нагрузка средств коммуникативного уровня русского языка, модифицируемых при звучащей интерпретации письменного текста. (На материале классических ролей О.Ефремова, О.Табакова и А.Калягина.) // Слово. Грамматика. Речь. Вып.7. М., 2005.

² Великоборцева О.В. К вопросу о языковых стратегиях актеров (на примере выражения негативных эмоций в ролях О.Ефремова, О.Табакова и А.Калягина) // Слово. Грамматика. Речь. Вып.6. М., 2004.

Все это отражается в выборе языковых средств. Диалоги и монологи выбранных произведений принадлежат к тому типу художественной речи, который максимально близок к естественной речи: смысловая и эстетическая нагрузка в них ложится на *семантическую систему коммуникативного уровня в целом* (по сравнению, например, с художественным чтением, “театром одного актера”, когда “максимально возрастает изобразительная, воздействующая, эстетическая роль интонации”¹).

Система предоставляет актеру *три ступени варьирования*, в связи с чем нами решались следующие задачи: 1) решить вопрос о допустимом варьировании в пределах текста *на уровне целеустановок* и выяснить, предпочтение каких целеустановок складывает коммуникативную стратегию каждого актера; 2) определить, каким образом в пределах одной целеустановки система *вариативных рядов конструкций* позволяет отразить различные оттенки отношений героев и также отражает стратегию актера; 3) ответить на вопрос о предпочтениях актерами тех или иных коммуникативных *средств*, а точнее – *смыслов, которые стоят за этими средствами*, при работе как в пределах одного образа, так и в разных, а также доказать, что эстетически нагруженным может быть не только средство с определенным инвариантом, но и его та или иная *конкретная реализация* по алгоритму развертывания.

Итак, в нашей работе вопрос индивидуального выбора впервые решается на уровне коммуникативной системы, причем ответ заключается в себе не только информацию о том, какие средства отбираются из системы, но и о том, каковы семантические причины и эстетические цели такого отбора.

Представление актера о том, каким должно быть в художественном произведении соотношение позиций персонажей обусловлено его эстетическими установками, его *эстетической темой*, с которой, как показывает исследование, тесно связана *языковая, коммуникативная стратегия*.

Мы выделили следующие эстетические “темы” трех актеров. У *Ефремова* это долг и чувство: его герои сдерживают эмоции, признают приоритет долга над чувством, идея долга проявляется в наставнической позиции, воплощается в официальности речи многих героев (например, сотрудников правоохранительных органов), их дистанцирован-

¹ Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. с.73.

ности от собеседников. Эстетической доминантой *Табакова* мы считаем идею **быта и духовности**: например, в его *Обломове* сниженный бытовизм речи в адрес слуги сочетается с глубиной философских мотивов; на фоне ярко выраженных во всех образах бытовых составляющих (это прагматичная оценка, управление ситуацией, осуществление контроля над окружающими) духовное начало контрастно проявляется в виде эмоционального бунта или, напротив, как тихая отсылка к нравственным ценностям. Тема *Казагина* – истина и ложь: его герои для достижения своих целей выдают себя не за тех, кем являются на самом деле (вспомним Чичикова), многозначность реплик многих героев говорит о размытости границ между истиной и ложью.

1) Эстетическая тема актера воплощается в разных коммуникативных мини-системах созданных им образов, и во многом предопределяет появление тех или иных ролей в творчестве актера.

Не имея возможности проиллюстрировать всё разнообразие средств и приемов их использования в многоликом творчестве каждого актера, приведем лишь несколько примеров.

Ефремовский участковый Буров из к/ф “Здравствуй и прощай”, не

1 1 1

руководит, но подчиняется (Понятно. / Есть. / Ага.). Фатические маркеры внимания и понимания Бурова создают образ человека пассивного, готового подчиняться, быть ведомым на фоне активной героини, что во многом предопределяет трагикомизм произведения в целом; в репликах шофера такси из к/ф “Три тополя на Плющихе” эти же целеуста-

1 2

новки, реализованные иными конструкциями (Мг. / ↓Ладно.../ ↓Ну

1

хорошо), характеризуют героя как компетентного, но готового по-мужски предоставить солировать женщине. В к/ф “Продлись, продлись, очарованье” герой Ефремова вообще избегает контактоподдерживающие высказывания, ломает коммуникацию, но он игнорирует позицию героини в ее же и их общих интересах, т.к. она излишне пассивна и пессимистична.

Табакон в своих молодых и зрелых ролях по-разному реализует негативные эмоциональные состояния. Неподдельные эмоции по поводу несоответствия действительности норме говорящего (*ИК-3^м* в открытом возмущении высокой степени Розовского Олега Савина ↑Не трогай

2 6 2 3² 3 3 3

рыб! // Они / живые!!! / Ты.. / моих / рыб?!.../ Ты.../ из-за этого

3^м

↑барахла ?!!!) противопоставляются ожидаемости небенефактивного

варианта (ну вот, ИК-2 в репликах ворчащих отца-повара (Ну вот, /

2

2

теперь развязывай!) и кота Матроскина (Ну вот опять... / расходы

2

непредвиденные...)). Зрелые герои Табакова не кричат о наболевшем,

1

а по-ефремовски обращаются к ИК-1, как отец-повар (Н-да, /

- - 2 - - - - - - -

6

↓ своеобразное у жизни чувство юмора. /.../ ↓ себя не обманешь, /

5

/

2

6

1²1²

ничего / не состоялось, / если бросил всё / и как чумовой / сюда примчался).

В репликах многих героев Калягина активно участвуют междометия

2

2

5

/

2

тия (Ой! / Хм! / Какие финики / на этом дереве! / Ой, ну какие

2

2

1²

2

1²

финики! ; ↓ О! / Ой-ой-ой...; - Ай-ай-ай! / Ай-ай-ай! Братца Кролика;

2

4

2

1

3

6

2

Ага; Ом-м; Ой! / Вы такой / любезный мужчина / - это что-то! “тетушки” Чарлея), служат маркерами искренних и неискренних эмоций разного рода. Такое нагромождение коммуникативных междометий контрастирует с предельной “некалягинской” сдержанностью высказываний Эзопа (преобладание ИК-1 и единственное о[с] (о[йх] говорят о бессильной неготовности героя принять поведение собеседников и си-

2

3

2

туацию в целом: О[с]... / Быть свободным, - / это значит, слышать

2

1²

голос самой свободы, / воспевающей все прекрасное).

2) С другой стороны, эстетическая тема влияет на коммуникативную стратегию актера, которая проявляется при обобщении коммуникативных мини-систем образов.

Наш материал позволяет сделать следующие выводы.

Ефремов предпочитает лаконизм, демонстрирует “коммуникативный минимализм”, подчиненный логике образа. При работе с текстом актер часто исключает языковые средства из реплик в соответствии с собственным представлением о герое (например, снимает многословные жалобы и повторяющиеся обращения тургеневского Рудина) или следуя логике образа, как, например, в к/ф “Мама вышла замуж”: актер вместо реализации предложения *...Я могу подождать* выражает

намерение говорящего с оттенком угрозы Я жду с ИК-2, что исключает альтернативы и очерчивает жесткую позицию говорящего; в другой сцене Ефремов опускает коммуникативное *слушай*, маркирующее неподготовленность речи, т.к. в той ситуации герой тщательно продумал свои действия: вместо предложенного в сценарии *Слушай, давай на*

. 3 3

"ты", а? Ефремов говорит: *Давай на "ты", / а?* Интимизирующее понижение фонетического регистра, повтор ИК-3, ввод слушающего в новую ситуацию с коммуникативным *а конечным* усиливают апелляцию к собеседнику. Такое сочетание четкой позиции говорящего с учетом собеседника типично для разных героев Ефремова. Выбираемые актером средства обычно имеют коммуникативный параметр нормы, адекватности, должного (*так, да, же*), ожидания (*ну*) и знания говорящего (*что, ИК-6*, например, в вопросе героя, не сомневающегося в от-

6

вете собеседника: *Мы с вами в одном положении. / Можно вам позвонить?*)

6

Линия наставничества в творчестве Ефремова проявляется в том, что вместо вопроса или предложения актер часто дает утверждения, на месте возмущения с инфинитивом, акцентирующим нарушение нормы развития ситуации, самовольно реализует наставление, подчеркивая компетентность и рассудочность говорящего. Так Подберезовиков в сценарии Рязанова "зло выговаривает": *Капкан на живого человека! Это, знаете. Надо додуматься! Мы вас можем привлечь!*; Ефремов

3

1

говорит: *А ставить капкан на живого человека / не следовало.*

Подавление чувств рассудком выражается в сдержанности большинства реплик ефремовских героев, которые даже в любви признают-

1

ся с ИК-1: *↑Я вас люблю*, - говорит Рудин Ефремова там, где в романе Тургенева последняя реплика в споре "*Я вас люблю!* - воскликнул Рудин." Герой Ефремова из к/ф "Продлись, продлись, очарованье" делает

2

3

это и вовсе мимоходом: *Я вас люблю. / Захватите, пожалуйста, / с*

1²

заднего сидения сумку.

*Табак*ов, наоборот, стремится к яркости высказываний, прописывает коммуникативные смыслы, уточняет, обостряет, дублирует заложенное в тексте основе. Многие высказывания героев актер оложняет эмоциями: например, озвучивая Барбоса в мультфильме, там,

где сказка Носова предлагает простое “Нет”, он использует активное

2

отрицание **Да что ты!**, подчеркивая неадекватность собеседника ситуации и противопоставляя знание ситуации говорящим незнанию слушающего. Важным средством в арсенале Табакова является коммуникативное **что** с параметром нормы развития ситуации, оно часто используется в “разоблачающей” реализации незнания собеседника или самого говорящего. Это значение появляется в эмоциях, которые часто разворачиваются по принципу “крешендо”, возрастающей звучности. Так Обломов Табакова реагирует на сравнение его с другими Захаром:

2

3⁴

2⁴

2³

Что-что, / что-что, что-что, что?! // ↓Так... / Захар! / ↑Ну-к, поди

3

1²

3

2

2

сюда! // Ты сказал, / что другие / не хуже нас / преезжают. /

2

2

7

3

3

3

↑“Другие / не хуже”. / Вот до чего уже договорился! / Теи е рья буду

знать, / чтоя для тебя все равно, что друго й.).

Нередко эмоции реализуются в “хлестаковских мотивах” творчества Табакова: Олега Савина из к/ф “Шумный день” они характеризуют

7

7

2

как творческого фантазера (**Ну пожалуйста! / Могу! / ↑Готово!**), пса

6

2

Барбоса делают глуповатым бахвалом (**Здесь вообще / все мое!**), а отца-повара из к/ф “Сирота казанская” – неутомимым жизнелюбом, кото-

6

рому есть чем удивить и порадовать окружающих (**↑Сегодня у нас / в**

2

2

3

праздничном новогоднем меню: / закуски – / охлажденные мидии /

6

3

6

2

под лимонным соусом, /.../ горячее – / ↑рыба с беконом, / цыпленок

6

2

2³

по-южнофранцузски / а также десерт – / ↑коктейль / “Ананасовая

6

2

1

глазурь” / и ↑блинчики / с апельсиновым сиропом. / Вопросы

3

3

есть?). Подобные конечные фатические вопросы (**вопросы есть?;**

3

3

ясно вам?; понятно?) присутствуют в репликах разных героев актера, они лишь формально обращены к собеседнику, но фактически ставят как точку в разговоре собственную позицию говорящего.

Излюбленным приемом Табакова является контраст, заложенный уже в его "теме" (быт-духовность) и проявляющийся в использовании средств разных уровней языка. Например, Обломов Табакова не говорит **Ведь это гадость!**, **Ведь это мученье!**, т.к. *ведь* – признак единства

2 /

представлений говорящего и адресата, он говорит **Это же гадость!**, **Это**

2 .

же му че ни е, т.к. *же* подчеркивает обнаруженное противоречие, усиливая давление на слушающего (собеседник должен понимать говорящего, а он не понимает).

Одной из особенностей коммуникативной стратегии Табакова является замена интонационными средствами других коммуникативных средств. Например, *ИК-3*, апеллируя к собеседнику, заменяет *что ли* или *ведь* (вместо **Ведь ты же изломал. Ни о чем не подумаешь!** Обло-

3 . . .

мов Табакова говорит: **Ты ж изломал**). Часто дополнительные оттенки в реплики героев Табакова вносятся за счет излюбленной *ИК-6*, отсылающей к невербализованной информации: так отец-повар вместо вопроса, предложенного в сценарии (*Спиртным злоупотребляешь?*) на-

6

мекает на известные всем обстоятельства - **Спиртным**

злоупотребляешь...; а кот Матроскин напрашивается в гости - **Меня**

6

мама твоя прогонит...

Многозначность другого рода пронизывает творчество *Калягина*. Реализуя свою тему истины и лжи, он прибегает к "коммуникативной многослойности", обусловленной двумя факторами. Во-первых, актеру присуща активная эксплуатация лже-целеустановок. В качестве примера приведем лже-успокаивание калягинского Платонова из к/ф "Неоконченная пьеса для механического пианино", когда вместо предложенного в сценарии "А ты меня, Саша, не слушай!" в адрес жены

2

2

актер говорит: **Да Сашенька, / ты меня не слушай, / родная, не**

2

слушай! Калягин подчеркивает презрительное отношение говорящего к собеседнику повторами, ласковыми обращениями (*Сашенька, родная*), да говорит о досадной для говорящего неадекватности собеседницы ситуации, при этом "второе дно" высказывания не понято адресатом, но понятно всем остальным участникам ситуации и зрителям. Подобное выражение презрения к собеседнику встречается при реализации раз-

ных целеустановок героев Калягина, так актер в соответствии со своей эстетической темой истины-лжи предпочитает эту самую рационализированную эмоцию.

Другой пример лже-целеустановки – типичные фатические поддакивания, которые Калягин вводит дополнительно к предложенным в тексте основе, усиливая поддержку партнера по коммуникации: так Любомудров из к/ф “Прохиниада” налаживает отношения с начальст-

6 2 1² 1
 вом - Я с вами соверше нно / согла сен. / Совершенно. /.../ Кон е чно, /
 2 2 6 2

коне чно. / Имен но, / имен-/-но; а Чичиков “подпевает” Манилову - М-
 3 6 1² 2 3 1 2

м! / Пра вда-пра вда. ...// Ве рно, / ве рно, ве рно, / оч ь ве рно! //...М-
 2 6 1² 2 3 1²

г.../ Да-/-да-да-да-да.../ О(с), / соверше нно с этим / соглас ен. Только на первый взгляд это характеризует говорящего как любезного собеседника, на самом же деле прикрывает его презрение.

Вторая причина калягинской многослойности – это то, что в отличие от Ефремова и Табакова, существующих в кадре в системе “актер - партнеры”, Калягин произносит высказывания в расчете на зрителя (так проявляются эстетические установки школы Е.Вахтангова). Истинное критическое отношение героя актер передает с помощью невербальных или коммуникативных средств. Активно эксплуатируемые междометия и сакральные формулы (о, ой, о[с], ай-ай-ай, Боже мой, Господи) подчеркивают параметр интересов говорящего. Например, Калягин в роли Чичикова насыщает семантически реплику в адрес Коробочки за счет одновременной активизации двух противоположных реализаций коммуникативных параметров средств. Реагируя на опасения собеседницы продешевить, продавая мертвых, которые могут пригодиться в хозяйстве, Чичиков Гоголя восклицает: Мертвые в хозяйстве!; Калягин удивленное возражение осложняет резкой оценкой слушающего: -

3 3² 2 2 1

↓Мёртвые / в хо[↑]зяйстве?.. / О-о / Ну... / Нда. Здесь о и ну (мена предположения говорящего на знание и ожидание говорящего) показывают собеседнице, что Чичиков не предполагал, что мертвые могут пригодиться в хозяйстве, нда маркирует несоответствие норме: Коробочка понимает, что гость не согласен с ней, зрителям же ясно, что Чичиков предполагал, что Коробочка может не понять его, но не ожидал от нее такого нелепого аргумента, такой глупости, и нда говорит о несоответствии умственных способностей Коробочки норме.

Наш анализ показал, что средства коммуникативного уровня русского языка, формируя соотношение позиций говорящего, слушающего и ситуации, несут эстетическую нагрузку в художественном произведении. Широта семантического диапазона коммуникативного варьирования делает возможными разнообразные реализации одного высказывания, одного диалога, одного произведения. Выбор языковой личности актера, осуществляющийся на трех уровнях (целеустановка, конструкция, средство со своими инвариантными параметрами и его конкретная реализация), обусловлен эстетической темой и связанной с ней коммуникативной стратегией актера.

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

А.Р. Валипур (Иран)

ДОПОЛНЕНИЕ В ПЕРСИДСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ¹

Введение

Способность человека мыслить и отражать окружающий мир – это явление исторически изменяющееся и развивающееся. Очевидно, что мышление первобытного человека по сравнению с мышлением современных людей было более примитивным и обладало меньшими возможностями. По мере того как усложнялась жизнь, происходило развитие производительных сил и увеличивалась степень познания явлений и законов окружающего мира; человеческое мышление совершенствовалось и усложнялось. А так как мышление тесно связано с языком, это находило отражение и в развитии структуры языка. Древняя человеческая речь состояла главным образом из простых предложений, и ей было не свойственно такое явление, как гипотаксис.

Исторический подход к изучению грамматики языка позволяет наблюдать переходные процессы и явления, свойственные также и английскому языку. Примером этому служит двойственный характер инфинитива, обладающий свойствами имени существительного и глагола, что обусловлено переходом от первого ко второму.

Категория дополнения по-разному трактуется различными лингвистами. До сих пор нет единой классификации структурных типов дополнений, и многие лингвисты, говоря о дополнении, вообще избегают классификаций. В этом, несомненно, сказывается сложность объекта изучения.

В персидском языке дополнения по структуре традиционно подразделяются на простые и сложные. Простые дополнения в свою очередь подразделяются на прямые, косвенные и предложные. Однако профессор Х. Фаршдвард считает, что по внешним признакам дополнения подразделяются на предложные и беспредложные. Согласно его концепции, беспредложные дополнения могут быть прямыми и косвенными. Особо выделяются случаи двойного дополнения.

Предложные дополнения делятся на следующие подтипы:

- а) дополнение с **be**, эквивалентное косвенному беспредложному дополнению;
- б) дополнение, обозначающее орудие (с предлогом **ba**);
- в) дополнение с различными предлогами;

¹ В статье изложены результаты исследований, которые проводились в Тегеранском университете.

г) агентивное дополнение с предлогом **bevasileye**.

В русском языке прочно укрепились представления о наличии двух типов приглагольных дополнений: прямого (выраженного существительным в винительном и родительном падеже без предлога) и косвенного (выраженного существительным в винительном падеже с предлогом или формами других косвенных падежей существительного с предлогом и без предлога). Изоморфной чертой прямого дополнения в русском и персидском языках является тот факт, что оно употребляется только с переходными глаголами, например: *Man дарам ketab mikhanam* – Я читаю книгу.

В персидском языке отсутствует проблема выбора падежа, т.к. у дополнений возможен только один падеж. В русском языке прямое дополнение может выражаться существительным в винительном падеже без предлога или существительным в родительном падеже без предлога. Часто персидскому прямому дополнению в русском языке соответствует прямое дополнение, которое выражено либо винительным, либо родительным падежом без предлога.

Косвенное дополнение в персидском языке характеризуется тем, что оно отдельно от прямого дополнения употребляться не может. Оно воспринимается отчетливо только тогда, когда рядом стоит прямое дополнение, которое при наличии второго беспредложного дополнения занимает обычно не первое, а второе место после глагола. Например: *Moalem be ио yek ketab dad*, где *yek ketab* – прямое дополнение; *be ио* – косвенное дополнение, выраженное формой объектного падежа местоимения *ио*.

Персидскому косвенному дополнению в русском языке соответствует косвенное дополнение, выраженное беспредложным дательным падежом, который обозначает объект, к которому направлено действие: *Студентки с веселыми, смеющимися лицами дарили солдатам цветы*.

В отличие от других предложных дополнений предложное дополнение **ba** регулярно употребляется в пассивной конструкции. По своей семантике оно связано с особой формой предикации – с категорией пассивности. Другие виды предложных дополнений могут употребляться в любом залоге – как в активном, так и в пассивном, ср.: *Man yek chizy bara shoma kharidam* – Я что-то купил для вас. По смыслу дополнение с **ba** близко к дополнению с **bevasileye**.

Персидскому агентивному предложному дополнению в русском языке соответствует косвенное дополнение, выраженное беспредложным творительным падежом, который также обозначает действующее лицо в пассивном залоге. Например: *Khers bevasileye shekarchi koshte shod* – Медведь был убит охотником. Такой вид косвенного дополнения, как и в персидском языке, так и в русском языке употребляется только в пассивной конструкции.

Персидскому предложному дополнению с **be** в русском языке соответствует косвенное дополнение, выраженное дательным

падежом без предлога, которое обозначает объект, к которому направлено действие: *Anha modatha ast in ra be ou ettela dadehand* – Они сообщили ему это давно.

В русском языке предложному дополнению с **ba** соответствует косвенное беспредложное дополнение, выраженное формой творительного падежа и обозначающее, так же как и в персидском языке, орудийное действие, например: *стучать посудой*, и косвенное дополнение с предлогом **s**, обозначающее лицо или предмет, которые участвуют в совместном действии, например: *Я пошел в кино с другом*.

Персидские предложные дополнения **baraye** в основном соответствуют русским косвенным дополнениям с различными предлогами в различных падежах. Например, предложное дополнение с предлогом **baraye** на русский язык в основном переводится косвенным дополнением в родительном падеже с предлогом **для**: *Khardane chizy baraye kesi* – *купить для кого-то*.

Предложное дополнение с предлогом **dar bareye** соответствует в русском языке косвенному дополнению с предлогом **о** в предложном падеже для обозначения объекта мысли, чувства, внутреннего состояния, речи, например: *dar bareye kesi fekr kardan* – *думать о ком-то*, *dar bareye kesi danestan* – *узнать о чём-то*.

Персидскому предложному дополнению с предлогом **az** обычно в русском языке соответствует косвенное дополнение в родительном падеже с предлогом **от** или **у**, что обозначает лицо или предмет, от которых что-то получают, ожидают, узнают. Например: *chizy az kesi bardashian* – *взять что-то от кого-то*, *chizy az kesi danestan* – *узнать что-то от кого-то*.

Для персидского языка в целом характерно контактное расположение слов, при котором слова, связанные по смыслу, располагаются рядом: ведь прямое дополнение ближе всего по смыслу связано с глаголом, и поэтому нет ничего удивительного, что оно в подавляющем большинстве случаев занимает контактное с глаголом положение. Не случайно такое положение прямого дополнения также характерно для русского языка. Разница состоит лишь в том, что в русском языке имеются большие возможности для контактного размещения прямого дополнения и сказуемого (в русском языке прямое дополнение может стоять и до и после сказуемого, а в персидском – только после сказуемого, отчего в русском языке возможны также конструкции с контактным расположением этих членов предложения: дополнение – сказуемое – подлежащее; подлежащее – дополнение – сказуемое, например: *Это сделал он* и *Он сделал это*).

Однако прямое дополнение в персидском языке может встречаться в любом другом месте предложения, кроме места, занятого подлежащим.

Например, в предложении *In ra be khater miavaram* дополнение предшествует подлежащему. Причина подобного дистантного положения прямого дополнения – это стремление автора выразить лексическое

подлежащее и лексическое сказуемое.

Так, в предложениях *In ra be khater nemiavaram* – *Этого я не помню* прямое дополнение стоит в начале предложения, т.к. оно выражает лексическое подлежащее, являясь тем предметом мысли, вокруг которого строится все высказывание. Необычное место дополнения может также определяться стилистическими мотивами, в частности, – необходимостью эмфатического выделения дополнения.

В вопросительных предложениях в связи с их особой семантикой, требующей употребления вопросительного слова на первом месте, вынос прямого дополнения на первое место является нормой (если вопрос относится именно к прямому дополнению). Ср: *Che ou goft?* – *Что он сказал?*

Следует отметить, что тенденция постановки вопросительного слова на первое место характеризуется большой силой не только в персидском языке, но и в русском языке. Правда, в русском языке, главным образом в разговорной речи, наблюдается отступление: *Вы когда придете?*

В персидском языке вопросительное слово всегда стоит на первом месте, за исключением переспросов, содержащих вопросительное слово, произносимое с повышением тона и заменяющее непонятное или нерасслышанное слово из первой реплики, при этом все остальные члены предложения являются повторами соответствующих членов предложения предыдущей реплики.

Заключение

Трудно назвать какой-либо иной, кроме дополнения, член предложения, суждения о котором были бы столь разноречивы. Сопоставительный анализ соотносительных форм в русском и персидском языках позволяет выявить некоторые наиболее типичные функциональные (переводческие) соответствия. Он также необходим при обучении персидскому и русскому языкам в качестве иностранного, т.к. знание отличительных особенностей в различных языках помогут учащимся и студентам избежать явления интерференции. При сопоставлении русских и персидских дополнений автор обнаружил в этой главе следующие особенности их расположения в предложении:

В персидском языке вопросительное слово всегда выносится на первое место. *Che ou goft?*

В русском языке в разговорной речи наблюдается отступление. *Вы когда придете?*

В русском языке косвенное дополнение может занимать любое место в предложении: как до глагола, так и после него. *Он дал ему книгу – Он ему дал книгу.*

В неопределенно-личных предложениях косвенное дополнение может выноситься на первое место. *Ему дали книгу.*

Предложные дополнения в русском и персидском языках могут выдвигаться на первое место с целью эмфазы.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова // Филологические науки-1973, № 3.
- Волков А.Г. Язык как система знаков. МГУ, 1967.
- Мельников Г.П. Системный подход к лингвистике// Системные исследования. Ежегодник. 1972. М., 1973.
- Пирогова Н.К. Лингво-социальная природа орфоэпической нормы русского языка. Вестн.Моск.университета.сер.9.филология.1991.3.
- Пожиленко Е.А. Волшебный мир звуков и слов. М., 2001.
- Развитие фонетики современного русского литературного языка. М., 1971.
- Развитие фонетики современного русского литературного языка. М., 1986.
- Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1989.
- Розанова Н.Н. Современное московское просторечие и литературный язык. Городское просторечие. М., 1984.
- Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л.П. Крысина. М., 1974.
- Хомский Н. Язык и мышление. МГУ, 1972.
- Шафф А. Введение в семантику. М., 1983.

РАЗВИТИЕ ПЕРЕНОСНЫХ (МЕТАФОРИЧЕСКИХ) ЗНАЧЕНИЙ В СТРУКТУРЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящее время вырос интерес к сопоставительному изучению лексико-семантических групп (ЛСГ) языков: выявляется их структура и границы, рассматриваются системные отношения внутри определенных ЛСГ, определяется значимость каждой лексической единицы в составе данной группы.

Исключительно интересный материал для исследования в этом отношении представляет класс прилагательных, так как он отражает своеобразие семантической организации каждого языка, отличительные особенности его лексико-семантической системы, а также дает возможность увидеть языковые картины мира.

Проникая в лингвистическую природу прилагательных, изучая механизмы номинации в сфере адъективных признаков слов, мы не только определяем лингвистический статус данной категории лексических единиц, но тем самым углубляем наши знания о когнитивной деятельности человека, устанавливая, с одной стороны, по каким параметрам происходит выделение вещи из класса ей подобных, с другой стороны, определяя, результаты познавательной деятельности человека, зафиксированные в наименованиях тех или иных свойств, признаков, качеств, присущих вещам в реальной действительности.

Главным свойством прилагательных в семантическом плане является их семантическая несамостоятельность. Применение прилагательных в значительной мере зависит от обозначенных существительными предметов и событий, обладающих соответствующими признаками. Прилагательные легко приспосабливаются к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении.

Возникновение новых ассоциаций между прилагательным и новым предметом или явлением обусловлено тем фактором, что слово включает в себе не только актуальные, но и потенциальные значения и возможности комбинаторики, содержащиеся в слове в виде потенциальных семантических и сочетаемых признаков, которые в связи с появлением новых ассоциаций, являются основой развития качественно новых значений. Кроме того, возникновение нового значения у прилагательных также вызвано эмоционально-экспрессивными причинами, составляющими основу развития новых значений, ибо сам коннотативный элемент органически входит в лексическое значение слова и является объективным фактором языка.

Методологической основой сопоставительного исследования является сравнение. Впервые о возможности такого изучения группы слов упомянул

Й. Трир. Метод сравнения в самом общем понимании этого термина – сравнение плана выражения и / или плана содержания языка: единицы, фрагменты системы языков сравниваются не с целью доказательства их родства, а с целью выявления принципиального сходства, принципиальной однопорядковости характера организации плана выражения и / или характера языковой репрезентации семантических категорий. Совокупность исходных (прямых) и производных (переносных) значений образуют типизируемую область в языке, которая сопоставляется с тождественными областями в других языках.

Несоответствия семантических объемов слов, сходных в отношении выражаемого ими понятия в разных языках, объясняется также и явлением многозначности (полисемии), присущей всем национальным естественным языкам. Почти каждое знаменательное слово в естественном языке многозначно и соотносится поэтому более чем с одним понятием.

Исходное значение является самым употребительным, наименее зависящим от конкретного применения слова. Оно служит формально-семантической мотивационной основой слова и накладывает особый отпечаток на его лексическую сочетаемость. Исходное значение прежде всего приходит в голову говорящих, когда, называя слово, спрашивают, что оно означает. Производное же значение в гораздо большей степени зависит от контекста, т.е. выделяется в смысловой структуре слова в сочетании с другими словами. Эти значения формируются на базе исходного вследствие наличия у них общих семантических элементов.

Одним из факторов различия разноязычных слов – эквивалентов является формирование лексического значения на базе несовпадающих по количеству и качеству лексических понятий. Расхождения касаются в первую очередь переносных (метафорических) значений.

В «Русском семантическом словаре» имена прилагательные включены в класс «слова, именующие процесс, предмет, признак предмета, другого признака, процесса или ситуации». Лексическое множество имен прилагательных объединено в класс «слова, именующие признак предмета» и на первом шаге разбиения представлено двумя подклассами: 1) слова, именующие собственно признак: по качеству, свойству, состоянию; 2) слова, именующие признак по отношению к процессу, процессуальному состоянию или по отношению к предмету. Подкласс «слова, именующие собственно признак: по качеству, свойству, состоянию» представлен шестью множествами именованных признаков, равно стремящихся к вершине. Каждое из множеств имеет собственную организацию и на следующих ступенях разбиения характеризуется неуравновешенностью подмножеств. Для множества 1.6., например, это подмножество «слова, именующие общие признаки: собственно физические и физиологические».

Для сопоставительного анализа было выбрано подмножество 1.6.2.2. **Признаки, привнесенные употреблением: исправность, новизна, свежесть, чистота.**

Рассмотрим, совпадают ли прямые и переносные значения фран-

цузских прилагательных *pourri*, *vicié*, и *gâté* с их русскими эквивалентами.

<p>1. ГНИЛОЙ</p>	<p><i>POURRI</i>, -Е АДЖ.</p> <p>ЕХ: TEMPS POURRI – ГНИЛАЯ; НЕЗДОРОВАЯ ПОГОДА;</p> <p><i>ex.</i>: arbre, bois pourris (vermoulu) – гнилое (трухлявое) дерево, лес; glace, neige pourrie – талый снег, лед; pâtes pourris – испорченные пироги; oeufs pourris – тухлые яйца; viande pourrie – испорченное (тухлое) мясо; cadavre pourri – разложившийся труп <i>sentir le pourri</i> – пахнуть гнилью <i>«Un hiver pourri ... humide et tiède»</i> <i>(Maupassan).</i> <i>«Прогнившая зима... сырая и теплая».</i> <i>«Il a voulu se voir comme un produit typique d'une société tout entière pourrie»</i> (Sartre). <i>«Он хотел видеть себя типичным представителем прогнившего общества».</i> <i>«Il' y a quelque chose de pourri dans le royaume de Danemark»</i> (trad. Shakespeare). <i>«Прогнило что-то в Датском королевстве».</i> <i>«Tous dans le même sac... Des pourris!»</i> <i>(Aragon)</i> <i>«Все в одной упряжке... Продажные!»</i> <i>«Bande de pourris! – Банда продажных!»</i></p>
<p>2) РАЗВРАЩЕННЫЙ</p> <p>3. ГНИЛЬ</p>	

<p>1. ИСПОРЧЕННЫЙ, ГНИЛОЙ 2. ИЗБАЛОВАННЫЙ</p>	<p>GÂTÉ, -E adj. ex.: <i>fruits gates</i> – <i>испорченные, гнилые плоды</i> <i>(фрукты);</i> <i>dent gatée</i> – большой (гни- лой) зуб; <i>enfant gaté</i> – избалованный ребенок</p>
<p>1. ИСПОРЧЕННЫЙ (О ВОЗДУХЕ)</p>	<p>VICIÉ adj. (1265) «L' air vicié des grandes villes...» «Загрязненный воздух больших улиц...»</p>

Во французском языке существительные часто используются в функции прилагательных: все суффиксы, служащие для их образования, одновременно служат и для образования существительных. Это увеличивает омонимию между двумя частями речи. Так, среди приведенных выше прилагательных, мы можем наблюдать это явление: *pourri* (гниль) – существительное и *pourri* (гнилой) – прилагательное. Примеры показывают также, что в отличие от русского языка во французском значение качественного признака может быть выражено и прилагательным, и аналитически – сочетанием предлога и существительного – *quelque chose de pourri* (что-то гнилое). Необходимо отметить, что прилагательное *pourri*, которое во французском языке может служить для характеристики нескольких предметов или явлений (*temps pourri* – испорченная погода; *arbre pourri* – гнилое дерево; *oeufs pourris* – тухлые яйца), будет переводиться на русский язык несколькими прилагательными, а также причастием *разверженный* и существительным *гниль*, но *большой (гнилой) зуб* во французском языке – *dent gaté*. Однако при переводе прилагательного *испорченный* на французский язык, ему будет соответствовать целый ряд прилагательных, употребление которых зависит от контекста: *испорченные плоды* – *fruits gatés*; *избалованные дети (испорченные)* – *enfants gatés*; *испорченный воздух* – *air vicié*. При этом проведенный анализ показал, что в области производных значений качественных прилагательных обнаруживаются черты сходства с данными значениями во французском языке.

Обогащение качественности происходит за счет развития новых качественных метафорических значений у исходных качественных прилагательных. Приведенные в таблице примеры доказывают это.

В основе же вторичных метафорических значений в обоих сравниваемых языках лежат одинаковые механизмы, связанные с переосмыслением прилагательных, которые приводят к определенным семантиче-

ским сдвигам, т.е. одновременной реализации двух значений при одном микроконтексте: *гнилая, нездоровая погода (temps pourri)* встречается в обоих сравниваемых языках, но для русских гнилая погода – сырая, холодная, ветреная и пасмурная, а для французов – сырая и теплая, но выражение *гнилая зима (hiver pourri)* для русского языка не очень характерно. В современном французском языке это прилагательное служит для характеристики не только общества, но и полицейских (*policier pourri*).

Таким образом, имена прилагательные в общей системе русской и французской лексики образуют естественную подсистему со сложным многоуровневым иерархическим устройством. Традиционно каждая часть речи характеризуется как класс слов, объединенный максимально абстрагированным значением всех входящих в него единиц и представляющий это значение в определенных принадлежащих ему грамматических категориях. Очевидно, что помимо этих характеристик, каждая часть речи существует как живая естественная лексическая система, поэтому часть речи может рассматриваться как двустороннее единство, характеризуемое не только наличием определенных, именно ей принадлежащих грамматических категорий, но и как целостное лексическое древо.

Литература

- Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М., 1983.
Ганшина К.А. Французско-русский словарь. – М., 1987.
Филологический сборник к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова. – М., 1995.
Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. – М., 1988.
Le Petit Robert par Paul Robert. – P., 1980.

ФУНКЦИЯ ИНВЕРСИВНОГО ПОРЯДКА СЛОВ В ЯЗЫКЕ

Функциональный характер литературного языка реализуется прямым порядком членов предложения, основывающимся на определенных внутренних нормах. Правило прямого порядка слов проявляется в направлении от подлежащего к сказуемому. Относящиеся к подлежащему и сказуемому члены располагаются согласно своим внутренним правилам, например, определение относится к членам, выраженным существительным, а дополнение и обстоятельство – глагольным сказуемым и т.д. Такой порядок слов является основой для выполнения чисто функциональных задач в языке. Для научного, официального и публицистического стилей, не имеющих эмоциональные признаки литературного языка, этот порядок является ведущим положением. В практике коммуникативные и информационные особенности языка постоянно влияют на его функциональный характер. В связи с коммуникативными особенностями языка актуализация нового оказывает свое влияние на прямой порядок слов предложения. Член, составляющий основу информационного сообщения, является актуальным, а сам процесс носит название актуального членения [Щевякова 1976: 14]. Поскольку актуальное членение (АЧ), прежде всего, связано с информативностью, то каждый член, входящий в предложение, может актуализироваться.

При актуализации члены предложения выражаются или сильной интонацией, или изменением прямого порядка. Когда изменение прямого порядка слов непосредственно сопровождается интонацией и актуализацией данного члена, то при актуализации конкретного члена такая перестановка места проявляется как инверсия [Скребнев 1971: 189].

Инверсия (лат. *inversio* – перестановка) – это изменение обычного порядка размещения синтагм внутри предложения – нормалы и членов предложения внутри синтагм, не приводящее к серьезному нарушению стилистико – грамматических норм современного русского литературного языка [Колесников 1984: 14].

По сравнению с функциональным характером языка инверсия на деле является парадоксальным порядком. Однако эта парадоксальность регулируется другими, относящимися к речевому процессу особенностями, в том числе актуальной интонацией. Изменение прямого порядка слов в языке обуславливает новую, своеобразную норму в речевом процессе, которая занимает одно из важных и решающих мест в возникновении новых конструкций предложения в языке.

Кроме того, инверсия, образуемая путем изменения прямого порядка слов, создает сильную эмоциональность и экспрессивность в ре-

чевом процессе. Таким образом, превращение информации в норму языка влияет на появление новых семантических конструкций и стилистических средств. Обращение к данной проблеме связано с изучением относящихся к инверсии языковых и речевых особенностей, что является актуальным для современного русского и китайского языков.

В стилистически нейтральной литературной речи тема предшествует реме, а эта последняя несет на себе фразовое ударение. Последовательность «рема – тема» всегда придает высказыванию эмоциональный, взволнованный характер. Однако сложность здесь заключается в том, что действие порядка слов при выражении актуального членения предложения не является однозначным, т.к. порядок слов функционирует на двух уровнях – синтаксическом и уровне актуального членения.

В данной работе автор попытался проследить, какие функции выполняет инверсия в языке и как влияет изменение последовательности элементов на актуальное членение и стилистические характеристики инвертированных конструкций в русском и китайском языках.

Как известно, в экспрессивно нейтральной речи каждой коммуникативной целеустановке соответствуют определенные схемы словоупорядка. В конкретной речевой ситуации основное содержание высказывания может выражаться в противоположном привычному первичному прямому порядку, т.е. в инверсивном порядке слов.

Проблема инверсии связана прежде всего с актуальным и грамматическим членением предложения, на которое лингвисты давно обратили внимание. Уже в 60-70 годы прошлого века писали об актуальном членении предложения, о важности актуального членения предложения для решения проблемы порядка слов. Достаточно вспомнить в этой связи чешского ученого В.Матезиуса (1967) и русских лингвистов И.П.Располова, И.И.Ковтунову и О.Б.Сиротинину, стоящих у истоков теории актуального членения, сущность которой заключается в том, что в предложении в процессе речевого акта осуществляется переход от темы как исходного пункта сообщения к реме, как к основному содержанию высказывания.

Инверсивный порядок слов свойствен главным образом устно - разговорной речи. Случаи субъективного¹ словорасположения встречаются в газетных текстах, художественных произведениях, частных письмах, т.е. в жанрах, допускающих наличие особой экспрессии.

Проблема инверсии не раз служила предметом исследования китайских лингвистов. Однако почти во всех работах ранних китайских лингвистов инверсия трактуется как чисто грамматическое явление (Ma),

¹ Самос важное слово – это рема, она может быть вынесена в начало или ближе к началу предложения и помещена перед темой, что придает реме особую значимость. Такой порядок слов В. Матезиус предложил назвать субъективным.

стилистическая же инверсия ранее не подвергалась всестороннему изучению.

Возможно причиной этого послужило то, что китайский язык обладает более фиксированным порядком слов, и обычно считается, что стилистические возможности в нем крайне незначительны. Так, по мнению Е.И. Шутовой, китайский словопорядок вообще не имеет других функций, кроме синтаксической [Шутова 1991].

Действительно, в китайской грамматике говорится, что каждый член предложения имеет определенное место в цепи высказывания: подлежащее предшествует сказуемому, за которым следует дополнение и обстоятельство (иногда). Однако рамки словопорядка в китайском языке далеко не так жестки, как принято думать. Так, например, дополнение и обстоятельство легко перемещаются в начало предложения, не говоря уже о нестабильности последовательности «подлежащее – сказуемое» хотя, по-видимому, смешение компонентов относительно исходной фразы редко бывает безразлично для значения целого, если не денотативного, то для коннотативного.

На материале китайского языка проблема порядка слов исследуется китайскими лингвистами и русскими синологами Ма Цзянь-чжуном, Чжу Чэнци, Тань Аошуан, А.И. Ивановым, Е.И. Шутовой, и другими. Большинство из них единодушны в определении грамматической инверсии как обратного порядка слов в противопоставлении прямому, т.е. последовательности «сказуемое-подлежащее». Например, в «Курсе по практической грамматике современного китайского языка» говорится об инверсии как об исключениях из правил от исходного прямого порядка слов [Чжу Чэн-ци 2002: 171]. Возможно причиной этого послужило то, что китайский язык как язык изолированный обладает более фиксированным порядком слов, и обычно считается, что стилистические возможности в китайском языке крайне незначительны. Действительно, в китайских грамматиках преобладает мнение, что каждый член предложения имеет определенное место в цепи высказывания: подлежащее предшествует сказуемому, за которым следует дополнение и обстоятельство, например, 她喜欢读普希金的诗歌 (Ta xihuan du puxijinde shige) – *Она любит читать стихи Пушкина*; 我上班的地方很远 (Wo shangbande difang hen yuan) – *Завод, где я работаю, очень далеко*. Однако рамки порядка слов в китайском языке далеко не так жестки, как принято думать. Так, например, дополнение и обстоятельство легко перемещаются в начало предложения, не говоря уже о нестабильности последовательности «подлежащее – сказуемое», хотя, по-видимому, смешение компонентов относительно исходной фразы редко бывает безразлично для значения целого, если не денотативного, то для коннотативного.

Выше было сказано, что инверсия в большинстве случаев связана с АЧ, поэтому нельзя рассматривать грамматическую инверсию изолированно от актуального членения предложения и забывать о том, что язык функционирует в форме различных стилей. Следовательно, наряду с грамматической инверсией в языке имеет место так называемая актуальная инверсия и инверсия, выполняющая определенные стилистические задачи. Все это типы инверсии переплетаются настолько, что порой бывает трудно провести границу между ними.

Поэтому те определения инверсии, которые даются некоторой частью теоретических грамматик китайского языка, представляются автору данной статьи далеко не полными. Так, «Грамматика китайского языка» (1933) под редакцией Чан Дэцзю определяет инверсию следующим образом: «Всякое отклонение от установленного или обычного порядка слов называется инверсией. Инверсия имеет своей задачей, с одной стороны, выделение какого-либо слова, что достигается необычной его постановкой, а с другой стороны, разнообразность и звучность речи».

Более точными будут, видимо, следующие определения инверсии. Грамматическая инверсия – это не что иное, как обратный порядок слов, когда подлежащее следует за сказуемым, уступая первое место в предложении второстепенному члену. Под инверсией в актуальном членении понимается такой порядок слов, когда предложение строится по схеме перехода от нового (ремы) к данному (теме). В художественной речи инверсию представляет эмфатический (или экспрессивный) порядок слов [Гу Хуа, Пань Вэньюй 2003: 203].

Итак, как в русском, так и в китайском языках инверсивный ПС в предложении возникает тогда, когда нарушается логически последовательное, «объективное»¹ развертывание мысли от исходного к сообщаемому, т.е. от темы к реме. Инверсия на синтаксическом уровне простого предложения характеризуется перестановкой членов предложения. Характерные черты инверсии на уровне членов предложения, в основном следующие:

а) инверсия подлежащего и сказуемого

Подлежащее и сказуемое как носители основной информации составляют синтаксический центр предложения. Исходя их грамматического порядка слов, подлежащее употребляется первым, а сказуемое следует за ним. Китайский лингвист Чжу Чэн-ци в «Курсе по современной китайской грамматике» говорит: «Исходной формой порядка слов является та форма, которая свойственна той или иной синтаксической единице, выражающей то или иное грамматическое значение в состоянии синтаксического покоя, то есть существует независимо от

¹ «Обычным порядком слов является такой, при котором за исходный пункт принимается начальная часть предложения, а за ядро высказывания его конец. Эту последовательность можно назвать объективным порядком слов, ибо в данном случае он движется от известного к неизвестному» [Матезиус 1967: 244].

контекста и ситуации... Измененная форма порядка слов складывается у синтаксических единиц под воздействием каких-либо факторов как модификация исходной формы» [Чжу Чэн-ци 2002: 169]. Инверсия подлежащего, таким образом, представляет собой частный случай измененной формы порядка слов. Место подлежащего и сказуемого может меняться в зависимости от того, какой член выполняет функцию нового.

При АЧ тема может как предшествовать реме, так и следовать за ней. При этом тема может быть выражена как отдельным словом, так и группой слов. Как правило, в состав темы входят ситуативные компоненты (обстоятельства, дополнения). Рема также может состоять из одного слова или из группы слов. По-видимому, следует говорить о различной степени тематизации в пределах группы темы и различной степени рематизации в пределах группы ремы. Другими словами, можно предположить, что слова, входящие в состав темы или ремы, несут различную смысловую нагрузку.

В китайском языке если отвлечься от интонации, подлежащее, входя в состав темы, предшествует сказуемому. В случае рематизации подлежащего, оно оказывается в постпозиции к сказуемому. Рематизация подлежащего возможна лишь при наличии непереходного глагола, выступающего в функции сказуемого. Обе возможные позиции обслуживаются только ПС. Сказуемое, как правило, входит в состав ремы. Однако, в случае рематизации подлежащего сказуемое может войти в состав темы. *На озе е // поднялись волны. – Поднялись волны // на озере.*

Надо отметить, что эти перестановки обычно сопровождаются интонационными изменениями, например:

1/2

На пекинских дорогах ехали машины-иномарки

2

Ехали машины-иномарки на пекинских дорогах.

Актуальное членение обоих предложений одинаково, они отвечают на один и тот же вопрос "Что произошло на пекинских дорогах?" Различны ПС и интонация; вынесенная вперед рема выделяется усиленным ударением. Первое предложение стилистически нейтральное, второе – экспрессивно окрашенное.

б) Инверсия дополнения

Дополнение (прямое и косвенное) обладает наибольшей мобильностью в китайском предложении. Позиция дополнения определяет АЧ: экспозицию, препозицию и постпозицию. Однако передвижение дополнения зависит и от его грамматических характеристик. Так, постпозиция косвенного дополнения возможна лишь при наличии определенно-го подкласса глагола, например, глагола, имеющего значение «отдача», типа *gei, jiao, song* и др.: *Ba shu gei wo* (букв. перевод: *Дай книгу мне*). Перемещение дополнений осуществляется в основном с помощью служебного слова (*ba*), а также с помощью ПС. Дополнение в постпозиции

к сказуемому, входит в состав ремы, в экспозиции и препозиции, как правило, входит в состав темы. Находясь в экспозиции, дополнение выступает в качестве связующего звена между компонентами дискурса.

с) Инверсия обстоятельства

Обстоятельства, являясь определением к сказуемому, нормативно располагаются у сказуемого. Однако, подчиняясь силе АЧ, некоторые виды обстоятельств (например, обстоятельства образа действия, цели и т.д.) могут оказаться в постпозиции к нему. В обоих случаях обстоятельство входит в группу ремы. Однако в постпозиции оно подвергается большей рематизации. Обстоятельство времени или места, начинающее предложение, служит прежде всего средством связи его с предыдущим предложением или с дискурсом, при этом, одновременно являясь членом группы темы, выполняя функцию её ситуативного элемента.

Надо добавить, что функции выделения темы и ремы обслуживаются как ПС, так и служебными словами. Это значит, что для АЧ предложения могут быть использованы слова, основным назначением которых является установление грамматических связей. В этом случае служебные слова сочетают функцию выделения темы и ремы и функцию реализации связей. В русском языке эту функцию выполняют такие служебные слова и конструкции: *как именно, ли, что касается чего, то* и т.д., в китайском языке – частицы (给 *gei*, 关于 *guan yu*, 对于 *dui yu*, 把 *ba*), например, *对于孩子的学习情况, 家长应该很清楚 – О успеваемости своих детей в школе родители должны хорошо знать*).

Из приведенных выше примеров ясно, что грамматическую инверсию в предложении может вызвать любой член предложения, если он выдвигается на первое место в предложении. Предпочтение, однако, отдается обстоятельствам времени и места, затем идут связующие слова и третье место занимают обстоятельства образа действия.

Инверсия как языковое явление выполняет определенные функции в языке. В результате исследования было выделено четыре функции инверсии: композиционная, связующая, коммуникативная и эмоционально-экспрессивная.

Композиционная функция инверсии проявляется как средство эпического изложения, движения рассказа. Чаще всего эта функция инверсии осуществляется препозицией обстоятельств места и времени. Обстоятельства места и времени, занимая первое место в предложении, обладают, как и подлежащее, семантикой того же исходного момента высказывания, с которого непосредственно начинается его развертывание во времени и в пространстве.

很久很久以前在一个古老的国家有一位漂亮的公主 (Henjiu yiqian zai yige gulaode guojia you yiwei piaoliangde gongzhu) – *Давным-давно в одной*

старинной стране жила красивая принцесса. (из китайской легендарной сказки).

Связующая функция инверсии проявляется в связи данного предложения с предыдущим высказыванием. При этом член предложения, стоящий на первом месте, выступает как данное, и порядок слов в плане актуального членения обычный: изложение начинается с «данного» и следует к «новому» (случай несовпадения грамматической инверсии с актуальной). Основание выделения этой функции инверсии находится в объективном существующем языковом явлении: предложения в контексте связаны друг с другом, и этим обуславливается логическая последовательность изложения. Например, в предложении *Дверь открыта, и в неё вошёл незнакомый человек* инвертированный порядок слов во второй части предложения преследует лишь одну цель – актуализацию подлежащего, т.е. более точное выполнение коммуникативной функции. Ремой является подлежащее *незнакомый человек*, которое и несет фразовое ударение.

Инверсия с препозицией дополнения типа *Футболом занимается Петя, а не Саша* в предложении выполняет связующую функцию, т.к. дополнение – «данное», т.е. оно выражает то, о чем уже сообщалось в первых двух предложениях, и является отправным моментом в высказывании. Инверсия напоминает здесь прием синтаксического примыкания. Эту функцию могут выполнять также обстоятельства места и времени, например: *В самолете они познакомились; Вчера вечером приехал он.*

Коммуникативная функция инверсии проявляется в выносе на первое место того члена предложения, который несет коммуникативную нагрузку. Предложение строится по схеме от «нового» (неизвестного) к «данному» (известному), т.е. наблюдается актуальное членение предложения, например:

- *Почему ты не пригласила Машу на вечеринку?*
- *Нет, её не хочу я видеть.*

Первое место в предложении практически может занять любой член предложения: подлежащее, обстоятельство места, времени и образа действия, дополнение, неизменяемая часть сказуемого (причастие, инфинитив, предикатив), если она имеет смысловую нагрузку.

Эмоционально-экспрессивная функция инверсии проявляется в способности инверсии придавать высказыванию ярко выраженную стилистическую окраску. Проявление этой функции зависит не от расположения «данного» и «нового», а от контекста, от стилистико-эмоциональной целенаправленности высказывания.

Е.С. Смушкевич определяет стилистическую инверсию как сознательный отход от традиционного порядка слов, не выходящий однако за пределы грамматической нормы [Смушкевич 1962: 169]. Сходное мнение мы найдем и у китайского лингвиста Чжу Цэн-ци [там же: 169].

Коммуникативная структура «рема – тема» служит целям экспрессии. Она представляет собой важный компонент речевого общения. Для создания определенного стилистического эффекта изменение порядка слов в таком случае не меняет основного содержания фразы, изменяется лишь степень эмоциональности высказывания, например: *Wo chi liao pingguo* – Я съел яблоко; *Pingguo, wo chi liao* – Яблоко съел я.

Высказывания с коммуникативной инверсией полностью соответствуют основному требованию, предъявляемому к языковому средству – передаче определенной информации. Даже самые непривычные из них воспринимаются реципиентом соответственно намерениям отправителя речи, что говорит о том, что они служат коммуникации, а не нарушают её. Кроме того, рассматриваемые структуры имеют оправдывающую их мотивировку: они служат целям выделения основной мысли сообщения, его ремы. Данные обстоятельства, а также системный характер высказываний с коммуникативной инверсией позволяют квалифицировать их как экспрессивные варианты нормы, а не как отступление от нее.

Ознакомление с инвентарем выявленных в данной работе типов высказываний позволяет увидеть за структурами с последовательностью компонентов «рема – тема» не просто отклонение от привычного стереотипа, но особый экспрессивный прием, служащий для привлечения внимания реципиента к наиболее важному компоненту сообщения.

Таким образом, приведенный материал показывает, что в китайском языке есть синтаксические конструкции, в которых актуальное членение может выражаться порядком слов. Определенной свободой варьирования порядка слов располагает не только русский язык, но и китайский язык, который ранее было принято считать одним из типичных языков мира с фиксированным порядком слов. Однако в китайском языке такая свобода (например, инверсивная постановка обычного порядка слов «определяющее + определяемое» и «подлежащее + сказуемое» встречается лишь в редких случаях, а в русском языке инверсивный порядок слов и дистантное расположение компонентов словосочетания встречаются значительно чаще).

Данный анализ обеспечивает формирование представления о закономерности ПС в русском языке, выработку навыков расположения слов в словосочетании и предложении и на их основе обучение правильному словопорядковому оформлению высказываний на русском языке у китайских учащихся.

Литература

Гу Хуа, Пань Вэньюй. Грамматика современного китайского языка. Пекин, 2003.

Колесников Н.П. Порядок слов в русском предложении и синтаксическая омонимия. Ростов-на-Дону, 1984.

- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Рождественский Ю.В. Типология слова. М., 1969.
- Скробнев Ю.М.. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговора речи. Докт. дис., Горький, 1971.
- Щевякова В.Е. Актуальное членение предложения. М., 1976.
- Чан Дэзцу. Грамматика китайского языка. Шанхай, 1933.
- Чжу Чэн-ци. Курс по практической грамматике современного китайского языка. Пекин, 2002.
- Шутова Е.И. Синтаксис современного китайского языка. М, 1991.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Морфологическая категория наклонения глагола – это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отношение действия к действительности и имеющих значения реальности (изъявительное наклонение), побуждения (повелительное наклонение) или предположительности, возможности (сослагательное наклонение) [Русская грамматика 1980: 618].

Категориальным значением повелительного наклонения является значение побуждения, т.е. представление действия как требуемого, к которому говорящий побуждает кого-либо: *дай, уйди, ответь, приезжай; Товарищ, прислушайся, встань, улыбнись, И с вызовом миру поведай: – За город сражаемся мы не одни, – И это уже победа* (Берг.).

Формы повелительного наклонения – это личные формы ед. и мн. ч.: форма 2 л. ед. ч., выражающая побуждение к действию, обращенное к одному лицу, форма 2 л. мн. ч., выражающая побуждение, обращенное к нескольким лицам, и свойственные только повелительному наклонению формы совместного действия, выражающие побуждение, обращенное к группе лиц, включающей говорящего. Формы 2 л. ед. ч. образуются от основы наст. вр. одним из двух способов: путём присоединения к основе наст. вр. флексии *-и* или нулевой флексии при чередовании согласных в конце основ по твердости-мягкости [Русская грамматика 1980:620].

Побудительное речевое действие обусловлено наличием побудительной ситуации и является её обязательным компонентом. Как речевое действие говорящего, стимулирующее ответные действия адресата, побуждение всегда предполагает “обратную связь”, или ожидаемую реакцию: речевые или неречевые действия адресата [Филатова 2002: 6].

В ситуации побуждения коммуникативные намерения говорящего (намерение выразить просьбу, требование, предложение и т.п.) обусловлены его волевыми устремлениями прийти к определённой ситуации посредством действий адресата. Иными словами, говорящий выражает свою волю к тому, чтобы адресат совершил речевое или неречевое действие или пришёл в некоторое состояние, например: 1) *Расскажи мне все подробно*; 2) *Успокойся, давай обсудим все без слёз*. В результате успешных действий говорящего всегда имеет место ситуация, которую он “запрограммировал”: 1) адресат все подробно рассказал; 2) адресат перестал плакать, и начался разговор «без слёз» [Филатова 2002: 8].

Е.А. Филатова в книге «Способы выражения побуждения по-русски» выделяет категорическое и некатегорическое побуждения. В

категорическом побуждении говорящий категоричен, т.е. решителен и адресат вынужден отвечать на побуждение, а в некатегорическом говорящий некатегоричен, т.е. нерешителен в своём намерении побудить адресата к действию и адресат волен отвечать или не отвечать речевыми или неречевыми действиями на побуждение.

Специализированной формой для выражения побуждения является императив. Центральная форма русского императива – формы 2-го лица ед. / мн. числа (*читай / читайте*) – в отличие от других императивных форм (*давайте читать, пусть он читает, дай почитаю*) наиболее частотна при выражении разных видов побуждения [Филатова 2002: 24].

В персидском языке повелительное наклонение употребляется только во 2-м лице единственного и множественного числа. Образуется так же, как и форма аориста, от основы настоящего времени с помощью приставки *бе-*, однако в единственном числе личное окончание *-и* не прибавляется (т.е. налицо нулевое окончание): *бекон!* (*делай!*), *беконид* (*делайте!*). В отрицательной форме приставка *бе-* заменяется на частицу отрицания *на-*: *након!* (*не делай!*). Вместо частицы *на-* для усиления отрицания (главным образом в единственном числе) может употребляться отрицательная частица *ма-*: *магу!* (*не говори!*, *не говорить!*) [Рубинчик 1960: 257-258].

В префиксальных глаголах, начинающихся с префикса *бар-*, приставка *бе-* совсем не употребляется, например, *бархиз!* (*встань!*), в других префиксальных глаголах и в сложных глаголах приставка *бе-* часто опускается: *фекр кон!* (*подумай!*), *тарджоме конид!* (*переведите!*).

Глагол *будан* (*быть*) в повелительном наклонении приставку *бе-* не принимает: *баш, башид*.

Форма повелительного наклонения от глагола *даштан* (*иметь*) образуется из причастия прошедшего времени этого глагола и формы повелительного наклонения вспомогательного глагола *будан*: *даште баш!* (*имей!*), *даште башид!* (*имейте!*). При отрицании частица *на-* ставится перед формой причастия.

Глагол *даштан* в качестве компонирующего глагола в составе сложного глагола может иметь приставку *бе-* в форме множественного числа, например: *маргум бедарид* (*пишите*), *мазурам бедарид* (*извините меня*).

Повелительное наклонение выражает волеизъявление говорящего, его просьбу или приказание, побуждение другого лица к совершению действия. В побудительном предложении обычно отсутствует подлежащее.

От некоторых глаголов формы повелительного наклонения не употребляются из-за их лексического значения, которое не даёт возможности выразить побуждение к совершению действия, приказание: *бе дард хордан* (*годиться*), *хош амадан* (*идти*) и т.д.

Хосро Фаршидвард в книге «Подробная грамматика персидского языка» выделяет три разновидности императива: 1) «присутствующее» повелительное наклонение: *боро* (иди), *беравид* (идите); 2) «отсутствующее» повелительное наклонение: *беравад* (/пусть/ идёт), *бераванд* (/пусть/ идут); 3) «первое лицо» единственного или множественного числа: *беравам* (иду), *беравим* (идёмте).

Необходимо отметить, что в персидском языке для выражения побуждения 3 л. единственного и множественного числа употребляется слово *богзар* (*пускай*), *богзарид* (*пускайте*).

В зависимости от вида глагола волеизъявление может сопровождаться теми или иными экспрессивными оттенками. Формы повелительного наклонения глаголов несов. вида обычно выражают более категорическое побуждение, чем формы глаголов сов. вида. Ср.: *Сядь, Илья! Ради бога, сядь! Ну, да садись же!* (Чех.); *Выверните карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? Выворачивайте!* (Н. Остр.). С наибольшей отчётливостью экспрессивный характер побуждения в глаголах несов. вида выступает в тех случаях, когда из контекста очевидно, что исполнение действия должно произойти немедленно: *Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взашей прогоню* (Пушк.); *Одевайся, пойдём ко мне* (Гонч.); *Сейчас слезай, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь* (Тург.) [Русская грамматика 1980: 623]. В персидском языке для выражения данного значения употребляются только глаголы совершенного вида, и повелительное наклонение не образуется от глаголов несовершенного вида.

Для выражения более точного значения запрещения в персидском языке лучше употреблять слово «нельзя»: *Набайад ба мадарбозорг ба ин лаһн соһбат/ бе/кони!* (Не смей разговаривать с бабушкой в таком тоне!)

Ниже мы рассматриваем как выражаются разные виды побуждения в русском и персидском языках:

- *Дайте мне, пожалуйста, ещё одну книгу* (просьба)

- *Бедаһид бе ман лотфан йек кетабе дигар ра*

- *Лотфан бе ман йек кетабе дигар/ра/ бедаһид*

- *Приезжайте к нам на Рождество, вместе веселее* (приглашение)

- *Биаид таше ма барайе эйд, баһам хошмигозарад*

- *Барайе эйд ташема биаид, баһам хошмигозарад*

- *Стучись, если хочешь войти в чужую комнату* (наставление)

- *Дарбезан агар миһаһи вареде отаге дигари бешави*

- *Агар миһаһи вареде отаге дигари бешави дарбезан*

- Хватит бездельничать, садись заниматься!* (приказание) - *Кафист вахт ра гозарандан, беншин дарсат ра бехан!*
 -*Вахтгозарани кафист, беншин дарсат ра бехан*
- Верните наших сыновей!* (требование) (солдатские матери – правительству) - *Баргарданид фарзандане ма ра!*
 -*Фарзандане ма ра баргарданид!*

В разговорной речи формы повелительного наклонения глаголов сов. вида употребляются для «побуждения к запрещаемому» или «обратного побуждения», т.е. для выражения запрещения называемого действия: *Поговори мне ещё!* (т.е. "замолчи"); *Понадись мне только!* (т.е. "не смей, опасайся"); *Фельдшер вспылил и крикнул: – Поговори мне ещё! Дубина!* (Чех.); *Застрелю! Коснись этой женщины!* (А.Н. Толст.); *Ты у меня пикни только* (А. Остр.). Такое употребление связано с определёнными синтаксическими конструкциями и словопорядком [Русская грамматика 1980: 623-624].

В данной ситуации носителю персидского языка трудно понять смысл вышеуказанных примеров, и он переводит и понимает совсем наоборот, например: *Поговори мне ещё! Барайе ман камии сохбат кон!* т.е. поговорить, а не замолчать.

Побуждение в соединении со значением желательности выражается формой повелительного наклонения в возможном сочетании с частицей *бы*; такие предложения имеют обобщенно-личное значение: *Пропади (бы) все пропадом; Провались (бы) они в тартарары* [там же, с.624] В персидском языке невозможно передать это значение с помощью императива.

Побуждение в соединении со значением долженствования (с разными его оттенками) представлено, например, в таких употреблениях: *Здесь живи не как хочешь – как тетки хотят* (Пушк.); *Вы не платите, а я за вас отвечай?* (Чех.) [там же: 624]. В персидском языке тоже невозможно передать данное значение с помощью императива.

Форма совместного действия, как правило, не употребляется с подлежащим-местоимением *мы*. Такое употребление возможно в разговорных коетекстах, чаще в сочетании с частицей *-ка*, причем подлежащее обычно следует за сказуемым (*поедемте-ка мы домой*), а также с частицами *дай* и *давай* (*давайте-ка мы напишем письмо или давайте-ка напишем мы письмо*). [там же: 625]. В персидском языке для выражения данного значения не употребляется местоимение *мы*.

Итак в персидском языке форма повелительного наклонения выражается, в первую очередь, основой настоящего времени с помощью приставки *бе-* и по сравнению с русским языком отсутствует сложная конструкция для образования повелительного наклонения. В русском

языке повелительным наклонением выражается много оттенков значений. В некоторых случаях при переводе с русского на персидский трудно и иногда невозможно дать некоторые значения. Для выражения некоторых значений в персидском языке помимо формы повелительного наклонения употребляются другие дополнительные слова (конкретизаторы). В обоих языках от некоторых глаголов не образуются формы повелительного наклонения. В русском и персидском языках специфические оттенки значения характеризуют формы 2 л. единственного числа повелительного наклонения, употребленные в обобщенно-личном значении, например, в пословицах: *Век живи, век учишь! З каһваре та гур данеш беджуй!* (с колыбели до могилы учишь!).

Гариб А., Бахар М., Фрузанфар Б., Хомаи ДЖ., Ясеми Р. Грамматика персидского языка (панч оstad)-Тегеран, 1370(1991)

Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка.-М., 1973

Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка М., 2001

Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М., 1960

Русская грамматика Т.1, М., 1982

Фаршидвард Х. Подробная грамматика персидского языка Тегеран 1382 (2003)

Филатова Е.А. Побуждение и императив /Способы выражения побуждения по-русски/ Издательство Московского университета 2002

Ханлари П. Грамматика персидского языка. Тегеран, 1370 (1991)

**РУССКАЯ КОММЕРЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ
В ЗЕРКАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Предпринимательство как сфера деятельности получило в России широкое распространение относительно недавно – в 90-е годы XX века. И одновременно возникла потребность описать и методически осмыслить такой феномен, как русский язык в деловом общении (коммерческий, предпринимательский подстиль делового стиля русского языка). Как следствие большого интереса к «русскому деловому» появились теоретические исследования не только отечественных русистов [Михалкина 1998, Колтунова 2005 и др.], но и зарубежных [Чжан Лижень 1996, До Конг Чунг 2005], а также многочисленные справочники по составлению коммерческой документации и практические пособия для иностранцев. Курс «русского делового» и сегодня остается одним из самых востребованных в иностранной аудитории: многие иностранные учащиеся хотели бы работать в области коммерции, что делает дальнейшее изучение текстов деловой сферы общения как с лингвистической, так и с методической стороны весьма актуальным.

Специфика функционирования текста в области внешнеэкономической предпринимательской деятельности состоит в том, что русский текст (прежде всего – текст документа) сосуществует с иноязычным текстом. Предприниматели из разных стран, говоря на разных языках, нуждаются в помощи переводчика, а точнее, нуждаются в переводе. Параллельное существование русского и иноязычного текстов коммерческой документации позволяет рассматривать нормы русского предпринимательского подстиля в сопоставительном аспекте – в аспекте универсального и специфического. Какие стилистические явления характерны для разных языков и в чем состоит специфика русского коммерческого документа?

В настоящей статье будут представлены некоторые наблюдения, сделанные при сопоставлении 90 русских текстов и их немецких соответствий, представляющих собой образцы коммерческой корреспонденции и контрактов [Жданов, Жданова 2002].

При сопоставлении русских и немецких текстов, относящихся к внешнеэкономической коммерческой сфере деятельности, выясняется, что они во многом сходны. Для коммерческого подстиля обоих языков характерны следующие лексические средства: техническая терминология, коммерческая терминология (названия коммерческих операций и документов), номенклатура товаров, услуг, должностей, наименования организаций и учреждений, топонимы, аббревиатуры (часть из которых представляет собой транслитерацию английских аббревиатур, например рус. ФОБ, нем. FOB от английского FOB = Free on Board – «свободно на борту»); в области морфологии следует отметить частое употребле-

ние в русских и в немецких текстах отглагольных существительных, указательных местоимений и слов, функционально близких к ним: *названный* – *genannt*, в области синтаксиса – использование клише, частотность конструкций, выражающих значения времени, причины, условия, образа действия, характерность пассивных конструкций, преобладание сложноподчиненных предложений над сложносочиненными. Все названные черты являются универсальными для русских и немецких текстов коммерческого подстиля. При поисках эквивалента данных языковых средств в процессе перевода с немецкого языка на русский или с русского на немецкий важно соблюсти нормы переводящего языка – лексические, грамматические; собственно стилистической корректировки не требуется, так как нормы функциональных стилей, нормы речевого узуса совпадают.

В других случаях такая стилистическая корректировка необходима, поскольку немецкий и русский речевой узусы расходятся. Приведем примеры такого расхождения, встретившиеся в нашем материале.

1. Первое, что обращает на себя внимание при сопоставлении текстов русской и немецкой коммерческой корреспонденции, – это возможное употребление в русских текстах в соответствии с немецкими двусоставными предложениями как двусоставных, так и односоставных определенно-личных предложений. То есть одному языковому средству в немецком языке соответствуют два языковых средства в русском, причем использование их регламентируется факторами стилистического характера. Жесткой дополнительной дистрибуции в употреблении двусоставных и односоставных определенно-личных предложений в русских деловых текстах нет, однако закономерность выбора той или иной конструкции, ее предпочтительность в определенных условиях прослеживается.

Особенно характерны определенно-личные конструкции для начала письма, когда они следуют непосредственно за обращением:

Уважаемые господа! Подтверждаем получение Вашей партии товара по контракту ...

Очевидно, употребление определенно-личных односоставных конструкций в русском деловом стиле (коммерческом подстиле) связано с его обезличенностью, акцентированностью на действии, деле, бизнесе. Кроме того, вероятно, имеет место соблюдение определенного речевого этикета, нежелание слишком часто употреблять местоимение первого лица “мы” и особенно “я”. Встретились случаи перевода немецкого двусоставного предложения с подлежащим “я” русским односоставным определенно-личным, где сказуемое выражено глаголом в форме первого лица единственного и даже множественного числа (ср. употребление местоимения “мы» в соответствии с “я” в научном стиле русского языка). Если же возникает необходимость более четко противопоставить роли участников сделки, то в русских текстах, так же как и в немецких, используются двусоставные предложения. Это относится прежде всего к письмам-рекламациям, в которых высказываются претензии к партне-

рам в связи с неудовлетворительным качеством товара, нарушением сроков поставки и платежа. Для этих писем рекомендованы как одноставные определенно-личные, так и двуставные предложения. Введение в предложение подлежащего, называющего производителя действия, позволяет более четко интерпретировать спорную ситуацию, определить права и обязанности каждой из сторон. С другой стороны, противопоставление “мы-вы” вносит в переписку некоторый оттенок антагонизма, поэтому при желании до известной степени снять этот антагонизм и скрыть свое неудовольствие за стандартной формулировкой используется конструкция без подлежащего.

2. Для русского делового языка в большей степени, чем для немецкого, характерны перформативы, слова-действия. Часто встречается перевод немецкого императива русским перформативом:

Bitte senden Sie uns die Kosten per Fax mit. (Пожалуйста, сообщите нам стоимость транспортировки по факсу).

Русский вариант: *Просим сообщить нам стоимость транспортировки по факсу.*

Перформатив используется в русском деловом тексте и при выражении благодарности:

Vielen Dank für Ihre Anfrage. (Большое спасибо за Ваш запрос).

Русский вариант: *Благодарим Вас за Ваш запрос.*

3. Для русской коммерческой корреспонденции и контрактов характерно стремление к максимальной упорядоченности, стандартности формулировок. Предпочтительным является порядок слов в предложении, при котором на первом месте стоит подлежащее, на втором - сказуемое, а дальше следует дополнение. В немецких деловых письмах и контрактах часто имеет место другое строение предложения: дополнение - сказуемое-подлежащее.

Ihre Versicherung haben wir geändert. (Вашу страховку мы изменили).

Русский вариант: *Мы изменили Вашу страховку.*

В приведенных выше примерах различие в порядке слов сопровождается различием в актуальном членении высказывания: в немецком варианте дополнение является данным, а русском - входит в состав нового. И все же, несмотря на это различие, русский язык при переводе выбирает более стандартный порядок слов «подлежащее - сказуемое - дополнение».

4. В русской коммерческой документации для выражения определенных отношений чаще используется причастный оборот, а в немецком - сложное предложение с придаточным определительным.

Das Unternehmen verpflichtet sich, alle Verpflichtungen aus Verträgen, die auf Basis dieses Vertrages geschlossen werden, zu erfüllen. (Предприятие обязуется выполнять все обязательства по контрактам, которые могут быть заключены на основе настоящего соглашения).

Русский вариант: *Предприятие обязуется выполнять все принятые на себя обязательства по контрактам, заключенным на основе настоящего соглашения.*

5. В немецких коммерческих документах обычной является трехчленная или двучленная пассивная конструкция, где подлежащее называет одного из участников переговоров и выражено местоимением 1 или 2 лица:

Sie wurden uns von den Vertretern der Firma 'Globe Industries' empfohlen. (Вы были рекомендованы нам представителями фирмы "Глоуб Индастриз").

Sie wurden uns als Importeur solcher Waren vorgestellt. (Вы были представлены нам как импортер таких товаров).

В русских текстах немецкой пассивной конструкции соответствует активная, при этом трехчленной немецкой конструкции соответствует русское двусоставное предложение, а двучленной – односоставное неопределенно-личное:

Представители фирмы «Глоуб Индастриз» рекомендовали нам Вас.

Нам представили Вас как импортера такого рода товара.

Очевидно, носителям русского языка представляется нежелательной формулировка, в которой один из партнеров (сам автор письма или его адресат) предстает как подчеркнуто пассивный объект, на который направлено действие. Пассивность, объектность акцентируется страдательным залогом глагола-сказуемого, указанием носителя действия, направленного на объект (в трехчленной конструкции), и эта пассивная, объектная роль участника деловых переговоров оказывается в центре внимания ввиду того, что указывающее на него личное местоимение стоит в именительном падеже. Смысл такого предложения можно передать следующим образом: **Вы являетесь объектом рекомендации со стороны фирмы «Глоуб Индастриз».* Думается, что такая интерпретация ситуации представляется нам, русским, некорректной, с чем и связана неупотребительность в русском коммерческом подстиле вышеописанных пассивных конструкций.

6. Немецкий деловой язык часто оказывается более емким и лаконичным, чем русский, который стремится к максимальной эксплицированности средств выражения, развернутости и исчерпывающей полноте формулировок. В ряде случаев немецкий вариант воспринимается носителями русского языка как чрезмерно эллиптический, не соответствующий нормам делового стиля, разговорный. Русский язык дает в этих случаях более полную формулировку, часто с использованием других синтаксических конструкций:

Bitte teilen Sie uns mit, ob wir die Kartons zurückschicken sollen. Wenn ja, bitten wir um Ihre Gutschrift. (Сообщите нам, пожалуйста, должны ли мы отправить коробки обратно. Если да, мы просим о Вашей кредит-ноте).

Русский вариант: *Просим сообщить нам, должны ли мы отправить коробки обратно. В случае утвердительного ответа мы просим выставить нам соответствующую кредит-ноту.*

В русском варианте коммерческого документа могут быть представлены не только дополнительные лексические, но и грамматические средства, в частности, союзы, которые оформляют связь между частями сложного предложения, квалифицируют отношения между соединяемыми предложениями или их членами и способствуют большей точности, однозначности формулировок. Так, немецким бессоюзным предложениям соответствуют русские сложноподчиненные:

Sollten weitere Unterlagen notwendig sein, werden wir Ihnen diese umgehend zur Verfügung stellen. (Будут необходимы дополнительные данные – мы немедленно предоставим их в Ваше распоряжение).

Русский вариант: *Если будут необходимы дополнительные данные, мы немедленно предоставим их в Ваше распоряжение.*

Итак, специфика русской коммерческой документации по сравнению с немецкой состоит в том, что русский деловой текст является более развернутым, характеризуется полными и исчерпывающими формулировками, экспликацией средств связи между частями предложения, упорядоченным расположением членов предложения (подлежащее – сказуемое – дополнение), употреблением перформативов, причастных оборотов, варьированием двусоставных и односоставных определенно-личных конструкций, употреблением двусоставных и односоставных неопределенно-личных конструкций в соответствии с немецкими трехчленными и двухчленными пассивными.

Приведенные выше примеры показывают, что сопоставительный анализ русских и немецких текстов коммерческой документации позволяет не только выявить универсальные и специфические явления в коммерческом подстиле делового стиля русского языка, но и подметить такие его особенности, которые на одноязычном материале не видны (в частности, нехарактерность для этого подстиля пассивных конструкций, в которых значение объекта выражается местоимением 1, 2 лица в форме именительного падежа). Таким образом, иностранный язык (в том числе немецкий) является тем зеркалом, отражаясь в котором, язык русской коммерческой документации предстает в новом аспекте, в новом ракурсе, что дополняет наше представление о коммерческом (предпринимательском) подстиле делового стиля русского языка.

Кроме того, изучение русскоязычных и иноязычных деловых текстов в сопоставительном аспекте позволяет рационально строить национально ориентированный курс русского делового языка: сначала целесообразно (насколько это позволяет материал) работать над явлениями универсальными, общими для русского и иностранного языка (в нашем случае – немецкого языка), а затем переходить к явлениям специфическим, вызывающим наибольшие затруднения у иностранцев в силу несовпадения характеристик делового стиля в родном и русском языках.

Литература

Жданов А.А., Жданова И.Ф. Деловые письма и контракты. Английский, русский, немецкий. М., 2002.

Колтунова М.В. Деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет. М., 2005.

Михалкина И.В. Лингвометодические основы обучения иностранных граждан русскому языку как средству делового общения. Дисс. ...докт. пед. наук. М., 1998.

До Конг Чунг Деловое общение в системе речевой подготовки иностранных студентов-экономистов в сфере предпринимательской деятельности (основные формы речи и процесс обучения им). Дисс.... доктора пед. наук. М., 2005.

Чжан Лижень Лингвостилистические особенности коммерческого подстиля русской официально-деловой речи: Автореф. дисс...канд. филол. наук. М., 1996.

РУССКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ЦЕЛЕВЫМИ ПРЕДЛОГАМИ
(в зеркале персидского языка)

Статья посвящена сопоставительному рассмотрению предлогов, выступающих в качестве основного средства выражения целевых отношений русского и персидского языков. Русский материал взят из словарей современного русского языка, периодической печати и записей устной речи.

Целевые отношения могут выражаться в русском языке конструкциями со следующими предлогами: *для, ради, в целях, с целью, во имя, в, на, за, из-за*. Перечисляя предлоги, выражающие целевые (в широком смысле) отношения, мы не стремимся дать исчерпывающий список: выделены лишь основные предлоги, обслуживающие рассматриваемое нами поле, и типичные периферийные.

Самым употребительным из них является предлог *для*. В сочетании с отвлеченными, реже – предметными именами он обозначает желаемый результат целенаправленного действия (собственно цель); в сочетании с именами лиц или конкретных предметов – назначение, предназначенность действия; с отвлеченными именами со значением обусловленного существования, потенциальной реализации явления, состояния – потенциальную цель. Например:

В то время доблестный Фарлаф... для укрепления сил душевных, обедал в мирной тишине (здесь значение *для* – собственно цель);

Нам предложили поехать для прогулки в сторону леса (для выражает собственно цель).

Подобное значение реализуется у предложно-падежной формы в сочетании с разнообразными глаголами целенаправленного (шире – управляемого) действия (типа *работать, жить, писать, говорить, вешать, привозить* и т. п.).

Значение предназначения реализуется в сочетании с глаголами типа *творить, делать, купить, пить* и под.: *Песню пою для тебя* (Н. Некрасов), а также в именных сочетаниях типа *поза для рекламного плаката, комната для гостей, удобный для наблюдения* и т. п.

Значение потенциальной цели представлено в сочетаниях с модальными словами типа *надо, нужно, необходимо, требуется, достаточно*, например: *для развития растений требуется свет и вода; для правильного воспитания необходимы следующие условия* и т. п.

Не продолжая анализа особенностей семантики и функционирования предлога *для*, отметим лишь, что у предлога *для* есть и другие значения, не относящиеся к сфере собственно цели, а также то, что данный предлог входит в составной союз *для того чтобы*:

Вы это говорите мне, для того чтобы меня утешить. Предлогом, соответствующим *для*, в персидском языке является *барайе*. Это самый употребительный персидский предлог со значением цели. В конструкциях с предлогом *барайе* целевая ситуация выражается сочетанием целевого предлога с отвлеченным существительным или с инфинитивом, который в персидском языке может употребляться как имя действия. Приведем следующие примеры:

Ман барайе даре хандан бе Москоу амадеам (Я приехал в Москву учиться); Барайе афзайеш-е тоулидат доулат эгдамати этте-хаз карде аст (Для повышения производства правительство предприняло необходимые меры); Мадар песараш ра барайе кар кардан бе шахр ферстад (Мать отправила своего сына в город работать).

В персидском языке обозначение целевой ситуации – конструкция с предлогом *барайе* – в нормативном употреблении предшествует обозначению основной ситуации, то есть предлог с существительным находится в препозиции, тогда как сочетание данного предлога с инфинитивом влечет за собой иное положение целевого компонента. В сочетаниях целевого предлога *барайе* с инфинитивом расположение целевого компонента в предложении может быть различным, то есть он может находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции. В случаях, если целевая конструкция препозитивна, подчеркивается значение потенциальной цели. Например:

Барайе наггаши кешидан бе мажик эНтийадж дарам (Для рисования мне нужны фломастеры).

Если же целевой компонент с инфинитивом находится в интерпозиции, то данная конструкция выражает чисто целевое значение. Например:

БеНзад барайе харидан-е кафш бе форузигаь рафт (Бехзад пошел в магазин купить обувь).

Когда целевая конструкция находится в постпозиции, то конкретная цель, для достижения которой совершается определенное действие, акцентируется, подчеркивается. Например:

Ман форузигаьИ рафтам барайе гушт харидан / на барайе чиз-е дига-ри/. (Я пошел в магазин купить мясо /а. не что-нибудь другое/).

Предлог *барайе* стилистически не окрашен и широко употребляется в разных сферах речи.

Из ряда русских предлогов, способных выразить значение цели, вслед за *для* должны быть выделены *ради*, *с целью*, *в целях* и *во имя*, так как они, подобно *для*, наиболее непосредственно и прямо выражают значение цели и назначения. Интересно, что все они входят в составные подчинительные союзы цели (*ради того чтобы*, *с целью того чтобы*, *в целях того чтобы*, *во имя того чтобы*).

Рассмотрим вначале *ради* – почти единственный русский предлог, который может находиться в постпозиции. Он является неполным синонимом *для*. В некоторых случаях они могут взаимозаменяться. В. Ю. Апресян, рассматривая сходства и различия данных предлогов, от-

метила, что *ради* употребляется в случаях, когда действие, названное предикатом основной ситуации, совершается не в интересах субъекта ситуации, а в интересах другого лица, или когда субъект действия для достижения своей цели делает много усилий («количество» усилий превышает некоторую норму). *Ради* не выражает такой семантики. Приведем примеры:

Предположим, я откажусь от своих планов – ради детей. Когда у него умерла мать, бабушка, ради спасения души, отправила его в Москву в Комиссаровское училище. (А. Чехов). До поздней ночи он занимался перетиской разных бумаг ради грошового заработка. (Ю. Нагибин).

Ради в последнем примере обозначает, что *X* в ситуации *P* для достижения своей цели, то есть ситуации *P*, делает большое усилие.

Предлог *ради* употребляется обычно с отвлеченными существительными, а в конструкциях, выражающих назначение или предназначение чего-л. кому-л., – с именами лиц. Например:

Мысль о том, чтобы ради нравственного удовлетворения пожертвовать всем и жениться на ней... особенно умиляла его. (Л.Н. Толстой)

В этом предложении предлог *ради* с отвлеченным существительным *удовлетворение* выражает значение потенциальной цели, достижение которой связано с необходимостью принести жертву. В следующем примере:

Режиссер ... ради Крылова... готов делать мне мерзости. – предположно-падежная форма в конструкции типа ради X-а делать что-л. выражает предназначенность каких-л. действий удовлетворению интересов, потребностей некоторого субъекта; при этом действие в интересах этого субъекта предполагает большие усилия.

Не предлагая анализа других особенностей семантики и функционирования предлога *ради*, отметим следующее:

1) *ради*, как и *для*, также имеет нецелевое (а именно причинное) значение. Значение причины предлог *ради* реализует в контекстах типа: *Ради такого случая придется надеть праздничный костюм.* (Интересно, что и причина носит экстраординарный характер);

2) конструкции с этим предлогом являются неполными синонимами сложноподчиненных предложений с союзами *только бы*, *лишь бы*, ср.: *Ради детей я совершу самые губительные поступки = Я совершу самые губительные поступки, только бы (лишь бы) детям было хорошо.*

Перейдем к следующему предлогу – *во имя*. Он также является средством выражения целевых отношений. В семантике предлога *во имя* (как и *ради*) существует компонент «жертва». Например: *Александру Александровичу казалось, что... (его) будут терпеть на работе только во имя его старости.*

Данный предлог стилистически окрашен и принадлежит к высокому стилю речи.

В персидском языке эквивалентами предлогов *ради* и *во имя* являются предлоги *манз-е хатер-е / бе хатер-е / (ради)* и *бе нам-е / бе он-*

ван-е / (во имя). Семантика этих предлогов также выражает значение «жертвы» и указывает на то, что для достижения цели субъект делает большие усилия.

Персидские целевые предлоги маНз-е хатер-е / бе хатер-е / (ради) при выражении целевых отношений сочетаются либо с отвлеченными существительными, либо с инфинитивом, в то время как предлоги *бе нам-е / бе онван-е/* способны сочетаться только с отвлеченными существительными. В качестве примера возьмем следующие предложения:

МаНз-е хатер-е азади-е (азад кардан-е) то аз зендан зендегие хо-дам ра бе хатар андахтам (Я подвергал себя опасности ради твоего освобождения из тюрьмы); Бе хатер-е мовазебат(мовазебат кардан) аз то ман карам тараха кардам (Ради ухода за тобой я бросил свою работу); Бе онван-е хемайат аз ханевадепайе би беаат аз тараф-е до-улат комеаюни ташикил шод (Для поддержки неимущих семей правительством организована комиссия). Русские предлоги *в целях* и *с целью* выражают целевые отношения только в сочетании с отвлеченными существительными. Например: *В целях сохранения овощей от порчи в овощехранилище должна быть постоянная температура; В целях ускорения реакции было повышено давление; Мы прибыли с целью оказания вам помощи.*

Предлог *с целью* в русском языке может употребляться с инфинитивом, хотя такие употребления, по-видимому, встречаются редко. Приведем встретившиеся нам примеры:

Валюту не перечислили на счет уполномоченного банка с целью скрыть ее от обязательной продажи. Все это было сказано с целью смутить Марианну.; Члены секции собрались с целью подвести итоги работы.

Впрочем, чаще встречаются словосочетания *с единственной целью, с явной целью*:

Он... слетал в Забайкалье едва ли не с единственной целью побы-вать на могиле легендарного Михаила Лунина; Первым делом Ивана отвели в уголок, за столик, с явной целью кое-что повыспросить;

Говорили, что она отравилась с единственной целью не обременять собой бедную дочь. Эти сочетания нельзя рассматривать как предлог, они являются его функциональными заместителями.

Следует обратить внимание на то, что перед инфинитивом в рассматриваемой конструкции может быть отрицание. Ср.:

Шагнул вперед с целью преградить ему доступ в ресторан = Шагнул вперед с целью не пустить его в ресторан.

Отметим, наконец, что предлоги *в целях*, *с целью* и *во имя* имеют только целевое значение. Все они используются преимущественно в книжной официальной речи.

В персидском языке эквивалентами названных предлогов являются целевые предлоги *бе манзур-е (в целях)* и *(бе) джаНат-е (с целью)*. Они стилистически окрашены и также употребляются в официально-деловом стиле речи. Примерами могут служить следующие предложе-

ния: *Бе манзур-е тасбит-е гейматНа доулат тасмиматти эттехаз кард* (Для стабилизации цен правительство предприняло необходимые меры); *Бе джаНат-е сорат дар пишрафт-е кар байад тагирати дар барнамее кари иджад кард* (Необходимо некоторое изменение в плане работы с целью прогресса).

При выражении целевых отношений конструкциями с данными предложениями целевой компонент находится в препозиции (примеры только что были даны) или в интерпозиции. Приведем пример предложения, где предложная конструкция находится в интерпозиции:

Мардом бе манзур-е Немайат аз сийасатхайе эгтесадгше доулат рах-неймаи карданд (Народ [буквально: люди] в целях поддержки правительства в связи с необходимостью правильного выбора экономической политики вышел на демонстрацию).

Предлоги *в, на, за, из-за*, в отличие от рассмотренных выше предложных средств, характеризуются тем, что их целевые значения являются вторичными, не основными.

Предлог *за* как средство выражения целевого отношения может употребляться только в сочетании с конкретными существительными в предложениях, где в качестве основного предиката употребляются глаголы движения. Например: *Али Акбар ходил за кроликами, но не нашел*.

В приведенном примере предлог *за* указывает на направленность действия на определенную конкретную цель.

В персидском языке то значение, которое в русском языке выражается целевым предлогом *за*, характерно для целевого предлога *дон-бал-е*. Например:

Аъмад донбал-е доктор рафт (Ахмад пошел за врачом).

Хотя предлог *из-за* в русском языке в основном выражает причинные отношения, но в определенных случаях, а именно когда субъект целевой ситуации находится в необычном для него состоянии или совершает необычное для него действие (своего рода жертву) для достижения чего-либо, он выражает значение цели. Например: *Я всю жизнь работал из-за денег и всю жизнь нуждался ежеминутно*, *Выставка не очень интересная, однако я третий раз пойду туда только из-за одной гравюры, которая меня поразила*.

Следует сказать, что предлог *из-за* в приведенных примерах является синонимом предлога *ради*.

Эквивалентами предлога *из-за* в персидском языке являются предлоги *манз-е хатер-е /бе катер-е/*. Приведем примеры:

Эмруз хаеа хейли сард аст ман фагат маъз-е хатер-е/бе хатер-е/то гиджаз амадам. (Сегодня очень холодно, я только из-за тебя сюда приехал); *Ман аз ан синама хошам немиада амма бе хатер-е фильм-е хуби ке дар ан гозаште* Нанд бе анджа мировом. (Мне тот кинотеатр не нравится, но из-за хорошего фильма, который показывают там, я туда пойду).

Русские предлоги *на* и *в* в некоторых контекстах также могут выражать целевые и близкие целевым значения. Предлог *на* выражает значение предназначенности в случаях, если он сочетается с существительными, выражающими значение действия или -события. Предикаты в таких предложениях – глаголы со значением целенаправленного (или осмысляемого как целенаправленное) действия. Часто это глаголы со значением движения или перемещения предмета. Например;

*Он приехал на лечение (У барайе моаледже бе тджа амадеН аст);
Магазин закрыли на ремонт (МагазеНра барайе тамир бастанд).*

Предлог *на* выражает предназначение и в конструкциях типа *Это мясо на жаркое*, которым соответствуют персидское *ин роуган бараке сорх кардани аст*, где парой русскому предлогу *на* будет персидский *барайе*.

Средством выражения целевых отношений в русском языке может быть также предлог *в*. Он сочетается с конкретными существительными в конструкциях с каузативными глаголами, выражающими значения «да-вания» или «приведения объекта в движение». Например:

Отнеси будильник в ремонт (Саат ра барайе тамир бепар); Ну что же, госпожа если ничего не выйдет, я, как и все, определю сына в какую-нибудь лавку или отдам в ученики к мастеру-плотнику (Хоб че мишавад кард ханом, азар кари нашавад кард май Нам месл-е дигаран, несарам ра бе магазехи мидабам йа барайе шагерди пиш-е наджджар мифере-стам).

В персидском языке и в подобных контекстах целевое значение выражается предлогом *барайе* – наиболее употребительным из целевых предлогов.

Подводя итоги, выделим следующие характерные особенности конструкций с целевыми предлогами:

1. В русском языке целевые отношения способны выражать как специализированные предлоги, не имеющие других, не относящихся к числу целевых, значений (*в целях, с целью, во имя*), так и предлоги, которые выражают и другие значения (*в, на, за, из-за*); в последнем случае следует говорить о целевых значениях предлогов. При этом у многозначных предлогов целевая семантика может быть представлена главными значениями (*для, ради*) и периферийными (*в, на, за, из-за*). Персидские целевые предлоги не характеризуются многозначностью.

2. На фоне персидского языка, в котором инфинитив, являющийся именной формой не только по происхождению, свободно употребляется с предлогами *барайе, бе хатер-е /маһз-е хатер-е/*, особенно выразительным оказывается тот факт, что в русском инфинитив может сочетаться лишь с одним предлогом – *с целью*; при этом обращает на себя внимание то, что этот предлог не относится к числу употребительных;

характерно также, что функциональными заместителями предлога *с целью* часто оказываются словосочетания *с единственной целью, с явной целью*.

Литература:

- Апресян В. Ю. *Для и ради: сходство и различия*. // ВЯ, 1995, № 3.
- Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
- Ермакова О.П. Словосочетания, Выражающие целевые отношения в современном русском языке. КД. М., 1955.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Крейдлин Г.Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» и «предназначение». // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Левонтина И. Б. Назначение 2 , предназначение, функция, миссия, роль (словарная статья) // Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е. В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М., 1995.
- Рахилина Е. В. Семантика или синтаксис? Munchen, 1992.

**К ВОПРОСУ О ВЫРАЖЕНИИ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ
В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

В истории трёх древних корейских государств Когурё (372 г. н.э.), Пэкче (384 г. н.э.) и Силла (527 г. н.э.) сочетались первобытные местные культы (верования в различных духов) с религиозными системами буддизма и даосизма, которые пришли на Корейский полуостров с материка. Конфуцианство проникало в Корею постепенно, и в IV в. н.э. оно стало господствующей идеей в Когурё, чуть позже в Пэкче и Силле. Конфуцианство с его учением о государстве, где общественные отношения строго регламентированы, а этические нормы почтительности младших к старшим строго соблюдаются и составляют основу социального устройства, оказало особое влияние на историческое развитие Кореи [История Кореи. Т. 1: 77-106; История Кореи для зарубежных корейцев 1995: 26, 27].

В государстве Силла с VII века конфуцианство оказывало решающее влияние на организацию государственных структур и на развитие культуры. Во времена объединённого государства Силла сложились национальные традиции, которые стали основой развития корейской культуры. Согласно учению Конфуция, основой порядка в стране является «ли», понятие весьма многогранное по своему содержанию, но переводимое на русский язык словами «церемониал», «ритуал», «почтительность», «благопристойность [Древнекитайская философия т. 2 1972.: 34].

Соблюдение «ли» («этикета») – главное требование для всех членов общества. Правила поведения в обществе требуют почтительности и уважения к старшим по возрасту и социальному положению, послушания наставнику.

В корейском обществе всегда главными лицами, которым следовало подчиняться беспрекословно, были государь, учитель и отец. В несколько изменённом виде этот принцип сохраняется и до настоящего времени.

В период государства Корё (X-XIV вв.) наряду с буддизмом, который постепенно утрачивал свое влияние в обществе, в стране стало распространяться новое направление конфуцианства – чжусианство. Но и здесь этические нормы не претерпели изменений: неизменным условием было беспрекословное послушание младших (подчинённых) старшим (правителям). Вся система образования находилась под сильным воздействием конфуцианских ритуалов [Ионова 1982: 41-42].

Для корейской культуры характерна мысль о свойственной миру гармонии. Важное место занимает и идея о социальной гармонии (в

¹ Данная статья основана на материалах, изданных в Республике Корея, и отражает точку зрения носителя корейского языка - русиста по специальности.

семье и государстве). Всё это находит определенное отражение в языке, и особенно в речевой деятельности корейцев.

В силу своей коммуникативной функции язык является подлинным зеркалом национальной культуры [Верещагин, Костомаров 1983: 6]. Весь накопленный общественный опыт, все знания хранятся и передаются от поколения к поколению в языковой форме. Само сознание человека существует благодаря языку, опосредствовано языком.

Исследование языка в историческом плане, особенно лексико-грамматической структуры языка, помогает понять процесс развития общественной мысли в истории нации.

Одной из отличительных особенностей корейского языка по сравнению с другими языками мира является категория вежливости, которая играет чрезвычайно важную роль в разных стилях языка. В корейской лингвистической литературе существует ряд исследований, в той или иной мере затрагивающих данную проблему [Хо Ун1981; Нам Ги Сим, Ко Ен Гын 1991]. Однако многие аспекты этой сложной и многогранной категории до сих пор изучены недостаточно.

В отличие от русского языка в корейском языке эта категория имеет широкий объем и соотносится не только с категорией мира и с личными местоимениями, но и с существительными и глаголами.

В корейском языке в категории лица зафиксированы этические нормы, которые строго соблюдаются в повседневной речи. Например, для первого лица используются разные местоимения в зависимости от ситуации речевого общения. Так, существуют личные местоимения 1-го лица единственного числа *чб* (вариант *че*) – ‘я’ (уничижительное) ↔ *на* (вариант *нэ*) – ‘я’ (нейтральное). Если один из собеседников осознал свое ‘я’ через *чб(че)*, то тем самым он признал, что его партнер занимает более высокое положение или старше его по возрасту, и будет разговаривать с ним, употребляя соответствующую форму вежливости. В этом случае для партнера будет естественным осознать свое ‘я’ через *на (нэ)* [Скорбатиук 1977: 311].

В корейском обществе существует строгая иерархия родственных отношений в семье, подчинение младших старшим. Эта иерархия отражена в языке и непосредственно связана с системой форм вежливости¹. Для каждого члена семьи по отцовской и материнской линии существует свое название.

Таблица 1 [Хан-Фимина и др. 1994: 17]²

Родственники по отцовской линии	Родственники по материнской линии
<i>чинхараббджси</i> – ‘дедушка’	<i>вехараббджси</i> – ‘дедушка’
<i>чинхальмбни</i> – ‘бабушка’	<i>вехальмбни</i> – ‘бабушка’

² Корейские примеры даются в русской транскрипции на основе таблицы, в которой приведен [б] – неогубленный звук заднего ряда среднего подъема, которого нет в русском языке.

<i>аббджи – 'отец'</i>	<i>бмбни – 'мать'</i>
<i>кхын аббджи – 'старший брат отца'</i>	<i>кхын самчхон – 'старший брат матери'</i>
<i>кхын бмбни – 'жена старшего брата отца'</i>	<i>кхын весукмо – 'жена старшего брата матери'</i>
<i>чагын аббджи – 'младший брат отца'</i>	<i>чагын самчхон – 'младший брат матери'</i>
<i>чагын бмбни – 'жена младшего брата отца'</i>	<i>чагын весукмо – 'жена младшего брата матери'</i>
<i>комову – 'муж сестры отца', 'дядя'</i>	<i>имову – 'муж сестры матери', 'дядя'</i>
<i>комо – 'сестра отца', 'тётя'</i>	<i>имо – 'сестра матери', 'тётя'</i>
<i>козонсачонъхёнъ – 'двоюродный брат'</i>	<i>изонсачонъхёнъ – 'двоюродный брат'</i>
<i>козонсачонънуна – 'двоюродная сестра'</i>	<i>изонсачонънуна – 'двоюродная сестра'</i>

Как можно видеть из приведенной схемы, в семейных отношениях учитывается разделение на женское и мужское начало. В корейском обществе с древних времен женщина занимала второстепенное положение по отношению к мужчине, это в известной степени сохраняется до сих пор, и язык зафиксировал это деление исторически. Например, префикс *чин-* означает в буквальном смысле «родной, близкий», а префикс *ве-* означает «внешний, чужой» (см. табл 1).

Разделение на мужчин и женщин отражено во всей лексике, относящейся к терминам родства. Так, сестра по отношению к старшей сестре употребит слово *бнни*, а брат по отношению к своей старшей сестре – *нуна*. Сестра по отношению к старшему брату – *оппа*, а брат по отношению к своему старшему брату *хёнъ*, например:

Таблица 2

братья	сёстры
<i>кхын {хёнъ, оппа} - (старший брат)</i>	<i>кхын {нуна, бнни} - (старшая сестра)</i>
<i>чагын {хёнъ, оппа} - (младший брат)</i>	<i>чагын {нуна, бнни} - (младшая сестра)</i>

Таким образом, русскому слову брат соответствуют два корейских слова, одно из которых употребляется только лицом мужского пола (*хёнъ*), а другое – только лицом женского пола (*оппа*). То же относится и к слову сестра (*нуна, бнни*).

Термины родства в корейском языке употребляются не только для обозначения членов семьи, но и для обозначения неродственников. Например, в студенческой среде младшие студентки называют старшекурсниц – *бнни*, также называют и старших по возрасту продавщиц, т.е. в

обществе эти слова используются более широко как средства выражения уважительного отношения к старшим. Это один из элементов специфической морали корейцев, которая соблюдается и в настоящее время.

В корейском языке при обращении используется не собственное имя лица, как в русском языке, а слова-заменители, характеризующие статус этого лица в социальной жизни: к преподавателю обращаются как к старшему в семье, используя слова *хёнъ(ним)*, *оппа*, *нуня*, *ённи*.

Особенно уважительным является обращение к преподавателю (учителю), потому что преподаватель занимает в корейском обществе более высокое социальное положение, требующее особо почтительного отношения, например, *сёнсэнъним*.

В формировании очень вежливой учтивой речи, выражающей почтительность к собеседнику, участвуют именные аффиксы – *ним* и – *ккесё*, присоединяющиеся к корню имени существительного. Например, в речи о старших используется суффикс *-ним*, который присоединяется к существительным: *абённим* – отец, *квачанъним* – зав. отделом, *чангванним* – министр и т.п. В русском языке прямых эквивалентов этим формам с суффиксом *ним* нет.

Грамматические средства выражения речевого этикета в современном корейском языке составляют довольно сложную систему, включающую именные агглютинативные аффиксы¹ и глагольные суффиксы, обозначающие ту или иную степень вежливости, используемую в речи в конкретной коммуникативной ситуации. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в грамматиках и учебных пособиях корейского языка для иностранцев² [Дмитриева 1996], но вся система лексико-грамматических способов передачи вежливости в корейском языке не была объектом специального, всестороннего и глубокого исследования. Поэтому в предлагаемой статье мы остановимся лишь на самых главных, с нашей точки зрения, проблемах, имеющих значение для изучения корейского языка иностранцами.

Форма сказуемого служит основным «выразителем» вежливого или грубого отношения к собеседнику. Принято считать, что таких форм вежливости в корейском языке пять. Возьмем, например, глагол «*када*» («идти»). *Касымнида* (почтительно-вежливая форма), *камнида* (повседневная вежливая форма), *канда* (нейтральная форма), *каё* (разговорно-непринужденная форма), *ка* (грубая форма). Однако из этих форм в учебных целях некоторые авторы выделяют одну форму, которая занимает особое место в парадигме глагольных изменений, т.к. она относится только к официальной речи. Такая речь используется на конференциях, парламентских заседаниях, на пресс-конференциях, в интервью, в

¹ Относительно этого термина среди ученых-корееведов нет единства мнений. Мы предлагаем употреблять термин «агглютинативный аффикс» вместо терминов «последлог» или «падежное окончание», поскольку в корейском языке нет падежных форм (хотя некоторые ученые признают наличие падежей).

² Речевой этикет описывается лишь в педагогических целях как предмет изучения при овладении речью на корейском языке.

дипломатической деятельности, в беседе с иностранцами, с незнакомыми лицами.

Эта форма в отличие от других коммуникативных форм более «длинная», т.к. включает и глагольные агглютинативные аффиксы вежливости и окончания категории вежливости.

Грамматическим показателем официальной речи в изъявительном наклонении в утвердительной форме могут быть два окончания: -симнида, для второго и третьего лица, -нида (-сымнида)¹ - для первого лица. Сравните:

Абднимын сэнгажжунисимнида.

- 'Отец думает'. (3-е лицо)

Тансинын сэнгажжунисимнида.

- 'Вы думаете'. (2 лицо)

Чонын сэнгажжунисимнида.

- 'Я думаю'. (1-ое лицо)

В вопросительной форме используются окончания -симникка?, -никка? Для других наклонений также существуют особые формы с окончаниями -симсиё, -псиё в повелительном наклонении и с окончаниями -симсида, -псида в пригласительном наклонении.

В повседневной речи также могут употребляться вежливые, нейтральные и разговорно-непринужденные формы сказуемых, для каждого наклонения характерны свои окончания. Сравните:

1) *당신께서는 책을 갖고 계십니까?* (*Тансинккесёнын чэкыл катго гэсимникка?*) – 'У вас есть книга?' (в разговоре со старшим, выражается почтительность к собеседнику);

너 책 갖고 왔니? (*Но чэк катго итни?*) – 'У тебя есть книга?' (в разговоре с другом, младшим выражается разговорно-непринужденный оттенок);

2) *안녕하십니까!* (*Анёньхасимникка!*) *안녕하십니까!* (*анёньхасиндиё!*) – 'Здравствуйте!' (обращение к старшему выражается почтительность к собеседнику);

안녕하세요! (*Анёньхасэё!*) – 'Здравствуй!' (повседневная вежливая речь);

안녕! (*Анён!*) – 'Здравствуй!' (разговорно-непринужденная речь);

3) *잘 지내고 계십니까?* (*Чал динэго гэсимникка?*), *잘 지내고 계십니까?* (*Чал динэго гэсиндиё?*)

- 'Как у вас дела?' (почтительно-вежливая речь);

잘 있습니까? (*Чал итсымникка?*) (повседневно-вежливая речь);

잘 지내니? (*Чал динэни?*)

- 'Как у тебя дела?' (повседневно-вежливая речь);

잘 왔니? (*Чал итни?*) *잘 왔어?* (*Чал итсэ?*) – 'Как дела?' (обращено к другу, младшему, выражает разговорно-непринужденные отношения);

4) *가다* (*Када*) – 'идти'

¹ Согласные звуки [п], [м] позиционно чередуются в одной и той же морфеме.

가십시오(Касимсида), 가십시오(Касимникка), 갑시다(Капсида).

- Идите¹ (почтительно-вежливая речь);

갑시다(Камнида)

- 'Идите, пожалуйста' (повседневно-вежливая речь).

Таким образом, некоторые грамматические формы корейского языка соотносятся в русском языке с вежливой речью на «вы», а другие, фамильярные формы, можно соотнести с речью на «ты». Следует отметить, что в разговорной речи личные местоимения *Тансин, Гдэ, Нё* – («вы, ты») очень часто опускаются, т.к. глагольное окончание ясно указывает, на каком уровне вежливости осуществляется коммуникативный акт.

Этими аффиксами выражается отношение к говорящему, поэтому если кореец захочет обидеть своего собеседника, он может передать своё неуважение к нему при помощи вышеупомянутых аффиксов.

Например: 선생님 가니?(Сёнсэнънним каңи?) – 'Учитель уйдёт?'. В действительности в реальной речи такая форма вряд ли встретится, по-корейски она звучит грубо, даже оскорбительно для учителя.

Ниже приводятся качества, которые высоко ценятся в собеседнике и очень часто упоминаются в бытовых разговорах, когда дается оценка поведения какого-либо лица, это:

1. 예의바른 태도(ейи барын тэдо) - 'учтивость';

2. 겸손(кэмсон) - 'скромность, деликатность';

3. 정중(зонзун) - 'обходительность' [Тонь Ван и др. 1987].

Например:

이 학생은 예의가 바릅니다(И хаксэнънын ейига барымнида).

- 'Этот студент учтив'.

이 학생은 겸손합니다(И хаксэнънын кэмсонхамнида).

- 'Этот студент скромен'.

Соответствующие понятия занимают важное место в шкале моральных ценностей.

Корейское языковое сознание, которое представляет собой очень строгую систему, своими корнями уходит в глубокую древность. На протяжении многих веков корейская этика была основой школьного образования. В основе её лежат, как говорилось выше, прежде всего чисто корейская мифология, а также буддийские моральные каноны и конфуцианство [Мифология 1973: 167-177].

Насколько этика важна для корейского общества говорит тот факт, что даже в настоящее время и в начальной школе, и в университете преподают этику, а до последнего времени на государственных экзаменах она входила в число обязательных дисциплин. Во всех учебных заведениях в учебный план включены дисциплины "도덕(Тодок)",

¹ Очень трудно (даже практически невозможно) перевести данные формы на русский язык, потому что в русском языке эквивалентов нет. Этой формой выражается уважение. Это более вежливая форма, чем русское обращение «Вы», например: «Соблаговолите идти? Изволите пойти?».

“윤리(Юнли)”, которые условно можно соответственно перевести как “Нравственность» и “Этика». Что касается государственных экзаменов на занятие государственных должностей, то до недавнего времени в них включались эти дисциплины. И хотя образование стало более прозападным и допускается знакомство с новой культурой, корейцы не отказались от традиционного воспитания и традиционной этики. В настоящее время в Корее в школьном образовании, особенно в высшем образовании, превалирует западное обучение, но остается и много традиционных элементов. Корейцы считают, что этика – это основа прочности порядка в семье и в обществе.

Категория вежливости в корейском языке является лексико-грамматической категорией. Она занимает центральное место в речевой деятельности корейцев, и соблюдение правил речевого этикета является одним из главных признаков воспитанности и культуры человека.

Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Язык и культура, М., 1983.
Дмитриева В.А., Практический курс корейского языка, М., 1996.
Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972.
Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX - начало XX в.), М., 1982 г.
История Кореи. М., Т. 1. М., 1974 г.
История Кореи для зарубежных корейцев, Сеул, 1995 (на корейском и русском языках).
Корейско-русский словарь /Под ред. Ко Хёна. М., 1994.
Мажур Ю.Н., Никольский Л.Б. Русско-корейский словарь. М., 1988.
Мифология и верования народов восточной и южной Азии, М., 1973.
Нам Ги Сим, Ко Ен Гын. Теория стандартной корейской грамматики. Сеул, 1991 (на корейском языке).
Скорбатьюк И.Д. Некоторые аспекты выражения форм вежливости в корейском языке. // Национально-культурная специфика речевого поведения/ под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.
Тонь Ван, Ким Хак Су. Русско-корейский словарь. Сеул. 1987.
Хан-Фимина, В.А., Син М.А., Тихонова Э.Г., Русско-корейский разговорник, М., 1994.
Хо Ун, Языкознание – его объект и способы - Сеул, 1981 (на корейском языке).

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

И.П. Кузьмич

ЗАМЕТКИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО АУДИРОВАНИЮ

70–80 годы прошлого века охарактеризовались обращением специалистов по преподаванию иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного, к видам речевой деятельности как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. В то время наблюдался серьёзный интерес и к проблемам аудирования. Процесс аудирования исследовался с разных точек зрения: изучались психолого-физиологическая и психолингвистическая природа восприятия иноязычной речи, механизмы аудирования, трудности, обусловленные языковыми особенностями устного текста, организация обучения аудированию на разных этапах, обучение аудированию в связи с другими видами речевой деятельности, наконец, была разработана система специальных аудитивных упражнений (работы А.А. Леонтьева, Н.И. Гез, Н.В. Елухиной, И.А. Зимней и др.). В этот период был издан ряд небезынересных учебных пособий, например (Бахтина, Володина и др. 1987; Еськова, Панькина 1981; Ефашкина, Майсюк и др. 1981; Хавронина, Жидкова 1985).

Однако этот всплеск интереса к вопросам аудирования в дальнейшем не имел достойного продолжения. Сегодня на полках книжных магазинов и библиотек трудно найти пособия, помогающие подготовить учащегося к восприятию лекции. За последние годы многое изменилось в вузах, но задача прослушать лекцию и вычленить необходимую информацию остаётся для студента в учебном процессе первостепенной.

Студент и лекция – вот два вопроса при подготовке учебных материалов: какой студент будет слушать лекцию и к какой лекции нужно готовить этого студента? Во-первых, даже не проводя специальных исследований, можно констатировать, что в настоящее время понизился общий уровень обучаемости и, соответственно, обученности иностранных студентов. Так, начиная заниматься аудированием, они не удерживают в памяти более 2 – 3 слов. И сами с удивлением отмечают этот факт. Генетивные цепочки, характерные для научной речи, оказываются для них огромным препятствием. Если же предназначенный для прослушивания текст предъявляется на бумаге, он оценивается студентами как «нормальный», «не очень трудный», и, как правило, они вполне способны передать его основное содержание. Уровень подготовленности учащихся диктует степень проработки учебных материалов. В нашем случае учебные материалы должны быть проработаны детально.

Во-вторых, вопрос о «лекции», то есть вопрос о материале для аудирования, уже несколько десятилетий решался однозначно: необходи-

мо создавать специальный аудиотекст, для чего давно имеются специальные методики, например (Колосницына 1980).

Новый век принёс в практику преподавания русского языка как иностранного идею использовать в учебном процессе только аутентичные профессионально ориентированные материалы, в частности – аутентичный устный текст. Эта идея представляется чрезвычайно плодотворной, но труднореализуемой, по крайней мере, по двум субъективным причинам. С одной стороны, преподаватели-русисты, понимая необходимость учёта специальности учащегося, тем не менее стараются избежать работы с профессионально ориентированными материалами. С другой стороны, наблюдая современную практику обучения инофонов русскому языку, нельзя не отметить бытующее в преподавательской среде осторожное (или настороженное?) отношение к устной речи – и разговорной, и научной.

Можно предложить компромиссный вариант аудиотекста – «причёсанный» фрагмент лекции, адресованной студентам первого курса, изучающим математику. Итак, текст, который нужно подготовить для аудирования:

(1) «Сегодня тема нашего разговора – ряд в математике. Что такое ряд? Что в математике называют рядом?»

Пожалуйста, посмотрите задание 16. Здесь вы видите запись, которая составлена из чисел a_1, a_2, a_3 . Такое выражение вида

$$a_1 + a_2 + a_3 + \dots \text{ (многоточие),}$$

составленное из чисел a_1, a_2, a_3, \dots , в математике называют рядом. А числа a_1, a_2, a_3 называются членами ряда.

А что такое многоточие? Что оно указывает?

Многоточие в конце записи указывает, что выражение (один) не имеет последнего слагаемого. То есть за каждым слагаемым всегда стоит следующее. Таким образом, ряд можно назвать «бесконечной суммой».

В скобках заметим: математики иногда в шутку говорят, что именно в многоточии заключена суть ряда, главная идея ряда.

(2) Мы знаем, что при сложении конечного числа слагаемых всегда получается определённый числовой результат. А как вычислить сумму бесконечного числа слагаемых? Вообще говоря, вычислить сумму бесконечного числа слагаемых не сможет ни человек, ни ЭВМ. Почему? Это невозможно, поскольку процесс сложения членов ряда (по самому определению) никогда не кончается. Этот процесс бесконечен. Поэтому выражение (один) – это лишь некий математический символ, которому надлежит придать определённый смысл».

Для удобства дальнейшей работы текст разделён на две части (цифры в скобках). В реальной лекции преподаватель привлекал внимание студентов к доске, здесь – к соответствующему заданию в серии подготовительных заданий, преследующих разные цели и выполняемых студентами перед прослушиванием текста. Далее –

1) Запись; конец (чего) ... ; 2) ряд; член (чего) ... ; 3) вид $a + b$; выражение (чего) ... ; 4) слагаемые; бесконечное число (чего) ... ; сумма (чего) ... ; 5) ряд; члены (чего) ... ; сложение (чего) ... ; процесс (чего) ...

9. Составьте словосочетания из существительных и двух прилагательных. Обращайте внимание на порядок слов в словосочетаниях такого типа.

определённый, числовой	 результат
математический, некий	 символ

10. А. Обратите внимание на близкие по значению конструкции.

1. При сложении чисел a_1 и a_2 получили сумму b . = Когда сложили числа a_1 и a_2 , получили сумму b . 2. Данный процесс бесконечен по определению. – В определении говорится, что данный процесс бесконечен.

Б. Подтвердите правильность высказываний, используя близкие по значению конструкции и слово действительно.

1. Когда записывают математическое выражение, используют некие символы. 2. Когда складывают конечное число слагаемых, всегда получают определённый числовой результат. 3. В определении сказано, что число a является положительным. 4. Определение указывает, что данное математическое выражение не имеет последнего слагаемого.

11. Не согласитесь со следующими высказываниями, используя отрицательные конструкции и слово нет.

1. Данная запись имеет конечное число слагаемых. 2. Вычислить сумму конечного числа слагаемых может и компьютер, и человек. 3. Процесс вычисления когда-нибудь кончится.

12. Вспомните, какие конструкции можно использовать

а) для названия чего-либо:

что (1) называется чем (5)

что (4) называют чем (5)

что (4) можно назвать чем (5)

Число b в записи $a_1 + a_2 = b$ называется суммой.

Число b в записи $a_1 + a_2 = b$ называют суммой.

Число b в записи $a_1 + a_2 = b$ можно назвать суммой.

б) для характеристики состава или структуры объекта:

что составлено из чего

что стоит в чём / в начале чего / в конце чего / за чем

Запись составлена из чисел a_1 и a_2 .

Число (a_1) стоит в скобках.

Число a_4 стоит в конце записи.

Цифра 7 стоит за цифрой 6.

- в) для характеристики операций с научным объектом:
вычислить что (4)
придать смысл чему

Мы решили уравнение и вычислили произведение двух чисел.

Мы приняли букву x за неизвестную величину и тем самым придали этой букве определённый смысл.

13. Ответьте на вопросы, используя конструкции из задания 12 и слова и словосочетания, данные в скобках.

1. (слагаемые) Как называются числа a_1 и a_2 в записи $a_1 + a_2 = b$?
2. (сумма) Как называют число b в записи $a_1 + a_2 = b$? 3. (скобки; начало выражения; конец записи; каждое слагаемое) Где стоит число n ? 4. (их сумма) Что можно вычислить при сложении чисел a_1 и a_2 ? 5. (данный математический символ) Чему необходимо придать определённый смысл?

14. Обратите внимание на следующие начала предложений. Как вы думаете, какой информацией можно продолжить эти предложения? Найдите справа нужный тип информации.

1. Мы знаем, что ...	а) + обобщающая информация, вывод
2. Вообще говоря, ...	б) + известная информация
3. В скобках заметим, ...	в) + обобщённая информация
4. Таким образом, ...	г) + дополнительная (неосновная) информация

15. Просмотрите и запишите основу для тезисного плана текста. Подумайте, о чём будет идти речь в этом тексте.

1. Рядом в математике называют ...
2. Членами ряда называются ...
3. Ряд можно назвать ...
4. Говорят, что суть ряда заключена ...
5. Вычислить сумму членов ряда не сможет ...
6. Процесс сложения членов ряда ...
7. Выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ — это ...

16. Когда вы будете слушать текст, вам будет нужна следующая запись:

$$a_1 + a_2 + a_3 + \dots \quad (\text{выражение 1}).$$

Как видим, подготовка к прослушиванию текста строится по вполне традиционной схеме. Задания 1 и 2 помогают уточнить математические термины, в заданиях 3 – 6 семантизируется лексика. Для восприятия речи на слух важно вычленять в речевом потоке отдельные единицы – слова, словосочетания, предложения. Поэтому полезно, чтобы студенты заранее познакомились со строением ключевых единиц (задания 7 – 11). Задания 12 и 13 обращают внимание студентов на синтаксические структуры, нужные для передачи основного содержания текста (цифры в скобках внутри моделей обозначают падежи). В задании 14 даются специальные текстовые формулы, сигнализирующие об определённых типах информации. При выполнении этого задания необходимо подчеркнуть, что существенно, важно, а что можно опустить. До прослушивания текста целесообразно показать его структуру, в данном случае даётся основа тезисного плана. Завершает серию подготовительных заданий математическая запись, которая приводится в качестве зрительной поддержки.

Далее учащиеся могут приступать к работе с фонограммой, составленной по обычной методике.

Фонограмма

Задание 1. Слушайте и повторяйте слова и словосочетания.

Математика, ряд, ряд в математике; называть чем, называть рядом; член ряда, члены ряда, называться членами ряда; сложение чего, сложение членов ряда, процесс сложения членов ряда; шутка, говорить в шутку; запись, конец записи; многоточие, многоточие в конце записи; слагаемое, последнее слагаемое, иметь последнее слагаемое, не иметь последнего слагаемого; каждое слагаемое, стоять за чем, стоять за каждым слагаемым; слагаемые, число слагаемых, конечное число слагаемых, сложение конечного числа слагаемых, при чём, при сложении конечного числа слагаемых; сумма, бесконечная сумма, назвать что чем, назвать ряд «бесконечной суммой»; сумма бесконечного числа слагаемых, вычислить сумму бесконечного числа слагаемых; смысл, определённый смысл, придать определённый смысл, надлежит придать определённый смысл; символ, математический символ, придать смысл чему, придать смысл математическому символу, надлежит придать определённый смысл математическому символу.

Задание 2. Прослушайте текст. Подумайте, что говорится в тексте о процессе сложения членов ряда.

[Звучит текст]

Задание 3. Итак, скажите, что говорится в тексте о процессе сложения членов ряда.

Задание 4. Подтвердите правильность информации или не согласитесь с ней словами да или нет.

1. Рядом в математике называют числа a_1, a_2, a_3 ? 2. Рядом в математике называют выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ (многоточие)? 3. Числа a_1, a_2, a_3 называются членами ряда? 4. Многоточие в конце записи указывает, что выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ (многоточие) не имеет последнего слагаемого? 5. Выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ (многоточие) – это некий математический символ, которому надлежит придать определённый смысл?

Задание 5. Теперь вы будете слушать текст по частям. Прослушайте первую часть текста. Скажите, как можно назвать ряд.

[Звучит первая часть текста]

Задание 6. Итак, как можно назвать ряд?

Задание 7. Дайте краткие ответы на вопросы.

1. Из чего составлена запись (один)? Из чисел a_1, a_2, a_3 ? 2. Как в математике называется выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ (многоточие), составленное из чисел a_1, a_2, a_3 ? Рядом? 3. Как называются числа a_1, a_2, a_3 ? Членами ряда? 4. Где стоит многоточие? В конце ряда? 5. На что указывает многоточие? На то, что наше выражение не имеет последнего слагаемого? 6. Что всегда стоит за каждым слагаемым? Следующее слагаемое? 7. Как можно назвать ряд? «Бесконечной суммой»? 8. Что заключено в многоточии? Суть ряда? Главная идея ряда? 9. Это серьёзное замечание или это шутка?

Задание 8. Посмотрите подготовительные задания. Найдите задание 15. Дополните четыре пункта тезисного плана текста.

Задание 9. Прослушайте вторую часть текста. Скажите, почему процесс сложения членов ряда бесконечен?

[Звучит вторая часть текста]

Задание 10. Итак, почему процесс сложения членов ряда бесконечен?

Задание 11. Дайте краткие ответы на вопросы.

При каком условии всегда получается определённый числовой результат? При сложении конечного числа слагаемых? 2. Можно ли вычислить сумму бесконечного числа слагаемых? Или это невозможно? 3. Почему невозможно вычислить сумму бесконечного числа слагаемых? По определению? 4. Процесс сложения членов конечен? Или этот процесс никогда не кончается? 5. Что представляет собой выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ (многоточие)? Некий математический символ? 6. Что надлежит придать этому выражению? Определённый смысл?

Задание 12. Вернитесь к заданию 15. Допишите тезисный план до конца.

Задание 13. Запишите следующие вопросы. Затем ответьте на них.

1. Что в математике называется рядом? 2. Что такое члены ряда? 3. Что получается при сложении конечного числа слагаемых? 4. Возможно ли вычислить сумму бесконечного числа слагаемых? 5. Как можно рассматривать выражение вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$ (многоточие)?

Нужно отметить, что подготовка фонограммы – трудоёмкий процесс. Для обеспечения самостоятельной работы студентов необходимо представить не только приведённые выше задания, но и предложить вариант их точного выполнения (который отсутствует в данной разработке), то есть диктор должен дать ответы на все вопросы, чтобы студенты могли себя проконтролировать. Подчеркнём, что задания типа «Дайте краткие ответы на вопросы» составляются таким образом, чтобы, по существу, ещё раз повторить основное содержание текста и увеличить кратность предъявления звучащего текста.

Закончив работу с фонограммой, студент может перейти к итоговым заданиям. Для нашего текста они могут быть такими:

1. Расположите пункты назывного плана в соответствии с порядком представления информации тексте.

1.	(...)	Квалификация выражения вида $a_1 + a_2 + a_3 + \dots$.
2.	(...)	Смысл многоточия в конце записи.
3.	(...)	Определение ряда.
4.	(...)	Определение членов ряда.

2. Пользуясь имеющимися у вас планами и вашими записями, расскажите, что вы узнали о ряде в математике.

Как показывает практика, выполнив все подготовительные задания, последовательно аккуратно проделав всё, что требует фонограмма, студенты успешно справляются с итоговым заданием, даже если оно даётся отсроченно.

Наши беглые заметки и предложенный вариант обработки аудиотекста отражают сомнения, ошибки, заблуждения преподавателя, стремящегося в практической работе решать проблемы обучения аудирования, в данном случае – аудированию монологической профессионально ориентированной речи, осознающего их сложность и понимающего, что только совместные усилия всего профессионального сообщества позволят выработать оптимальные для сегодняшнего дня подходы к этим проблемам.

Литература

Бахтина Л.Н., Володина Г.И. и др. Сборник текстов для работы с магнитофоном. Пособие по развитию навыков аудирования и говорения. М., 1987.

Еськова Л.М., Панькина Л.В. Пособие по аудированию и чтению для студентов-иностранцев (естественнонаучный профиль). М., 1981.

Ефашкина Т.И., Майсюк М.К. и др. Пособие по развитию навыков слушания и записывания лекций для студентов-иностранцев (инженерно-технический профиль). М., 1981.

Колосницына Г.В. Пути оптимального построения и оформления учебного аудиотекста. М., 1980.

Хавронина С.А., Жидкова Г.Ф. Пособие по развитию навыков научной речи для иностранных студентов-филологов. Аудирование. М., 1985.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ПРАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ
(на примере функционально-семантической категории адъективной
качественности в современном русском языке)**

Практика преподавания в вузе русского языка как иностранного показала, что для современной грамматики русского языка как иностранного (далее – РКИ) характерен функциональный подход к языку, при котором язык изучается как система универсальных категорий (смыслов) и образуемых ими функционально-семантических полей (далее – ФСП), т.е. изучение идет от значения языковых единиц (что значат?) к их форме (как выражены?) и функции (какую роль играют?). Именно так реализуются коммуникативные потребности говорящего/ пишущего: от содержания речи, от необходимости выразить определенное значение.

Следует сказать, что современные описания функционально-семантических категорий (в научных статьях и диссертационных исследованиях) характеризуются теоретической сложностью, многообразием интерпретаций и подходов, что создает определенные трудности при преподавании РКИ. Положительно то, что в последние годы созданы и создаются учебники и учебные пособия, основная цель которых сформировать такое лингвистическое мышление, которое способно подвести к осознанию языка как коммуникативной системы [Всеволодова 2000], показать различия между аналитико-систематизирующим и семантико-коммуникативным подходом к изучению русского языка [Лингвистические основы РКИ 2004], описать грамматические явления с целью практического овладения инофонами русским языком [Книга о грамматике 2004] и др. Однако эти учебники носят больше теоретический, нежели практический характер. Функционально-семантический подход к изучению языка в практике преподавания РКИ предполагает создание новых методик анализа языковых явлений, которые «не рассказывают о языке..., а содержат учебный материал, необходимый для активного овладения языком, для практического общения на языке» (Рожкова 1986:7). Методической литературы по обучению инофонов русскому языку с функциональной точки зрения сегодня явно недостаточно.

В данной статье предлагается один из способов¹ введения изучаемых инофонами атрибутивных (определительных) отношений на примере функционально-семантической категории адъективной качественности (далее – ФСК). Практика преподавания РКИ привела к необходи-

¹ Данный способ изучения ФСП атрибутивности предусмотрен для студентов-иностранцев, уже изучавших русский язык либо в школе (студентов из стран СНГ), либо на подготовительных факультетах вузов, с целью систематизации имеющихся знаний или восполнения пробелов.

мости на определенном этапе обучения объединить под одной «крышей» весь обслуживающий данную категорию языковой материал. Хорошо известно, что «Методика – величина зависимая и «производная» от самого языкового материала» (Рожкова 1983:7), поэтому следовало бы прежде представить ФСП качества (квалитативности). Однако в нашу задачу не входит полное описание данного поля (да и рамки статьи не позволяют этого сделать), поэтому мы ограничимся его весьма краткой характеристикой.

ФСП качества (как и любое поле) – это не «ассорти» из языковых средств разных уровней. Внутри поля можно выделить по крайней мере 3 микрополя (далее – МкП) – смысловые зоны, основой разграничения которых служит принадлежность слова к определенной части речи (прилагательному, существительному, глаголу или наречию):

1. МкП атрибутивной качества, обслуживаемое ФСК адъективной качества (*Красивая игрушка привлекла внимание ребенка*);

2. МкП предикативной качества, обслуживаемое ФСК:

а) именной качества (*Маша – красавица*);

б) адъективно-предикативной качества (*Игрушка была красивая*);

в) субстантивно-предикативной качества (*Барби – игрушка красивая*);

г) глагольной качества (*Скромность красит человека*);

3. МкП обстоятельственной качества, обслуживаемое ФСК наречной качества действия или признака (*Игрушка сделана красиво*).

ФСК могут пересекаться друг с другом и с другими ФСП.

В данной статье речь идет только об атрибутивной качественной характеристике предмета. Что касается МкП предикативной и обстоятельственной качества, то при изучении РКИ считаем целесообразным рассматривать их соответственно в ФСП предикатности и ФСП обстоятельственной качества, где есть свои МкП и средства их выражения.

В целях понимания и прочного усвоения инофонами материала, а затем использования ими полученных знаний в практике общения следует, на наш взгляд, адаптировать материал к практике изучения и преподавания русского языка. С этой целью МкП атрибутивной качества (атрибутивный центр полицентрического ФСП качества), обслуживаемое ФСК адъективной качества, можно представить инофонам как поле атрибутивности русского языка.

Мы видим следующую последовательность изучения темы «Поле атрибутивности русского языка» в иноязычной аудитории:

1) разнообразие атрибутивной семантики в русском языке;

2) представление ФСП атрибутивности: общая характеристика поля (краткое описание его семантики и структуры; система микрополей);

3) изучение семантики и структуры микрополей и средств выражения изучаемой семантики каждого МкП;

4) система практических и коммуникативных заданий, направленных на понимание значения и употребление единиц поля;

5) работа с текстом для изучения функционирования элементов поля в речевых произведениях;

6) итоговые задания для проверки усвоенного материала.

Атрибутивная семантика в русском языке весьма разнообразна. Укажем наиболее распространенные значения:

1) качество, свойство (*талантливый артист, любопытный ребенок*); 2) материал (*фарфоровая статуэтка, люстра из хрусталя*); 3) форма (*круглый стол, торт в виде матрешки*); 4) размер, величина (*высота два метра, трехместная каюта*); 5) назначение (*читальный зал, ваза для цветов*); 6) наличие/отсутствие чего-либо (*усатый парень, дом без крыши*); 7) субъект (*мысли писателя, ректорский приказ*); 8) объект (*книга о пиратах, решение проблемы*); 9) сфера деятельности (*художник-дизайнер, диктор радио*); 10) отношение к лицу, животному (принадлежность): *наш сад, сумка подруги, оленьи рога*); 11) отношение к предмету (*трубка телефона, часовой мастер*); 12) отношение к месту (*тульский самовар, отель у моря*); 13) отношение ко времени (*утренняя заря, гроза в мае*); 14) отношение к числу (*второй курс, первый семестр*); 15) признак по действию (*улыбающийся ребенок, написанная картина*); 16) равенство, соответствие или несоответствие (*аналогичный результат, неравный брак*); 17) цветовая характеристика (*синий костюм, красная лента*); 18) слуховые представления (*громкий лай, звонкий голос*); 19) осязательные представления (*пушистый кот, мокрая одежда*); 20) вкусовые представления (*сладкий чай, горькая ягода*); 21) возраст (*младшая сестра, взрослый сын*); 22) отношения между людьми (*любимый человек, родной брат*); 23) пространственная характеристика (*широкая улица, Дальний Восток, безграничная любовь*); 24) временная характеристика (*постоянный признак, мимолетное увлечение, короткое лето*) и др.

Атрибутивные элементы представленных выше сочетаний, т. е. элементы, выражающие атрибутивные (определяющие) отношения, дающие признаковую характеристику предмета, лица или другого живого существа и отвечающие на вопросы *Какой? Чей? Который?*, организуют Поле атрибутивности.

Мы с удовольствием слушали эту замечательную музыку. Наша спортивная база расположена на берегу небольшого горного озера. По тропинке мы вышли к прекрасной березовой роще.

Поле атрибутивности имеет ядро – грамматическую категорию признака и представлено по крайней мере двумя МкП, основой разграничения которых служат лексико-грамматические разряды прилагательных:

1. МкП **качественности**, т. е. признака, свойства, качества предмета, лица вне его отношения к другим предметам, лицам (*тихая, сухая осень; синее небо, замечательный голос*);

2. МкП относительности, включающим три подполя (семантические зоны):

1) собственно относительности, т.е. свойства предмета через его отношение к другим предметам, действиям (*оловянный солдатик, лисья нора, лесная ягода, статуэтка из бронзы*);

2) притяжательности, т.е. отношения принадлежности к предмету, лицу, живому существу (*ножка стола, папина рубашка, картина друга, волчий хвост*);

3) порядковости, т.е. считаеваемой последовательности однородных предметов, явлений (*первая сессия, третий билет, двадцатое задание*).

Общей доминантой (морфологическим ядром) Поля атрибутивности и каждого МкП являются имена прилагательные: качественные, функционирующие в МкП качественности, относительные и притяжательные, функционирующие в группе подполей МкП относительности.

Вокруг ядра формируется ближайшая периферия. Это синтаксический уровень – сложноподчиненные предложения с атрибутивными (определятельными) придаточными частями, выражающими различные смысловые отношения (ФСК сложных предложений с определятельными придаточными): *Это сказка, что я слышал в детстве; Стихи, которые написал мой друг, мне очень понравились.*

Следующая зона (концентр) более отдаленной периферии. Эту зону составляет лексический уровень, куда относятся признаковые слова разных частей речи: причастные формы глаголов (прочитавший, прочитанный); местоимения-прилагательные (этот, всякий, мой); порядковые числительные (десятый, тысячный).

И наконец, самый последний периферийный слой составляют следующие лексико-грамматические средства: предложно-падежные формы существительных (согласованные и несогласованные с определяемым словом): *человек-загадка, брат-умница, дневник отца, поселок в горах*; наречия и сочетания слов в функции атрибута: *пальто нарраспашку, кофе по-арабски, платье зеленого цвета*; инфинитив (*намерение увидеть, желание победить, умение играть*); леадъективы (*доброта, смелость, синева*); фразеологические сочетания типа *семи пядей во лбу, муху не обидит, себе на уме*.

Такова общая (в сжатой форме) характеристика Поля атрибутивности. При более глубоком изучении Поля атрибутивности рассматриваются его МкП: качественности и относительности.

В рамках МкП качественности выражается независимый качественный признак предмета, который может проявляться в большей или меньшей степени: *забавный попугай, смешной фильм, красивая шляпа*. Атрибутивный компонент словосочетания отвечает на вопрос Какой? Какая? Какое? Какие?

Основным средством выражения атрибутивной качественности являются качественные прилагательные. Ядерное положение принимают «чисто» атрибутивные (качественные) прилагательные: *овальное зерка-*

ло, зеленая трава, женатый мужчина. Приядерное положение занимают качественные прилагательные типа грязный, умный, храбрый (*чистые руки, глупый мышонок, равнодушный человек, ласковый котенок, веселый клоун*). Затем идут собственно оценочные прилагательные типа «хороший/плохой»: *замечательная картина, прекрасная музыка, чудесный день, славный юбилей, мерзкий поступок, дрянной мальчишка, гадкий утенок*.

Ближайшую периферию формируют атрибутивные придаточные предложения, выражающие определительно-качественные отношения и присоединяющиеся к главной части союзными словами какой и что: *Он необыкновенно серьезный студент, каких на курсе мало; Фильм был такой интересный, что мы остались на второй сеанс.*

На более отдаленной периферии функционируют деадъективы (храбрость, веселость) и фразеологические сочетания типа *мастер на все руки, ума палата, святая простота*.

Задания¹

1. Определите лексико-грамматический разряд прилагательных и объясните, почему именно к этому разряду относится данное прилагательное.

скромный человек, шелковая рубашка, вкусный обед, нежный голос, кирпичный дом, утренний спектакль, спальный вагон, северный олень, мамин подарок, отцово наследство, собачий лай, кудрявая береза, карельский дуб.

2. Замените атрибутивные словосочетания синонимическими сочетаниями, используя слова цвет, форма, размер, рост.

зеленое платье, круглый стол, большие сапоги, высокий спортсмен.

3. Назовите прилагательные, от которых образованы данные существительные. Укажите способ образования существительных *громкость, мудрость, краткость, зрелость, глупость, свежесть, прелесть, живучесть; упорство, богатство, мужество, удобство; красота, простота, прямота, слепота, высота; белизна, дороговизна, крутизна, кривизна; длина, тишина, свобода, пустота; вьсь, зелень, ум, грязь, даль.*

4. Укажите прямое и переносное значение прилагательных.

больной зуб – больной вопрос; деревянный дом – деревянная свадьба; чистый воздух – чистое сердце – чистая прибыль; холодная вода – холодный человек – холодное молчание; высокая гора – высокое чувство – высокая культура; железная маска – железный характер – железная логика.

¹ При необходимости преподаватель может дать к заданиям грамматические комментарии. Грамматические термины типа «атрибутивные», «субстантивные» словосочетания, «деадъективы» и др. заменяются соответственно сочетаниями типа «прилагательное + существительное», «существительное + предлог + существительное», «существительное со значением признака» и др. По понятным причинам здесь приводятся лишь некоторые типы заданий.

5. Укажите способы выражения признака. Словами каких частей речи представлен каждый признак.

синева, синь, синий, синеющий, синеть, ставший синим, синить, синька, посиневший; ум, умный, поумневший, умнеть, стать умным, умница; красота, краса, красотища, красавица, красотка, красивый, красивенький.

6. Определите значение данных фразеологических сочетаний. Замените их близкими по смыслу прилагательными.

ни рыба ни мясо; ветреная голова; маменькин сынок; молодо-зелено; душа нараспашку; гол как сокол; как сонная муха; каланча пожарная; палец в рот не клади; заблудшая овца; голубая кровь.

7. Закончите данные предложения.

1. На небе сияли яркие звезды, ... 2. Скульптура была такая странная, ... 3. В озере обитают рыбы, ... 4. Я еще помню стихи, ... 5. Картина такая необычная, ...

Тексты

Прочитайте данные ниже небольшие тексты. Найдите языковые средства, относящиеся к МкП качественности. Укажите их значение и функцию.

– И так, – сказал профессор студенту, – вы утверждаете, что это ваша оригинальная работа? – Конечно, профессор! – Боже мой! Какое счастье видеть живого Толстого!

Однажды Щепкина спросили: «Какие роли вы любите играть, большие или маленькие? – Щепкин ответил: «Это зависит от пьесы. Если пьеса хорошая, то большие, если пьеса плохая, то маленькие».

Школьная учительница, оказавшись в университете, спрашивает профессора: «Извините, а у вас нет большого глобуса?» – Профессор отвечает: «Зайдите в 10-ю аудиторию, там в углу большой круглый глобус». – Учительница (недоуменно): «Круглый?» – Профессор (снисходительно): «Ну, Земля же круглая, а глобус как бы ее уменьшительная копия». – Учительница: «А я уже 20 лет учу школьников, что Земля шарообразная».

В рамках МкП относительности атрибутивный признак называется отношением к другим предметам, свойствам или действиям (материалу, времени, месту, наличию/отсутствию и т.д.): *деревянная игрушка, утренняя почта, порт на юге*. МкП атрибутивной относительности также имеет ядро (центр) и периферию. Морфологический центр МкП, его доминанту составляют относительные прилагательные: *соломенная шляпка, летний пейзаж, русская литература*.

Ближайшую периферию МкП формируют атрибутивные придаточные предложения, выражающие определительно-выделительные отношения и присоединяющиеся союзными словами *который* и *что*: *Принеси ту кассету, которую ты купил вчера. Вижу детей, что играют в саду*; определительно-пространственные отношения и присоединяющиеся союзными словами *где*, *куда*, *откуда*: *Мы приехали в деревню, где жила моя мать; Это старый аэропорт, откуда самолеты улетают*

раз в неделю; определительно-временные отношения и присоединяющиеся союзным словом когда: В тот день, когда мы встретились, шел сильный дождь.

На более отдаленной периферии функционируют местоимения-прилагательные типа та, это, такой, каждый (*та ваза, такой фильм, эта гора, каждое занятие*); субстантивные сочетания типа *путешествие по морю, книга для детей, цирк из Москвы*.

Последний периферийный слой МкП составляют морфологические средства выражения относительности: инфинитив (*способность играть на гитаре, умение летить*) и причастия (*связанный платок, говорящий попугай*).

Задания

1. Назовите способы и средства выражения относительного признака.

глиняный кувшин – кувшин из глины – кувшин, сделанный из глины – кувшин, который сделан из глины; пятиэтажный дом – дом из пяти этажей – дом, в котором пять этажей; поздний сеанс – сеанс, который идет поздно – сеанс в позднее время; команда стартовать – команда на старт; надежда выиграть – надежда на выигрыш; желание любить – желание любви.

2. Замените данные словосочетания синонимическими субстантивными сочетаниями. Сравните их значения.

шелковый платок, горное озеро, лесная поляна, морская прогулка, русские студенты, автобусная остановка, мужская одежда.

3. Замените данные словосочетания синонимическими атрибутивными сочетаниями.

задания по грамматике, купальник в полоску, мальчик с рыжими волосами, монета из серебра, фильм для детей, вечер музыки, красавица дочь, любовь без радости, студенты из Испании, плащ-палатка.

4. Составьте сочетания с прилагательными, употребив их в прямом и переносном значении.

серебряный, янтарный, золотой, деревянный, оловянный, бронзовый, стальной.

5. Замените атрибутивные сочетания придаточными определительными предложениями.

компьютерный век; родной дом; космическая эпоха; нефтяная скважина; соловьиные вечера; лебединое озеро; открывающаяся скоро ярмарка; прошедший недавно конкурс; приехавший из города друг; диплом, написанный студентом; дети, поющие песню; команда, играющая в футбол; фильм, снятый известным режиссером; цветы, не встречаемые мною раньше.

6. Замените придаточные определительные предложения близкими по смыслу атрибутивными сочетаниями.

картина, которая реставрируется; песня, что пела мне мать; те, кого мы любим; порт, что строится на востоке; ящик, куда кладут почту;

лес, где растут сосны; деревья, откуда он родом; стихи, какие мы учили в детстве.

7. Замените причастные обороты придаточными определительными предложениями.

певец, исполнивший романс – романс, исполненный певцом; профессор, прочитавший доклад – доклад, прочитанный профессором; музыка, написанная композитором – композитор, написавший музыку; роль, исполненная артистом – артист, исполнивший роль; студент, получивший оценку – оценка, полученная студентом.

8. Передайте смысл данных предложений, используя периферийные средства выражения относительности – атрибутивные придаточные предложения.

1. Мы купили картину французского художника. 2. Они вышли на грибную поляну. 3. Во время соревнования подул сильный ветер. 4. Они вернулись в родные места. 5. Доносившийся из комнаты голос был мне хорошо знаком. 6. В доме композитора по вечерам играла музыка.

Тексты

Найдите языковые средства, относящиеся к данному МкП. Укажите их значение и функцию.

В квартире профессора ночью зазвонил телефон. Женский голос с возмущением сказал: «Ваша собака лает и мешает мне спать!» – Профессор спросил, кто с ним говорит. На следующую ночь в тот же час в квартире этой женщины раздался телефонный звонок. – «Я позвонил для того, чтобы сообщить Вам, что у меня нет собаки».

– У тебя скоро золотая свадьба. Что подарить жене? – Помнится, на серебряную я отвез ее на Багамы. Может, привезти обратно?

Гуляя по парижским улицам, Куприн однажды увидел афишу, извещающую о премьере спектакля, в котором главную роль будет играть его дочь Ксения. За обедом писатель, взглянув на дочь, лукаво улыбнулся и сказал: «А я и не подозревал, что являюсь родственником знаменитости!»

Следующая семантическая зона МкП относительности – **притяжательность (посессивность)**, т.е. принадлежность, отношение к лицу или живому существу: *тургеневские письма, папина машина, слоновая кость, наша аудитория*. Значение притяжательности связано с выражением владения, обладания, принадлежности, собственности. Атрибутивный компонент с такой семантикой отвечает на вопросы Чей? Чья? Чье? Чьи?

Здесь также можно выделить центр и периферию. Морфологическим центром данного МкП являются притяжательные местоимения (мой, твой, его, ее, наш, ваш, их) и притяжательные прилагательные (*сестрина сумка, дедово наследство*).

Ближайшую периферию МкП формируют атрибутивные придаточные предложения, выражающие определительно-притяжательные от-

ношения и присоединяющиеся к главной части союзными словами *чей* и *который*: Писатель, чьи романы читает весь мир, хорошо знает жизнь. Это великий ученый, гениальные мысли которого нас восхищают. На более отдаленной периферии функционируют субстантивные сочетания: *сумка сестры, наследство деда.*

Последний периферийный слой составляют глаголы типа *владеть, обладать, принадлежать* и их производные, а также имена существительные типа *собственник, автор, обладатель, хозяин, владелец.*

Задания

1. Назовите способы выражения принадлежности.

мой галстук, наш сад, ружье дедушки, папины глаза, его дом, отцов шапка, рубашка брата, письма Толстого, рояль Чайковского, их дача, тургеневская усадьба; браслет, принадлежавший бабушке; библиотека, владельцем которой был Румянцев; бизнесмен, владевший этой фирмой; архив, находившийся во владении музея; парк, являющийся собственностью города; картины, перешедшие по наследству брату.

2. Замените атрибутивные сочетания субстантивными и наоборот.

дедов архив, тетина собачка, сестрин альбом, бараний тулуп, гнездо орла, молоко козы, трели соловья, дача бабушки, сердце матери.

3. Определите разряд прилагательных (относительные или притяжательные).

мамина сумка – мамино решение; куриное яйцо – куриный суп; белчий хвост – белчья шубка; рыбий глаз – рыбий жир; отцов дом – отцов ответ.

4. Замените притяжательные местоимения периферийными средствами выражения принадлежности.

моя тетрадь, ваши дети, его словарь, наш сад, твоя машина.

5. Замените предложения с союзным словом *который* предложениями с союзным словом *чей* и наоборот.

1. Мне нравится этот режиссер, фильмы которого пользуются большой популярностью. 2. Пушкин, чье творчество произвело на меня большое впечатление, очень любил Россию. 3. Мой друг знаком с композитором, музыка которого мне так нравится. 4. Девушка, чей портрет висел на стене, оказалась женой художника.

6. Передайте смысл данных предложений, используя периферийные средства выражения принадлежности.

1. В Третьяковской галерее хранились картины только русских художников. 2. Он купил скрипку известного музыканта. 3. Письма писателя обнаружили в архивах этого музея. 4. Нам нравится гулять в университетском парке. 5. Летом он переехал в дом сестры. 6. Мне нравятся стихи Пушкина.

Тексты

Найдите языковые средства, относящиеся к данному МкП. Укажите их значение и функцию. Перескажите тексты.

– Петя, – говорит учительница, – твоё сочинение о кошке очень похоже на сочинение твоего брата. – Это понятно, – отвечает Петя, – ведь мы писали об одной и той же кошке – о нашей любимой Муське.

– Наш преподаватель физики разговаривает сам с собой. А ваш? – Наш тоже. Он этого не понимает. Он думает, что мы его слушаем.

– Мне кажется, что мой муж пролежит в больнице довольно долго. – Ты говорила с его врачом? – Нет, я видела медсестру, которая за ним ухаживает.

Мои друзья отмечали золотую свадьбу. Один из их сыновей произнес тёплый тост, который заканчивался словами: «Спасибо вам за то, что заключили такой прекрасный брак». – Спасибо тому, кто сделал этот брак необходимым, – пошутил его отец. Жена прошептала ему на ухо: «Да не ему. Это же наш второй сын».

И наконец, изучается последнее подполе МкП относительности – **МкП порядковости**. В рамках этого поля выражается значение порядковости, последовательности, иерархия предметов или лиц при счете: первая звезда, десятый этаж. Порядковость совмещает значение признака с семантикой количества. Атрибутивный элемент сочетания с этим значением отвечает на вопросы Который? Какой по счету?

Морфологическим центром данного МкП является лексико-грамматический разряд порядковых числительных, совпадающих с относительными прилагательными по значению, форме и синтаксической функции: Люблю грозу в начале мая, Когда весенний первый гром ... (Ф. Тютчев). Ему нравится картина Айвазовского «Десятый вал».

Задания

1. Укажите способы выражения порядка.

второй ребенок, пятый том, сотый экземпляр, девятнадцатый век, двадцатая страница, двадцать пятый год, семитысячная толпа, миллионный тираж, третий по порядку, девятая по счету, десятый в строю, первый среди сильнейших.

2. Определите порядковые и собственно относительные прилагательные.

седьмой месяц – семимесячный ребенок; десятый градус (широты) – десятиградусный мороз; сотый год – столетний юбилей; двадцатипятитонное судно – двадцать пятое число; трехтысячная армия – трехтысячный номер – тысячелетняя религия.

3. Назовите слова со значением порядка. Укажите значение данных выражений.

Вторая молодость. В первую голову. Десятая вода на киселе. Быть на седьмом небе. Третий лишний. Играть вторую скрипку. Первый блин комом.

4. Раскройте скобки. Употребите порядковые числительные – прилагательные в нужной форме.

Сегодня (1 декабрь). Сессия начинается (5 январь). Каникулы продолжатся до (7 февраль). Мы приехали в Москву (25 август 2001 год). Он

закончил институт в (2003 год). Закончился (2005 год). Поздравляю с (Новый 2006 год).

Тексты

Найдите языковые средства данного МкП. Укажите их значение и функцию. Перескажите тексты.

Сторож поймал мальчика, который воровал яблоки. – Негодник! – закричал он. – Я сейчас научу тебя, как воровать. – Ну, слава Богу, а то меня уже третий раз ловят...

«Не пойду я больше в школу», – заявил малыш родителям после первого дня учебы, – «ни читать, ни писать я не умею, а разговаривать мне не разрешают».

Жена показывает мужу новый журнал мод: – « В этом году мужчины будут носить рубашки без пуговиц». – «Превосходно! Значит, я уже тринадцатый год одеваюсь по последней моде!»

Итоговые задания

1. Подберите синонимы к данным сочетаниям.

музыка из балета, цветы в поле, дом в деревне, длина десять метров, мясо первого сорта.

2. Замените неизменяемые прилагательные близкими по смыслу выражениями. Объясните их значение.

соль экстра, юбка макси, тональность мажор, рубашка цвета хаки, здание в стиле барокко.

3. Прочитайте русские пословицы. Назовите значение и средства выражения определений.

Пятое колесо в телеге. Маленькое дело лучше большого безделья. Свет не без добрых людей. Старый друг лучше новых двух. Учись доброму, так худое на ум не пойдет. Мой дом – моя крепость.

4. Замените данные фразеологизмы близкими по смыслу прилагательными.

гроша медного не стоит; ни пава ни ворона; ни кола ни двора; мастер на все руки; от горшка два вершка; звезд с неба не хватает; семи пядей во лбу.

5. Заменяя субстантивные сочетания атрибутивными и наоборот, вы узнаете названия произведений известных русских писателей Пушкина, Толстого, Чехова, Тургенева, Достоевского, Некрасова.

дочка капитана; песня лебедя; легенда Востока; счастье семьи; сон дядошки; женщины России; сад из вишневых деревьев; всадник из меди; помещичье утро; охотничьи записки; дом, в котором есть мезонин.

6. Прочитайте данные предложения. Укажите тип придаточных предложений. В каких МкП функционируют данные предложения. Приведите свои примеры.

1. Театр, который построили в 19 веке. 2. Театр, какой я хотел бы посетить. 3. Театр, чьи спектакли мне нравятся. 4. Театр, что находится в центре города. 5. Театр, откуда не хочется уходить. 6. Театр, куда я прихожу каждый вечер. 7. Театр, где мы встретились.

7. Используя изученные средства выражения Поля атрибутивности:

а) расскажите о своем друге (употребите атрибутивные элементы в прямом и переносном значении);

б) составьте диалог на тему «Разговор об интересном спектакле»;

в) опишите одну из осенних (летних, зимних, весенних) прогулок по парку (лесу, за город);

г) выскажите свою точку зрения по вопросу о том, может ли компьютер заменить книгу (используйте определительные словосочетания, включающие прилагательные-антонимы типа *медленный – быстрый, отсталый – передовой, пустой – содержательный* и др.);

д) расскажите об одном из экономических регионов вашей страны (используйте словосочетания типа *черное золото, белый уголь, голубое топливо* и др.);

е) посмотрите любую интересующую вас телевизионную программу. Запишите кратко ее содержание;

ж) передайте содержание любого спортивного репортажа (расскажите о каком-либо спортивном соревновании);

з) расскажите о студенческом вечере, экзаменационной сессии (используйте причастия и причастные обороты);

и) употребляя придаточные определительные предложения: опишите понравившуюся вам картину; расскажите о путешествии, которое вы недавно совершили; напишите небольшой рассказ об обычаях вашей страны.

Вместо заключения

1. Понятие ФСП позволяет организовать языковой материал, сближая изофункциональные средства разных уровней. В нашем случае при обучении выражению атрибутивных отношений объектом изучения оказываются:

а) прилагательные, их разряды и склонение; б) атрибутивные и именные словосочетания, сочетания слов в функции атрибута (платье зеленого цвета); в) признаковые слова разных частей речи; г) предложно-падежные формы существительных, согласованные и несогласованные с определяемым словом; д) модели простых предложений с причастными оборотами, сложных предложений с придаточными определительными и т.д. При этом процесс усвоения языковых средств приобретает творческий характер.

2. Изучение структуры Поля атрибутивности (центр, где находятся основные средства выражения атрибутивной семантики, – периферия, которую составляют языковые единицы, совмещающие основное значение с другими значениями) помогает инофонам выбрать нужные в данной ситуации и наиболее эффективные способы передачи мысли.

3. Изучение микрополей Поля атрибутивности – семантических зон выражения частных значений (более конкретных по отношению к категориальной семантике) – позволяет инофонам осознанно передавать в речи все варианты значений, используя для этого разные языковые средства.

4. Функционально-смысловые категории, лежащие в основе полевой методики, являются психологической основой усвоения русского языка как иностранного.

5. Полевая методика позволяет минимизировать языковой материал в учебных целях, исходя из таких критериев, как частотность, коммуникативная ценность, методическая целесообразность и др.

6. Полевая методика благодаря своей прагматической ориентации обеспечивает высокий уровень мотивации, что весьма важно для изучающих русский язык, особенно для студентов из стран СНГ.

Литература

- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Книга о грамматике. МГУ 2004.
- Лингвистические основы РКИ. СПбГУ 2004.
- Рожкова Г.И. Русский язык в нерусской аудитории. МГУ 1986.
- Рожкова Г.И. К лингвистическим основам преподавания русского языка как иностранного. МГУ 1983.
- ТФГ – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996. Т.5.
- Фурсенко Д.И. Выражение атрибутивных отношений. Справочник по грамматике для учащихся-иностранцев вузов естественно-технического профиля. М., 1975.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Б. Зейнали (Иран)

РОДИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЛЕРМОНТОВА

Родина всегда занимала значительное место в лирике Лермонтова. Обреченный на одиночество герой его лирики напряженно переживал свое отношение к ней. С самого начала, говоря о стране, где «стонет человек от рабства и цепей», он вынужден был с болью признать: «Друг! этот край... моя отчизна» (1829). Имея в виду такую отчизну, Лермонтов в другом стихотворении восклицает:

Изгнаньем из страны родной

Хвались повсюду, как свободой... (1831)

Но устремленность к родине, тяготение к ней не оставляют героя лирики Лермонтова уже в раннем творчестве, например в стихотворении «Желание» (1831), и тем более в зрелый период.

Боюсь сказать! – душа дрожит!

Что, если я со дня изгнанья

Совсем на родине забыт!

Родина раннего Лермонтова влечет к себе, прежде всего, как место рождения и, быть может, смерти:

... я родину люблю

И больше многих: среди ее полей

Есть место, где я горесть начал знать,

Есть место, где я буду отдыхать,

Когда мой прах, смешавшийся с землей,

Навеки прежний вид оставит свой. (1831)

Если творческий путь Пушкина длился двадцать три года и многообразие взглядов на жизнь, на любовь, а также на роль поэта и на поэзию претерпевало изменения и эволюционизировалось, то в лирике Лермонтова такой эволюции нет. Лермонтов пишет с 1828 по 1841 год, всего одиннадцать лет. При жизни его было опубликовано не более тридцати стихотворений. Лермонтов был очень требователен и строг к себе. Тематика лирики его очень разнообразна, а настроение устойчиво. И Пушкин, и Лермонтов – выразители идей своей эпохи.

Лермонтов – продолжатель идейно-художественных традиций Пушкина. Они оба представители того направления литературы, в котором отразились размышления, сомнения, отрицания. Творчество Лермонтова приходится на переходный период в развитии русского общества когда революционные надежды были разрушены. Отсюда и своеобразие его лирики – безотрадность поэзии, одиночество, предчувствие трагической гибели. Однако вера в народ, в его могучие силы во многом помогали поэту побеждать эти настроения, и в лирике его утвердился тема поэтического творчества, тема родины, природы; многие его произведения – горькая дума о судьбах молодого поколения эпохи.

Патриотическая лирика занимает важное место в поэзии Лермонтова. По мнению поэта, отношение к родине определяет положение и человека, и поэта. Лермонтов горячо любил Россию, любил ее так, как лучшие люди того времени – Белинский, Герцен, как позже любил ее Чернышевский, Некрасов, Добролюбов. Любовь к России соединялась в нем с ненавистью к врагам русского народа, с протестом против тирании, крепостного права, насилия над личностью. Мотивы любви к родине встречаются во многих стихотворениях поэта. Всем памятны стихи юного Лермонтова:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

«Русская душа» раскрывается на протяжении всего творчества поэта и имеет глубокий смысл. «Нет, я не Байрон...» (1832) написано уже автором «Поля Бородина» (1830-1831).

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.

Это стихотворение – воплощение мыслей и чувств, живущих в душе поэта-патриота. Знаменитое «Бородино» еще впереди, но здесь выражено живое и пронизательное национальное, патриотическое чувство:

Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Родина – это страна друзей и братьев, «тех добрых, милых, благородных, деливших молодость» лирического героя (1837).

В «Бородине» родина – уже нечто гораздо более значительное. Это – народ, «могучее, лихое племя», «богатыри», отстаивавшие независимость родины, народ в его национально-освободительном значении.

Стихотворение написано в связи с двадцатипятилетием. Написано оно в форме разговора молодого солдата с ветераном – участником войны 1812 года. По существу «Бородино» – рассказ рядового солдата о Бородинском сражении, т.к. только первые семь строк принадлежат его собеседнику. Рассказ ведется эпически, спокойным тоном человека, гордого за свое героическое поколение, но в то же время несклонного к хвастовству и ложным фразам. Лишь изредка речь героя-бойца звучит торжественно:

Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Истинный патриотизм русских людей без позы, без хвастовства отражен в стихотворении. Настроение русских солдат перед сражением показано в нескольких выразительных строках:

Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

Война показана как обыкновенное дело солдат и офицеров, как тяжелая работа на поле боя, когда исполнение долга обрушивает на каждого беспримерные испытания, преодоление которых связано с ранениями, часто смертельными. Лермонтов вновь продолжает традиции Пушкина, развивая концепцию о народе-победителе в Отечественной войне 1812 года. Но сама главная связь «Бородина» со стихотворением Пушкина об Отечественной войне 1812 года («Бородинская годовщина») выражена в конкретно образе народе-победителя. Пушкин вводит образ «русского штыка». Лермонтов следует за Пушкиным, передавая национальный характер войны через тот же образ. «Русские штыки» – в центре стихотворения. Накануне боя: «Кто кивер чистил весь избитый, кто штык точил ...» Но вот начался бой – наряду с конницей, артиллерией вступила в сражение пехота:

Рука бойцов колоть устала...

<...>

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..

Здесь дано определение героического, совершающего подвиги русского солдата-богатыря: «Могучее, лихое племя: богатыри...» – это определение нравственных достоинств простого человека, отсюда и осо-

бый смысл приобретает противопоставление богатырей эпохи Бородина современному поколению:

– Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя:

Богатыри – не вы!

Ореолом высокого героизма окружен образ полковника. В его уста вложены слова, которые столько раз повторяли солдаты в Великой Отечественной войне:

«Ребята! не Москва ль за нами?

Умремте ж под Москвой,

Как наши братья умирали!»

Симпатию вызывает и образ самого рассказчика: в его рассказе отражены те качества, которые мы до сих пор ценим в солдате: готовность умереть за родину, храбрость, вера в победу, гордость за свое поколение. Конечно же, подлинный герой Бородина – это русский народ, «могучее, лихое племя», это одержавшие победу в войне с французами простые солдаты. Именно народу поет славу в своем стихотворении Лермонтов, выступающий как народный поэт.

Утверждая роль народа в исторических событиях, Лермонтов шел по стопам Пушкина («Борис Годунов»), как это делал и Гоголь («Тарас Бульба»). Отрицание какой-либо значимости господствующей части общества у Лермонтова последовательнее, чем у Пушкина и Гоголя. Лермонтов, «умевший рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе» – писал Добролюбов [Добролюбов 1984, т.1: 238].

Чувством гордости за свой народ и свою родину проникнуто юношеское стихотворение Лермонтова «Два великана», в котором также нашли художественное отражение события 1812 года. «Старый русский великан» поджидает «к себе другого из далеких чуждых стран». «Русский витязь» – «старый русский великан» – спокоен, невозмутим, как будто заранее знает исход борьбы, по-богатырски могуч. Ему достаточно тряхнуть «главою», чтобы дерзкий пришелец оказался поверженным. Довершает представление о нем образная деталь: «в шапке золота литого», что уподобляет великана златоглавому Московскому Кремлю. «Великан» – воплощение силы всей Руси, но прежде всего Москвы, что не сдалась и не покорилась французам. Сила же и храбрость «пришельца» – проявление безрассудной дерзости. В гордости, с какой Лермонтов пишет о победе «русского великана», проявляется его патриотизм, любовь к воинской славе отечества.

Многие стихи Лермонтова стали новым явлением в русской поэзии, ибо в них звучат гражданское негодование и протест против окружающей его николаевской действительности, которая губит самых талант-

ливых. Трагической гибели Пушкина посвящено стихотворение «Смерть Поэта». Первая часть его напоминает элегию, где автор скорбит о гибели дивного гения, который был славой и гордостью России. Лермонтов хорошо знал не только творчество Пушкина, но и его последние, трагические годы жизни. Поэтому он пишет и о его неравной борьбе со светом, с высокопоставленными чиновниками, знавшими «его свободный смелый дар», потворствовавшими убийству великого гения русской поэзии. Боль, горечь и ненависть к свету выразил автор во второй части стихотворения.

Высший свет, по мнению Лермонтова, – это «приличьем стянутые маски», и часто в мечтах поэт уходит от них в прекрасное прошлое. «Как часто, пестрою толпою окружен...» – вспоминает Лермонтов о дорогих, родных тархановских местах:

Родные все места: высокий барский дом

И сад с разрушенной теплицей.

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,

А за прудом село дымится – и встают

Вдали туманы над полями.

Когда-то здесь поэт плакал и любил, но он знает, что невозможно жить только привязанностью к «недавней старине». Как бы ни была она прекрасна. Автор-борец, он не может быть пассивным в жизни, погружаться в прошлое. Его оружие – поэтическое слово, и, пользуясь им, он написал одно из самых сильных стихотворений «Прощай, немытая Россия». Оно проникнуто ненавистью к царю, жандармам – «голубым мундирам», и горечью патриота, упрекающего народ за послушание. Итак, Лермонтов в конце своей жизни воспринимал Россию «страной рабов, страной господ». В лирике Лермонтова истинное чувство любви к отечеству противопоставляется казенному патриотизму. Он осуждает официальную Россию, бросает ей вызов, который выражен в дерзости, в открытости обвинения. Никаких намеков, иносказаний, осторожности – все выражено прямо и открыто. Ту Россию, какую царь и его идеологи не разрешали именовать иначе, как «великая, державная, могучая», Лермонтов называет «немытой», он видит в ней рабскую страну с обманутым, запуганным полицейской слежкой народом. Он прямо говорит о неусыпном жандармском сыске; являющемся отличительным свойством именно николаевской империи. Патриотическое чувство поэта, которое было таким ясным в «Бородине» и «Двух великанах», здесь гораздо сложнее: истинная любовь к родине заставляла Лермонтова не только восхищаться ее героическим прошлым, не только грустить по ней в разлуке, но и негодовать и возмущаться тем положением, в каком находилась Россия в эпоху самодержавия и жандармского произвола.

Большое место в поэзии Лермонтова занимает и прямое выражение любви к родине. Если в стихотворении «Прощай, немытая Россия» зву-

чит ненависть, сарказм, сатирическое обличение господствующих классов, то в ряде других стихотворений поэт выразил свою любовь к подлинной России, к России-Отчизне. Одним из лучших образцов патриотической лирики поэта является стихотворение «Родина», написанное в 1841 году. «Это стихотворение является итогом эволюции Лермонтова, которая проходила в атмосфере активного освоения пушкинских открытий, и прежде всего его народности» [Макогоненко 1987: 300].

13 марта 1841 года Белинский писал Боткину: «Если будет напечатана его «Родина» – то, аллах керим, – что за вещь – пушкинская, то есть одна из лучших пушкинских» [Белинский 1954, т.12: 35]

В «Лермонтовской энциклопедии» об этом стихотворении сказано: «...создан живой поэтический образ России, основное содержание которого – русская природа и народная жизнь... возникает образ русской деревни, дорогой автору, но бесконечно далекий от романтических образов ранних произведений. Для Лермонтова родина – в жизни народа, в его простом быту, разнообразные детали которого поэт как бы перебирает в памяти «с отрадой» и любовью» [Лермонтовская энциклопедия 1981]. Тема стихотворения определяется самим названием: «Родина». Это уже не Россия в «голубых мундирах», а страна русского народа, отчизна поэта. Поэт называет свою любовь «странной».

«Люблю отчизну я, но странною любовью!». Эта любовь непохожа на казенный патриотизм правящих классов. Он складывается из горячей любви поэта к русскому народу и любви к родной русской природе. Стихотворение воссоздает картины родной природы: холодное молчание степей, «лесов безбрежных колыханье», «подобные морям» разливы рек. Родная природа величественна.

Далее мысль поэта обращается к народу: «Проселочным путем люблю скакать в телеге». «Проселочный путь» приводит нас в деревню, и возникает образ жизни русских людей, трогательный образ русской деревни:

И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Поэту близка и понятна жизнь простого русского народа, дорого всё, что связано с жизнью русского крестьянина:

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;

Перед взором лирического героя предстает народ в будни и в праздники.

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов

На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Добролюбов, имея в виду это стихотворение, писал, что Лермонтов «понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно» [Добролюбов 1984.т.1: 238].

У.Р. Фохт пишет: «В этом стихотворении Лермонтова, как и во многих других, мы находим органическое слияние думы с лирическим проникновением в предмет ее. Мысль развивается, идя от несколько отвлеченной трактовки темы к совершенно конкретному ее решению.

В основе – логическое развитие темы: лексической анафорой подчеркнуты отрицаемые основания любви к родине («ни ..., ни ..., ни ...»), троекратным повтором слова «люблю» утверждается реальное ее содержание. Эмоциональная насыщенность достигается, следовательно, не прямым названием отвергаемых оснований чувства родины, а указанием на их внутренние эквиваленты (слава, покой, мечтания), переходом к рисуемой с помощью тропов русской природе, которая является предпосылкой подлинного чувства родины («степей...молчанье», «лесов...колыханье», «разливы рек ее, подобные морям»). Дальнейшее развитие темы, утверждение чувства любви к родине дается точным описанием картины («дрожащие огни печальных деревень», «дымок спаленной жниввы», «в степи ночующий обоз», «полное гумно», «изба, покрытая соломой», «с резными ставнями окно», «пляска с топаньем и свистом»), где это точное описание пронизано лирическими нотами, раскрывающими тяготение героя к изображаемому («люблю», «вздыхаю», «с отрадой вижу», «смотреть до полночи готов») [Фохт 1975: 63].

Лексика стихотворения, вначале литературно-книжная («рассудок», «слава, купленная кровью»), в последней части сменяется простой разговорной речью («скакать в телеге», «дымок жниввы», «говор пьяных мужичков»). Русская природа, представленная вначале в ее суровом величии, потом предстает в трогательном образе «четы белющих берез». Шестистопный и пятистопный ямб сменяется в стихотворении четырехстопным. Разнообразна и рифмовка – чередующаяся, охватывающая и парная рифма. Так, в одном стихотворении Лермонтов смог выразить движение глубокой мысли, раскрытой в многообразном эмоциональном освещении средствами многокрасочной словесной палитры.

Образ поэта в «Родине» – образ глубоко любящего родину русского передового человека 40-х годов XIX века. Белинский назвал «Родину» пушкинским стихотворением, потому что Пушкин первый показал, что значит подлинный реализм в поэзии, а Лермонтов в «Родине» – поэт-реалист. Это стихотворение высоко оценил Добролюбов: «Лермонтов обладал, конечно, талантом и, умевший рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение «Родина», в котором он становится решительно

выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к Отечеству истинно, свято и разумно» [Добролюбов 1984.т.2: 263].

Стихотворение «Родина» говорит о повороте творчества Лермонтова в сторону революционно-демократической поэзии. Лермонтов посмотрел на жизнь родины глазами народа. Гениальное стихотворение «Родина» является прекрасным примером лермонтовской народности. Лермонтов смог сурово оценить официальную, державную отчизну и открыть для себя и понять Россию народную, которая оказалась обретенной родиной.

Литература

- Бродский Н.Л. «Бородино» Лермонтова и его патриотические традиции. М.-Л., 1974.
- Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954.
- Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. М., 1990.
- Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1984.
- Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4-х т. М., 1983.
- Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
- Ломинадзе С.В. Поэтический мир Лермонтова. М., 1985
- Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.-Л., 1964.
- Макогоненко Г.П. Лермонтов. Л., 1987.
- Пирогов Г.П. Лирика Лермонтова. Вопросы русской литературы. Ученые записки МГПИ им.В.И.Ленина, № 315. М., 1969.
- Скатов Н.Н. Родина в поэтической концепции Лермонтова, Тютчева, Некрасова. В кн.: Проблемы реализма. Вологда, 1966.
- Соколов А. Художественный образ в лирике Лермонтова. В кн.: Творчество М.Ю. Лермонтова. М., 1964.
- Фохт У.Р. Лермонтов. Лирика творчества. М., 1975.

**ПЕЙЗАЖ У ДОСТОЕВСКОГО И БАЛЬЗАКА:
«ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» И «КРЕСТЬЯНЕ»**

В заглавии данной статьи называются два писателя, чьи подходы к передаче картин в словесном искусстве совершенно различны. Пейзажи Бальзака бесконечно роскошны и длинны, тогда как пейзажи Достоевского настолько лаконичны, что многие исследователи не замечают их вообще. Однако вряд ли можно отрицать как влияние на Достоевского Бальзака-художника в частности, так и влияние французской литературы и философии в целом: ведь одним из первых шагов Достоевского на литературном поприще был перевод на русский язык «Евгении Гранде» Бальзака. Цель данной работы – показать, что Бальзак и Достоевский исходят из аналогичных художественных и философских принципов, выработанных в основном французскими мыслителями, но эти принципы воплощаются в совершенно различных художественных средах, и писатели приходят к совершенно различным выводам.

Обращаясь к теме пейзажа в литературе, надо помнить, что в XVIII-ом и XIX веках возник и развивался миф, которому предстояло влиять на историю Европы и на мир в течение будущих столетий, и даже сегодня нам приходится иметь дело с его отзвуками, хотя исторические корни современных идеологических течений не всегда очевидны. Руссо, выдвинув понятие естественного человека, провозгласив презрение к цивилизации, дал будущим поколениям французских и европейских писателей представление о природе как начале положительном, благом, добром, и о простых людях, связанных с природой, как о существах благородных, возвышенных и, в целом, как о средоточии всего, что исчезло из душ и сердец образованных людей из-за губительного влияния нашей так называемой цивилизации. Как следствие, природа и народ в своей незамутненной форме представляют идеал, к которому должно стремиться. Они противостоят цивилизованным людям, которые давно потеряли способность быть едиными с природой. В такой философии пейзаж играет ключевую роль в искусстве и литературе, потому что он дает нравственные и религиозные вехи, на которые следует ориентироваться и к которым должны стремиться образованные люди. Отказываясь от ложных благ и преимуществ цивилизации и культуры и вырабатывая в себе восприимчивость к красоте природы, человек может стать лучше.

Именно вышеописанный миф о народе Достоевский, как писал Джозеф Франк, впитал из произведений французских писателей, таких, как Жорж Санд, и именно этот миф был разбит, когда Достоевский на личном опыте узнал народ, оказавшись в омском остроге (Франк 91-92), и с неотступным ужасом и честностью описал в полуавтобиографическом романе «Записки из Мертвого дома». Достоевскому понадобилось

почти шестнадцать лет, чтобы вернуться к руссоистскому взгляду на народ.

В 1837 году, более чем за двадцать лет до того, как Достоевский начал писать «Записки», Бальзак начал свой роман «Крестьяне», который он называл самым значительным из задуманных им (Бальзак 18:6). В 1844 г. в газете «Ля пресс» была опубликована первая часть, но затем публикация была прекращена, и газета стала печатать «Королеву Марго» Дюма. Роман был издан только в 1855 г., пять лет спустя после смерти Бальзака, и последние шесть глав дописала вдова писателя. Она отталкивалась от плана романа, написанного самим Бальзаком. И хотя завершение романа довольно отрывочно, основные акценты видны уже из частей, написанных самим Бальзаком. Описание крестьян в романе предвосхищает открытия Достоевского в «Записках», и оно представляет собой резкий отход от традиционного поклонения народу. Хотя Бальзак больше интересуется социальные корни явлений, которые он видит, а Достоевский стремится раскрыть онтологические корни феноменов, оба романа дополняют друг друга, и в то же самое время между ними существуют важные различия в идеях и их художественном воплощении.

В романе Бальзака его повторяющийся персонаж Эмиль Блонде посещает имение генерала Монкорне и становится свидетелем непрестанной борьбы между генералом с одной стороны и крестьянами и мелкими буржуа из соседнего городка – с другой. Цель этой борьбы – убрать генерала Монкорне из имения. Землю планируется поделить между победителями в этой нечестной борьбе. Роман начинается с восторженного семистраничного письма Блонде, где содержится описание имения генерала, а за ним следуют еще несколько страниц, описывающих собственно особняк. С самого начала читателю дают понять, что стоит на кону – земля и ее красота, от которой захватывает дух, и эта красота перестанет существовать, если победят крестьяне и буржуа.

Роман Достоевского также начинается с описания природы и жилья, но природа описана так кратко, что это описание почти незаметно. Мы читаем краткое описание тюрьмы и земли вокруг.

Острог наш стоял на краю крепости, у самого крепостного вала. Случалось, помотришь сквозь щели забора на свет Божий: не увидишь ли хоть что-нибудь? – и только и увидишь, что краешек неба да высокий земляной вал, поросший бурьяном, а взад и вперед по валу, день и ночь, расхаживают часовые. <...> увидишь <...> тот же маленький краешек неба, не того неба, которое над острогом, а другого, далеко-го, вольного неба (Достоевский 4:9).

Оба описания – пространное у Бальзака и краткое у Достоевского – оказываются ключом каждое к своему роману. Бальзак влюблен в пейзаж как таковой. Жан-Жак, как называет Бальзак Руссо в кратком предисловии к роману, оставил четкий след в душе Бальзака, восхищающегося идиллическими картинками. И все же, отходя от руссоистских взглядов, Бальзак понимает, что природная среда и населяющие ее люди по сути

оторваны друг от друга. Как мы видим из дальнейшего развития событий в романе, образованные люди либо не обращают внимания на эту красоту, либо смотрят на нее как на картину в музее, не ощущая глубокой внутренней связи с ней. Крестьяне совершенно не способны оценить эстетическую сторону мира и сосредоточены только на том, чтобы грабить землю и ее владельцев. Их интересует только доход, который они могут извлечь из земли. Перед нами разворачивается великая социальная борьба, происходящая на фоне прекрасной земли, и жертвой борьбы станет эта красота, и единственный человек, который может понять степень этой утраты – это сам писатель, поскольку ни землевладельцев, ни крестьян не интересует ничего, кроме их выгоды.

Достоевский обращается со своими пейзажами иначе. Его пейзажи почти незаметны, но не потому, что их нет, а потому, что они целиком включены в описание мира людей. Достоевский рисует отношения между людьми и природой скорее в философском, нежели в чисто социальном ключе. Природа свободна, а человек несвободен. Для Достоевского сущность истинной свободы была одним из самых болезненных вопросов, которыми задаются его герои, и чаще всего они делают чудовищные ошибки, которые приводят к их духовной и физической гибели. Поэтому уже в «Записках из Мертвого дома» Достоевский с самого начала вводит тему свободы, как социальной, так и духовной, и старается как можно четче объяснить, какую свободу он считает истинной, но объясняет он это не непосредственными высказываниями своего мнения, а выстраивая тонкую цепочку аллюзий на предшествующие произведения русской литературы, на поэзию Пушкина и Лермонтова. Достоевский всегда считал Пушкина человеком, обнявшим в своих произведениях все человечество, а Лермонтов с его богоборческим романтизмом был великим философским противником Достоевского на протяжении всего его творческого пути. Используя слова «вольное небо», Достоевский вводит аллюзии на «Узника» Пушкина и на «Пленного рыцаря» Лермонтова, где также встречаются эти слова, но в разных сочетаниях. Стихотворение Пушкина, написанное в 1822, описывает узника и его товарища, орла, клюющего кровавую пищу; и узник, и орел стремятся бежать из заключения. «Пленный рыцарь» Лермонтова (1841) повествует о рыцаре в темнице, который смотрит на вольных птиц в небе и стыдится самого себя, потому что он желает уже не свободы, но только смерти. В критике часто отмечалось, что радость пушкинского героя по поводу предстоящего побега омрачается, с точки зрения читателя, образом кровавой пищи, которая предвещает, возможно, полную преступлений жизнь на свободе, и свобода, таким образом, окажется ложно понятой свободой. В этом случае стихотворение Лермонтова оказывается концом такой вот веселой вольной жизни, и этот конец – отчаяние и духовная смерть, которые делают смерть физическую еще более желанной. Зловещий орел, зашифрованный в тексте «Записок из Мертвого дома» путем аллюзии на стихотворение Пушкина, дважды появляется собственно в романе Достоевского. Первый раз – в образе

каторжника Орлова, истинно нищеанского сверхчеловека, совершающего преступления без всяких угрызений совести. Орлов умирает в остром госпитале после жестокого наказания, но вплоть до самой смерти он надеется бежать. Второй раз – в образе настоящего раненого орла, которого арестанты подбирают, но потом все-таки выпускают обратно на свободу, хотя орел там явно не выживет. С самого начала Достоевский постулирует два типа свободы, обозначаемые в русском языке двумя словами – «свобода» и «воля», и дает понять, что одно из этих понятий, «воля», – всего лишь скрытое рабство, подчинение собственным страстям и желаниям, тогда как «свобода» – истинная свобода выбора между добром и злом, выбора, который должны делать люди. Природа тоже мечется между этими двумя полюсами, но она никогда не воспринимается как равнодушная к человеческой борьбе. Природа – это прежде всего Божий мир, пусть даже это мир после грехопадения, и, будучи таковой, природа не безразлична к Божьим тварям и не оторвана от них. Достоевский заявляет об этом четко и прямо, говоря о «Божьем мире» в самых первых строках «Записок». Позже, в «Братьях Карамазовых», старец Зосима расскажет историю смерти своего брата Маркела, и в его словах природа становится воплощением умиротворенной красоты Божьего мира, где каждая травинка, каждый зверь и каждая пташка по-своему воспевают Бога. В «Записках по Мертвого дома» подчеркивается скорее неукротенная, бурная сторона природы. Орел, попадающий в острог, арестант Орлов, похожий на хищную птицу своим именем и свирепостью, и далее, свободное, а вернее, вольное небо воплощают в себе ту сторону природы, которая не подчиняется человеческим законам и представляет собой нечто, к чему люди могут стремиться, но что они не могут и не должны достигать. В этой стороне природы есть нечто от ветхозаветной книги Иова, где природа полна странных и загадочных созданий, таких, как Бегемот и Левиафан, представляющих собой вызов для творческого потенциала человека, не подчиняющихся никому, кроме самого Бога. В «Записках из Мертвого дома» природа связана с жизнью человека гораздо теснее, чем у Бальзака в «Крестьянах», и у Достоевского природа являет собой не только идеалы, но и искушения человеческой жизни.

Роман Бальзака развивается по двум линиям, одна посвящена обитателям поместья, другая – крестьянам и горожанам, и, рисуя вторую группу, Бальзак безжалостен, он не жалеет язвительных красок. Здесь нет руссоистского поклонения народу. Здесь нет ничего, кроме отвращения к его грубости, неблагодарности, хитрости и животных инстинктам. Возникает впечатление, что при создании образов крестьян Бальзака вдохновляли йеху Джонатана Свифта, с той только разницей, что крестьяне Бальзака обладают не только животной жестокостью, но и талантом к интриганству и предательству. Крестьяне также замечательно склонны объединяться, если только это обещает им значительную прибыль, и тогда они всей стаей нападают на тех, кто стоит между ними и этой прибылью. Генерал Монкорне так никогда и не узнаёт, что весь

город и все крестьяне вступили в заговор против него, но это известно читателю, который видит весь механизм интриги. Действия горожан и крестьян становятся жестокой пародией на руссоистские взгляды на людей, объединяющихся в «общественный договор», чтобы достичь мирной и благополучной жизни. В романе Бальзака люди не объединяются, они вступают в заговор, чтобы совершать преступления – от обмана и воровства до изнасилования. Нечего и говорить, что им сопутствует полный успех. В конце романа, когда Эмиль Блонде смотрит на землю, где раньше было имение, и которая теперь превратилась в пахотную землю, что уничтожило ее чарующую красоту, он вспоминает Жана-Жака и его «Общественный договор», отказываясь иметь что-либо общее с такой «социальной машиной» (Бальзак 18:334). И хотя конец романа написан не самим Бальзаком, но его вдовой, вполне адекватно замыслу романа то, что семистраничное описание пейзажа в начале романа в конце его превращается в один абзац, описывающий, во что превратилось поместье. Природа пала жертвой общественного прогресса человечества. Эта фраза напоминает высказывания современных экологов, но современных экологов и французского писателя 19-ого века волновали совершенно разные вещи. Для Бальзака, в отличие от экологов 21-го столетия, вопрос стоял не о физическом выживании человечества. Его волновал прежде всего вопрос духовного выживания, которому угрожают описанные в романе события. В конечном итоге общественные вопросы отступают на задний план под напором проблемы разрушения эстетического начала, которое все еще неразрывно связано с началом этическим. Видя гибель имения Монкорне, мы постепенно понимаем, что для Бальзака красота природы и способность понимать и ценить красоту природы означают гуманистические и культурные достижения человечества. Под угрозой оказывается не собственно природа, но человечность самого человечества, и эта человечность постепенно исчезает.

Роман Достоевского движется в значительной степени в том же направлении. По мере того как его герой Горяничков привыкает к жизни в остроге, он понимает, что его благородные представления о народе были ложными, но не в общественно-политическом отношении, в отличие от романа Бальзака. Один из героев наставляет Горяничкова относительно истинной причины пропасти, отделяющей дворян от крестьян: «Да, дворян они не любят <...> вы и народ другой, на них не похожий» (Достоевский 4:28). Горяничков открывает для себя тот факт, что крестьяне живут в другом мире, наполненном коллективным мирозерцанием, в мире, не знающем личной ответственности, не знающем раскаяния, не знающем истинной индивидуальности и не желающем становиться частью мира Горяничкова и что-либо знать об этом мире. Бальзак заменил «общественный договор» заговором, а Достоевский понял, что соборность, религиозное единение в Боге, которое славянофилы видели в душе русского народа, на самом деле было остатком архаического мировоззрения, которое мешало народу по-настоящему

понять христианство и христианское представление о единстве всех в Боге. Только в 1876 г., в «Дневнике писателя», Достоевский вернется к этой идее, снова будет настаивать на том, что люди в остроге раскаивались в своих преступлениях, что им известна была личная ответственность, но в 1860 г., когда его острожные воспоминания были еще свежи, он не мог заставить себя провозглашать русский народ народом-Богоносцем. Скорее, в этом романе мужики-арестанты связаны с миром природы, столь же вольным, как они, и народ здесь – не идеал, но искушение жизнью, проживаемой по собственной воле, без всякого интереса к другим.

Однако Достоевский не обрывает свой роман на этой мрачной ноте. Его прежде всего интересует онтология, и он ставит перед своими героями цель найти в мире взаимосвязанность, то, что в русской культуре называется всеединством, найти истинную соборность, и для Достоевского мир людей и мир природы тесно связаны, отражают друг друга и влияют друг на друга. Общий корень всего существующего в Боге дает надежду на преобразование природы из искушения в идеал, преобразование ее из вольного мира в соборную идиллию общей молитвы. Краткий эпизод празднования Рождества дает надежду на то, что эта идиллия может сбыться, стать реальностью.

Бальзак и Достоевский исследуют одни и те же идеи, сражаются с одними и теми же закосневшими представлениями, пользуются сходными художественными стратегиями, но творят на разных уровнях интерпретации мира. Бальзака интересует прежде всего социология, что не дает ему особой надежды на примирение и спасение для людей и природы. Оставаясь в рамках социологии и антропологии, как, например, в «Записках из Мертвого дома», Достоевский занимает практически ту же позицию, что и Бальзак. Только в своих поздних произведениях, переходя в сферу онтологии, он смог найти решение проблемы всеобъемлющего единства мира, где люди и природа – одно и где они не уничтожают себя и других.

Литература

Ф.М.Достоевский. Собрание сочинений в 30-ти тт. Л., 1972.

О. де Бальзак. Собрание сочинений в 24-х тт. М., 1960.

Frank, J. *Dostoevsky. The Years of Ordeal. 1850-1859.* (Princeton University Press, 1983).

РИТМ И СМЫСЛОВЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ВЕЛИМИРА
ХЛЕБНИКОВА «ЗАНГЕЗИ»

Между 1920 и 1922 годами в рамках художественного направления, названного русским кубофутуризмом, поэт Велимир Хлебников создал свой пространственный текст «Зангези». В этом произведении Хлебников, уже на склоне жизни, доводит до крайности эксперименты в области фонетики, которые он до тех пор проводил вместе с другими русскими поэтами-авангардистами (например, с Крученых). Много и в то же время недостаточно было сказано об экспериментах с так называемой *заумью*. Много было сказано, потому что предложенные русским авангардом нововведения и отход от традиций вызвали интерес не только у признанных российских языковедов, но и у их зарубежных коллег. С другой стороны, исследования этой особенности да, впрочем, и других особенностей, творчества авангардистов нередко основывались на упрощённом взгляде на методику стихосложения, которая рассматривалась лишь как попытка создать язык, абсолютно лишённый смысла. В «Зангези» автор не ограничивается простыми фонетическими экспериментами, которые могли бы стать лишь одной из особенностей стихосложения, присущих данному произведению. Нельзя отрицать тот факт, что именно благодаря языку «Зангези» постоянно упоминается исследователями поэзии авангарда и языковедами, когда заходит речь о творчестве Велимира Хлебникова. В качестве примера использования *зауми* рассмотрим отрывок из девятой части «Зангези», в которой автор создаёт некое подобие мантрического гимна, пропетого главным героем. В нём звучит сразу несколько слов, оканчивающихся на «ум»: «Благоесть в ум! Большой набат в разум, в колокол ума! Все оттенки мозга пройдут перед вами на смотру всех родов разума. Вот! Пойте все вместе за мной! / Гоум. Оум. Уум. Паум. Соум меня / И тех, кого не знаю. / Моум. Боум. Лаум. Чеум. (...) / Проум. Праум. Приум. Ниум. Взум. Роум. Заум. Выум. Воум. Боум. Быум. (...) Помогайте, звонари, я устал». Само слово «ум», связанное с понятиями «разума» и «разумности», в сочетании с различными префиксами, используемыми автором в своём «магическом» гимне, не позволяет нам быть лингвистически недалёковидными и рассматривать приведённый отрывок лишь как «игру» в слова, абсолютно «лишённую смысла».

Мы говорим о произведении, о тексте, но до сих пор не выяснили, к какому, в конце концов, литературному жанру «Зангези» может принадлежать. В тексте излагается сага о пророке Зангези, который попадает в мир, наполненный странными звуками и речью богов, людей, животных и даже «оживлённых» букв алфавита. Именно в этом месте своего произведения Хлебников использует *заумь*. Перед нами произведение, представляющее собой сплав лирики, драмы и эпоса и сочетающее

поэтическую и прозаическую формы. Сам автор вводит новый жанр для классификации своего текста и во введении называет его сверхповестью. Он говорит, что повесть строится из слов, которые, будучи независимыми элементами, объединяются и образуют предложения, из которых, в свою очередь, уже складывается повествование. В таком случае, сверхповесть должна состоять из блоков, или небольших независимых повествовательных единиц, обладающих собственным внутренним устройством и характерными особенностями; единство организуется за счёт связи этих блоков, которые функционируют наподобие слов, составляющих предложение. Это вступительное замечание Хлебникова привносит в «Зангези» элементы жанра литературного эссе. Создание фрагментарной композиции (которая зачастую отсылает нас непосредственно к эстетике кубизма), реализующей сложную жанровую структуру, и становится, на наш взгляд, основной задачей автора при написании этого произведения (а *заумь*, таким образом, не более чем его вторичный элемент).

При помощи фрагментарной композиции автор стремится добиться макроструктурного единства независимых блоков текста. Использование в произведении элементов различных жанров способствует достижению единого смысла. Анализируя приведённые выше слова автора, можно заключить, что «Зангези» — это произведение, написанное как большая «синтаксическая конструкция». Известный ученый Юрий Лотман уже обращался к изучению этого типа стихосложения в своей книге «Структура художественного текста», в которой, например, рассматривал «соположение разнородных элементов» как один из принципов создания художественных произведений самой различной природы и сравнивал использование его в поэзии и в прозе, а также при монтаже в кино.

Из двадцати одной взаимозависимой плоскости, которые составляют сверхповесть «Зангези», пятнадцать представляют собой стихотворные тексты. В одних случаях вся плоскость представлена в виде большого стихотворения (например, Плоскость XIV), в других лирические отрывки соседствуют с эпическим или драматическим текстом (например, в Плоскости VI). Важно отметить, что несмотря на чередование различных жанров и даже использование стихотворений в качестве «реплик» драматического текста (а это заставляет нас думать, что существует определённое доминирование драматического рода над родом лирическим в общей композиции произведения), стихотворный текст присутствует в большинстве плоскостей и проявляет себя как фактор внутренней организации сверхповести. В то же время с точки зрения теории мы знаем, что основным принципом построения поэтического текста традиционно считается ритм.

Рассмотрев небольшой фрагмент из Плоскости XIX «Зангези», в котором к главному герою подводят коня, после чего он скачет по направлению к городу, можем видеть, как, в данном случае на микроструктурном уровне, проявляется ритмическая структура текста. В при-

ведённом ниже отрывке со всей очевидностью наблюдается ритмическое чередование стоп, хотя здесь уже и отсутствуют наиболее радикальные фонетические эксперименты, свойственные *зауми* (мы обращаем внимание на этот факт, потому что в вышеприведённом фрагменте, представляющем собой мантрический гимн, не можем не отметить, что даже при использовании *зауми* заметно стремление к определенному ритму, который здесь создается повторением ударного слога в конце каждого слова, а также ритмическими сдвигами или сдвигами ожидания, вызываемыми стихами с комментариями главного героя). Соотношение между обозначающим и обозначаемым в приведённом ниже отрывке приближает его к обычной речи:

*Иверни выверни,
Умный изрень!
Кучери тучери,
Мучери ноцери,
Точери тучери, вечера оче-
ри.
Четками чуткими
Пали зари.
Иверни выверни,
Умный изрень!
Это на око
Ночная гроза,
Это наука
Легла на глаза!
В дол свободы
Без погонь!
Ходы, ходы!*

Добрый конь.

*(Он едет в город.)
Я, волосатый реками!
Смотрите, Дунай течет
У меня по плечам!
И, вихорь своевольный,
Порогами синее Днепр.
Это Волга блеснула синими
водами,
А этот волос длинный,
Беру его пальцами,-
Амур, где японка
Молится небу
Во время бури.*

Пространство как элемент повествования в «Зангези» является чрезвычайно важным элементом, тесно связанным с ритмическим рисунком текста. Когда главный герой, находясь в волшебном пространстве леса, вступает в контакт с богами и животными, *заумь* проявляется более явно и подчиняет стихотворный ритм чередованию ударных слогов, что приводит к усилению напряжённости, динамики и скорости чтения. Можно сказать, что ритм становится «репликой» особого рода, которая изначально недоступна пониманию человека, являясь неким волшебным или околдовывающим языком (рискуем назвать его «божественным»). Возвращаясь к приведённому выше отрывку, считаем необходимым показывать, как ритм и звуковые особенности первой части, связанные со смысловым планом текста, воспроизводят начальные моменты движения верхом на лошади. Более важно отметить, каким образом ритмический рисунок, используемый для этой цели, сохраняется на структурном уровне посредством целого набора поэтических средств, таких как аллитерации, повторения или редупликации, не

говоря уже о рифме и самом распределении слоговых ударений. Два слова первого стиха («ивёрни выверни») находятся в прямом звуковом соответствии со всеми словами, расположенными в стихах с третьего по пятый, при этом отношение ударной гласной «е» и конечной «и» порождает эхо (повторяется и согласная «р»). Однако сочетание согласных, которое наблюдается в двух словах начального стиха («ивёрни выверни»), уже не встречается в оставшихся трёх указанных стихах, в которых используются слова, образованные главным образом простыми бинарными парами согласная/гласная: «Иверни выверни», затем «Кучери тучери / Мучери ночери / Точери тучери, вечера очери».

Благодаря своему ритмическому рисунку первый стих указывает на начало движения верхом, и это движение становится ещё более отчётливым в третьем стихе и достигает скорости «галоп» в четвёртом стихе, в котором ритм остаётся прежним, но подчёркивается за счёт повторения. Сходные стихи написаны одинаковым размером – одностопным ямбом и анапестом. Игра с читательским ожиданием ритма обозначена прерыванием одинаковой структуры во втором стихе (мы можем это назвать «процесс-минус», согласно терминологии Юрия Лотмана и других исследователей ритма). Отсутствие анонсированного размера имеет свою эстетическую ценность, так как начальное воспроизведение движения прервано, чтобы перед нами сразу же появилось выражение постепенного увеличения скорости при возврате к начальному размеру, которое будет иметь свою кульминацию в длинном пятом стихе. Также важно подчеркнуть, что дословное повторение двух первых стихов в стихах восьмом и девятом завершает небольшой ритмический цикл внутри этого небольшого стихотворения и является своего рода анонсом ещё более симметричной второй части, в которой начальные стихи со структурой трохей/ямб («Это на око / Это наука») чередуются со стихами, написанными одностопным ямбом и анапестом («Ночная гроза / Легла на глаза»).

Вместе с перенесением в «человеческий» мир околдовывающий ритмический рисунок начинает терять свои свойства, и становящийся всё более прозаичным язык находит своё выражение через «реплики» менее возвышенные (и приближающиеся к обычной речи). Мир людей управляется разумом, и разумность, в плане языка, приводит к обузданию поэтического ритма «Зангези». Вследствие этого почти полностью исчезают «непонятные» элементы *зауми*. Даже рифма во втором стихотворении (оставаясь, тем не менее, рифмой) становится менее систематической и симметричной. Краткости воспроизведения поездки верхом в первом тексте, противопоставлено развернутое повествование во втором стихотворении (из которого мы предлагаем в качестве примера лишь начало), состоящем из более чем ста пятидесяти стихов, структурированных по типу современного свободного стиха.

Ритмическое чередование между этими двумя стихотворениями является собой пример особого подхода автора к композиции произведения. Ритм первого прерывается в самом начале, и это изменение приводит к

тому, что отрывки соотносятся между собой. Другими словами, ритм имеет определённую смысловую нагрузку (применительно к степени «волшебности» персонажей и самой истории, а также в отношении к степени её повествовательности) и структурирующую функцию (применительно к сегментированию текста на блоки подобных стихов). Эта сегментация текста посредством ритма приобретает ещё большее значение, если мы рассматриваем «Зангези» как большой текст, состоящий из независимых малых блоков. На протяжении всего произведения постоянно наблюдаются изменения ритма, которые подчиняются определённым правилам, как микроструктурным (действующим внутри самих стихотворений), так и макроструктурным (существуют чередования, которые могут быть зафиксированы лишь при отдельном анализе свойств каждой из плоскостей произведения). Ритм выполняет здесь роль элемента, объединяющего фрагменты в единое целое.

Таким образом, чередование коротких и длинных блоков происходит не только на уровне отношений между различными частями «Зангези», но и внутри самих стихотворений за счёт включения «прозаических» стихов, вызывающих сбой ритма во фрагментах с отчётливо выраженным коротким размером стиха. Эти смены ритма характеризуют чтение текста как единого целого и, будучи разбросанными (пусть несимметрично) по различным частям произведения, соотносят эти части между собой, а также с тем цельным текстом, который они составляют. Вместе с тем изменения ритма играют свою роль в различении фрагментов повествовательных и описательных, то есть в большей степени апеллирующих к разуму (стихи более длинные и медленный ритм), и фрагментов, исполненных магических и мифических действий и ситуаций (стихи более короткие, ритм быстрый и четкий), а также фрагментов, в которых контекст требует введения новой структуры (к примеру, в стихотворении, в котором Зангези начинает скакать на лошади в город). Если мы не можем сказать, что в «Зангези» наблюдается возврат к традиционным поэтическим формам (в строгом смысле слова, действительно, этого нет), то можем, тем не менее, отметить, что процессы, демонстрирующие отход от традиции, идут всё ещё под знаком самой традиции, и это видно, если обратиться к микроскопическому анализу элементарной структуры ритма в каждом стихе, в каждом звуковом сочетании. Таким образом, ритмическое единство произведения достигается за счёт отношений между этими различными составляющими метрико-ритмической системы внутри стихотворений, входящих в состав произведения, а также между блоками или частями, составляющими это произведение. Воспользовавшись приведёнными выше отрывками лишь в качестве краткой иллюстрации, мы попытались продемонстрировать, что Хлебников создаёт целую систему макро- и микроструктурных ритмических отношений, которая подспудно присутствует по ту сторону чисто развлекательной стороны фонетических экспериментов, вызвавших такой интерес исследователей и критиков авангардной литературы во всём мире. Ещё раз повторим, что ритм здесь проявляется как

принцип, который, имея в качестве отправной точки план выражения, организует всю смысловую композицию текста, а также как принцип, благодаря которому автор достигает единства своей большой «синтаксической конструкции».

Литература

Гаспаров М. Л.. Очерк истории русского стиха. М., 2002.

Гаспаров М. Л.. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001.

Иванов В. В., Паперный З. С., Парнис А. Е.. Мир Велимира Хлебникова. М., 2000.

Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. М., 2005.

Хлебников, В. Творения. М., 1987.

**БОРИС ПАСТЕРНАК «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА» И ПИТЕР БРЕЙ-
ГЕЛЬ СТАРШИЙ «ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ» (ОПЫТ СРАВНЕНИЯ)**

Европейская художественная традиция для Пастернака
целиком вырастает из картин на евангельские темы
Вяч. Вс. Иванов

Изменение способа получения эстетической и когнитивной информации, приоритетность визуальных способов восприятия в процессе общения – особенность художественной культуры конца XX – начала XXI веков [Левина2003:5]. Современный человек, сформированный СМИ, привык видеть сначала картинку (экран ТВ, экран компьютер, рекламные щиты на улице и пр.) и уже потом вчитываться (вслушиваться) в словесный текст, устный или письменный. Современный читатель – это «человек картинки». Отмеченная нами особенность современного способа получения эстетической информации требует внимательного осмысления принципов соседства словесного текста и изображения в художественном произведении. Она же заставляет задуматься о потенциальных возможностях использования изображения (изобразительных художественных текстов) в процессе интерпретации словесных художественных текстов занятиях РКИ. Мы предлагаем возможный вариант сравнения.

О влиянии живописи на творчество Б. Пастернака не раз писали исследователи [Мир Пастернака. Каталог Выставки 1989]. Живопись зримо присутствует в его поэзии. Она пронизывает всю образную систему стихов, входит через эпитеты, сравнения, сюжеты. Мир в поэзии Пастернака представлен во всей его осязательной, видимой полноте. Человек *смотрит* на окружающую его природу, как на картину, а тварный мир *смотрит* на человека.

*Дерева, только ради вас,
И ваших глаз прекрасных ради,
Живу я в мире в первый раз,
На вас и вашу прелесть глядя.*

Б. Пастернак, 1957

Вот ещё несколько примеров из романа «Доктор Живаго» – «Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря *отсутствующим взором...*» [Пастернак 1989:15]; «Юра в одной рубашке подбежал к окну и *прижался лицом к холодному стеклу*. За окном не было ни дороги, ни кладбища, ни огорода. На дворе бушевала выюга, воздух дымился снегом, Можно было подумать, будто буря *заметила Юру...*» [Пастернак 1989: 16].» Юра *обратил внимание* на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с

осязательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало...» [Пастернак 1989:71]. О внимание к изобразительной стороне творчества говорит и тот факт, что герой романа Юрий Живаго пишет «учёное сочинение о нервных элементах сетчатки» и глаз знает «с доскональностью будущего окулиста.

В этом интересе к физиологии зрения сказались его творческие задатки и его размышления о существе художественного образа и строении логической идеи». [Пастернак 1989:69] И чуть дальше в этой же главе Пастернак развертывает авторское сопоставление художественного образа и логической мысли и в сюжетный эпизод. Юрий Живаго должен написать статью о творчестве Александра Блока для студенческого гектографического журнала, представить логически оформленную идею, но он отказывается от статьи, вероятно, из-за невозможности представить в логически выстроенной системе всю силу преклонения перед явлением чуда новой поэзии. «Вдруг Юра подумал, что Блок – это явление Рождества во всех областях русской жизни, в северном городском быту и в новейшей литературе, под звёздным небом современной улицы и вокруг зажжённой ёлки в гостиной нынешнего века. Он подумал, что никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и тёмными еловым лесом» [Пастернак 1989:71]. И в финале романа, в его последней части, среди стихов Юрия Живаго мы находим это стихотворение. «Рождественская звезда» – русское поклонение волхвов, написанное, «как у голландцев», в манере голландцев. Скорее всего, речь идёт о картине Питера Брейгеля Старшего «Поклонение Волхвов» (1567 годов). Её принято называть «Поклонение волхвов на фоне снега (в снегу)» Предположительно, это первое изображение снегопада в европейской живописи [Rose-Marie und Reiner Hagen 1999: 29].

Ни у Пастернака, ни у Брейгеля нет ни волков, ни тёмного елового леса, но есть общее отношение к природе искусства. Картину Питера Брейгеля «Поклонение волхвов на фоне снега» и стихотворение Б. Пастернака «Рождественская звезда» роднят не только и не сколько сюжет, герои, предметный ряд повествования (снег, деревья, пруд, предметы деревенского быта), сколько **конструктивный принцип**¹ построения живописного и словесного текстов.

Питер Брейгель изображает Святое семейство и весь сюжет рождественской мистерии на фоне деревенского пейзажа и повседневной жизни фламандской деревни. Библейский сюжет он помещает в контекст современной ему действительности, на улицы городов Фландрии. Персонажи, изображённые на картине, конкретны и реалистичны – крестьяне, пастухи, городские жители, – живут обычной повседневной

¹ Теория *конструктивного единства* словесного и изобразительного текстов была разработана ещё в 20-е годы XX столетия в трудах формалистов (см. об этом [Ханзен-Леве 2001: 55-92]). Речь идёт о схожем способе изображения, о похожем отношении к предмету искусства и материалу.

жизнью. Они заняты своими каждодневными делами: кто-то стоит у запруды, у выдолбленной проруби, носит воду, разводит костёр, не замечая торжественности происходящего (группа на первом плане в правом углу картины); другие бредут в метели по каким-то своим делам; вдаль, на заднем плане, между домов, с трудом различимые сквозь ветви деревьев, столпились люди вокруг огромного колеса. И только немногие присоединяются к пастухам и волхвам, идущим поклонится Деве и Младенцу. Картина перенаселена. Лица персонажей совсем не прописаны, они составляют единое целое с домами, улицами, животными, снегом и вечерней улицей какого-то городка Фландрии. За многолюдьем картины мы не сразу замечаем Волхвов, которые одеты почти так же, как и крестьяне, и почти неразличимы в их толпе, но в образе волхвов, Богоматери и Младенца в картину входит вечность.

В основе изображения Пастернака лежит тот же конструктивный принцип. Как и у Брейгеля, персонажи стихотворения Пастернака, участвующие в библейской мистерии, это не только положенные по церковному канону Святое семейство, волхвы (*три звездочёта, волхвы*), пастухи (*племя пастушье и неба послы*) и ангелы (*несколько ангелов*), но и сельские и городские жители (*подпасок, овцеводы, погонщики, всадники, пешеходы, орава народу, несметный сброд*), и даже животные (*верблюд, ослики, овчарки, собаки*). Все они ни разу не упоминаются в Святом писании в сценах Рождества, но являются частью иконографии этого сюжета в голландской живописи.

В номинации персонажей стихотворения обращает на себя внимание стилистическая неоднородность слов, смешение слов книжного стиля (волхвы, звездочёт, племя *пастушье*), разговорного (*орава народу, несметный сброд*), слов, относящихся к библейскому пласту повествования (*младенец, Мария, дева, волхвы, ангелы, племя пастушье*), и слов современного городского быта (*пешеходы*). Сюжет словно рассказан дважды, на языке книжном (высоком) и языком улицы, повседневности.

Питер Брейгель совмещает временные и пространственные пласты изображения. В картине несколько композиционных центров: в левом углу картины – Святое семейство; в правом – река, какие-то люди, выдолбленная прорубь; в центре – волхвы и хаотично бредущие в снегу люди. Но при внимательном всматривании в изображение зритель замечает, что кажущаяся хаотичность действий выстраивается в стройное шествие, которое втягивает в себя всё новых и новых людей. Действие происходит здесь и сейчас, в настоящем, в современной художнику будничной повседневности на фоне реалистических декораций деревенского быта. Но на «заднике декорации», в правом верхнем углу картины изображён остов храма, уже разрушенного или ещё строящегося. Он возвышается как присутствующий в настоящем символ всего того, что придёт «после». Вечность (прошлое, настоящее и будущее) присутствует и в самом сюжете картины (поклонение волхвов), и в образах Святого писания.

Стихотворение Пастернака конструктивно построено по тем же художественным законам. В нем несколько частей и несколько пространственных и сюжетных центров повествования. Склон холма, младенец в вертепе – 1 и 2,19,20,21 строфы. Утес, пастухи -3 строфа. Даль, поле, часть пруда, вдоль запруды идущие ослы и верблюды, всадники, орава народу – 3,4,12,13,14,15 ,16,17,18 строфы. Небо, полное звёзд и звезда Рождества -5,6,7.8,19,21 строфы. Пространство будущего – 9 ,10 строфы.

На картине Брейгеля даль и близь, передний и задний планы прописаны одинаково чётко, они равноценны в художественном мире картины. Художественное пространство стихотворения представлено лексико-тематическими группами, которые можно представить как следующие оппозиции:

1.

даль

ветер *из степи*
 смотрели в полночную *даль*
 пастухи
 «*Вдали было поле* в снегу и погост,
 Ограды, надгробья,
 оглобля в сугробе
 И *небо над* кладбищем *полное звёзд.*»
дорога
 Часть пруда *скрывали*
по пути в Вифлеем
 Она (звезда) *возвышалась*
 Вставало *вдали* всё будущее

близь

вертеп
 склон холма
 а *рядом*застенчивей
 плоски \в оконце сторожки
 \мерцала звезда

2.

пространство вселенной (это или библейское пространство, или пространство будущего, пространство культуры)

вертеп
 небо полное звёзд
 путь в Вифлеем
 вселенная
 даль
 небо
 небосвод
 ясли из дуба
 отверстие скалы

земное пространство (в основном оно обозначено словами, рисующими пейзаж и быт деревни, может быть, русской)

степь
 склон холма
 утес
 поле в снегу и погост, ограды ,надгробья, кладбище
 (в сравнении – оконце в *сторожке*
хутор в огне, пожар на *гумне*)
 часть пруда, запруда

галереи
музеи

снежная поляна, снежная гряда
дорога
хибарка
камень (« у камня толпилась
орава народу»)
водопойная колода
углубление дупла
хлев

Анализ представленных выше лексико-тематических групп показывает, что художественное пространство стихотворения обозначено обобщенно и конкретно одновременно. С одной стороны, действие происходит в пространстве библейского повествования, а значит везде и всегда, а с другой – в пространстве, обладающем явными чертами среднерусского деревенского пейзажа. Само же стихотворение вырастает из предрождественской суеты Камергерского переуллка. Ведь идея стихотворения, первое о нём упоминание, возникает в сознании Юры Живаго в то время, когда Юра с Тоней едут на Елку, на Рождество к Свентицким – «Тоня и Юра ехали в извозчичьих санках на елку к Свентицким...»; «Юра смотрел по сторонам и видел то же самое, что незадолго до этого попало на глаза Ларе. Их сани поднимали неестественно громкий шум, пробуждавший неестественно долгий отзвук под обледенелыми деревьями в садах и на бульварах. Светящиеся изнутри и заиндевевшие окна домов походили на драгоценные ларцы из дымчатого слоистого топаза. Внутри их теплилась святочная жизнь Москвы, горели елки, толпились гости и играли в прятки и колечко дурачащиеся ряженные [Пастернак 1989:70].¹

Тема Рождества (рождения) является основным сюжетным стержнем повествования этой части романа. Это и *Рождество как праздник*, на который едут Юра и Тоня и куда собирается Лара, и *рождение любви* (Юра впервые понимает, что он любит Тоню, о своих чувствах впервые открыто говорят Лара и Паша), и *рождение поэта* (в сознании Юрия Живаго возникает первая строчка будущего стихотворения – «Свеча горела на столе, свеча горела ...», на глазах читателя рождаются поэт и поэзия). А герои романа (Тоня и Юра, Лара и Паша Антипов) и все персонажи этой главы (прохожие, гости, дурачащиеся ряженные) включены в поток людей, которые все время незримо входят в ряды процессии, ведомой Рождественской звездой.

¹ Эти образы (святочная жизнь, веселящиеся ряженные, елки, драгоценные ларцы) станут частью стихотворения «Рождественская звезда» – «И странным виденьем грядущей поры \\\\ Вставало вдали всё пришедшее после.\\...Все шалости фей, все дела чародеев, \\\\ Все елки на свете, все сны детворы..Все яблоки, все золотые шары.» Интересные наблюдения об «автоинтертекстуальности» пастернака представлены в статье В.Н.Топорова «об одном индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака» («Пастернаковские чтения. Выпуск 2, М.:1998

Таким образом хронотоп стихотворения расширяется. Он включает в себя не только хронотоп поэтического текста, где основная оппозиция сейчас (слова с конкретно-временным значением – *стояла зима, светало*) и потом, в будущем (*грядущая пора, пришедшее после, будущее галерей и музеев*), но и время-пространство прозаических частей романа. Возникает сложный, не линейный образ времени-пространства, а сюжет стихотворения свершается одновременно в двух пространственно-временных планах – в вечности и здесь и сейчас.

Стихотворение «Рождественская звезда» и картина Брейгеля «Поклонение волхвов» – убедительный пример конструктивного единства двух типов текстов, словесного и изобразительного. Борис Пастернак, так же как и Питер Брейгель, «опрокидывает» «Библейский сюжет в контекст повседневной жизни. Смещение вечного и преходящего, их равноценность – отличительная черта поэтики Пастернака. Осмысляя её в романе «Доктор Живаго», поэт отсылает читателей к традиции голландской живописи, тем самым включая повествование в широкий контекст европейской культуры. Называя общеевропейские образцы изобразительного искусства, Борис Пастернак даёт читателям ключ к пониманию своей творческой системы, своего видения мира и способа его изображения.

На занятиях по РКИ опора на конструктивное единство разных типов культурных текстов (изобразительного и словесного) даёт возможность ввести словесный текст (в нашем случае роман Б. Пастернак «Доктор Живаго») в широкий контекст европейской культуры, понять глубину художественного замысла автора и преодолеть возможные проблемы межкультурного непонимания.

Литература

- Пастернак Борис Доктор Живаго. М., 1989.
Иванов Вяч. В. Колыхающийся занавес. \Мир Пастернака. Каталог Выставки. М., 1989.
Левина Г.М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу М., 2003.
Топоров В.Н. Об одном индивидуальном варианте «автоинтертекстуальности»: случай Пастернака («\ Пастернаковские чтения. Выпуск 2, М., 1998.
Тынянов Ю.Н. Литературный факт М.: Высшая школа, 1993.
Oge A. Ханзен-Лёве Русский формализм М: Языки русской культуры, 2001.
Christian Vöhringer Pieter Bruegel. Köln, Könemann, 1999.
Rose-Marie und Reiner Hagen Bruegel Sämtliche Gemälde . Taschen , 1999.

**ЖАНРОВЫЙ СТАНДАРТ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО
(на материале рецензий А.Немзера и К.Кобрин)**

Одной из основополагающих характеристик любого текста является его жанровая форма. Проблема жанра важна как для говорящего (или пишущего), так и для слушающего (или читающего). С одной стороны, от жанра зависит подбор средств для построения текста, который осуществляется говорящим. С другой стороны, понимание текста слушающим предполагает умение отнести этот текст к тому или иному жанру, и каждый жанр подсказывает слушающему определенный тип смысла [Гайда 1986].

М.М. Бахтин определяет жанры как относительно устойчивые типы высказываний, которые вырабатываются в рамках различных сфер использования языка. Он выделяет три основных составляющих любого жанра: *тематическое содержание* текста, его *стиль* (словарные, фразеологические и грамматические средства) и его *композиция*. Помимо жанровых особенностей, которые свойственны целой группе произведений, принадлежащих к одному жанру, текст может иметь также специфические черты, отражающие *индивидуальность говорящего или пишущего*. Это проявляется, например, в индивидуальном стиле каждого автора. Кроме того, всякое высказывание кому-то адресовано, поэтому его композиция и стиль зависят также от *адресата*. М.М. Бахтин говорит о том, что важно учитывать, кому адресовано высказывание, как говорящий представляет себе адресата и как адресат влияет на высказывание [Бахтин 1986].

Таким образом, при анализе любого речевого произведения целесообразно рассматривать признаки, свойственные данному жанру в целом, а также признаки, характерные именно для конкретного текста. Анализ книжной рецензии как одного из речевых жанров позволяет выделить на разных уровнях три группы текстовых признаков. На первом уровне выделяются черты, общие для всех речевых жанров. На втором уровне – черты, присущие именно жанру книжной рецензии. И на третьем уровне – особенности, специфические для каждой конкретной рецензии, отражающие индивидуальность автора. При этом важнейшими объектами нашего анализа оказываются тематическое содержание, стиль и композиция текстов, обеспечивающие, по Бахтину, единство любого речевого жанра. Кроме того, особое внимание уделяется таким факторам, как эмоциональный настрой автора, его субъективное отношение к высказыванию, его задачи и намерения, а также образ адресата и его предполагаемая реакция на высказывание. Именно эти факторы обеспечивают индивидуальность каждого речевого произведения.

Текст рецензии обладает определенным набором коммуникативных характеристик. Как любое речевое произведение он предполагает нали-

чие *адресанта* (автора, субъекта речи), *адресата* (читателя, для которого предназначена информация) и *референта* (объекта рассмотрения и оценки, которым может быть как отдельное художественное произведение, прозаическое или поэтическое, так и сборник произведений или творчество автора в целом). Кроме того, любая коммуникативная ситуация включает *канал связи*, акустический или визуальный. Рецензия предполагает использование *визуального* канала связи, что свойственно всем письменным речевым произведениям, и характеризуется отсутствием непосредственного контакта между участниками общения.

На втором уровне анализа выделяются особенности, свойственные именно жанру рецензии. Так, специфическим для рецензии свойством является *наличие двух адресантов* – автора рецензии и автора художественного произведения – объекта рецензии. Кроме того, в лице рецензента происходит *совмещение двух субъектных ролей*. Он является не только адресантом, но и наблюдателем в ситуации общения автора художественного произведения с читателем. Он воспринимает и истолковывает информацию, предназначенную для читателя. Его задачей является раскрытие содержания, заложенного в художественном тексте, то есть его интерпретация.

Особенностями жанра рецензии обусловлены и *характеристики адресата*. Он всегда отделен от адресанта во времени и пространстве и является обобщенным, множественным (совокупность читателей). В связи с этим рецензия представляет собой *монологический тип общения*, при котором позиции адресата и адресанта закреплены за партнерами и не меняются в процессе общения. Тем не менее автор может использовать различные средства диалогизации, стремясь сократить дистанцию между собой и читателем и достичь большей убедительности (прямые обращения к читателю, элементы разговорной речи, вопросительные и восклицательные предложения и т.д.): *Орнамент, говори-те? Игра в бисер со свиньями?... Отождестви вам хана Батья с Иваном Грозным, Ярославом Мудрым и Юрием Лужковым (Долгоруким), только плечами пожмете да высокомерно улыбнетесь...; Мелочь, скажете? На одном, скажете, подзаголовке не разживешься?.. (А.Немзер); Ан нет; вах-вах; токмо; других-то нетути, полный при-вет... (К.Кобрин).*

Жанр рецензии характеризуется также специфической *композицией*. Композиция рецензии включает ряд обязательных и ряд факультативных компонентов. Обязательными являются такие сведения о рецензируемом произведении, как название, имя автора, выходные данные издания, количество страниц. Одним из основных композиционных блоков является также оценочная часть, включающая как общую оценку произведения или творчества автора, так и частные оценки отдельных приемов, эпизодов и т.д. Остальные компоненты рецензии факультативны. К ним относятся: пересказ произведения, выделение круга основных тем и мотивов, характеристика жанра, композиции, стиля, анализ языковых средств, раскрытие смысла названия произведения

или отдельного эпизода, характеристика издания и оценка его значимости, биография писателя, сравнение произведения с другими произведениями того же автора или других авторов, история успеха/неуспеха издания или предсказание его дальнейшей литературной судьбы, характеристика адресата произведения, прямые рекомендации читателю, характеристика литературных вкусов рецензента, указание на его личные отношения с автором, полемика с другими исследователями, общие рассуждения о литературном процессе и т.д.

И, наконец, на третьем уровне анализа выделяются текстовые черты, индивидуальные для каждой отдельной рецензии. Они зависят от личности и намерений автора. А.Немзер и К.Кобрин входят в число наиболее ярких и популярных представителей современной критики. Неслучайно рецензии Немзера были изданы отдельной книгой под названием «Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е» (издательство «Новое литературное обозрение»). Рецензии Кобрина публиковались в журнале «Новый мир» в разделе «Полка К.Кобрина», а затем тоже были объединены в одну книгу под названием «Книжный шкаф К.Кобрина».

На основе анализа рецензий этих двух авторов можно сделать вывод, что их цели и намерения противоположны. Этим обусловлены значительные различия в содержании, стиле и композиции текстов каждого рецензента.

Рецензии К.Кобрин позволяют читателю выбрать наиболее интересные произведения из предлагаемого списка, дают общее представление о книге, иногда содержат прямые указания к чтению: *Читая эту книгу, обратите особое внимание на магические переходы от текста Рёскина к авторскому и наоборот. Примерно так же бывает трудно понять, едва проснувшись, где сновидение, а где явь.* Предполагается, что с такими рецензиями читатель должен ознакомиться до того, как начнет читать само литературное произведение. Рецензии А.Немзера, наоборот, рассчитаны на то, что читатель уже ознакомился с книгой, в противном случае ему будет трудно понять многие высказывания рецензента.

Намерениями авторов обусловлен их подход к анализу материала, отсюда различия в *оценочной части* у обоих авторов. Кобрин стремится заранее настроить читателя на правильное восприятие произведения. Поэтому его оценки однозначны и категоричны. Он часто использует конструкции с эксплицированным субъектом оценки, высказывая свое непосредственное отношение к произведению: *Спешу поделиться с читателем удовольствием от этой книги; Не знаю, что поставить редактору книги; Недавно я с удивлением обнаружил...; Как я и предполагал, открытий там нет; Давно я не видел столь странной книги; Трудно выразить, насколько я расстроился, прочитав эту книгу; Не самый, думаю, удачный роман...*

Кобрин четко делит все книги на «хорошие» и «плохие». При этом он использует преимущества визуального канала связи с читателем и снабжает каждую рецензию графическим знаком «+» или «-». Его кни-

га имеет интересную структуру. Это действительно своеобразный «книжный шкаф», состоящий из «10 полок» – 10 разделов. Каждый раздел содержит по 10 рецензий – 7 со знаком «+» и 3 со знаком «-».

С рецензиями Немзера читатель знакомится в основном после прочтения самого художественного произведения, когда у него уже сложилось свое мнение о прочитанном. Поэтому рецензии Немзера не так субъективны, как рецензии Кобринина. Оценки здесь гораздо менее категоричны, а потому неоднозначны. Зачастую оценка специально не конкретизируется или даже вовсе отсутствует. Конструкций с эксплицированным субъектом здесь гораздо меньше, чем в рецензиях Кобринина. Создается впечатление объективности, и читатель получает свободу в выборе оценки. Книга намеренно лишена такой композиции, которая позволила бы читателю однозначно дифференцировать положительные и отрицательные отзывы, что также отличает ее от книги Кобринина. Рецензии здесь располагаются в алфавитном порядке, поэтому книга представляет собой простое накопление материала.

Еще одно различие между рецензиями Немзера и Кобринина заключается в том, что они написаны *для разных типов аудитории*. Рецензии К.Кобринина рассчитаны в основном на *массового читателя*. Поэтому для них характерна простота стиля, объяснение литературных фактов, которые могут быть неизвестны читателю (сведения о предыдущих изданиях книги, краткая история творчества писателя и т.п.). Например, рецензируя полное собрание сочинений и писем Добычина, Кобрин пишет об авторе так: *Маргинал в кубе, бледной тенью прошедший по задворкам советской литературы 20 – 30-х, он тем не менее оказался востребованным в 60 – 80-е годы, став одним из виртуальных основателей «ленинградской прозаической школы»*. Прямые обращения К.Кобринина к читателю также свидетельствуют о том, что его адресат – это *«современный русский читатель»*, то есть все читатели без исключения: *Спешу поделиться с читателем удовольствием от этой книги; тем более, что читатель (за крайне редким исключением) ее никогда не увидит. Ибо «настоящее издание отпечатано в количестве 325 экземпляров»...; Кому нужно издание черновиков французского романа?.. Незамедлительно отвечу: всем истинным читателям, тем, кого Борхес в беседе с Сьюзен Зонтаг назвал «Сектой читателей»*.

В отличие от К.Кобринина А.Немзер ориентируется прежде всего на *искусственного читателя*. Тексты его рецензий содержат множество книжной, высокой лексики и научной терминологии (*волатюк, триозмы, литеры, рацпочин, рекомый; Дифференциальное исчисление, спектральный анализ, рецессианные гены, ностратическое языкознание...*), усложненные синтаксические конструкции, аллюзии, скрытые цитаты (*Каждому по его вере. Или по его безверию, верой прикидывающемуся*), а также большое количество фактического материала, выходящего за рамки основных объектов обсуждения: *Экономим полиграфмошности, ибо астрономия должна быть гастрономной, как говаривал четырежды мягкосердечный слезовыделитель интересной наружности*. Чтобы

понять А.Немзера, необходимо быть знакомым с другими его рецензиями (*Посему прощу в качестве выступления на «плодотворной, будящей мысль и способствующей дальнейшему подъему острой дискуссии» о романе Анатолия Кима «Онлирия» зачесть мне рецензии на «Эрон» Анатолия Королева и «Тавро Кассандры» Чингиза Айтматова. А также другие выступления на сходные темы.*), с творчеством обсуждаемого автора (...*написан он еще небрежнее, чем прежняя пелевинская проза...*), с творчеством других авторов (...*предмет, ... измочаленный всякими Сартрами, Кафками и Голдингами; ...самую малость хуже, чем у Набокова в «Terra incognita»*). Сам А.Немзер называет своих читателей и читателей тех произведений, которые он рецензирует, «*просвещенной аудиторией*». В рецензии на роман Пелевина «Жизнь насекомых» он использует цитату: *Прочь, буйна чернь непросвещенна и презираемая мной!* Немзер сознательно вводит в свои рецензии элементы интеллектуального снобизма, тогда как рецензии Кобринина более демократичны и массовы.

Итак, тексты рецензий А.Немзера и К.Кобринина обладают особенностями, характерными для всех речевых произведений в целом и для жанра рецензии в частности. Тематика, стиль и композиция – основные составляющие любого жанра, по М.Бахтину, – служат в анализируемых рецензиях основанием как для объединения текстов Немзера и Кобринина в один жанр, так и для разграничения текстов двух авторов.

Но наиболее интересными оказываются те текстовые черты, которые отражают индивидуальность авторов и позволяют обнаружить разницу в их намерениях и подходе к изучаемому материалу. Именно благодаря таким специфическим чертам рецензии Немзера и Кобринина перестают быть традиционными журнальными аннотациями и приобретают самостоятельную художественную значимость. Это позволяет авторам объединять рецензии в сборники и издавать их отдельными книгами.

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ХЛЕБ» КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Мы использовали слова из тематической группы «Хлеб» для организации лингвокультурологической игры во внеаудиторное время.

Не имея возможности опубликовать здесь все материалы, собранные нами для игры, мы покажем суть её на примерах двух слов – *БАТОН* и *ПИРОГ*.

Однако для того, чтобы продемонстрировать широту лингвистических и культурологических сведений, которые открываются учащимся в игре, мы приведём в разделе 4. *Ключи для учащихся (Ключи к классификациям)* почти полные списки слов, с которыми мы хотели бы познакомить играющих.

Лингвистические и культурологические предпосылки игры

Россия – страна хлебная, у нас хлеб – всему голова. На улицах (в киосках), в институтах и в театрах (в буфетах), в продовольственных магазинах – везде иностранцы видят разнообразные хлебобулочные (х/б) изделия. Названия многих из них выполняют не только номинативную функцию, то есть называют денотат (само изделие), но благодаря тропологическим механизмам (метафоризации и метонимизации) некоторые имена развивают символические коннотативные значения и обретают знаковую функцию, становясь нестандартными фамилиями людей, ср.: 1. «пончик» – шарообразный, толстый, пышный пирожок со сладкой начинкой; 2. Пончик И.И. – нестандартная фамилия, возникшая, вероятно, из прозвища толстого и невысокого родоначальника династии.

Нестандартные фамилии образуются от имен существительных, которые употребляются в русском литературном языке или в его местных диалектах, например: Метла, Мех, Пирог, Пряник, Трубка, Шапка, Шапочка, Шуба; Сырица (зап.) – невыделанная кожа; Лизанец (сарат.) – кусок соли для лизания скоту; Маслюк (зап.) – гриб козлёнок, маслёнок.

Нестандартные фамилии, как правило, не имеют женского рода, поэтому фамилия типа Пирог или Трубка одна и та же и для мужчины и для женщины.

От имён х/б изделий легко образуются и стандартные фамилии с типичными суффиксами -ов, -ев, -ын, -ин, -ой, -ий (-ской, -ский, -шкой, -цкий), ср.: Пончиков(а), Пирожков(а), Корочкин(а), Бликин(а), Рожский(ая).

От фамилий тянется ниточка к известным в стране людям, к героям литературных произведений, а следовательно, и к театру и к кино и т.д. Например, «колобок» – это изделие из теста в форме шара, от «шар» образуем форму с уменьшительным суффиксом -ик – «шарик», а от

этой формы недалеко до фамилии Шариков, которую носит герой повести М. Булгакова «Собачье сердце».

Кроме того, соответствующие корни присутствуют также в названиях городских дорог, ср.: Хлебный переулок, Калашный переулок, Мукомольный проезд и т.п. Таким образом через игру в поле зрения учащихсЯ входит информация о географии Москвы.

Многие названия х/б изделий являются составными элементами фразеологизмов, ср.: «как блины печёт», «ни за какие коврижки», «выделывать (ногами) кренделя» и под. А фразеологизмы всегда вызывают к себе повышенный интерес иностранцев.

Игра предполагает смех и веселье. И в нашей игре есть место шутке. Например, в нашу игру органично входит анекдот из телепередачи Е.В. Петросяна «Смехопанорама»: – Что такое апельсин? – Это колобок в целлюлите.

Данная шутка позволяет ведущему осудить агрессивность нашей современной рекламы, призывающей всю страну бороться с целлюлитом, и поговорить о рекламе в других странах.

Суть игры

Перед каждым участником лежит «Перечень названий х/б изделий...» (**ПРИЛОЖЕНИЕ, часть 2**). Под каждым названием х/б изделия в этом списке даны комментарий, задания, вопросы, подсказки, которые должны активизировать лингвистические навыки учащихсЯ с тем, чтобы они определили корень слова, образовали от корня стандартные или нестандартные русские фамилии, додумались до значения фразеологизма, употребили его в определённой ситуации и под.

В зависимости от количества участвующих в игре вся группа делится на две или на четыре команды. За каждый правильный ответ учащийсЯ получает какой-то приз. Побеждает та команда, которая получила больше призов.

У руководителя игры в руках находится сумка (пакет, мешок) с х/б изделиями. Он подходит по очереди к каждому из участников каждой играющей группы и предлагает достать предмет из сумки. После того, как предмет вынут из сумки и положен для всеобщего обозрения, коллективно одной из групп определяется его название. Для этого имеется подсказка в виде странички с изображением геометрических фигур, своей формой напоминающих форму х/б изделия (**ПРИЛОЖЕНИЕ, часть 1**). Названия этих фигур присутствуют в описании х/б изделий. Играющие по описанию должны идентифицировать изделие. Когда имя найдено и получен первый приз, начинается выполнение соответствующих заданий. Большая нагрузка падает на того, кто достал предмет, но в случае затруднения помогают все – и другие учащиесЯ группы (кроме конкурентов), и ведущий. В сумке могут находиться не сами х/б изделия, а их изображения, или фотографии, или муляжи, поскольку купить в магазине **КАРАВАЙ** или **КОЛОБОК** трудно, а по ходу игры эти слова необходимы.

Так как игра предполагает развитие у учащихся навыков классификации, то **ПРИЛОЖЕНИЕ, часть 3** содержит различные основания для группировки информации, полученной в ходе игры. Например, имеются задания типа «Сгруппируйте названия дорог Москвы, которые встретились вам в комментариях», и далее даны основания классификации – валы, улицы, переулки, проезды, просеки, тупики, шоссе.

Где? С кем? Когда?

Игра предполагает высокий уровень владения языком, поэтому подобную игру можно проводить, например, на вечере знакомства стажёров разных групп продвинутого этапа обучения или аспирантов разных групп I-ого года обучения.

Можно приурочить вечер к какому-либо празднику, например, собрать учащихся разных групп накануне католического Рождества, или Нового года по европейскому календарю, или Нового года по восточному календарю и т.п.

Знакомство и праздник предполагают чаепитие за общим столом, поэтому логично, если на столе будут появляться х/б изделия – баранки, сушки, сочники, коржи, лепёшки, калачи и под.

Игра может быть прервана, если играющие утомились, устали или заскучили.

Конец игры

В конце игры участникам раздаются листы бумаги, где напечатаны так называемые «Ключи для учащихся» (**ПРИЛОЖЕНИЕ, часть 4**), то есть желательные варианты ответов. Это делается для того, чтобы дома они могли повторить полученный в игре материал. А если игра была прервана раньше, чем опустела сумка, то из «Ключей...» учащиеся могут получить информацию, оставшуюся без комментария ведущего преподавателя.

Поскольку «Ключи...» – это раздаточный материал, то есть после игры он будет роздан учащимся, то «Подсказки для преподавателя» (**ПРИЛОЖЕНИЕ, часть 5**), ведущего игру, выделены в отдельную рубрику, которая содержит, в основном, более развёрнутую справочную информацию об известных людях, а также более подробную этимологическую информацию. Эту информацию преподаватель вводит в игру по своему усмотрению в зависимости от уровня групп и характера контингента.

Лингвистический материал

О целях лингвистической составляющей было сказано в **ПРЕДПОСЫЛКАХ ИГРЫ** (см. выше).

Конкретно во время игры учащиеся должны

а) в области словообразования:

- выделять корни и суффиксы слов;
- образовывать деминутивы с помощью специальных суффиксов;
- давать ряды однокорневых слов;

- образовывать с помощью суффиксов стандартные русские фамилии;
- называть, где подсказывает лингвистическая интуиция, нестандартные фамилии с нулевыми суффиксами;
- классифицировать имена, входящие в данную тематическую группу, по суффиксам;

б) в области лексикологии:

- познакомиться с тематической группой слов «Хлебобулочные изделия»;
- устанавливать лексико-семантические связи внутри этой группы слов;
- классифицировать названия изделий по различным основаниям;

в) в области фразеологии:

- формулировать значение фразеологизма;
- давать примеры его функционирования в речи;

г) в области этимологии:

- приобретать сведения о происхождении названий х/б изделий, фамилий, улиц и т.д.;

д) в области сравнительной грамматики:

- находить родственные корни в других языках.

Культурологический материал

Игра даёт возможность:

- познакомиться учащимся с разнообразными хлебобулочными изделиями и их названиями;
- сообщить ряд фактов, связанных с происхождением русских фамилий;
- вспомнить известных людей, носящих эти фамилии;
- узнать о наличии в городе улиц, в названиях которых звучат те же корни, что и в названиях изделий из теста;
- познакомиться с особенностями русского менталитета (фразеологизмы);
- узнать песенки, стихи, загадки, анекдоты, ассоциативно связанные с тем или иным изделием;
- осветить некоторые исторические факты или факты новейшей истории.

Приложение

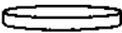
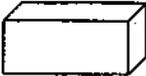
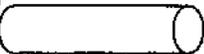
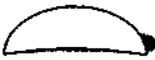
Содержит пять частей:

- 1) «Геометрическая форма х/б изделий», 2) «Перечень х/б изделий с заданиями и комментариями», 3) «Основания для классификации х/б изделий и их названий», 4) «Ключи для учащихся», 5) «Подсказки для преподавателей».

Условные обозначения

- * – данный знак указывает на наличие правильного ответа в списке «Ключи для учащихся»
- # – данный знак предшествует комментариям.

1. Геометрические формы хлебобулочных изделий

 круглый диск	 двойное дутое кольцо
 овальный диск	 толстый кирпич
 цилиндр	маленький кирпичик
 толстая палка	 куб
 шар	 полумесяц
 полусфера	овальный бульжник
 дутое кольцо	

2. Перечень хлебобулочных изделий с заданиями и комментариями

БАТОН

Первоначально это слово называло х/б изделие из дрожжевого теста в форме толстой палки средней длины (размеры палки можно сравнить с частью человеческой руки от пальцев до локтя); потом оно стало называть и другие изделия меньшей длины, но большей толщины; а потом и другой формы – формы, больше похожей на толстый кирпич; после этого слово «батон» стало синонимом к слову «буханка».

*Как назвать маленький батон? Или как ласково назвать батон?

*Есть конфеты, которые называются «батончики». Как вы думаете, почему?

*Сравните две фамилии: Батон(а) и Батон. Какая из этих фамилий стандартная, а какая нестандартная?

*Как вы думаете, это слово русское или иностранное? Если иностранное, то из какого языка?

*Как «батон» переводится на русский язык? (Подсказка: к переводу имеют отношение слова «палец», «пальчик»).

*Какие русские фамилии происходят от корня «пал-/паль-»?

*Как вы думаете, какое значение имеет общеславянский корень «бат-» в словах: ст.-сл. «бато҃гъ», укр. «батіг», польск. «batog», чешск. «batoh», с.-х. «бѣта», словенс. «bat»? (Подсказка: др.-рус. и с.-х. глагол «бѣтати» значит 'бить, стучать' и лат. «batuō» тоже означает 'бить, ударять', а в др.-датск. «bad» – это 'борьба').

*Назовите корень в слове «батон».

*В старину на Руси бато҃г служил палкой для телесных наказаний. Образуйте от слова «бато҃г» деминутив. (Подсказка: «посох» ('палка для опоры во время ходьбы') – «посошок»). Чередование каких звуков вы видите в этих словах?

*Что значит «пить на посошок»?

*Какие русские фамилии образованы от слов «бато҃г», «батожок» и «посох», посошок»?

*Что означают фразеологизмы: «палка о двух концах», «делать что-то из-под палки», «перегибать палку», «вставлять палки в колёса», «то ком-то палка плачет», «как по мановению волшебной палочки», «ёлки-палки», «ёлы-палы»?

#В Москве есть Палочный переулок.

ПИРОГ

Изделие из дрожжевого теста, имеющее форму овального булжника или ладоней, неплотно прижатых друг к другу. Внутри пирога всегда есть начинка: мясо (фарш)/яйцо (рубленое)/ картошка/ яблоки/капуста/рис/лук/жем/рыба и т.п.

*Пироги всегда пекли по праздникам, они украшали праздничный стол. Как называется в сказках процесс, когда люди сидят за праздничным столом, едят, пьют и песни поют? (Подсказка: слово из трёх букв).

*Как называется маленький пирог? (Подсказка: «флаг» – «флажок»).

*Образуйте стандартные русские фамилии от слов «пирог» и «пирожок».

*Чем известен Пирогов Николай Иванович? Почему в честь него в Москве названы улицы – Большая Пироговская и Малая Пироговская?

*Шапка-афганка, пилотка и шапка пирожком – что общего?

*Как вы понимаете фразеологизм: «в чужом пиру похмелье»?

*Есть крылатое выражение «пир во время чумы». О чём, о каких ситуациях так говорят?

3. Основания для классификации хлебобулочных изделий и их названий

Филолог должен уметь классифицировать (по разным основаниям) как сами предметы (денотаты), так и их названия. Приз получает та группа, которая первой создаст ту или иную классификацию. Классифицируем денотаты.

* Сгруппируйте все хлебобулочные изделия по их форме

- круглого диска;
- овального диска;
- цилиндра; дутого кольца;
- двойного дутого кольца;
- шара;
- толстого кирпича;
- маленького кирпичика;
- толстой палки;
- куба;
- полумесяца;
- овального булыжника;
- полусферы

*Сгруппируйте все изделия *по типу теста*, из которого они сделаны:

- дрожжевого (от дрожжи)
- обварного (от обваривать кипятком)
- сладкого дрожжевого
- песочного (от похожего на песок)
- кислого дрожжевого
- сдобного (от сдоба)

*Сгруппируйте названия дорог Москвы, которые назывались в игре, по *их типу*:

- валы
- просеки
- улицы
- тупики
- переулки
- шоссе
- проезды

Классифицируем названия:

* Назовите все *уменьшительно-ласкательные суффиксы*, которые встретились вам в игре.

* Сгруппируйте названия хлебобулочных изделий по *общим для них суффиксам*.

* Сгруппируйте все стандартные фамилии по *общим для них суффиксам*; внутри групп расположите фамилии в *алфавитном* порядке.

*Сгруппируйте все нестандартные фамилии по *форме рода существительного*; внутри групп расположите фамилии в *алфавитном* порядке.

* Сгруппируйте вместе все нестандартные фамилии в *форме прилагательного*; расположите фамилии в *алфавитном* порядке.

4. Ключи для учащихся к разделу «Перечень хлебобулочных изделий»:

БАТОН

*Батончик.

*Конфеты «Батончики» своей формой напоминают маленькую короткую палку

*Батонов(а) – стандартная, Батон – нестандартная.

*Иностранное слово, заимствовано в XVIII веке; из французского языка («bâton»).

*Перевод: «палка», «жезл».

*Палкин(а), Палков(а), Пальцев(а), Пальчиков(а), Пальцын(а) – стандартные фамилии; Палец и Пальчик – нестандартные фамилии.

*Общеславянский корень «бат-» имеет значения: 'палка', 'дубинка', 'шест'.

*В слове «батон» корень «бат-».

*Батожок; чередование звуков [г/ж] (батог/батожок) и [х/ш] (посох/посошок).

*Выпивать последнюю рюмку водки перед уходом из гостей, перед дорогой.

*Батов(а), Батошков(а), Посохов(а), Посошков(а).

*«палка о двух концах» – то, что даёт и положительные и отрицательные последствия;

«из-под палки» – нехотя, без энтузиазма;

«перегибать палку» – слишком много, слишком сильно, слишком долго...;

«вставлять палки в колеса» – мешать, препятствовать;

«палка плачет» (по кому-то) – кто-то достоин наказания, кто-то «заслужил» наказание;

«как по мановению волшебной палочки» – чудесным образом;

«Ёлки-палки» – это междометие, оно выражает эмоции: досаду («У-у-у, чёрт, ёлки-палки, больно!»), восхищение («Ух ты! Ёлки-палки, здорово!»), недоумение («Ну, чёрт ты! Ёлки-палки! Обиделась что ли?») и т.п.;

«ёлы-палы» – то же самое только на тюремном жаргоне.

ПИРОГ

*Пир.

*Пирожок.

*Пиров(а), Пирогов(а), Пирожков(а) – стандартные фамилии; Пирог, Пирожок – нестандартные.

*Улицы названы в честь знаменитого в России в XIX веке врача, хирурга, анатома и общественного деятеля Николая Ивановича Пирогова.

*У этих шапок общая форма.

*«В чужом пиру похмелье» – неприятность из-за других, из-за чужой вины.

*«Пир во время чумы» – веселье как вызов злой/недоброй судьбе, потому что чума – это страшная болезнь, от которой и сегодня нет спасения.

К разделу «Классификации х/б изделий»:

Классификация демотатов.

*Изделия в форме

круглого диска: блин, ватрушка, лепёшка, коржик, пряник;

овального диска: сухарь, кусок хлеба, ломтик хлеба;

цилиндра: кулич, кекс, ром-баба;

дутого кольца: баранка, сушка, бублик, кольцо с кремом, кольцо с орешками;

двойного дутого кольца (∞): крендель;

шара: калач, колобок;
полусферы: булка, булочка, пряник, горбушка;
куба (кубика): сухарик;
толстого кирпича: буханка, батон (чёрный);
маленького кирпичика: коврижка, пряник, сухарик;
толстой палки: батон «Столичный»;
полумесяца: рожок, рогалик;
овального булыжника: французская/городская булка, пирожок, сочник;

***Изделия по типу теста**

дрожжевого: батон, бублик, булка, булочка, буханка, горбушка, колобок, корка, кусок, ломоть, пирог, пирожок, рожок, рогалик, сухарь, сушка;

сладкого дрожжевого: булочка, ватрушка, коврижка, кольцо, крендель, пирог, пирожок;

кислого дрожжевого: блин;

обварного: баранка, бублик;

песочного: корж, коржик, сочник, лепёшка, кольцо с орешками;

сдобного: кекс, кулич, ром-баба..

***Типы дорог в Москве**

валы: Коровий;

переулки: Куликовский, Рогачёвский, Палочный, Мельницкий;

проезды: Мукомольный;

просеки: Кусковский;

проспекты: Ломоносовский;

тупики: Кусковский;

улицы: ул. Колесовой, Куликовская ул., Кусковская ул., ул. Пряниш-никова, ул. Рогова, ул. Мельникова, Садовое кольцо;

шоссе: Коровинское.

Классификация названий

***Уменьшительно-ласкательные суффиксы:** -очк-, -ечк-, -чик-, -ушк-, -ик-, -к-, -ек-, -ёк-, -ок-.

***Группы названий изделий по суффиксам:**

-очк- бараночка, булочка, буханочка;

-ечк- ватрушечка, лепёшечка, сушечка, колечко;

-чик- батончик, блинчик;

-ушк- горбушка, ватрушка;

-ик- коржик, ломтик, кексик, рогалик, калачик, куличик, сухарик, бублик, сочник;

- ек- пряничек, колобочек, кусочек, хлебушек;
- ок- пирожок, рожок;
- к- баранка, буханка, коврижка, сушка, булка.
- ец хлебц

***Стандартные фамилии:**

с суффиксом **-ов/-ев** – Бабов, Баранков, Баранников, Баранов, Батогов, Батошков, Батонов, Блинов, Бличников, Боков, Бубенков, Бубенцов, Бубликов, Бубнов, Булочников, Бульжников, Буханков, Бухонков, Ватов, Горбов, Горбов, Горбачёв, Горбунов, Горбунков, Желваков, Комов, Комков, Круглов, Коржаков, Коржев, Коржиков, Кренделёв, Кренделев, Крендельков, Колобочкин, Колесов, Колобок, Кексов, Коровьев, Караваев, Круглов, Колёсиков, Калашников, Колачёв, Колачев, Корин, Кораблёв, Коробов, Крабов, Колышев, Колобродов, Кольцов, Колов, Куликов, Куличёв, Куличиков, Лепешев, Ломов, Ломтев, Ломтиков, Мельников, Мелочёв, Мягков, Мягков, Огнев, Огоньков, Пузырёв, Палков, Пальцев, Пальчиков, Посохов, Посошков, Пиров, Пирогов, Пирожков, Пряников, Пряничников, Прянишников, Рогатков, Рогатов, Рогачёв, Рогов, Рожков, Соков, Сочников, Сухарев, Сушев, Сухариков, Сушков, Хлебников, Шаров, Шариков, Шкуров, Шкурников;

с суффиксом **-ин/-ын** – Бабин, Бабкин, Бабочкин, Бабушкин, Баранкин, Блинкин, Бокин, Бубнин, Булавкин, Булкин, Булочкин, Бульжник, Буханкин, Бухонкин, Ватрушкин, Горбушкин, Забудыгин, Ковригин, Коврижкин, Колобочкин, Колышкин, Корёжкин, Коробочкин, Коровкин, Корочкин, Кулицын, Кусачкин, Кусочкин, Лепёшкин, Лепнин, Мелкин, Мельницын, Палкин, Пальцын, Подколёсин, Пряничкин, Рожкин, Сухарин, Сушин, Сушкин, Чечевицын, Чечевичкин, Шкурин, Шкуркин;

с суффиксом **-ий (-ский)** – Бабинский, Куликовский, Рожковский, Сухаревский, Сухаревский, Сушевский, Сушинский.

***Нестандартные фамилии:**

в форме существительного мужского рода – Батон, Блин, Бублик, Бульжник, Горбач, Горбун, Желвак, Калач, Кекс, Колобок, Коловорот, Колышек, Корж, Коржик, Кулик, Кулич, Кусок, Ломоть, Ломтик, Мельник, Палец, Пальчик, Пирог, Пирожок, Пряник, Пузырь, Рогач, Рожок. Скорник, Сухарь;

в форме существительного женского рода – Булава, Булавка, Булка, Бухонь, Бухоня, Забудыга, Корка, Корова, Лепёшка, Мельница, Сушка, Шишка, Шкура, Шкурка;

в форме прилагательного – Кругленький, Ломанный, Ломкий, Огневой, Окольный, Пухленький, Хлебный.

5. Подсказки для преподавателей

БАТОН

Этимологическая справка

Слово «батон» со значением 'белый хлеб удлинённой формы' есть только в русском, украинском и белорусском языках. В других славянских языках это слово отсутствует. В русском языке это слово известно с конца ХУШ века. Сначала оно имело значение 'кондитерское изделие в форме палочки'. Одни исследователи считают, что палочки делали из говяжьего фарша, а затем покрывали их слоями теста; по мнению других исследователей считают, что раньше «батонами» называли узкие и длинные пряники, покрытые цукатами и миндалём. В современном значении слово зафиксировано в 1933 г. Во французском языке «*bâton*» – это 'палка/ палочка/ жезл', но со значением 'хлеб' ни во французском, ни в других зап.-евр. языках оно не употребляется.

Общеславянское слово «бато́гъ» образовано с помощью суффикса -огъ (ср.: пирог, творог, сапог) от слова «ба́ть». Последнее слово в диалектах и в некоторых славянских языках имеет значение 'дубинка/ шест/ палка'. Многие исследователи считают слова «ба́ть» и «бота́ть» ('бить') родственными (ср.: (болг.) бутáло 'колотушка'; (с.-х.) ба́тати 'бить/стучать'). Глагол «бота́ть» образован с помощью суффикса -ать от «бо́ть» 'палка/ ботало'. Ср.: латинское «*battuō*» 'бить/ударять'; н.-в.-нем. «*Blut bad*» 'кровавая расправа/ резня/ кровопролитие'; галльск. «*anda bata*» 'сражаться вслепую'.

Считается сомнительным толкование этого слова как переоформление тюркск. «*botak*», «*budak*» 'ветка/ сучок'.

(по Шанский Н.М. *Этимологический словарь русского языка*, М., 1963, т. 2)

ПИРОГ

Культурологическая справка

«Пир во время чумы» – одна из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина (1832). Основой для неё послужила сцена из поэмы английского поэта Джона Вильсона «Чумный город» (1816). Герои Пушкина пьют вино и веселятся, хотя в городе царит смерть (эпидемия чумы). Они делают это сознательно, понимая, что они, вероятно, скоро умрут, как умерли их близкие и знакомые. Своим смехом и весельем они бросают вызов смерти и хотят показать, что они её не боятся.

Крылатое выражение «пир во время чумы» употребляется для характеристики ситуации, когда весёлая беспечность контрастирует с общественным бедствием (по кн.: Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения», М., 1966, с.509). Ср.: в начале 2006 г. наши газеты под заголовком «Пир во время чумы» сообщали о традиционном карнавале в Нью-Орлеане, городе, недавно разрушенном тайфуном.

Пирогов Николай Иванович (1810-81) – русский учёный, врач, педагог и общественный деятель, член-корреспондент Российской АН с 1847 г. В 1828 г. окончил медицинский факультет Московского университета. В 1836-40 гг. работал в качестве профессора теоретической и практической хирургии в Дерптском (ныне Тартуском) университете. Затем (1841-56) был руководителем Института практической анатомии Петербургской медико-хирургической академии. В 1855 г. как военный врач участвовал в Севастопольской обороне. В 1856-61 гг. был попечителем сначала Одесского, затем Киевского учебных округов. С 1862 по 1866 год руководил учёбой молодых русских учёных, посланных за границу в Гейдельберг. С 1866 г. жил в своём имении в с. Вишня Винницкой губернии, откуда как консультант по вопросам хирургии выезжал на театр военных действий во время франко-прусской (1870-71) и русско-турецкой (1877-78) войн.

Пирогов – один из основоположников хирургии как научно-медицинской дисциплины. Он первым в России выступил с идеей пластических операций. Впервые в мире выдвинул идею костной пластики. Им разработаны ряд важных операций и хирургических приёмов. Он одним из первых использовал эфирный наркоз в клинике и в военно-полевой хирургии. Он высказал предположение о наличии болезнетворных микроорганизмов, вызывающих нагноение ран.

Пирогов – основоположник военно-полевой хирургии. Им были разработаны вопросы о зависимости лечения ран от свойств ранящего оружия, о единстве лечения и эвакуации, о сортировке раненых, о необходимости создания «складочных мест» (то есть сортировочных пунктов) и под. Он первым отказался от ранних ампутаций при огнестрельных ранениях конечностей. Пирогов разработал и ввёл в практику методы иммобилизации конечностей – гипсовые повязки (1854). Во время обороны Севастополя привлёк женщин (сестёр милосердия) к уходу за ранеными на фронте.

В 1897 г. в Москве перед зданием хирургической клиники был установлен памятник Пирогову (скульптор В.О. Шервуд). С 1919 г. Б. Царыцынская улица была переименована в Б. Пироговскую улицу. В Третьяковской галерее хранится портрет Пирогова кисти И.Е. Репина (1881).

(по БСЭ, 1978, т.19, с. 557)

Литература

Ашукин Н.С. и Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения, М., 1966.

Большая Советская Энциклопедия, М., 1978, т.19.

Гудков Д.Б. Коннотации и символические значения единиц вербальных культурных кодов // Русский язык: исторические судьбы и современность. 2-ой Международный конгресс исследователей русского языка, М., МГУ, 18-21 марта 2004 года. Труды и Материалы, М., 2004.

Красных В.В. Современная научная парадигма: лингво-когнитивный подход, там же.

Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах, Л., 1991.

Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А.И. Молоткова. Издание 4-е, М., 1986.

Чагина О.В. Поговорим о себе, М., 2000.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Издание 2-е. М., 1994.

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка, М., 1963, т. 2.

Яранцев Р.И. Справочник по русской фразеологии для иностранцев (свойства и качества характера человека), М., 1978.

**ЧТЕНИЕ РАССКАЗОВ ЛЮДМИЛЫ КОЛЬ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО В ПРОДВИНУТЫХ ГРУППАХ¹**

Женский святочный рассказ

Она сидела в прихожей, кинув полную сумку на пол, и рассматривала себя в зеркале. В магазинах столько народу перед праздниками – а перед новогодними особенно, – что она еле дотащилась¹. С полок сметают² буквально все.

Она рассматривала свое уставшее и осунувшееся лицо и думала: увидели бы ее сейчас на работе, когда она без «мундира»³! Плечи опущены, уголки рта поехали вниз, глаза сузились, щеки опали⁴, волосы лежат в беспорядке, на лбу, как всегда, когда она устаёт, обозначились складки... Особь⁵ женского рода и больше ничего! Куда это годится?! Лицо должно быть непроницаемым. И всегда веселым! Несмотря ни на что. Умеет же она «создать имидж» на работе! Никто никогда из ее учеников и не подумал, что у нее есть своя жизнь, в которой могут быть трудности, разочарования, огорчения. Она всегда повторяет им: публику не интересуешь, устал актер или не устал. А сама...

Она сгребла рукой густые волосы⁶, откинула их назад, выпрямила спину и, придвинув стул поближе к зеркалу, стала внимательно исследовать свое отражение. Пожалуй, она не так уж плохо выглядит для своих пятидесяти. Кожа на лице упругая, как у молодой. Ее всегда спрашивают, какой она знает секрет. А секрета нет – гены просто такие. А если у тебя гены другие, то сколько ни намазывайся французским кремом, все равно видно, что кожа старая... Правда, эти проклятые⁷ складки, которые появляются теперь, когда она устаёт... Нет, нужны все-таки питательные маски и массаж! И выше голову, чтобы не отвисал подбородок. Ох, уж эти «возрастные изменения»! Дома тоже нужно следить за собой – не распускаться⁸. Сходить к косметологу – первое. Второе – сделать хороший грим, конечно. Как у нее глаза подведены? Что за неаккуратность? Она совсем перестала следить за собой! Хороший, еле заметный грим! А прическа?! К парикмахеру немедленно: укоротить, сделать силуэт. То, что у нее, не годится! За несколько оставшихся дней она, разумеется, не попадет уже ни в одну парикмахерскую! Какая безответственность!

Она встала и критически скользнула взглядом по фигуре: сверху вниз – снизу вверх, оглядела себя с ног до головы. Нет, конечно, все

¹ Продолжение публикации. Начало см.: Слово.Грамматика.Речь.Вып. VI, М., 2004.

вполне, но нужно лучше! Разумеется, она очень умело скрывает недостатки одеждой... Но нельзя забывать о тренажере! Вечно ленится! Когда тебе столько, нельзя забывать об этом, тем более, что от сидячей жизни позвоночник уже похрустывает⁹. Лучше всего – в бассейн. В общем, не раскисать¹⁰, а заняться собой. И не «завтра», как она всегда говорит, откладывая что-нибудь на потом, а немедленно. Нужно дать себе зарок¹¹ в новом году!

Она подняла сумку с пола и пошла в кухню. Хлеб – на полку, сыр и овощи – в холодильник, фрукты – вымыть и в корзинку на стол. Печенье – в вазочку. Ах, какой запах! Она взяла одно. Ну вот, не удержалась! Ведь купила мужу – это он сластена¹², а ей вредно. Но сегодня его не будет. И завтра тоже... Тогда – кому она все это накупила? Поддалась предновогоднему азарту¹³? Она вынула целую кучу маленьких пластиковых пакетиков и, отправив в рот очередной кусочек печенья, направилась в спальню – рассмотреть хорошенько то, что куплено в подарок маме, сестре, подруге, домашним.

Она разложила пакетики на кровати и никак не могла решить, с какого начать. Пожалуй, с самого маленького – он предназначен для дочери. Она открыла коробочку, в которой на бархате мягко блестела изящная цепочка... Себе бы неплохо такую же купить... Ладно, дочь даст ей пару раз надеть... А это сыну – кожаные перчатки... Должны понравиться: кожа такая мягкая и фасон интересный. Мужу – традиционный шарф. У него их уже целая коллекция, но ей просто ничего больше уже не приходит в голову – за целую жизнь столько всего покупалось!.. А вот это – ей! Да, она всегда покупает себе подарки сама. Муж или купит что-нибудь не то, или вообще забудет. Цветы, духи, конфеты – все это бывает только в самом начале, а потом – как всегда: вечером телевизор или газета, в выходные – бег или лыжи и компьютер. Может быть, у других бывает что-то еще... Грустно, конечно... Но зачем об этом думать? Если думать об этом все время, жить совсем не захочется. Поэтому она выбирает сама то, что ей больше всего нравится в данный момент, красиво упаковывает и с нетерпением ждет праздника, чтобы наконец открыть. А мужа просто ставит в известность: «Это ты мне подарил». Хорошо, что у него хватает юмора оценить ее шутку: «Правда? Какая красивая вещь!»

Дочь теперь по праздникам дарит ей любимый когда-то «Анаис». У нее собралось уже целых три флакончика – нельзя же все время любить одно и то же, как сказал когда-то кто-то из приятелей в ее молодости. Она усмехнулась, вспомнив эти слова и разворачивая наконец коробочку с французской косметикой, которую она себе купила на этот раз: крем-пудра, тушь, тени – все для того, чтобы хорошо выглядеть! И губная помада – новый цвет... Она открыла тюбик¹⁴, и глядя в маленькое зеркальце, провела слегка по губам... Этот цвет делает их более сочными...¹⁵ Она поднялась, подошла к большому зеркалу: гм, да, не ошиб-

лась... Она еще раз оглядела себя и вдруг вспомнила, что ни сегодня, ни завтра никого ведь не будет дома. Сын уехал к друзьям. Или к подруге? Никогда не знаешь точно, но неважно, в конце концов. Дочь – у бабушки... Тоже, кстати, вопрос, где она бывает и что она на самом деле делает, когда говорит: «Я – у бабушки»... Муж – в командировке (или – ?) и вернется только послезавтра. И она – одна! Сегодня и завтра! Непозволительная роскошь! Делай, что хочешь: хочешь – читай до самого утра, и никто не будет ворчать, что свет ночника мешает; хочешь – смотри телевизор, и никто не будет просить переключить программу; хочешь – валяйся утром в постели¹⁶ до двенадцати, и никто не будет сердиться, что завтрак не готов; хочешь... Господи! Да что хочешь делай! Нет, это надо отпраздновать!

Она направилась снова в кухню и заглянула в холодильник.

Что бы такое приготовить? Стоит немного поразмышлять, пожалуй... Можно, конечно, самое простое... Например, куриные окорочка... Она достала с верхней полки упаковку и повертела в руках. Запечь куриную ножку, посыпав сверху тертым сыром¹⁷? Нет! Только не сегодня... Лучше индюшину отбивную с черносливом и орехами. Это она готовит не так часто. И к ней обязательно салат из свежих овощей – целую гору, вкусно и полезно, и полить оливковым маслом, а сверху еще чесночным соусом... А можно поджарить кусочек филе. Она купила отличное мясо сегодня. Зажарить посильнее с двух сторон, зато внутри мясо остается сочным и мягким. С красным вином это хорошо!.. А на десерт? Фруктовый салат? Нет, это слишком обычно! Мусс с мороженым – ее любимое блюдо! И напоследок¹⁸ – маленькую чашечку крепкого кофе с ликером! Она даже улыбнулась от удовольствия. А можно... можно...

Она еще раз окинула взглядом полки, вытащила¹⁹ батон салями, хлопнула холодильник, отрезала кусок хлеба и кусок колбасы и, откусив, пошла обзванивать своих подруг. Этот своеобразный вечерний ритуал²⁰ займет несколько часов. А потом она закутается в шерстяной плед, заберется с ногами в кресло и сядет перед телевизором. А индюшину отбивную или филе как-то скучно, пожалуй, есть в одиночестве.

Комментарии

Святки: праздничное время от Рождества до Крещения. *Святочные рассказы*, в которых описывается это время, часто с чудесами и приключениями, были популярны в XIX – начале XX века; они встречаются у классиков русской литературы: Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.И. Куприна, А.П. Чехова, И.С. Шмелева.

1. **Дотащиться.** Разговорное: еле-еле дойти до места.

2. **Сметать** («С полок сметают...»). Удалить, уничтожить. Стремительность действия: с магазинных полок все исчезает.

3. **«Мундир».** Форменная одежда в тех или иных военных или гражданских учреждениях. Здесь переносное значение: не на работе.
4. **Опасть** («щеки опали»). Обвиснуть; щеки стали впалыми.
5. **Особь** (женск.). Индивидуум. Здесь: ироническое употребление.
6. **Сгрести** («Она сгрела рукой густые волосы»). Собрать вместе.
7. **Проклятый.** Здесь: сильное значение слова означает досаду.
8. **Не распускаться.** Быть организованной.
9. **Похрустывать** («позвоночник уже похрустывает»). Звук. Здесь: начало остеохондроза, который возникает с возрастом или от сидячего образа жизни.
10. **Не раскисать.** Не плакать, не падать духом, не опускать голову перед трудностями.
11. **Зарок.** Обещание не делать чего-либо.
12. **Сластена.** Тот, кто слишком любит сладкое.
13. **Поддаться** («Поддалась ... азарту»). Сильно увлечься.
14. **Тюбик.** Упаковка, в которой продается губная помада.
15. **Сочные.** Здесь: полные, яркие.
16. **Валяться** («валяйся утром в постели»). Разговорное: лежать, ничего не делая, в постели.
17. **Тертый сыр.** Специально измельченный сыр, который продается в пакетиках.
18. **Напоследок.** В последнюю очередь.
19. **Вытащить.** Разговорное: достать.
20. **Ритуал.** Определенный, строго установленный порядок. Здесь: несколько иронический оттенок.

Вопросы

1. Когда происходит действие?
2. Какие мысли возникают у героини, когда она разглядывает себя в зеркале?
3. Как, по вашему мнению, она сама к себе относится?
4. Считаете ли вы необходимым для женщины делать ежедневный макияж?
5. Как вы думаете, почему женщина начала рассматривать подарки, которые только что купила домашним и знакомым?
6. Нравится ли вам ее меню? Что бы вы предложили?
7. Что вы думаете о финале рассказа?
8. Какими словами вы можете обрисовать характер героини?

Употребление слов в речи

- Никогда нельзя ни распускаться, ни раскисать!
- Ну и сластена ты! Не боишься стать толстой?
- Не поддавайся на уговоры!
- Какие сочные, яркие цвета на этой картине!

– Вредно валяться в постели по утрам!

Эпизод

Ее докторскую¹ праздновали в ресторане.

Было ужасно много людей, тостов, поздравлений и радости.

Уже совсем поздно ее привезли домой в маленькую однокомнатную квартиру, завалив все столики, тумбочки, подоконники цветами².

Она осталась одна среди этого благоухающего³ великолепия в вазах, корзинах, красивых пакетах и теперь стояла посередине комнаты, недоуменно глядя на них.

Потом осторожно, словно чужая, пробралась⁴ к дивану, села и, опустив голову на беспомощные женские кулачки, горько заплакала.

Комментарии

1. «докторская». Разговорное: докторская диссертация.

2. Завалить («завалив... цветами»). Покрыть, наполнить что-то, набросать. Здесь: везде было огромное количество цветов.

3. Благоухающий. Сильно пахнущий.

4. Пробраться. Найти путь, чтобы пройти среди плотно стоящих вещей.

Вопросы и задания

1. Как праздновали защиту докторской диссертации?

2. Почему, на ваш взгляд, автор говорит «беспомощные женские кулачки»? Согласны ли вы с таким определением?

3. Как вам кажется, счастлива ли героиня? И если нет, то почему?

4. Попробуйте немного пофантазировать и расскажите биографию героини, начав со слова: «Наверное, ...» или «Может быть, ...»

Среди мишуры

Настроение было бесшабашное¹! Не только потому, что полчаса назад отпраздновали на работе день рождения Ангелины и, конечно, два бокала красного вина она выпила. И не только потому, что приближался Новый год и она по дороге домой зашла в универмаг и сразу оказалась среди елок, шаров, гирлянд², заводных³ дедов-Морозов, поющих под ритмичную музыку веселые куплеты⁴ на разные разудалые⁵ голоса, отчего ноги сами начинают выделять па⁶. Конечно, не от этого. Просто накатило вдруг на нее такое бесшабашное настроение⁷. Ну, если не совсем как у девочки, но просто вот желание было смеяться, шутить и чувствовать себя прекрасной в новой короткой шубке – в нее хотелось закутаться по самый нос⁸, чтобы мех щекотал ноздри⁹ и от этого становилось бы смешно, – и шапочке á la kazakk, которую она недавно купила и которая ей безумно!¹⁰ шла. Именно в этой шапочке ей хотелось улыбаться, быть со всеми милой, предупредительной и казаться очаро-

вательной. (Ах, как банально! Все это уже у всех писателей описано: и у Золя, и у Чехова, и у Мопассана, и Бог знает у кого еще, все эти женские настроения. Кажется, не осталось уже ничего, что не было бы отражено в литературе...)

Она не собиралась покупать лишнего только потому, что на прилавках лежало так много красивых вещей. Ей было приятно двигаться среди всей этой ярмарочной мишуры, трогать то одно, то другое и улыбаться. Всем улыбаться, потому что настроение было бесшабашное! Какие-то скатерти, салфеточки, нарядные занавески на окна, зажженные изнутри лампочками-светлячками домики, подсвечники, звезды, фарфоровые безделушки...¹¹ Все было ярко освещено и плавало вокруг нее, и она плыла вперед среди разноцветных платков, шарфов, сумочек, шкатулочек, бижутерии. Ах, вон там, напротив, за этим морем красивых и бесполезных праздничных мелочей, такое интересное мужское лицо!.. Это так редко встречается, интересное мужское лицо, которое сразу приковывает взор¹². Кто он?.. Можно пофантазировать, представить его... кем?.. Кем он может быть? Бизнесменом? Ученым? Артистом?.. Или, может быть, художником?.. И как он живет, например? В окружении каких вещей?.. И как проводит свободное время? Какие у него могут быть увлечения?..

Ей захотелось улыбнуться ему, подарить ему свою добрую улыбку, просто потому, что настроение у нее было бесшабашное! И она, не обращая внимания на толпу, шла и шла, стараясь не потерять его из виду. Да где же он? Ах, вон там уже, далеко... Она спешила вперед, оставляя позади прилавков за прилавком, следя лишь за появлявшейся и исчезающей в толпе фигурой.

На секунду она задержала взгляд в зеркале, которое неожиданно возникло перед ней, и его нужно было обойти. Боже! Сколько людей вокруг, оказывается!.. Какая странная женщина там промелькнула¹³, однако... Что это за женщина?.. В такой же, как у нее шапочке á la kazakk... Не может быть!.. Ведь шапочку она купила летом в Италии, когда по туристической ездил... Она невольно приостановилась. Оглянулась. Не может быть, чтобы кто-то еще был в такой же, – шапочка была в том магазине единственная... Совпадение?.. И короткая шубка... между прочим, похожая на ее... Странно... Ведь это не она была... Она ведь идет и улыбается всем весело... И шапочка так безу-мно! идет ей. А там какое-то серое лицо было, уставшее, сморщенное, с кругами под глазами¹⁴ и сомкнутым ртом... Старое какое-то лицо... старой девы какой-то... неприятной старой девы с тонкими губами...

Она повернулась и медленно пошла к зеркалу, упорно продираясь¹⁵ сквозь идущий навстречу поток людей. Нет, она ведь улыбается всем... весело... и по-доброму... Вот же оно, зеркало... И она увидела отражение... в шапочке á la kazakk...

Комментарии

1. **Бесшабашный** (бесшабашное настроение). Беспечный, безрассудный.
2. **Гирлянда**. Длинное елочное украшение, состоящее из повторяющихся предметов, соединенных друг с другом.
3. **Заводной** (заводная игрушка). Игрушка, которая движется, если ее заводят ключом, или с помощью батарейки.
4. **Куплет**. Отдельная строфа (обычно 4 строки) из песни.
5. **Разудалый**. Народное: смелый, без комплексов.
6. **Па**. Шаг в танце.
7. **Накатить** («накатило вдруг ... настроение»). Переносное: внезапно овладеть кем-то (о чувстве).
8. **Закутаться** («закутаться по самый нос»). Завернуться во что-либо, тепло одеться. Здесь: высоко поднять воротник.
9. **Щекотать** («чтобы мех щекотал ноздри»). Легкое раздражение, от которого хочется смеяться.
10. «безу-мно!» В разговорном стиле речи: очень сильно. Двойное «у» и восклицательный знак усиливают значение.
11. **Фарфоровая безделушка**. Красивое и бесполезное фарфоровое украшение для дома.
12. **Приковывать (взор)**. Привлекать внимание.
13. **Промелькнуть** (мелькать). Возникнуть неожиданно и тут же исчезнуть.
14. **Круги** («с кругами под глазами»). Темные пятна под глазами у очень уставших людей.
15. **Продираться**. Разговорное: стараться пройти между тесно находящимися по отношению друг к другу людьми или предметами.

Вопросы и задания

1. Где и когда происходит описываемое действие?
2. Найдите в тексте средства, которыми автор передает предпраздничную атмосферу.
3. Как вы думаете, какого возраста героиня рассказа?
4. Как вам кажется, зачем автор несколько раз подчеркивает, что настроение у героини было бесшабашное?
5. Существует ли, по-вашему, проблема возраста?
6. Какой вам представляется эта история: трагической или комической? Аргументируйте свой ответ.
7. Объясните значение глаголов из текста: отпраздновать, приближаться, оказаться (среди чего-либо), приостановиться. Найдите их в тексте и дайте свои примеры.

Вопросы и задания для беседы по прочитанным рассказам

1. Какой одной темой можно объединить эти 3 рассказа?
2. Дайте названия ситуациям, которые описывает автор.
3. Есть ли, на ваш взгляд, общее в характерах героинь? Аргументируйте свои ответы.
4. Какой из рассказов вам понравился больше всего и почему?
5. Что вы можете сказать о стиле автора и ее поэтических приемах?

**ПРОБЛЕМЫ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ РУСИСТИКЕ**

«Большой польско-русский словарь» (2005) представляет собой вторую часть крупного лексикографического комплекса. Первой частью является «Большой русско-польский словарь» (см. рецензию на этот словарь: (Кульпина, Татаринцев 2005)). В предисловии к рецензируемому «Большому польско-русскому словарю» его главный редактор Ян Вавжиньчик подчеркивает переводное, практическое измерение словаря.

Словарь составлен с учетом близкого родства польского и русского языков. Это означает подачу информации таким образом, что внимание фокусируется в первую очередь на различиях, на зонах языковой интерференции с русским языком, на нюансах, оттеняющих разные ракурсы семантики слова, релевантные с точки зрения перевода. Словарь задуман так, что его словарные статьи – по отдельности и их группы – являются собой презентацию переводных закономерностей, переводных соответствий, однако в первую очередь переводных несоответствий. Поэтому данному словарю можно дать второе имя – «Переводной словарь несоответствий». Словарные статьи свободны от информации, не связанной с процессом перевода, и таким образом, в словарь не включаются формы, словообразовательная структура которых и семантика при переводе не вызывают сомнений. Этим достигается экономия места, которое заполняется новейшей лексикой, в том числе последними актуальными аббревиатурами. Благодаря наглядности подачи информации обеспечивается оперативность и быстрота поиска нужной информации. Наглядности в свою очередь способствует подача материала в естественной графической форме (в том числе и без традиционных тильд). Внимание обращается на те моменты, которые могут вводить в заблуждение – то есть на межъязыковые омонимы (во вводной части словаря они обозначены как мнимые межъязыковые соответствия). Словарные статьи рассматриваются как инструктаж по переводным операциям. Информация по переводу, как подчеркивается во введении, всегда является в словаре самой востребованной. Поэтому в данном случае именно эта информация рассматривается как главенствующая и ей же подчинено все описание в пределах словарных статей.

Целям перевода подчинена и выработанная для нужд данного словаря система лексикографической символики, продолжающая и развивающая польскую лексикографическую традицию. Приведем пример символического обозначения омонимов: если заголовочное слово дается на слегка затемненном сером фоне, значит, на таком же фоне будет дано и следующее – омонимичное данному – заголовочное слово. Например, слово *dyplomatka*, как можно догадаться, обозначает феминатив 'дипломатка'. Но не только. Слово с таким же фонетическим обликом –

dyplomarka – означает еще и плоский чемоданчик (дипломат, кейс, атташе-кейс).

Переводная информация в словаре упорядочена, иерархизирована. Так, переводные эквиваленты (если их больше одного) нумеруются. Соответственно, первый номер отводится под эквивалент самого общего плана, «обслуживающий больше всего самых разнообразных ситуаций употребления данного слова» (с. 12). Далее следуют соответствия с более конкретизированными и узкоспецифическими значениями. В тех случаях, когда между лексемами не наблюдается резких различий по значимости, их иерархизация осуществляется с помощью косой черты: перед косой чертой идет самое оптимальное и частотное соответствие, после нее – более редкое.

Курсив, вкрапленный в ряд эквивалентов, является своего рода предупреждением о том, что данный курсивом эквивалент не может быть механически подставлен в текст транслята и требует дополнительных мыслительных операций. Эквиваленты, набранные курсивом, нередко сигнализируют о необходимости синтаксической или морфологической адаптации слова в пределах предложения, то есть необходимости его постановки в соответствующем роде, лице, числе, падеже. Ведь, к примеру, информация о роде не дается там, где с точки зрения морфологии и так понятно, какого рода данное слово. Таким образом, слова, данные курсивом, имеют вспомогательную значимость. Словарные статьи содержат краткие текстовые иллюстрации (это фразы или предложения), приводимые после знака треугольника Δ. Их подбор отражает частотность и сферу употребления лексем. После знака ромба ◊ даются выражения, образованные на базе заголовочного слова. В целом словарная статья имеет достаточно сложную и разветвленную структуру, но пользователь этой сложности не замечает, благодаря наглядности подачи материала быстро отыскивая нужную ему информацию.

Последние новинки толковых словарей польского и русского языков (а то и минуя одноязычную лексикографию) из разных речевых жанров прямым попаданием попадают в двуязычный словарь – и такое внимание, отслеживание новинок не может не вызывать горячей благодарности к авторам за облегчение переводческого труда.

Рецензируемый словарь является самым большим двуязычным польско-русским словарем. Об этом говорят цифры: его объем – сетка в виде 70 тыс. заголовочных слов, его практический охват – 200 тыс. слов. Приложение же к словарю, содержащее «особые переводческие единицы: элементы польских слов, имеющие довольно регулярные русские соответствия» (с. 9), позволяет перевести (на основе выявленных в Приложении русских соответствий) десятки тысяч, «целые серии польских слов», как отмечает Эльжбета Соболь, главный редактор словарей Научного издательства PWN, в котором и увидел свет этот новый словарь. В своем предисловии к словарю «От издателя» она приводит такие цифры: «Словарь содержит 160 тыс. польских значений, оборотов, выражений, идиом и типичных словосочетаний. Всего он насчитывает

520 тыс. чаще всего употребляемых польских и русских слов» (с. 5). Здесь же в качестве несомненных достоинств Словаря отмечается то, что он уникально новый – потому что Большого переводного польско-русского словаря до него в природе не существовало. И еще он новый и уникальный – поскольку учитывает в сетке словарных статей новую лексику, в том числе последних десяти с лишним лет, включая терминологическую. Для части лексем – это место их первой встречи с переводчиком, место первой словарной фиксации, так как они пока еще даже не вошли в толковые словари польского языка. Важно вместе с тем, что на новой современной лексике – польской и русской, строится метаязык словаря. Это словарь нового поколения, учитывающий достижения лексикографического прогресса.

Стремлением авторов было дать как можно больше новых переводных эквивалентов, уточнить их с точки зрения появления новых языковых и культурных реалий. Так, польская лексема *obiegówka* получает адекватный речевой эквивалент ‘бегунок’, в скобках же приводится ‘обходный лист’.

Совершеннейшее новум словаря – включение непосредственно в сетку заголовочных слов (без выделения в отдельные словники) крупнейшего массива имен собственных – имен наших современников и исторических личностей, распространенных фамилий. Так, например, мы узнаем из словаря, какой облик по сложившейся традиции принимают в русском языке распространенные польские имена и фамилии. Это большая помощь для переводчиков в деле сокращения их умственных усилий и времени, затрачиваемого на перевод.

Наличие большого фонда персоналий позволяет нам, например, идентифицировать такие личности, как Einstein ‘Эйнштейн’, Böll ‘Бёлль’, Beaumarchaise ‘Бомарше’, имена древних мыслителей, таких, как Atepagoras ‘Афиногор’, Protagoras ‘Протагор’, литературные персонажи – Kubuś Puchatek (букв. ‘Кубушь Пухатик’ или ‘Кубушь Пушистик’) ‘Вини-Пух’, мифологические имена – Zeus ‘Зевс’, Belzebub ‘Вельзевул’, такие города, как Teodozja ‘Феодосия’, Mediolan ‘Милан’, Auckland ‘Окленд’, такие реки, как Huang He ‘Хуанхэ’, Tamiza ‘Темза’, такие сокращения, как S-ka z o.o. ‘ООО’ – ‘Общество с ограниченной ответственностью’.

Из-за вышеназванной так называемой прецизионной лексики в случае невозможности ее идентификации процесс перевода может полностью застопориться. Еще такая интересная особенность: словарь позволяет фамилиям из русскоязычного ареала, в том числе фамилиям известных людей, литературных персонажей и фамилиям простых смертных, встречающимся в польском языке, найти адекватный русскоязычный облик, напр.: Tiutczew Тютчев, Tiorkin Тёркин, Szalapin Шаляпин, Sahajdaczny Сагайдачный, Szyriajew Ширяев, Świdrygiełło Свидригайло. При этом охват фамилий весьма велик. Ведь любой язык, любое заимствованное слово, в том числе и имя собственное, для своего удобства так или иначе приспособливает, трансформирует, и эти даже минималь-

ные трансформации могут помешать взаимоидентификации людей, территорий, понятий.

Если оценивать весь двуязычный комплекс целиком – русско-польский и польско-русский словари, нельзя не отметить, что он представляет собой хорошо отлаженную мобильную систему взаимоидентификации людей, имен, фамилий, городов, стран и, разумеется, всех других лексических классов – по обе стороны русской и польской души.

Словарю «Польско-русские идиомы» Войчеха Хлебды, Альбины Голубевой, Яна Вавжиньчика, Томаша Вельга предпосланы два предисловия – на польском и русском языках. В них его реномированные авторы информируют о том, что словарь относится к жанру, название которому авторы придумали сами – к малой идиоматике. Но само существование такой категории лексических единиц, являющихся предметом презентации в словаре, никоим образом не может быть оспорено и поставлено под сомнение. Это такие словосочетания, идиоматичность которых мы просто не замечаем и, как правило, о ней не догадываемся, принимая их за свободные словосочетания. Таким свободным словосочетанием видятся обычно польское словосочетание *łyżeczka do herbaty* (букв. ‘ложечка для чая’) и русское словосочетание ‘чайная ложка’, которые на самом деле ни в польском, ни в русском языках не являются свободными.

Таким образом, характерные особенности категории лексических единиц, являющихся предметом лексикографического описания, лежат в межъязыковой сфере, в частности, в межъязыковой асимметричности их внутренней формы, проявляющейся в их буквальной непереложимости и непереводемости. И лишь перевод на другой язык позволяет нам осознать устойчивость формы, ее идиоматичность. Иными словами, на уровне одного языка идиоматичность представленных в словаре единиц «не просматривается», и лишь перевод позволяет ее осознать. Чтобы перевести эти единицы, надо суметь увидеть их идиоматическую природу, связанность, устойчивость и неделимость презентующего их словосочетания, а значит – разглядеть их идиоматичность.

Ян Вавжиньчик и Войчех Хлебда, члены упомянутого авторского коллектива, давно и сосредоточенно вели поиск таких малых идиоматических форм, что находило свое выражение в многочисленных произведениях теоретической и практической лексикографии, в сопоставлении фразеологических систем польского и русского языков – как в теории языка, так и в практическо-лексикографическом планах. В рецензируемом словаре авторы экспонируют эти обнаруженные ими малые формы и находят им оптимальные, точные эквиваленты в русском языке.

Сопоставительный пласт таких выражений можно определить одной ёмкой русской фразой (из серии тех, которые вполне могут быть представлены в словаре) «так, да не так!». Именно тонкие нюансы предопределяют точность и корректность их употребления в языке. При ощущении полной симметрии все-таки остается «зазор» для несовпадений, сравним, к примеру *włec się w ogonie* (букв. ‘волочься в хвосте’) –

‘плестись в хвосте’; wyżej wzmieniony (букв. ‘выше упомянутый’) – ‘вышеупомянутый’; z gołą głową (букв. ‘с голой головой’) – ‘с непокрытой головой’.

Словарь содержит также предложения-иллюстрации фразем на польском и на русском языках, являющиеся зеркальными повторениями, межъязыковыми эквивалентами, симметричным отражением друг друга.

Словарь фиксирует целый ряд средств широко понимаемой модальности, выступающих в разных речевых жанрах, например: *by tak gzes* ‘если можно так выразиться’; *być pewnym, że* ‘быть уверенным, что’; *co najmniej* ‘по меньшей мере’; *co najwyżej* ‘в крайнем случае, самое большее’; *co więcej* ‘более того’; *co za tym idzie* ‘как из этого следует’; *dochodzić do wniosku* ‘приходить к выводу’.

Многие фраземы являются частью языка канцелярита, например: *czynić przygotowania* ‘вести подготовку’; *dać do podpisu* ‘дать на подпись’; *dane personalne* ‘анкетные данные’; *czynić kroki* ‘предпринимать шаги, меры’. В словаре мы обнаружим много распространенных оборотов с правовой родословной, например, *litera prawa* ‘буква закона’, *na drodze sądowej* ‘в судебном порядке’; *należać się prawnie* ‘полагаться по закону’; *pabrać mocu prawnej* ‘войти в силу’ (о документах); *tamać prawo* ‘нарушать закон’. Немало оборотов социоэкономической направленности: *koszy utrzymania* ‘стоимость жизни’; *lista plac* ‘платежная ведомость’; *list przewozowy* ‘накладная’.

Большинство представленных в словаре единиц носит текстообразующий характер. Представленные в нем малые формы и есть слагаемые дискурса.

Средства малой идиоматики трудно выделить и нелегко найти их заменитель в иноязычном тексте в виде совершенно адекватного точного эквивалента, но авторы словаря со своей сложной задачей явно справились. Ведь рецензируемый словарь со всей очевидностью является плодом колоссального языкового опыта его создателей, привычки к постоянному переключению с языка на язык, к языковым трансформациям и транспозициям.

Трудно поверить в то, что такой словарь создан, это колоссальное подспорье для практики перевода. Конечно, хочется верить, что будет составлен и аналогичный русско-польский словарь.

Книга многое дает также в плане языковой рефлексии, позволяя осознать, насколько асимметричными могут быть близкородственные языки. Словарь дает пищу для размышлений о том, что наша речь, видимо, более идиоматична, чем это принято считать. Если вычесть эти элементы, для грамматического костяка остается совсем немного, потому что именно на грамматический костяк, на скелет грамматической системы в первую очередь наращиваются эти средства малой идиоматики.

Лексикографическая презентация словосочетаний повседневного разговорного языка и терминологизированных словосочетаний юридической и социоэкономической практики, канцелярита, бытовых и спор-

тивных терминов – это важный факт науки и в то же время незаменимая и высокоценная книга для переводчика, заполняющая зияющие бреши в нашей переводческой практике.

«Русско-польский словарь крылатых слов» В. Хлебды, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой является образцом сопряженности русской и польской лексикографии, постоянного внимания со стороны польских рустистов к работам российских коллег.

В этом словаре представлено собрание самых распространенных крылатых слов, без которых русская языковая личность просто не существует, такие, например, выражения, как «Пусть сильнее грянет буря!», «Пусть всегда будет солнце!», «Раззудись, плечо! Размахнись, рука!», «Разошлись, как в море корабли», «Жив курилка», «Ещё немного, ещё чуть-чуть», «Ещё не вечер». Это естественные готовые фрагменты нашей речи. Употребляя их, мы не вспоминаем в принципе, какой автор, какое произведение за ними стоит. Но употребляются они в связи с какими-то однотипными ситуациями, в ответ на какую-то реплику, событие. При этом нередко именно такие выражения являются камнем преткновения для иностранца, даже совсем неплохо владеющего русским языком, как с точки зрения понимания, так и ситуативной отнесенности.

Войчех Хлебда, профессор Института восточнославянской филологии Опольского университета, поставил перед собой задачу найти польские эквиваленты крылатых слов, бытующих в русском языке (там, где они есть, или там, где их можно создать). Там же, где выражения рускоспецифичны настолько, что польских соответствий не имеют и создать адекватный эквивалент также не представляется возможным, В. Хлебда дает их семантизацию и выводит более «скромное» польское соответствие, не такое броское и запоминающееся, как в оригинале. Следует отметить исключительную ёмкость и исчерпывающий характер даваемых пояснений и комментариев с учетом лексического фона, имеющегося у носителей польского языка.

Словарь состоит из вводной части, озаглавленной «Малое введение в общую и частную крылатологию и в данный словарь в особенности» В. Хлебды, раздела «Символы и сокращения» (состоящего из подразделов символов, помет, русских сокращений и польских сокращений), раздела «Основная литература в области крылатых слов», раздела «Отдельные польские и русские лексикографические работы», собственно корпуса, складывающегося из 800 словарных статей со стереотипной восьмичленной структурой, и индексной части, состоящей из алфавитного «Индекса польских соответствий» русских цитаций с отсылками к соответствующим словарным статьям, созданного для удобства пользователей и расширения их круга, а также алфавитного «Индекса фамилий» авторов и соавторов крылатых единиц, также с отсылками к словарным статьям.

Итак, как и многие произведения современной польской лексикографии, словарь имеет теоретическую часть «Малое введение в общую

и частную крылатологию и в данный словарь в особенности» авторства В. Хлебды. Как и сам словарь, эта вводная часть многослойна, многопланова и представлена целым рядом подразделов, освещающих проблемы дефиниции крылатых слов и сущности этих языковых единиц, проблематики словарей крылатых слов (одноязычных и двуязычных) и данного словаря в частности. Подчеркивается, что по форме рассматриваемая категория языковых единиц представляет собой слова, словосочетания или фразы. Крылатые слова представляют собой «цитатопроизводные лексические единицы» (с. 9); их «особым признаком является то, что мы знаем или можем найти и указать их автора или конкретный текст, являющийся источником их происхождения» (с. 7). В. Хлебда подчеркивает важность признака конкретности автора или родословной текста, так как подавляющее большинство слов создано совершенно анонимными авторами. В то же время не менее характерным признаком крылатых слов является то, что они «приобрели самостоятельность, освободились от текстов-источников и вошли в общеязыковой оборот» (с. 8).

В. Хлебда указывает, что «охват и состав текстов источников таких слов, выражений, поговорок меняется с ходом времени одновременно с изменениями в социальном коммуникативном пространстве» (с. 7). Имеется в виду то, что художественную литературу в этом пространстве могут потеснить публицистические, рекламные тексты, телепрограммы, кинофильмы и т.д. Описываются функции крылатых слов: они служат для «называния понятий, характеристики лиц, событий и ситуаций, для реплик в дискуссиях, для придания речи аллюзийности, для языковой игры» (с. 8). В. Хлебда подчеркивает, что крылатые слова – это общее достояние и комплекс опознавательных знаков целых поколений, крупных человеческих сообществ, «формирующих наш культурный код и тем самым представляющих собой подтекст общественной коммуникации» (с. 8).

Исследования крылатых слов направлены на изучение их природы и места в языковой системе, функций в общесоциальном дискурсе. В. Хлебда обращает внимание на то, что эти исследования ведутся в последнее время с таким размахом, что уже поговаривают о формировании новой поддисциплины лингвистики – «крылатологии».

Освещая проблематику словарей крылатых слов, В. Хлебда совершает экскурс в историю понятия, которое берет свое начало от Гомера, в эпосах которого многократно встречается выражение *ερεα πτεροεντα* «крылатое слово»; в то же время своей популярностью данное понятие обязано немецкому языковеду Георгу Бюхманну, который это гомеровское выражение превратил в название своего собрания авторских выражений (до сих пор переиздаваемого) – *Geflügelte Worte* (Берлин, 1864), придав ему терминологическую значимость.

В своем историческом экскурсе в русскую крылатологию В. Хлебда указывает, что в России сборник «Крылатые слова» Сергея Максимова увидел свет в 1891 г., а его автор отнесся к данному понятию расширительно, охватив им разнообразный фразеологический и паремиологиче-

ский материал. В 1902-1903 гг. в Петербурге вышел двухтомник крылатых слов Мориса Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний»; собранный в нем материал уже ближе к современному пониманию крылатых слов. В. Хлебда называет словари таких авторов, как С. Займовский, В. Овсянников, Н. и М. Ашукины, М. Булатов, В.П. Берков, К.В. Душенко, а также «Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2000 г., 4000 расширенных словарных статей) и «Словарь крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко. В Польше систематический сбор и комментирование крылатых слов связаны с именем Хенрика Маркевича, а самый крупный словарь крылатых слов (12 000 единиц), подготовленный Хенриком Маркевичем и Анджеем Романовским, вышел в 1990 г.

В. Хлебда подчеркивает, что словарь в полном значении этого слова должен регистрировать реальные языковые единицы, «которые уже вошли в код и стали фактически элементами системы данного языка» (с. 9); эти единицы должны получать дефиниции и основные грамматические, прагматические и стилистические пометы; желательны также иллюстративные примеры, демонстрирующие их функционирование. Если эти условия не выполнены, жанр такого произведения можно определить как лексикон или собрание цитат (а не как словарь крылатых слов). В. Хлебда, впрочем, сетует на то, что критерии отделения словаря крылатых слов от словаря цитат с необходимой точностью пока не установлены.

В подразделе «О двуязычных словарях крылатых слов» В. Хлебда отмечает, что двуязычные словари данного жанра – исключительная редкость. Об актуальности таких словарей говорит то, что общие переводные словари таких единиц не фиксируют, в лучшем случае, в них включается небольшой круг библеизмов и мифологизмов. Это касается и двуязычных фразеологических словарей, в которых круг таких единиц чрезвычайно мал. Работа над двуязычным словарем крылатых слов наталкивается на объективные трудности: ведь словарь данного типа должен опираться на крупный корпус соответствующих единиц в одноязычных словарях крылатых слов (не сборниках цитат) как базы для двуязычного словаря.

В. Хлебда указывает на особую специфику установления двуязычных эквивалентов для словаря данного жанра, несвойственную обычным фразеологическим словарям. Ведь европейские фразеологические системы в целом симметричны в отношении друг друга; они порождают основные номинативные средства, которые обслуживают «в разных странах и культурах те же самые по сути сферы человеческого опыта; безэквивалентные в понятийном плане фразеологизмы представляют собой скорее отступление от правила» (с. 10). Иное дело крылатые слова, у которых неповторимая авторская форма обычно служит вербализации индивидуального содержания, отсюда «понятия и понятийные комплексы устанавливаются лишь в пределах данного текста, им дает

жизнь именно данный автор, поэтому в сетях понятий других языков они по понятным причинам отсутствуют; при сравнении национальных корпусов крылатых слов понятийная безэквивалентность (и, разумеется, формальная) является скорее правилом» (с. 10). В. Хлебда отмечает, что даже у таких универсальных и общих для европейских культуры произведений, как Библия и наследие Шекспира, «на цитаты разбирают» разные фразы, а потому не приходится говорить о полной межъязыковой симметрии. Таким образом, даже прекрасный перевод произведения русской литературы на польский язык еще не гарантирует для лексикографа нахождение аутентичного крылатого эквивалента, так как соответствующий фрагмент мог и «не окрылиться» в масштабах всего польского литературного языка. К тому же не все произведения русской литературы, являющиеся источниками крылатых слов, переведены на польский. В. Хлебда подчеркивает, что «работа над таким словарем, как данный, безжалостно обнажает, сколь длинным является тот ряд важных в культурном отношении русских текстов, которые стали для русского языка источником крылатых слов и которые все еще (как хотя бы десятки рассказов и сотни писем Антона Чехова) не освоены польским языком» (с. 11).

В третьем подразделе «О "Русско-польском словаре крылатых слов"» В. Хлебда обращается к истокам создания двуязычного словаря крылатых слов, инициатором которого стала Светлана Григорьевна Шулежкова, профессор Магнитогорского университета (автор первой в России монографии по крылатым словам, соавтор Большого словаря крылатых слов русского языка и автор словаря крылатых слов из области искусства), инициатива которой была подхвачена выдающимся российским фразеологом Валерием Михайловичем Мокиенко, в настоящее время профессором университета имени М.-Е. Арндта в Грайсвальде. В 1998 г. С.Г. Шулежкова и В.М. Мокиенко разработали сетку заголовочных слов словаря (которая затем подверглась В. Хлебдой адаптативным действиям по сокращению и уточнению одних единиц и расширению за счет включения других единиц), исходные дефиниции значений, генетическую информацию и русские текстовые иллюстрации. Этот материал и стал для Войчеха Хлебды исходным для установления польских соответствий и подбора польских цитат.

В. Хлебда указывает на определенную разнородность исходного русскоязычного материала, который содержит несомненные эквиваленты из классических источников – Библии, греческой мифологии, русской и мировой прозы и драматургии, высказывания государственных мужей, политиков, деятелей прошедших и нынешней эпох, а также материал широко понимаемой сферы массовой культуры: из опер, мюзиклов, песен, кинофильмов, телепрограмм и рекламы. Включены и периферийные для крылатологии единицы: эпонимы (единицы, образованные от имен собственных), а также единицы неустановленного авторства (типа *Мамаево побоище*, *тургеневская барышня*).

В. Хлебда подчеркивает, что для авторов словаря релевантны не

только перевод и авторство цитат и их датировка; как не менее важная рассматривается им и языковая информация: семантизация языковых единиц, грамматические (в том числе по сочетаемости), стилистические и прагматические сведения и как можно более исчерпывающая иллюстративно-текстовая информация, данная в примерах. Акцентируется принципиальная филологичность подхода к описанию крылатых слов, функция словаря как практического помощника в понимании русскоязычных текстов с интертекстуальными «инкрустациями» и их переводе на польский язык.

В. Хлебда подчеркивает, что проделанная в словаре работа не есть механический подбор польских цитат к русским, ибо такого рода «дефиниционно-переводной словарь всегда является местом особого рода встречи двух разных мировидений, двух неодинаковых национальных менталитетов, двух культур, формирующих – каждая по-своему – структуру понятийно-номинативной сети данного языка» (с. 12).

Среди единиц, внедренных в сетку словарных статей В. Хлебдой в связи с их необходимостью для польского пользователя, такие, как *Москва – третий Рим, великий и могучий, осетрина второй свежести* и др. Дополнениям за счет собственной картотеки польских и русских цитаций новейшей эпохи В. Хлебдой подверглись также дефиниции и иллюстративные примеры – с целью увеличения их «радиуса действия». В. Хлебда разработал также систему символов внутри словарных статей.

Словарь В. Хлебды, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой – это, безусловно, произведение оригинального лексикографического жанра. Хочется надеяться на то, что и другим лексикографам может прийти по душе сама идея создания такого рода гибридных многослойных двуязычных словарей крылатых слов, что, безусловно, пойдет на пользу практике перевода и послужит повышению уровня общей эрудиции, всестороннему познанию круга афоризмов, непосредственно участвующих в формировании русской языковой личности.

Модная категория интертекстуальности, текста в тексте, в рецензируемом словаре приобретает особый смысл и может явиться источником особого поискового азарта – эти самые частотные межкультурные интертекстуальные вкрапления могут быть собраны вместе, их можно найти, понять их смысл. И в этом плане рецензируемый словарь играет колоссальную роль, которую трудно переоценить.

В целом, как представляется, все три рецензируемых издания характеризует, если можно так сказать, доброта, доброжелательный настрой к человеку. Вышеописанные словари предваряют любой вопрос и дают на каждый из них адекватный и, благодаря своей адекватности и детальности, добрый ответ доброжелательного помощника, не ментора. В этом и особенность словарей нового поколения – они хотят служить человеку, быть его другом, к которому всегда, не стесняясь за свое незнание, можно обратиться за советом, и это неудобство, неловкое ощущение от незнания чего-либо – в срочном оперативном порядке – ликвидировать и дальше достойно шагать дорогой знаний.

Литература

- Большой польско-русский словарь / Гл. ред. Ян Вавжиньчик; Сост. Я. Вавжиньчик, М. Куратчик, Э. Малек, Х. Бартвицка = Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2005. 927 s.
- Chlebda W., Gołubiewa A., Wawrzyńczyk J., Wielg T. PWN Idiomy polsko-rosyjskie. Польско-русские идиомы. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2003. 272 s.
- Chlebda W., Mokijenko W.M., Szuleżkowa S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. 706 s.
- Кульпина В.Г., Татаринцов В.А. Большой русско-польский словарь – концептуально новый тип двуязычного словаря // Слово. Грамматика. Речь: Сб. научно-методических статей по преподаванию РКИ / Отв. ред. О.В. Чагина. М.: Изд-во МГУ, 2005. Вып. VII. С. 326-328.

НЕКОТОРЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ РУСИСТИКЕ

Недавно увидевшая свет книга известного польского русиста и полониста Анджея Богуславского, выпускника МГУ, доктора филологических наук, профессора кафедры формальной лингвистики Варшавского университета, известного лексиколога, лексикографа и грамматиста, имеет ярко выраженный вузовский характер; ее адресатом в первую очередь является студент-филолог, готовящий себя к профессии русиста. Книга задумана и выполнена как помощь в овладении трудным материалом склонений и спряжений. Она называется «Русское словоизменение», и название точно отражает ее содержание, целевое назначение и пафос: сделать многотрудный с точки зрения вложений преподавательского и студенческого труда, сложный для усвоения материал понятнее, доступнее, а также помочь запомнить и экстраполировать учебные знания на практические умения, превратить их в повседневный навык.

Книга охватывает систему словоизменения всех частей речи; она исключительно насыщена материалом, который дается в наглядной форме в виде парадигм и комментариев к ним. Здесь практически нет (или совсем немного) теоретических размышлений, но они просвечивают сквозь схематичность парадигм, создававшихся на основе выработанной интерпретации материала русского словоизменения. Эта интерпретация создавалась с учетом контекстуальной обусловленности флективных форм, потому что «без хорошего знания контекстуальной дифференциации слов и словосочетаний в разных высказываниях не может быть и речи о создании правильного идиоматичного текста, не раздражающего настоящих носителей иностранного языка» (с. 11), и необходимой эстетики коммуникации.

Анджей Богуславский разработал, по его выражению, определенную картину словоизменения русского языка. Собственно говоря, часть этой картины вошла у него в концепцию, разработанную им совместно со Станиславом Кароляком в «Функциональной грамматике русского языка» (Boguslawski, Karolak 1970), и в последующие, постоянно совершенствуемые издания (1973, 1978, 1993). Общей теории словоизменения посвящена написанная по-английски книга А. Богуславского *Two essays of Inflection*, вышедшая в Варшаве в 1992 году (Boguslawski 1992). Картина грамматического описания русского словоизменения представлена также в Иллюстрированном русско-польском и польско-русском словаре А. Богуславского (который начал издаваться с 1978 г. и выдержал уже четыре издания (последнее – в 1993 г.)) (Boguslawski 1993). Таким образом, картина русского словоизменения, как указывает Анджей Богуславский, в принципе опирается на подход, представленный в указанных грамматиках, монографиях и словаре. Однако эта кар-

тина подверглась изменениям и дополнениям.

А. Богуславский сосредотачивается в книге на таких показателях словоизменения, которые имеют вполне формально осязаемое графическое и/или акцентуационное регулярное выражение, с целью обеспечения уверенного и надежного перехода от основных форм к другим необходимым формам и в конечном итоге – к построению сложных текстов.

Книга открывается разделом «Предварительные установки», в котором А. Богуславский отмечает, что устанавливаемые им закономерности не всегда соответствуют традиционным описаниям. Ударение рассматривается А. Богуславским как неделимый сущностный ингредиент русской грамматики, и такой подход подтверждается материалом всей книги. Собственно, каждый раздел завершается информацией по ударению. Польским учащимся особенно трудно усвоить русское ударение, так как в польском языке ударение фиксированное, поэтому разноместность русского ударения – это огромная сложность и особый тип трудностей при изучении русского языка.

Для наглядности объяснений по акцентуации А. Богуславский привлекает в том числе и компьютерную метафорику, указывая, что в большинстве случаев действует так называемый «нулевой режим» (*опция зеро*), когда ударение остается на том же гласном, что и в словарной форме (лампа – лампы). Будучи изощренным знатоком русского языка, А. Богуславский умеет тем не менее встать на точку зрения польского студента и донести до него важную и трудноусвояемую информацию о загадочной и неуловимой букве *ѐ*, которая хотя и есть в русском алфавите, употребляется в основном в учебниках для иностранцев, изучающих русский язык: эта буква всегда находится под ударением, перенос же ударения с этой буквы означает переход *ѐ* в *e* (ударение обозначается в книге полужирным шрифтом и утолщением (в соответствии с традицией, сложившейся в польской русистике)).

В книге в качестве явной и скрытой категории постоянно присутствует аспект сопоставления с русским языком и очерчиваются зоны интерференции.

В разделе, посвященном склонению существительных, имеются подразделы 1) существительных, склоняющихся по основным моделям, 2) по моделям с модификациями. И тех, и других моделей чрезвычайно много, и их отличительной чертой является дробность. Так, в отдельный тип выделяются существительные на *-ико* (*колёсико*) и *-ко* под ударением (*очко*).

Подкупает внятность, четкость, недвусмысленность грамматических объяснений. Приведем пример объяснения окончания родительного падежного: «Это окончание выступает в принципе только у существительных, обозначающих вещество или материал, которые можно только измерять, а не считать, а именно тогда, когда речь идет об указании пропорций (пусть и больших), напр., ложка сиропа, много мёду» (с.20).

В подразделе «Несклоняемые существительные» даются типы окончаний существительных, которые чаще всего остаются в неизме-

няемой форме, и исключения из общего правила. Под одной шапкой собраны нарицательные существительные, имена собственные (фамилии (Шевченко, Дурново, Черных, Чутких, Золя), географические названия (Тбилиси) и сокращения (МГУ, ООН)). Выделяется группа «отдельно стоящих» несклоняемых существительных, в которую входят, например, *фрейлейн*, *фрекен* и др. При этом несклоняемые существительные русского языка рассматриваются как зона интерференции с польским языком. Ведь, к примеру, польские несклоняемые существительные на *-um*, пришедшие из латыни, в единственном числе не имеют форм словоизменения, в то время как их русские соответствия распределены по разным родам (ср. коллегия, пленум), и среди них нет несклоняемых.

Сопоставительный пласт работы захватывает и лакунарные явления, в частности, краткие формы прилагательных: «Под краткими формами подразумеваются особые формы (не имеющие аналогичных соответствий в польском языке), которые выступают только в функции сказуемого. Они образуются прежде всего от так называемых качественных прилагательных, т.е. означающих признаки, которые могут выступать в разной степени у разных предметов» (с. 70).

Нестандартность подхода проявляется, в частности, в том, что в круг местоимений-существительных включается *друг друга*; парадигма этого местоимения дается параллельно с другим возвратным местоимением *себя*. Логика такой интерпретации вполне понятна и оправдана уже хотя бы с точки зрения направленности книги на определенный тип адресата с родным польским языком. Ведь в польском языке те функции, которые выражаются местоимением *друг друга*, выполняет возвратное местоимение *siebie себя*, а *друг друга* является регулярным переводным соответствием этого польского местоимения в целом ряде его функций. Таким образом, польское местоимение *себя* как бы «объединяет» в себе функции польского местоимения *себя* и русского *друг друга*.

Новизна подхода, которую кому-то, возможно, трудно будет принять, проявляется в разделе, касающемся словоизменения предлогов, которые считаются в принципе неизменяемой частью речи, однако, как подчеркивает А. Богуславский, факты этому противоречат. Представленный в разделе «Предлоги» материал достаточно убедительно (хоть и без единого слова в модальности убеждения) показывает, что категория словоизменения распространяется и на эту часть речи. Для каждого из описываемых первичных предлогов указывается, с какими падежами они употребляются. Указывается, что «слова *в, с, редко к, из, над, перед, под* в известных случаях выступают в расширенной форме за счет *-о*» (с. 79). И далее дается краткая, но исчерпывающая информация, каковы условия употребления этой расширенной формы, приводятся примеры и даются сведения по ударению. Описываются по меньшей мере все основные случаи перехода ударения на предлог (*за год, под руку*). Отмечается, что «такие выражения имеют преимущественно фразеологический характер; в большинстве случаев они означают обобщенные

признаки ситуации; кроме того, многие выражения этого типа характеризуются определенной архаичностью...» (с. 80).

Объектом парадигматической презентации являются глагольные формы всех времен и наклонений. В разделе «Предварительные установки» указывается, что глаголы даются в основной форме, то есть без таких добавок к исходной форме, которые влияют на тип спряжения. Отдельно оговариваются глаголы, для формообразования которых важно, с какой приставкой (или приставками, наслаивающимися друг на друга (ср. *рас-про-странять*, *пред-рас-положить*)), они выступают. Регулярности выделяются в том числе и в сфере нерегулярных глаголов и предстают уже скорее как регулярности. Так, например, в качестве отдельной подгруппы выделяются глаголы на -еть, означающие звуковые явления (*звенеть*, *шипеть*). Для этой же подгруппы выделяются нерегулярные формы для глаголов *петь*, *реветь*, *свистеть*. После изучения материала многочисленных подгрупп остается ощущение полноты и исчерпанности их описания. А. Богуславский исходит из принципа, что регулярности должны охватывать максимальное количество слов для обеспечения базы для перехода от основных словарных форм к другим нужным формам.

Не обойдены вниманием и словообразовательные моменты. Так, предлагается образовывать причастия путем замены конечного -т в форме 3 л. мн. ч. наст. времени на -щ- с добавлением соответствующих форм прилагательных, следующих после -щ-. Указывается на проблему ударения, которое следует ставить, исходя из формы инфинитива (а не базовой формы 3-го л. мн. ч.).

В «Приложении» отражен ряд синтаксических особенностей русского языка, связанных со словоизменением, и в первую очередь – закономерности родовой аккомодации аъективных и глагольных форм, а также – форм числительных – к классам существительных.

А. Богуславский стремится как можно больше материала русского словоизменения представить в виде регулярностей. А остаток от регулярностей – то есть исключения, которые А. Богуславский остроумно называет идиосинкразией, давать в виде списка – причем полного, как подчеркивает автор.

Казалось бы, русская грамматика не есть *terra incognita* – она многократно описана, представлена в целом ряде академических изданий, в учебниках для отечественного пользователя и для изучающих русский язык иностранцев. В то же время в силу своей объективной сложности она требует очень конкретной и дробной парадигматической презентации. А. Богуславский подчеркивает самую непосредственную связь словоизменения с синтаксисом, с созданием сложного текста. Это широкоформатный взгляд, но основан он на исключительно детализированном погружении в материал русской грамматики.

Итак, рецензируемая книга является совершенным результатом труда человека, всю жизнь осмысливавшего представленный в ней языковой материал. Это нужный труд – есть о чем подумать, что взять на

вооружение. Сам характер описания материала, предлагаемый подход, устанавливаемые в ней корреляции и расставляемые акценты выходят за рамки запланированной значимости, более того – выходят в более широкую плоскость возможностей описания словоизменения во флективных языках.

Книга показывает, что в грамматике еще много неизведанного, непознанного, не до конца осознанного и осмысленного, такого, что влечет исследователей, будоражит мысль и пробуждает исследовательский интерес.

В этом же мыслительном ключе написана статья Анджея Богуславского «К вопросу о природе русского непространственного предлога *у*» (Богуславский 2003). Статья раскрывает другой аспект русской грамматики – семантику предложно-падежных конструкций; иными словами, она тоже посвящена словоизменению, но не его формальной стороне, а его семантике, философии. Хотя невозможно в деталях воспроизвести ход и логику рассуждений автора, которые являются ценностью сами по себе, попытаемся тем не менее передать ее основное содержание и идею.

А. Богуславский рассматривает семантику предлога *у* в его непространственных значениях, связанных с обозначением отношений принадлежности. При этом отношения принадлежности анализируются в широком контексте других – пространственных и непространственных – употреблений данного предлога.

В связи с предметом своего анализа А. Богуславский подчеркивает нижеследующую особенность русского языка: «‘принадлежность’ или ‘поссесивность’, рассматриваемая со стороны «поссесора», в русском языке выражается (по крайней мере, чаще всего) при участии глагола, соответствующего латинскому *esse*, т.е. глагола *быть* и предлога *у*, в отличие от очень многих других языков, в том числе славянских, которые используют в параллельных ситуациях не сопровождаемый каким бы то ни было предлогом глагол, соответствующий латинскому *habere...*» (с. 31).

А. Богуславский подчеркивает реальнозначимый характер распределения значений предлога *у* на пространственные и непространственные. Он отмечает, что **пространственные конструкции** с предлогом *у* дифференцируются от непространственных тем, что они: 1) содержат сему расстояния, ср.: ‘У лукоморья дуб зеленый’, 2) могут сопровождаться рядом других глаголов – в приведенном выше примере – ‘стоял’, ‘рос’ (дуб зеленый), 3) их наполнением являются неодушевленные объекты (в том числе и звантуально – человеческое тело), 4) как правило, они представляют собой рему (будучи интонационным центром предложения), ср.: ‘Сумка, которую он купил, висела теперь у его пояса’, 5) часто предполагается соприкосновение с неодушевленным предметом, названным в конструкции или (в большинстве случаев) непосредственную близость к нему, 6) пространственные отношения данного типа не относятся к лицам: «это *непространственные объекты*; объекты этой категории не могут *непосредственно* участвовать в таком пространственном отношении,

как соприкосновение, в качестве его аргументов» (с. 33).

В отличие от пространственных конструкций, конструкции с **непространственной экзистенциальной семантикой** (существования чего-л.) не содержат сему указания на расстояние (ср.: 'У солнца 9 планет'), несмотря на собственно пространственный характер объектов (в данном случае), безусловно соотносящихся друг с другом в пространственном плане. Однако «эти пространственные свойства все же никак не относятся к значению самой по себе предложной конструкции» (с. 32). Отметим, что у обозначенных конструкций, возможно, присутствует элемент персонифицированности.

А. Богуславский анализирует также экзистенциальные конструкции с личным наполнением. Они получают нижеследующую дефиницию: «Личные группы с предлогом у связаны (...) преимущественно с идеей *контакта* кого-то или чего-то с определенным лицом, также, разумеется, и с идеей взаимного контакта этого *лица* с кем-то или чем-то, т.е., по сути дела, с экзистенциальной идеей, глубочайшая сущность которой сводится к прафеномену *знания*» (с. 37).

В ходе анализа такого типа конструкций возникают интересные в семантическом плане ракурсы рассмотрения, связанные, в частности, с употреблением в таких конструкциях местоимений. Ср. примеры: 'У меня очень хорошая армия. [*как высказывание командующего*]'; 'У нас очень хорошая армия. [*как высказывание штатского премьер-министра, адресованное командующему*]'.

Конструкции с предлогом у в сочетании с родительным падежом, обозначающим лицо, А. Богуславский называет **квазипространственными конструкциями** и семантизирует их нижеследующим образом: «Лицо, которое названо в род. п., «имеет дело» (т.е. делает что-то) с объектом, названным на противоположном валентном месте предлога, причем это отношение между ними реализуется в пределах того пространства, на которое (и на организацию которого) решающее влияние оказывает именно лицо, названное в род. п.» (с. 34). Такова конструкция у *бабушки* в примере 'Мы пошли к бабушке. У бабушки, оказалось, был ее любимый внук'. В примере же 'Мы поужинали у бабушки' семантика конструкции еще более проясняется как указывающая на «некое пространство, связанное с лицом, обозначенным в род. п., лишь *ассоциируется* с ним...» (с. 35). Как и собственно пространственные конструкции, квазипространственные конструкции также являются рема-тическими.

А. Богуславский рассматривает отношения принадлежности у тематических конструкций, **выражающих посессивность** такого рода, которая в функциональном плане сродни родительному посессивному, дательному посессивному, притяжательным прилагательным (ср.: 'У него никогда ничего не получалось'; 'Наконец у меня появилась возможность уехать отсюда навсегда'; 'Билет у меня уже куплен'; 'Как Софья Павловна у вас похорошела'; 'У Строговых все было обмолочено и перевезено в амбары'). А. Богуславский указывает на их принципи-

ально тематический характер. Обращает на себя внимание преимущественное употребление в этих конструкциях местоимений.

На основе эксперимента на базе ряда предложений, и в частности, таких, как 'У нее отлегло от сердца'; 'У солдат приподнялось настроение'; 'Это вылетело у отца из головы', А. Богуславский приходит к выводу, что употребление такого рода конструкций с предлогом *у* продиктовано внутренним строением ряда языковых единиц, прежде всего глагольных, при которых эти конструкции выполняют «роль выделителя определенного валентного места (...), сигнализируя отношение принадлежности между объектами, являющимися референтами в двух разных валентных местах той же единицы, но оторвать его от данной единицы не нарушая ее цельности и тождества нельзя» (с. 47).

Обращается также внимание на принципиальную возможность употребления в пределах одного высказывания двух типов посессивных конструкций – род. п. без предлога и род. п. с предлогом *у*: А. Богуславский перифразирует пример Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука 'Брови у Маши густо накрашены', получая предложение 'У Маши ее прекрасные, большие, темные брови были густо накрашены', в котором посессивность выражается как с помощью конструкции *у Маши* (которую А. Богуславский рассматривает как идиоматизированную), так и притяжательной местоименной формы *ее*.

А. Богуславский констатирует внутриязыковой характер своей работы, подчеркивая, что такого рода описание и описание конфронтативно-переводного плана предполагают решение разных задач. Автор приходит к выводу, что благодаря языковым экспериментам невозможно создать моносемическое описание и вывести семантический инвариант всех значений конструкции с предлогом *у*, а его многозначность и даже омонимичность является реальным фактом.

В заключение нельзя не выразить своего удовлетворения тем, что всемирно известный ученый в области общего и польского языкознания А. Богуславский никогда не забывает об истоках своего образования – русистике, и здесь для него нет предела совершенству. Он вновь и вновь возвращается к уже завершенным и, казалось бы, доведенным до полного перфекционизма работам, а на новом этапе научной зрелости и всеобъемлющего проникновения в изучаемый предмет обогащает его новыми смыслами и плодотворными идеями.

Литература

- Bogusławski A. Two essays of Inflection. Warszawa: Energeia, 1992.
Bogusławski A. Ilustrowany słownik rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. Wyd. 4. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1993.
Bogusławski A. Fleksja rosyjska / Instytut Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 2005 (Semiosis Lexicographica, vol. XXIII).
Bogusławski A., Karolak S. Gramatyka rosyjska w ujęciu funkcjonalnym. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970.

Богуславский А. К вопросу о природе русского непространственного предлога у // *Pogranicza języków, pogranicza kultur* / Red. A. Engelking, R. Huszcza; Wyd. Polonistyki UW. Warszawa, 2003.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД ИНОСТРАННЫХ АСПИРАНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Рецензия на IV выпуск сборника «Новый взгляд» (труды иностранных аспирантов кафедры РКИ филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова), вышедший под редакцией Е. А. Кузьминовой

Сборник трудов иностранных аспирантов кафедры РКИ филологического факультета МГУ «Новый взгляд» под редакцией доц. Е. А. Кузьминовой выходит в свет регулярно, раз в два года. Он традиционно делится на два раздела: 1) труды лингвистов; 2) труды литературоведов.

В вышедшем недавно IV выпуске в лингвистическом разделе, включающем 9 статей, представлены в основном работы аспирантов из КНР, Тайваня и Республики Корея. В них обсуждаются главным образом два круга вопросов. Во-первых, это формы отражения в речи позиции говорящего: выражение отношения говорящего к теме и собеседнику в русской неформальной дискуссии в интернете (У Баоянь, КНР); интерпретирующая роль говорящего при описании фрагмента прошлого и отражение её в выборе русской видовой формы и адекватных средств китайского языка (Дэн Ин, КНР); отражение статуса говорящего в обращении официальном и неофициальном, в системе социально-статусных отношений в обществе на материале русского и китайского языков (Чжен Ин Ин, Тайвань); некоторые особенности позиции говорящего при передаче чужой речи в современном русском языке, включая возможность возникновения стереоскопической позиции наблюдателя, когда при несобственно-прямом типе речи читатель рассматривает объект с двух точек зрения: и автора, и персонажа (Чэнь Цзин, КНР).

Второй круг проблем связан со стилистикой современного русского языка и отличается в целом культурологической направленностью. Сюда можно отнести проблему языкового фактора в формировании жанровой системы газеты (Чжан Цзюньсян, КНР); условия функционирования терминов в газетном языке (Ци Ваньчжи, КНР); особенности орфографической нормы языка Евангелия от Матфея Геннадиевской библии 1499 г. (Хан Чжи Хён, Р. Корея); проблемы оформления понятия «интеллигенция» в контексте русской и китайской культуры, включая соотношение формирования европейского представления об интеллигенции с историей развития китайского общества в целом и развитием класса ши (дворянства) в частности (Ли Сяотао, КНР); проблемы содержания курса функциональной стилистики (научная речь) в нефилологическом вузе Китая и методика обучения аннотированию (Гао Синь, КНР).

Иностранные аспиранты-авторы сборника – проявляют как глубокое осознание проблематики современного языкового узуса, так и знакомство с традициями русского языкознания. Решая стоящие перед ними языковые задачи, они приходят зачастую и к интересным попутным выводам. Так статья У Баоянь расширяет представления читателя об особенностях виртуального диалога в сравнении с реальным (изменение пространства диалога, особенности иницирующей и второй реплик, тактики развития темы в интернет-диалогах). В

работе Дэн Ин утверждается наличие и в китайском языке того, что российскими аспектологами именуется общефактическим значением. Ею описаны как возможные параллели при переводе с русского языка на китайский, так и специфика сращения в китайском языке аспектуальных значений с модальными, а также функции служебных слов-операторов. Она прослеживает связь актуализации того или иного аспектуального значения с типом речевого акта.

Иностранцев исследователей русского языка отличает широта подхода к избранной проблеме. Это касается, например, Хан Чжи Хён, изучающей особенности языка Евангелия от Матфея Геннадиевской Библии 1499 г. как в лингвистическом, так и в историческом плане

Второй раздел сборника, включающий статьи иностранных аспирантов-литературоведов филологического факультета МГУ, охватывает исторический промежуток от первой трети XIX века до наших дней; исследования посвящены как русской классике, так и произведениям постмодернизма. Несмотря на такое разнообразие эпох, тем и методов анализа, этот раздел также производит достаточно цельное впечатление. Объединяет молодых исследователей стремление подвести итоги научных разработок, сделанных предшественниками, обобщить и систематизировать накопленный за последние годы теоретический материал. Наиболее очевидно это уже в первой, открывающей раздел работе Чун Чжи Юн «К вопросу об основных художественных задачах А.С.Пушкина в трагедии «Борис Годунов». При этом исследовательница не только умело ориентируется в обширной научной литературе о Пушкине, но и поднимает такую важную проблему, как необходимость освещения и разъяснения «наследственной связи» трагедии 1825 года и произведений 1830-х годов.

Объединяет в единое целое работы аспирантов-иностранцев и их внимание к авторскому тексту, умение вычленив в нём основные темы и мотивы, определить и прочувствовать воздействие различных литературных традиций, общие для разных писателей тенденции и концепции. Так, возникают параллели между Л.Н.Толстым и А.П.Чеховым в статье Сильвии Какубари «Изображение пограничных состояний в произведениях Л.Н.Толстого и А.П.Чехова» или Э.Т.А.Гофмана и А.Синявского в статье Юкио Накано «Замысловатость мотива и сокрытие автора в фантастико-биографическом рассказе Абрама Терца «Крошка Цорес». В работах Омацу Рё «Воплощение концепции «случайное семейство» в романе Ф.М.Достоевского «Нечеточка Незванова», И Менг Хен «Образ лирического героя и сюжетный план в цикле А.Блока «Возмездие», Ким Ын Кюн «Некоторые особенности русского постмодернизма» анализ текста позволяет выявить авторские концепции «безотцовщины» у Ф.М.Достоевского, «измены» и «возмездия» у А.А.Блока, принципиальный отказ от «поисков смысла» у Д.А.Пригова.

Иностранцам аспирантам обеих специализаций свойствен пылкий, непредвзятый взгляд на предмет исследования, так что в целом можно отметить, что вышел современный по направленности научных изысканий, содержательный сборник, способный заинтересовать широкий круг читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

<i>Ф.И. Панков.</i> Синтаксические позиции русских наречий. Статья 2. «Членопредложенческий ранг» адвербиальных словоформ	3
<i>О.К. Грекова.</i> Идея изменения состояния в современном русском языке и оператор переключения состояния в современном китайском. Особенности понятия «цепочка действий»	11
<i>Г.И. Володина.</i> Виды глагола (функционирование их в речи)	19
Статья третья	
<i>Т.Г. Роцектаева.</i> Семантика деонтических высказываний в современном русском языке	29
<i>Е.К. Столетова.</i> Употребление дискурсивных единиц в современном русском языке	38
<i>Н.А. Батюкова.</i> Средства и функции языковой рефлексии в современных публицистических текстах	50

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

<i>Г.А. Громова.</i> Основные проблемы усвоения русской консонантной системы франкоговорящими учащимися	60
<i>А.А. Коростелёва.</i> Об отборе коммуникативных средств при формировании жанровой принадлежности переводного фильма	73
<i>М.А. Мазия.</i> Эстетическая функция коммуникативных средств звучащего эмоционального монолога в официальной сфере общения	94
<i>Е.А. Савина.</i> Контактподдерживающие реплики с прилагательными положительной оценки в форме на –о (ед.ч. ср.р.)	113
<i>Е.К. Стоярова.</i> Интонационная синонимия реплик-реакций со значением подтверждения	125
<i>О.В. Чалова.</i> Эстетическая нагрузка средств коммуникативного уровня русского языка (на материале образов, созданных Ефремовым, Табаковым и Калягиным)	132

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

<i>А.Р. Валитур (Иран).</i> Дополнение в персидском и русском языках	142
<i>М.М. Верештинова.</i> Развитие переносных (метафорических) значений в структуре качественных прилагательных в русском и французском языках	147

<i>Гао Синь (КНР). Функция инверсивного порядка слов в языке Х.Голами (Иран). Способы выражения побуждения в русском и персидском языках</i>	152 161
<i>В.А.Маркова. Русская коммерческая документация в зеркале немецкого языка</i>	166
<i>А. Хоссейни (Иран). Русские конструкции с целевыми предложениями (в зеркале персидского языка)</i>	172
<i>Хон Чжун Хюн (Республика Корея). К вопросу о выражении категории вежливости в корейском языке</i>	179

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

<i>И.П. Кузьмич. Заметки при подготовке учебных материалов по аудированию</i>	186
<i>Л.М. Сивосина. Функционально-коммуникативный подход при изучении русского языка как иностранного в практических целях (на примере функционально-семантической категории адъективной качественности в современном русском языке)</i>	195

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Б.Зейнали (Иран). Родина в представлении Лермонтова</i>	208
<i>Т.В.Бузина. Пейзаж у Достоевского и Бальзака: «Записки из Мертвого дома» и «Крестьяне»</i>	216
<i>М. Р. Франсиско (Бразилия). Ритм и смысловые построения в произведении Велимира Хлебникова «Зангези»</i>	222
<i>А. Г. Лилеева. Борис Пастернак «Рождественская звезда» и Питер Брейгель Старший «Поклонение Волхвов» (опыт сравнения)</i>	228
<i>А.Г. Прокина. Жанровый стандарт и индивидуальное творчество (на материале рецензий А.Немзера и К.Кобрина)</i>	234

ПРАКТИКУМ РКИ

<i>Ю.А. Туманова. Тематическая группа «Хлеб» как источник лингвистических и фоновых знаний для иностранцев</i>	239
<i>Л.С. Холод. Чтение рассказов Людмилы Коль на уроках русского языка как иностранного в продвинутых группах</i>	252

РЕЦЕНЗИИ.ОБЗОРЫ

<i>В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов. Проблемы двуязычной лексикографии в современной польской русистике</i>	260
<i>В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов. Некоторые грамматические аспекты в современной польской русистике</i>	271
<i>О.К Грекова., Е. А Тахо-Годи.. Новый взгляд иностранных аспирантов-филологов. Рецензия на IV выпуск сборника «Новый взгляд» (труды иностранных аспирантов кафедры РКИ филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова)</i>	279
ОГЛАВЛЕНИЕ	281

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. VIII

Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ

Зав.редакционно-издательским отделом
филологического факультета Е. Г. Домогацкая
edit@philol.msu.ru

Подписано в печать 2.10.06 Формат 60*90^{1/16}
Бумага офсетная Офсетная печать. Усл.печ.л.
Уч.-изд.л. Тираж 200 экз Заказ № 497

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского Университета
103009, Москва, ул. Б.Никитская, 5/7

Типография ордена «Знак Почета»
издательства Московского университета
119992, Москва, ул. Академика Хохлова, 11

